

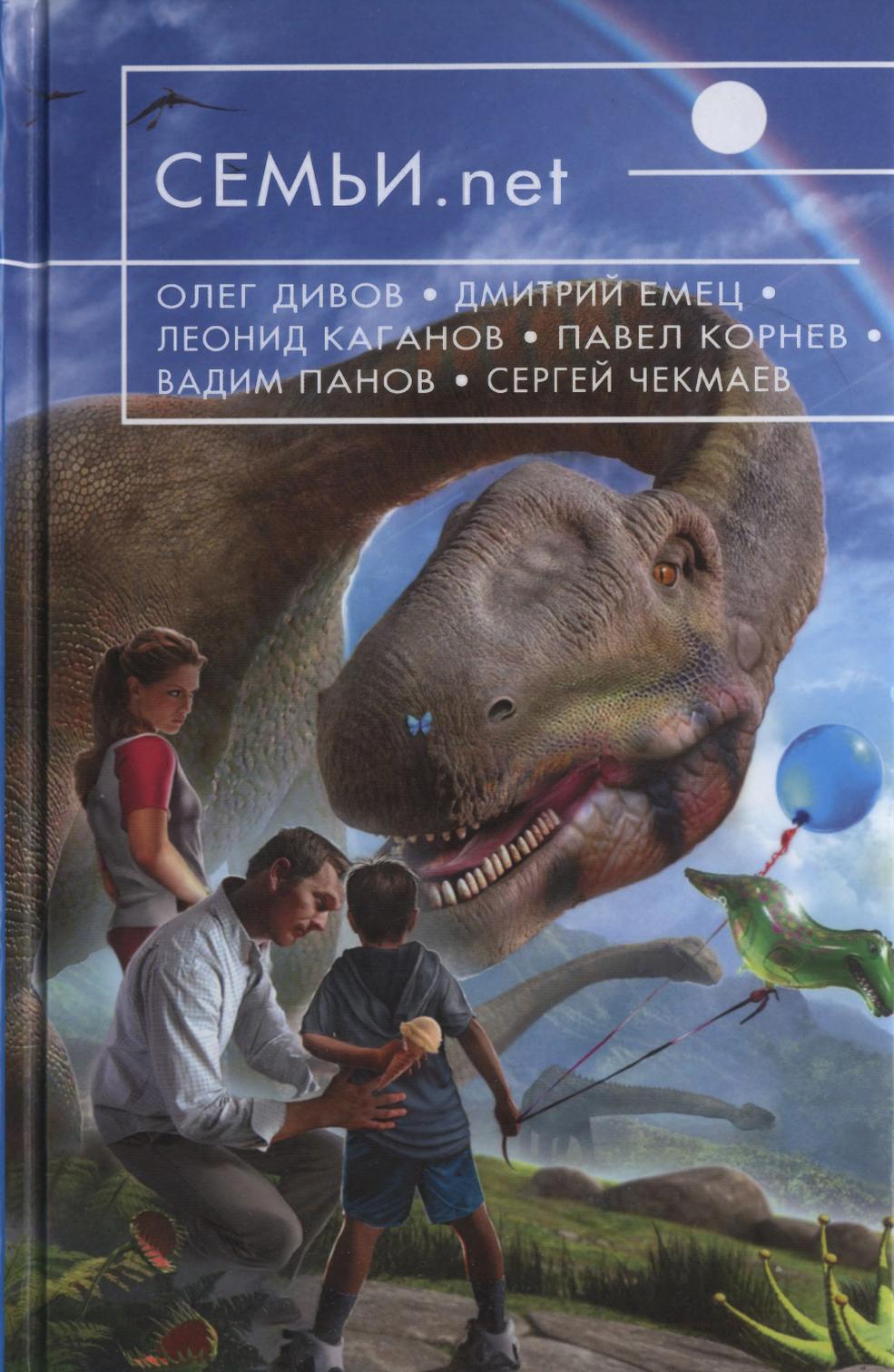
СЕМЬИ.net

ОЛЕГ ДИВОВ • ДМИТРИЙ ЕМЕЦ •
ЛЕОНИД КАГАНОВ • ПАВЕЛ КОРНЕВ •
ВАДИМ ПАНОВ • СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ

СЕМЬИ.net

О. ДИВОВ • Д. ЕМЕЦ • Л. КАГАНОВ • П. КОРНЕВ • В. ПАНОВ • С. ЧЕКМАЕВ

ЭКСМО

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

СЕМЬИ.net

ВАДИМ ПАНОВ
ОЛЕГ ДИВОВ
ДМИТРИЙ ЕМЕЦ
ЛЕОНИД КАГАНОВ
ПАВЕЛ КОРНЕВ
МИХАИЛ КЛИКИН
СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ
МИХАИЛ ТЫРИН
ЮРИЙ БУРНОСОВ
ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН
и другие

СЕМЬИ.net

ЭКСМО
МОСКВА
2014

Составитель сборника *С. Чекмаев*

Серия основана в 2003 году

Серийное оформление художника *Е. Савченко*

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

С 30   **Семьи.net** : фантастические повести и рассказы. —
М. : Эксмо, 2014. — 576 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-72494-9

В мире ближайшего будущего полностью отказались от традиционной семьи. Общество давно готовили к этому, информационные атаки на привычные ценности велись с разных сторон — здесь смещение приоритетов в сторону карьеры, успеха, звездного статуса и идеология гедонизма, ювенальная юстиция и чайлдфри, однополые семьи... И вот — случилось. Что же дальше? Как будет выглядеть бессемейное человечество?..

Олег Дивов, Вадим Панов, Дмитрий Емец, Лео Каганов, Павел Корнев и другие в традиционном сборнике о будущем, которое всех нас ждет!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Балашова В., Болдырева Н., Будницкий Я., Бурносова Т., Бурносов Ю., Володякин Д., Гелприн М., Георгиев Б., Громов А., Дивов О., Емец Д., Игватьев С., Каганов А., Клякин М., Корнев П., Николаев А., Панов В., Рыженкова Ю., Тырин М., Чекмаев С., Шатохина О., Шемайер А., 2014

ISBN 978-5-699-72494-9

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Уважаемые читатели!

Мы продолжаем условную серию социальной фантастики, начатую сборниками «Антитеррор-2020», «Беспощадная толерантность» и «Либеральный апокалипсис». Сообщество «Литературные проекты» при поддержке Екатеринбургской епархии, клуба «Русский предприниматель» и лично Дудовцева Андрея Олеговича представляет вашему вниманию новую антологию: «Реквием по семье».

Война за ценности сейчас идет на всех фронтах и с некоторого времени с переменным успехом. Сторонники традиционного уклада пока держат позиции, а в России, Индии и в ряде других стран даже сумели провести успешные контратаки. Но в иных местах оппоненты продолжают наступать, сконцентрировав свои усилия на семейном фронте.

Алогичные и неизменно «прогрессивные» новые ценности временами побеждают здравый смысл, но справиться с инстинктами оказывается гораздо сложнее. Несмотря на профессиональную пропаганду, ведущуюся едва ли не с яслей, люди продолжают вступать в брак и рожать детей. Институт традиционной семьи, безусловно, сохранится, однако описанные в рассказах авторов нашего сборника зловещие сценарии вполне могут реализоваться в рамках отдельных стран или сообществ.

Но не стоит думать, что негативные варианты будущего, которые вы прочтете в этой книге, высосаны из пальца. Уже сейчас мы можем наблюдать, как в одном государстве слова «мать» и «отец» вдруг за-

меняют на нумерацию родителей, в другом — за-
прещают женщинам брать фамилию мужа при ре-
гистрации брака, а в третьем ювенальная юстиция
без лишних рефлексий забирает ребенка в опеку за
разбросанные игрушки и майку не по размеру.

Атака на семью ведется не какими-то отдель-
ными маргиналами, отнюдь. Давным-давно при-
думаны правильные слова, стратегии и нарисова-
ны красивые графики. В недавнем исследовании
экономисты Альберто Алесина из Гарварда и Па-
ола Гиляно из Anderson School of Management ут-
верждают вполне безапелляционно: «Семейные
узы тормозят экономику». Оказывается, в странах,
в которых семьи играют большое значение, люди
меньше доверяют друг другу. Гражданское обще-
ство в них не развито.

Столь глубокий вывод делается на основе серьез-
ных расчетов, где, например, одним из параметров
служит расстояние, на котором дети селятся отдель-
но от родителей. Чем оно больше, тем мобильнее
экономика. В общем, получается либертарианство в
чистом виде: людей нет, есть только эффективные
и неэффективные рыночные механизмы. Современ-
ный капитализм, выросший на безудержной экспан-
сии семейных кланов, более сплоченных и агрес-
сивных, чем любые акционерные общества, вдруг
решил стыдливо об этом забыть. В мобильном мире
можно управлять бизнесом в другом полушарии, не
выходя из офиса — и больше нет нужды посылать
младшего брата или племянника развивать компа-
нию на край света.

На бытовом уровне очень хорошо работает тра-
диционная для культуртрегерской пропаганды под-
мена понятий. Беременные или рожавшие матери
презрительно именуются «овуляшками», дети —

«спиногрызами», а сторонники семейных ценностей — ретроградами пещерного толка.

Но ни составитель, ни авторы сборника не собираются впадать в безудержное кликушество. Происки тайных обществ и Всемирный Заговор оставим для журналистов изданий соответствующего цвета. Наша задача: привлечь внимание к проблеме, показать, во что может превратиться мир, если некоторые активно насаждаемые тренды победят повсеместно. Фантастика как жанр (и как метод) тем и сильна, что лучше прочих видов литературы умеет строить модели будущего. А вот насколько они получились реальными, непротиворечивыми и пугающими — судить вам, читатель.

*Силантьев Р. А., член бюро Всемирного русского
народного собора, доцент МГЛУ,
Чекмаев С. В., редактор-составитель.*

СЕМЕЙНЫЙ ПЕРЕЖИТОК

ЧУЖИЕ

ы Митник?
Парень смотрел прямо, но вся его поза выдавала внутреннее напряжение. Он казался лишним здесь, и сам чувствовал свою неуместность. Было трудно, практически невозможно определить, что отличало его от прочих посетителей наливайки, но взгляд невольно цеплялся за его фигуру.

— Сядь. Не маячь, — сказал Митник, кивая на высокий табурет напротив. Парень сел, разом заклонив Митника своей широченной спиной от всего зала. Улыбнулся открыто, наконец расслабившись. Блеснул ряд безукоризненно ровных, белых зубов. Митник невольно повел языком, нащупав дыру на месте выбитой левой верхней четверки.

— Привет! Я слышал, ты можешь перепрошить гибрид? — Заведя руку за спину, парень не без труда вытянул заткнутый за ремень гибкий ридер. Бросил на столешницу и чуть подтолкнул к Митнику.

— От кого это, интересно, ты такое услышал? — спросил Митник, не спеша прикасаться к гибриду. Улыбка сошла с лица парня.

— Просто. В компании... Я не помню. — Замолчав, он бросил быстрый взгляд на банку с энергетиком. Провел языком по губам. — Здесь кофе есть?

— Есть. Но ты такой пить не будешь, — ответил Митник, мысленно прикидывая, кто из почти полутора тысяч френдов этого жизнерадостного идиота слил ему его ай-ди. — Деньги есть?

— Да! — Парень снова заулыбался. — Наличными, как и положено. Никакой электроники.

«Лошара», — думал Митник, глядя, как парень вытаскивает смятые купюры из заднего кармана брюк, и одновременно понимая, этого непуганого дебила не ограбили лишь потому, что никому и в голову прийти не могло, что можно носить деньги вот так, почти не пряча.

— Расправь, — сказал Митник. — Они у тебя как из задницы.

Парень снова смутился, принялся нервно разглаживать купюры, складывая их одну к одной, а Митник, наконец, подвинул гибрид ближе. Стандартная модель, рекомендованная министерством образования. Такие массово поставляли во все средние и высшие учебные заведения страны. У него тоже был такой, когда он учился в школе. Найдя служебный порт, Митник подключил к нему свою таблетку.

— Что тебе на него поставить? — спросил Митник, просматривая содержимое гибрида. По всей видимости, парень изучал менеджмент. Это было совсем не то, что искал Митник, и, запустив копирование файлов, он испытал легкую досаду.

— Я не знаю, — Митника начало раздражать то, как улыбается этот парень, забываясь, — а что можно?

— Все, что угодно, — ответил Митник нарочито безразличным тоном.

— И сеть? — парень вскинул бровь.

— Все, что угодно, — повторил Митник, наблюдая, как медленно копируются файлы на его допотопную таблетку.

— Тогда сеть, — сказал парень и замолчал, явно не в силах придумать что-нибудь еще.

— О'кей, — ответил Митник, начиная установку стандартного пакета программ. Его порадовало, что парень этот оказался великовозрастным оболтусом, жаждущим ограниченных, но не запретных развлечений. Связываться с уголовщиной не хотелось, а лишнее административное нарушение на его счету погоды уже не сделает. Митник расслабился и даже добавил к пакету пару игр из личной коллекции.

— Я возьму себе что-нибудь? — Парню, очевидно, надоело разглядывать через стол, что там делает Митник.

— Сиди, — ответил тот, бросив взгляд на красный глазок камеры над входом, — сразу надо было брать. Теперь не дергайся, пока я не закончу.

Парень кивнул и, вынув из кармана куртки айфон, принялся набирать сообщения. Митник же из-под полуопущенных ресниц изучал своего клиента. Тот действительно походил на студента-первокурсника. Метивший в управленцы высшего звена и уже состоявший в штате одной из корпораций «Нового города» на должности менеджера, он не слишком интересовался учебой, предпочитая унылым лекциям социальные сети. По экрану планшета бежал лог переписки. Один за другим менялись ники в чате. Всегда замкнутый Митник поразился, как непринужденно этот парень поддерживает беседу с десятками абсолютно разных людей, легко переходя с темы на тему. «Далеко пойдет», — подумал Митник, испытывая смутную досаду. При желании он тоже, наверное, мог бы раскинуть не менее внушительную сеть знакомств, обеспечив себя полезными связями, решившими бы половину проблем в его жизни...

★ — Задумавшись, Митник вздрогнул, когда экран гибрида погас, а из динамика донесся пронзительный сигнал перезагрузки.

— Все? — спросил парень, не поднимая взгляда от экрана айфона.

— Все, — ответил Митник, отсоединяя гибрид от таблетки. — И поставь нормальный файервол на свою мобилу. — Парень вскинулся удивленно. Невольно перевернул айфон экраном в стол. Митник усмехнулся и, глядя прямо в глаза, добавил: — И не ищи меня больше. Свои контактные данные я из твоей игрушки стер.

Подмигнув вдруг, Митник сгреб со стола неровную пачку купюр и, спрятав их во внутренний карман куртки, встал.

— Бывай, — сказал он на прощание, быстро миновал маленький зал наливайки и по крутой лесенке взбежал наверх, из полуподвала на улицу. Постоял на крыльце немного, раскуривая сигарету и щурясь на яркое весеннее солнце, бьющее прямо в слезящиеся с темноты глаза. Привыкнув к свету, перешел на другую сторону дороги и скрылся в грязном обшарпанном подъезде дома напротив.

Парень вышел буквально через минуту. Постоял, точно так же щурясь на солнце, и побрел к ближайшей остановке общественного транспорта. Митник провожал его два квартала. И хотя у Митника были дела поважней, ему вовсе не улыбалось получить вызов в полицию в связи с делом об ограблении резидента «Нового города». Лишь убедившись, что клиент благополучно погрузился в автобус, следующий из пригорода к центру, Митник позволил себе бросить окурок, развернуться и побежать — нужно было успеть забрать сестренку из школы.

Он не успел. Терминал контрольно-пропускной системы на входе в школу показывал, что Анька уже ушла домой. Как и положено, в половине первого, хотя на самом деле солнце еще только перевалило за полдень.

— Вырастил хакера на свою голову, — пробормотал Митник, борясь с искушением самому вскрыть терминал, удалить подчищенные сестрою данные. И только страх, что ей влетит по-крупному за прогулы, удержал его от порыва прочесть чертовку.

Развернувшись, он побрел замусоренными дворами прочь.

Стаявший буквально за день снег оставил после себя огромные, сверкающие на солнце лужи посреди подсыхающих тротуаров и мокрый, притопленный в грязи мусор на газонах, разбитых колесами паркующихся на ночь автомобилей. Улицы были пустынные, как и положено в полдень рабочего дня. Митник миновал старую согбенную бабку, металлическим щупом выбиравшую жестяные банки из непролазной грязи. Поставив одну ногу на бордюр, она нагибалась низко, тщетно пытаясь зацепить гладкий, сверкающий на солнце бок. Щуп соскальзывал, но старуха не прекращала попыток.

Митник прибил шагу, чтобы не слышать за спиной этот унылый металлический скрежет, ставший вдруг для него олицетворением неудач.

Весеннее солнце выбеливало серые, обшарпанные стены домов, окна играли ослепительно яркими бликами, и можно было представить, каким был этот квартал всего двенадцать лет назад, сразу по завершении застройки. Престижный район, носивший красивое имя «Арбат», как бы намекавшее на высокий столичный статус новостроек. Но возве-

денный с грубыми нарушениями технологий, жилой комплекс «Арбат» стал ловушкой для жильцов, принявших участие в долевым строительстве. Суд с застройщиками затянулся на долгие годы, банки же требовали регулярных выплат по ипотечным кредитам. Детские площадки, засыпанные гравием, так и не обзавелись безопасным покрытием, просторные офисные и торговые помещения на первых этажах домов пестрели яркими растяжками «Сдаю», стены были испещрены граффити. Ультрасовременный комплекс «Новый город», обеспечивший комфортное соседство жилых и рабочих площадей в рамках гигантского конгломерата зданий, окончательно обрушил стоимость жилья в пригороде.

Митник не без труда открыл дверь в подъезд. Сломанный кодовый замок отпирался далеко не сразу. Митник не трогал его, хотя в принципе мог бы легко починить. Но лишнее препятствие на пути кочующих из дома в дом бомжей, он гарантировал некоторую безопасность подъезда. Пройдя мимо неработающего лифта, Митник принялся подниматься на двенадцатый этаж. На восьмом постоял немного, думая о том, что пора бы уже бросить курить. И три квартала бегом по улице, и эти восемь лестничных пролетов дались ему невероятно тяжело. Лифт, застрявший однажды на девятом, источал удушающий, гнилостный запах. Пользуясь полуоткрытыми створками дверей, жильцы выбрасывали туда мусор. Задержав дыхание, Митник быстро избежал по лестнице и, не сбавляя темпа, поднялся на свой этаж. Прошел длинным темным коридором и открыл дверь квартиры.

— Дмитрий, ты? — прокричала с кухни мать.

— Я, — ответил Митник, снимая тяжелые берцы и куртку. Вынул деньги из кармана и, проходя мимо

своей комнаты, спрятал за широкой щелью дверного косяка.

— Ты где шлялся? — мать нарисовалась на пороге кухни. В засаленном банном халате, с волосами, повязанными пестрым шарфом. — Почему опять не забрал сестру из школы?

Никогда не интересовавшаяся Анькиной учебной настолью, чтобы знать расписание дочери, мать и не подозревала, что ребенок систематически прогуливает уроки.

— Не успел, — ответил Митник зло, боком протискиваясь мимо. Его мать, всегда казавшаяся ему изящной и стройной, как-то незаметно потолстела и расплылась за годы фриланса.

Сестра сидела за обеденным столом, вялоковыряясь вилкой в тарелке. Порошковое пюре, разделившись на фракции, смешалось с соевой подливой и образовало однородную неаппетитную массу. Анька сгребала ее в кучу на край тарелки, а затем, подцепив вилкой соевые бобы, располагала их там вертикально.

— Аня, ну что ты делаешь? — спросила мать, ставя перед севшим за стол Митником его порцию.

— Мягкую конструкцию с вареными бобами, — ответила Анька мрачно, пытаясь поправить завалившийся набок боб.

Мать не поняла шутки. Несмотря на то, что работала она графическим дизайнером, ее познания в классическом искусстве оставляли желать лучшего. Митнику нравилось думать, что именно поэтому ей и не удалось за все эти годы найти приличное место в преуспевающей конторе, а не пробавляться разовыми заказами мелких предпринимателей и амбициозных стартаперов. Мать никогда не говорила этого вслух, но Митник знал: сперва ее не брали на

★ работу из-за них с Анькой. Потом, когда он получил, наконец, аттестат, было уже слишком поздно: сорокалетняя женщина с дочерью-подростком в глазах работодателей была ничуть не лучше молодой матери с двумя детьми.

— Это кладка чужих, — сказал Митник, спеша скорей перекидать безвкусную комковатую массу в топку. — Свежеотложенные яйца. Через пару недель они станут больше, а потом из них вылупятся маленькие юркие фейсхаггеры. Так что давай, Анька, ешь быстрее. Спаси Землю от инопланетной заразы.

Мать, увлекавшаяся старой фантастикой, хранившая на своем компе террабайты фильмов полувековой давности, замерла, не донеся вилки до рта. После секундного раздумья аккуратно опустила руку, новым взглядом окинув содержимое тарелки.

— Вон из-за стола, — произнесла мать ледяным тоном.

Анька, казалось, растекшаяся по столешнице окончательно, вмиг подобралась и тихо выскользнула вон. Митник, отломив кусочек хлеба, спешно сгребал остатки соевой подливы.

— Оба, — голос матери заledenел еще, и Митник понял, что задерживаться дольше уже нельзя. Поднявшись, поспешил убраться в свою комнату.

Там уже, хрустя яблоком и взобравшись с ногами на диван, расположилась Анька. Несмотря на то, что ей был отведен свой уголок в зале, большую часть времени сестра околачивалась у него, развлекая и мешаясь одновременно.

— Хочешь яблочко? — спросила она, протягивая Митнику крупный, спелый плод.

— Где взяла? — спросил Митник, принимая угощение.

— Купила, — Анька безразлично пожала плечами, как бы добавляя: «Подумаешь, какие пустяки».

— На какие шиши? — спросил Митник, пряча яблоко в стол. Подавив желание оглянуться на дверь, сел в кресло напротив и уставился выжидательно. Сестра знала о его заначке, но до сих пор ни разу не притронулась к тайнику. Это были деньги, откладываемые на ее учебу. Это она тоже знала.

— Заработала, — ответила Анька с вызовом в голосе, и Митник не стал спрашивать дальше, боясь обидеть сестру недоверием.

— Молодец, — ответил он, решив, что прояснит происхождение денег позже, по своим собственным каналам. Мать сердито громыхала посуду на кухне. Поскольку воду в их доме включали лишь на пару часов поздно вечером, а в остальное время она текла из крана тонкой струйкой, шум этот не имел ничего общего с уборкой, а носил скорее манифестационный характер. Мать не умела готовить и знала это, но обижалась всякий раз, когда дети устраивали ей представления, подобные сегодняшнему.

— Почему прогуливаешь уроки? — спросил Митник, продолжая допрос.

— Хочешь, чтобы меня погнали из школы? — она швырнула недогрызенное яблоко на стол. Села, подобрав под себя ноги и скрестив руки на груди. — Хорошо, я останусь в следующий раз. Подготовлю доклад «Второй демографический переход как причина деформации базовых социальных моделей».

Митник слабо понял сказанное, но в словах сестры ему почудилась угроза, и потому он поспешил поскорее свернуть разговор в другое русло. Спросил с надеждой:

— Я учебники принес. По менеджменту. Тебе не надо?

— Мне?! Зачем? — Ему удалось сбить сестру с агрессивного тона. Она вновь потянулась за недоеденным яблоком. — Мне бы что-нибудь по культурологии.

Анька мечтала стать искусствоведом. С учетом финансового положения семьи эта мечта была практически неосуществима. Для поступления в вуз нужно было оплачивать факультативы, идущие сверх школьной стандартной программы. Образовательный минимум не предполагал углубленного изучения искусства. Двухнедельные дизайнерские курсы — максимум, на что Анька могла рассчитывать по окончании школы. Митник вздохнул. Потер занывшую вдруг шею.

— Возьми денег из заначки, — сказал он. — Оплатишь завтра свой факультатив. Отдашь учителям, с кем у тебя там хорошие отношения? И попросишь, чтоб проплатили как бы за их счет.

— Правда? — она опешила. А потом кинулась обниматься, жарко шепча на ухо: — Димка! Димочка! Я обещаю! Больше никаких прогулов, никогда!

Митник не любил телячьих нежностей и потому отстранился мягко, ссадив ее с колен на подлокотник кресла.

— Ловлю на слове, — сказал он, зная, что ее все равно не хватит надолго.

Потом они оба обернулись на звук открывшейся двери. Мать картинно замерла на пороге. Успев уже переодеться в бриджи и свитер под горло, делавшие ее стройней и моложе, она опиралась одной рукой о косяк, другую оперев в бок.

— Аня, иди в свою комнату, — сказала мать.

— У меня нет своей комнаты, — как бы между прочим уронила Анька, выскальзывая вон.

Мать недовольно поморщилось. Прошла и закрыла за собой дверь. Стала не спеша присаживать-

ся. Митник понял, что сейчас снова начнутся бесконечные, уже успевшие ему надоесть увещевания. От этой мысли у него внезапно разболелась голова.

— Дмитрий. — Мать, наконец, села на высокий диванный валик. — Где ты ходишь? Чем ты занимаешься? Сегодня приходили из центра занятости, а тебя не было дома. Я не смогла до тебя дозвониться. Мне сказали, у тебя какие-то проблемы с аккаунтом. Они могут приостановить выплату пособия по безработице. Начнутся тяжбы с банком. Мы потеряем квартиру... Дмитрий... Устраивайся на работу. — Она просила его. Это было еще хуже, чем если бы она начала кричать.

— Нет, — ответил Митник. — Мы обсуждали это уже не раз. У нас долг за квартиру. За квартиру, которая не стоит и гроша. И налог на Аньку. Треть моей зарплаты будет уходить в банк, треть я буду тратить на транспорт и перекусы, и на оставшееся ты предлагаешь жить?

— Митя, — она едва не плакала, — зато мы, наконец, развяжемся с долгами!

— Наконец?! — Митник почувствовал, что начинает выходить из себя. — Наконец, это еще минимум десять лет, и то, если мне повезет устроиться на приличную зарплату!

— А если ты заболеешь? — Она сама не заметила, как начала заламывать руки. — У тебя больше нет карточки социального страхования, а так я хотя бы буду уверена, что если, не дай бог, что случится, твое лечение оплатит работодатель.

— Со мной все будет в порядке, — сказал Митник сквозь сцепленные зубы, зная дословно, что услышит в ответ.

— Твой отец тоже говорил так! — Мать поднялась, торжествуя. Еще ни разу ему не удавалось ответить на этот ее аргумент.

— Со мной все будет в порядке, — повторил он, также встав. Но мать уже не слушала его.

— Ты совсем не думаешь об Ане. Не забрал ее из школы сегодня. А она одаренная девочка, эта федеральная программа отбивает у нее охоту к учебе. Нам нечем оплачивать факультативы. Если бы ты пошел работать, устроился в «Новый город», банк разрешил бы нам взять кредит...

— Нет! — Митник рявкнул это так, что мать осеклась. Подняла на него затуманенный взгляд и отшатнулась. — Никогда, — он едва сдерживал себя, — никогда не смей даже думать об этом, — несмотря на все усилия как-то контролировать сотрясавшую его ярость, мать, схватившись за сердце, отступила на шаг. — Извини, — с трудом выдавил Митник и, развернувшись, шагнул мимо, распахнул дверь, выйдя в прихожую. Сестра сидела в зале на кресле, обеими руками обхватив диванную подушку, и смотрела испуганно. Митник опустил взгляд, чтобы она не увидела его лица. Сунул ноги в берцы, принялся шнуровать.

— Куда ты? — Мать снова стала в дверном проеме, опершись одной рукой о косяк, вот только второй она теперь держалась за сердце.

— Никуда, — ответил Митник, продевая руки в рукава куртки.

— Я не пущу. — Мать испугалась чего-то. Загородила проход, распахивая руки. Повторила шепотом: — Я не пущу.

Митник мягко отодвинул мать в сторону и шагнул за порог. По лестнице бежал вплоть до первого этажа и, лишь выйдя из подъезда, выдохнул свободно.

В кармане куртки зазвонил телефон. Митник отключил его, не вынимая, и зашагал в сторону трущоб. Туда, куда боялись заглядывать даже поли-

цейские патрули. Расположенный почти в сердце города, утопленный в глубокой балке, район трущоб был практически изолирован от проходящих совсем рядом центральных улиц. Слишком крутой спуск отпугивал автомобилистов, и даже самые отчаянные таксисты не брались возить туда пассажиров. Несмотря на выгодное местоположение, земля там стоила копейки и не была нужна никому. Особенности ландшафта делали невозможным многоэтажное строительство. Отсутствие нормальных дорог делало бессмысленным строительство складов.

Трущобы пугали Митника. Они не были похожи ни на что из того, к чему он привык. Там не было домов выше трех этажей, прямых улиц, скверов, светофоров, остановок общественного транспорта, гипермаркетов, кафе, парковок, детских площадок, уличного освещения... Там были крошечные домики, прячущиеся за высоченными заборами. Узкие, петляющие улочки и нависающие над ними балконы и галереи. Глухие тупики и незаметные подворотни. Тесные дворики, полные полощущимся на ветру бельем. Толпы чумазных детей, носящихся по улицам без присмотра. Митник никогда не видел этих детей в Анькиной школе — единственной государственной школе, оставшейся в их районе. Митник подозревал, что половина обитателей трущоб не имеет ни социальной карты, ни даже собственного ай-ди и живет тут на положении нелегалов.

Прежде чем начать спускаться в этот странный, существующий по своим законам мир, Митник заглянул в полуразрушенный дом, стоявший на границе города и трущоб. Вынул спрятанный в глубоком простенке «Макарыч». Всякий раз, вынимая травматический пистолет, Митник испытывал странное чувство удовлетворения, и хотя ему еще ни разу не

пришлось пустить оружие в ход, стаи диких собак, царившие в трущобах, чуяли потенциальную угрозу, предпочитая держаться подальше. Одновременно Митник прекрасно понимал: никакое оружие не защитит его от людей, обитавших там. Он никогда не сунулся бы в трущобы по доброй воле, если бы те не знали его и не принимали как своего.

Спрятав «Макарыч» в кармане куртки, Митник принялся спускаться вниз — по шатким лесенкам, собранным из подручных материалов и ведущим от ворот одного дома к воротам другого. Рядом по так называемой «дороге» медленно плыл селевой поток стаявшего снега, мусора и грязи. Когда кончались самодельные мостки, Митнику приходилось пересекать его, поскольку обходных путей здесь попросту не было.

Митник шел долго, не встретив никого по дороге, но когда он добрался до места, его приходу не удивились. Открыли ворота и придержали цепного пса, пока Митник шел к дому. Одноэтажному каменному строению, возведенному в позапрошлом веке. Этот дом поражал Митника. Его комнаты были просторны, потолки — недостижимо высоки. Стены внутри украшали массивные металлические кольца. Митник как-то спросил у хозяев, что это, но ответ «ковязь» ничего ему не объяснил.

Его провели на кухню, где уже стояли две кружки горячего дымящегося чая. Митник сел. Обхватив кружку ладонями, понял, что продрог до костей, пробираясь через лужи. В дверь кухни заглядывали любопытствующие детские головы. Слышался сдавленный смех и громкий, возбужденный шепот.

— Здорово, Митник! — Хозяин появился через минуту. Присел напротив и принялся помешивать чай ложечкой. Та мелодично звенела, и Митник по-

чувствовал, что устал. Мерное позвякивание убавляло. Чтобы проснуться, Митник снял руки со стола, выпрямился на табуретке. — Что-то ты рано. Мы ждали тебя в конце месяца. Принес что-нибудь интересное?

— Нет, — ответил Митник, делая глоток. — Учебники по маркетингу, но такого дерьма везде навалом. Я пришел взять заказ. Ты говорил, у тебя есть что-то для меня.

Хозяин прекратил звенеть ложкой. Склонился навстречу, положив ладонь на плечо.

— У тебя проблемы, Митник? Что-то... с семьей?

— Я хочу серьезного дела, — ответил Митник.

Хозяин снял ладонь с плеча. Откинулся на табуретке, опершись о стену.

— Не берись за серьезное дело, Митник, если только действительно не хочешь этого. Если тебе нужны деньги, я могу ссудить в разумных пределах. Без процентов и обязательств, Митник, мы не в банке.

— Нет, — ответил Митник, зная, что этот беспроцентный кредит может стать ему очень дорого. — Я хочу настоящего дела.

Работа затянулась до позднего вечера. Хозяин обрадовался, услышав, что ничто не мешает Митнику приступить к делу немедленно. Работать пришлось с чужой машины. Это было даже хорошо. Ему заплатили тут же. Пачка денег, перекочевавшая в карман Митника, была гораздо внушительнее той, что он заработал утром, но ее все равно не хватило бы ни на погашение долга, ни на оплату всех факультативов за оставшиеся годы учебы сестры.

Он думал об этом, когда шел обратно.

Ночное небо над его головой сияло отраженными огнями города. Лучи прожекторов плясали на низко бегущих тучах. Чуть выше, за гребнем крутого холма, начинался так называемый «Новый город». Конгломерат домов, отелей, парков, госучреждений, представляющий собой по сути одно огромное здание, чьи части, соединенные линиями скоростного трамвая, были закрыты для посещения нерезидентами. Митник работал там сразу по окончании школы. Его не хватило надолго. Низкоквалифицированный труд, штрафные санкции за малейшее нарушение дисциплины и постоянная угроза увольнения не беспокоили Митника. Он умел работать хорошо и хорошо себя контролировал.

Но ежедневно наблюдать бессмысленную трату ресурсов, так необходимых его семье, он не мог. Он влюбился бы в этот город будущего, такой чистый и сверкающий, ультрасовременный и созданный для комфорта, если б не столкнулся сперва с его изнанкой. Митник видел, чем обеспечено изобилие. Продукты лежали на полках до истечения срока годности. Но, даже купив что-то, люди не съедали и половины того, чем был забит их холодильник. Новые вещи приобретались не взамен отслуживших свое, а лишь затем, чтобы их владелец соответствовал неким принятым в этом обществе стандартам. Наверное, Митник мог бы вписаться в этот мир и стать там своим. Он был достаточно умен, чтобы понять, для этого ему не нужно высшее образование, о котором всегда так переживала мать. Он видел, что его знания, даже не подкрепленные вузовской корочкой, ценились высоко, и люди платили назначаемую им цену. Нужно было лишь понять и принять законы этого мира. Подстроиться под него. Стать другим человеком. Бросить семью.

Митник не смог.

За те три месяца, что он проработал в «Новом городе», он почти не видел ни мать, ни Аньку. Ему хватило бы времени на ежедневные поездки домой, в пригород, но его работодатель был недоволен частыми отлучками за периметр «Нового города». Выходные были заняты корпоративными мероприятиями. Долгие разговоры в скайпе не могли заменить ему живого общения с родными. За время его отсутствия Анька чаще стала прогуливать школу, ее оценки медленно поползли вниз. Митник пытался контролировать ситуацию. Звонил Анькиным учителям, разговаривал с одноклассниками. Он делал это в свободное от работы время. Но когда на очередном корпоративном тренинге психолог мягко предложил ему пересмотреть свои жизненные приоритеты, прозрачно намекнув на возможное продвижение при определенных условиях, Митник написал заявление об уходе по собственному желанию. Он надеялся, ему удастся выкрутиться, продержаться как-то до Анькиного совершеннолетия. Тогда они вместе могли бы помочь матери. До сего дня он твердо верил в это.

Выбравшись из балки, он присел на каменный блок, составлявший когда-то фундамент полуразрушенного дома. Посмотрел с пригорка вниз. Там помаргивали огонечками окна другого мира. Мира, в который Митник готовился окунуться с головой.

Он достал пачку дешевых сигарет, вызывающих рак легких, желудка, гортани и черт его знает, чего еще, и закурил, задумчиво глядя прямо перед собой. Взгляд упирался в противоположный склон балки. Слишком крутой, чтобы хоть один домишко смог прилепиться там. Затемненный, он казался границей, разделявшей играющее яркими огнями «Ново-

го города» небо и сонно помаргивающую землю под его ногами.

Наконец он бросил окурок и, вынув из кармана куртки пистолет, вновь спрятал его в глубокий простенок. В другом кармане лежал телефон. Митник включил его. Резкая трель, разорвавшая глубокую тишину поздней ночи, заставила его вздрогнуть.

— Да? — спросил он, поднося трубку к уху.

— Митя! — Мать рыдала. — Аня в больнице!

Через час Митник сидел в районном отделении полиции.

Когда ему с трудом удалось пробиться сквозь истерику матери и узнать, наконец, что же случилось с сестрой, чувство вины упало на плечи свинцовым грузом. Анька бросилась его догонять. Мать, рыдавшая на кухне после его ухода, услышала лишь, как хлопнула, закрывшись, входная дверь. Мать метнулась к телефону, но Анька сбросила вызов точно так, как это сделал до нее Митник. Потом был корвалол и тщетные попытки дозвониться хоть до кого-то, томительные часы беспокойного ожидания, звонок с Анькиного телефона и незнакомый женский голос в трубке.

Ее нашли на территории заброшенного завода. Митник ходил туда, когда хотел побыть один. Ее жестоко избили и бросили умирать. Случайный свидетель, бездомная старуха, не побоялась вызвать полицию.

Когда Митник прибыл в участок, чтобы подать заявление, его встретил немолодой уже человек, представившийся адвокатом. Им отвели отдельную комнату.

Мужчина занял стол, разложив на нем какие-то свои бумаги и развернув планшетник. Митник сел

на табуретку напротив и вдруг почувствовал себя подследственным.

— Вы, как я понимаю, брат потерпевшей? — Пальцы адвоката порхнули над клавиатурой.

— Да, — ответил Митник.

— Позвольте вашу карту? — Адвокат, не глядя, протянул ладонь, и Митник, привстав, вложил в нее документ. Быстро проведя единой электронной картой по окошку считывающего устройства, адвокат вернул ее обратно. Митник спрятал документ во внутренний карман куртки. — Господин Калюжный, — адвокат говорил, не отрывая взгляда от монитора, — прежде чем вы подадите заявление, я хочу предупредить вас, что судебный процесс — это долгое и муторное дело. Я представляю интересы вашей сестры и прежде всего забочусь о ее благополучии. — Все это было произнесено на одном дыхании, ровным, невыразительным тоном. — Ваши шансы невысоки.

— Что? — спросил Митник.

— Да-да, — ответил адвокат, подняв, наконец, взгляд от экрана. — Ваш свидетель не имеет удостоверения личности. Ее могут подкупить или даже запугать, и тогда вы останетесь ни с чем. Впрочем, это не важно. Оставив дочь себе, ваша мать не сумела обеспечить ее безопасность. У вас огромные долги по ипотеке и неуплаченный налог на ребенка. При этом ни вы, ни ваша мать не имеете постоянного места работы, а у вас, как я вижу, еще и проблемы со службой занятости...

Митник сидел молча. В голове не осталось ни одной мысли.

— Я рад, что вы воспринимаете все так спокойно, — продолжил адвокат, внимательно на него посмотрев. — Я предлагаю воспользоваться ситуацией, и пока противная сторона несколько дезори-

ентирована предъявленными обвинениями, предложить им мировую.

— Что? — снова спросил Митник.

— Лечение девочки будет оплачено социальной страховкой, но определенная сумма денег, частная клиника, хороший уход... Все это поможет ей быстрее... — Адвокат запнулся на последнем слове. Потер вдруг переносицу и произнес, не открывая глаз: — Реабилитироваться. Иначе вам придется отдать ее на попечение государства, ваша мать будет лишена родительских прав, и скорее всего вас привлекут к административной ответственности.

Митник молчал.

— Решайте скорее, — адвокат занервничал, принялся перекидывать разложенные по столу бумажки. — Пока инициатива исходит от нас.

— Моя сестра до сих пор не пришла в сознание, — сказал Митник. — И вы хотите, чтобы мы забрали заявление?

— Я сочувствую вам, — быстро ответил адвокат, — и хочу, чтобы девочке была оказана самая квалифицированная медицинская помощь... Как можно скорей, — закончил тот, сделав ударение на последнем слове.

Митник прикрыл глаза. Он помнил государственную больницу, в которой лежал его отец. И никакая социальная страховка не смогла спасти его от смерти. Чтобы произнести следующие слова, ему пришлось совершить над собой усилие.

— Квалифицированное лечение и оплата полной школьной программы.

— Может быть, гарантированное поступление в любой вуз по выбору? — быстро спросил адвокат.

Митник открыл глаза, чтоб убедиться, что над ним не издеваются.

— Нет. — Ответил он после минутного раздумья. — Она поступит сама.

Потом были еще два часа телефонных переговоров, видеоконференция с представителями тех убудков, подписание документов, звонки матери и долгий разговор с ней.

Когда Митник покинул участок, на улице уже занимался рассвет. Еще скрытое стенами домов солнце алыми всполохами играло в окнах верхних этажей. Митник сел на холодные, мокрые ступени и закурил последнюю сигарету из полной еще вчера пачки. В руках его была пухлая подшивка документов. Их электронные копии хранились в депозитарии городского муниципалитета.

В кармане куртки вновь зазвонил телефон.

— Да, — сказал Митник, поднимая трубку.

— Анечка очнулась, — прошептала мать, плача.

— Хорошо, — ответил Митник.

ЛЕОНИД КАГАНОВ

ПРОДАВЕЦ СЛУЧАЙНЫХ ЧИСЕЛ

Всякий, кто питает слабость к арифметическим методам получения случайных чисел, грешен вне всяких сомнений.

Джон фон Нейман

вечерний воздух дачного поселка казался густым и насыщенным, как кофе. Пахло земли, сыростью, старым деревом, свежим сеном, костром, цветами и настоящим зрелым летом в самом разгаре. Улица Садовая действительно напоминала сад — узкая асфальтовая тропинка под одну машину, где с обеих сторон тянулись нарядные заборы, обсаженные деревьями, а над головой смыкалась их зеленая листва. Вот только коттеджа с номером 11 почему-то не получалось найти. Впереди путь перегораживала куча щебня, над которой темнела чугунная ладонь экскаватора, задранная к небу, словно эта могучая железная машина просила милостыню. Данила растерянно оглянулся, но тут зазвонил смартфон.

— Даня, ты к нам все-таки доедешь сегодня? — послышался бодрый голос Арсения.

— Брожу по вашему поселку уже полчаса. Дошел до экскаватора.

— Ого! Разворачивайся и... Хотя нет, стой у экскаватора, я сам сейчас выйду!

Арсений появился через пару минут, издалека раскрывая руки для объятия. За эти годы он сильно изменился — чуть располнел и обзавелся узенькой бородкой. Но это по-прежнему был тот самый весельчак Сеня по кличке Комп.

— Даня, а ты не изменился! — воскликнул Арсений, хлопая друга по спине. — Только еще более худой стал. Но мужественный! А глаза уставшие. Долго ехал-то? Мы тебя с полудня ждем, Верочка гуся испекла, все остывает.

— Верочка?

— Жена моя, — объяснил Арсений. — Мы уже пять лет в браке.

— Ну ты даешь, — удивился Данила. — Прямо как в старину, вдвоем год за годом? Я думал, браки уже не регистрируют.

— А мы на Кипре регистрировались, — улыбнулся Арсений.

— Ну, поздравляю... — кивнул Данила. — Что ж не предупредил, я бы цветов купил для приличия...

Арсений не успел ответить, как Данила рванулся к ближайшему забору, присел, просунул руку между планками и выдернул с чужого участка большую белую хризантему.

— Для Верочки! — твердо сказал Данила, обрывая корневище.

— Ну ты как всегда, сумасшедший искатель приключений, — выдохнул Арсений и покрутил пальцем у виска. — Это дача генерала Максимова! Вся в камерах наблюдения! Вот только мне кражи цветов не хватало... Он у нас сумасшедший, даже на Верочку в суд подавал.

— За что? — изумился Данила.

- За рояль. Он его называет «шум».
- У тебя Верочка тоже музыкант?
- Конечно, — кивнул Арсений. — А вот мы и пришли.

Он приложил к калитке магнитный ключ, и замок щелкнул. Данила замер, разглядывая резную деревянную табличку на калитке: «Unter den Linden, Musikerdorf, Blumen Straße 11».

— На немецком, — пояснил Арсений. — Цветочная 11, Музпоселок, Подлипки. Знакомый вырезал, для красоты.

За калиткой открылась сырая роща из кустов сирени, яблонь и рябины. В сумерках среди листвы мерцали садовые фонарики, а с ветки на ветку с жужжанием перелетали красные огоньки — электрические воробьи ловили комаров. Здесь пахло еще ярче: цветами, росой и свежескошенной травой. Друзья сделали пару шагов по дорожке, и деревья расступились. За ними открылась аккуратная лужайка с шезлонгами и фуршетным столиком. Уютно светился добротный каменный коттедж, а перед ним в самом центре лужайки стоял огромный дуб — выше дома, выше яблонь и рябины. В распахнутых окнах второго этажа колыхалась старомодная тюлевая занавеска, и оттуда тихо плыли звуки рояля — Данила мог поклясться, что это не синтезатор и не пианино, а настоящий старинный рояль.

— Нравится? — спросил Арсений, наслаждаясь эффектом.

Рояль смолк, и вскоре на крыльцо вышла миловидная девушка — чуть полноватая, глазастенькая, с немного нескладной фигуркой и птичьим лицом.

— Верочка, знакомься: вот это и есть Данила Винокуров, мой старинный друг и одноклассник.

— Вера, — просто улыбнулась она. — А мы вас ждем!

Данила церемонно шаркнул ботинком по гравии, наклонился, бережно взял ее ладонь и поцеловал. А затем вручил свою хризантему, которую прятал все это время за спиной. Верочка просияла.

— Сеня, в доме будем ужинать или я во дворе накрою? — деловито спросила она мужа.

— Во дворе, конечно, — кивнул Арсений. — Такая погода! А дом гостю еще показать успеем. Ты же сегодня у нас останешься, домой не поедешь?

— Могу остаться... — пожал плечами Данила. — Могу домой пойти. Мой дом в двух шагах стоит.

Остатки гуся серебрились на блюде и выглядели уже не так аппетитно. Арсений успел в лицах рассказать, как они с Верочкой познакомились в самолете — как он догадался, что она тоже музыкант. И хотя история была довольно обычной, Арсений очень смешно изображал незнакомку в соседнем кресле, которая принялась на взлете машинально отстукивать пальцами по подлокотнику «Полет валькирий» Вагнера, и как он опознал ритм, принялся ей дирижировать, и как они потом смеялись. Было ясно, что эту историю он рассказывает не первый раз. Данила лежал в шезлонге, смотрел, прищурясь, через стекло бокала на фонарь, бьющий откуда-то сверху через ветви дуба, и впервые за много лет чувствовал себя по-настоящему дома.

— А почему у тебя табличка на немецком? — спросил он. — Из-за нее я мимо прошел.

— У нас как-то гостил мой учитель, скрипач-немец, — объяснила Верочка с улыбкой, — он увлекается резьбой по дереву.

— Скрипач? — изумился Данила. — И руки ему не жалко портить?

Арсений пожал плечами:

— Руки портятся только без работы. Мой прадед на этом самом участке и лопатой махал, и дрова пилил, и деревья сажал. Видишь дуб столетний? Это его дуб. Он посадил.

— Прадед твой тоже музыкант? — спросил Данила. И удивился внезапно наступившей паузе.

Верочка обернулась. Арсений тоже посмотрел недоверчиво.

— Вообще-то, — тактично заметила Верочка, — Герасим Васильевич Никосовский. Автор «Морской сонаты» и «Олимпийского марша».

Данила замер.

— Так это твой прадед?! — воскликнул он. — Композитор Никосовский?

— А вы, Данила, думали, они просто однофамильцы? — засмеялась Верочка.

— Но... — Данила растерялся. — Так мне сам Арсений сказал еще на первом курсе!

Арсений улыбался во всю физиономию.

— Сенечка у нас скромный, — объяснила Вера. — Или веселый.

— А что ж таблички памятной нет? — спохватился Данила. — Вот же идея для таблички на каменную плиту: «В этом доме жил и работал выдающийся советский композитор Герасим Никосовский!»

— Нет, — Арсений серьезно помотал головой. — Работал он не здесь. И никакого дома тогда еще не было — был сарайчик с лопатами, деревянный сарай и теплицы. Дед здесь огурцы сажал. Обожал в земле возиться, он же из крестьян родом.

Все уважительно помолчали.

— Слушай, а про наших ты что-нибудь знаешь? — спросил Данила.

— Не много, — откликнулся Арсений. — Я ведь и тебя-то случайно нашел — увидел фамилию в сетях и решил написать, вдруг и впрямь ты. А ты легок на подъем оказался — взял и приехал в гости.

— Я вообще легок стал, — улыбнулся Данила. — Работа такая. Так, значит, ни с кем из наших не общаешься? Жаль. Хороший курс был у нас.

— Про некоторых знаю, — кивнул Арсений. — Ленку помнишь? Сейчас она где-то в Австралии, танцевальные фестивали организует. Кулебякин музыку бросил, он теперь фермер. Арбузы выращивает, у него бахча в Краснодаре.

— Митька Кулебякин? Фермер в Краснодаре? — изумился Данила. — Обалдеть! Кому нужны выращенные арбузы, если сейчас все из синтезаторов идет?

Арсений пожал плечами.

— Ну, в синтезатор надо сперва образец положить, — резонно заметил он, — а потом уж дублируй, сколько хочешь. Вот он эти эталонные арбузы каждый год и выращивает.

— Обалдеть, — повторил Данила. — Чушь какая-то. Арбузы. Краснодар. Вот уж не предполагал, что Митька музыку забросит. Он же бредил музыкой, чуть ли не спал на клавишах!

Арсений вздохнул и поморщился.

— Там не так просто, — объяснил он неохотно. — Митька руку потерял... Ну, не всю руку — большой палец. Арбузы выращивать не мешает, а вот для пианиста, сам понимаешь...

— Как же это?! — расстроился Данила. — Почему? Что случилось?

★ — Да... — Арсений снова поморщился. — Там совсем глупая история. Он на море поехал, в Тунис. И там руку поцарапал ракушкой. Чем-то перевязал, пластырем заклеил, забыл... Короче, когда вернулся в Москву, уже заражение крови шло. Ну и палец ампутировали.

— Надо же... — только и вымолвил Данила. — Я думал, в наш век такого быть не может.

— Я же говорю, дурацкая история, — согласился Арсений. — Он сам поверить не мог.

— Врачи идиоты! — с чувством произнес Данила. — Неужели нельзя было сохранить руку?

Арсений пожал плечами:

— Они жизнь сохранили... — Помолчал и неохотно продолжил: — А Михальчук Валерка — совсем спился. Где-то под Серпуховом в бараках живет, я боюсь к нему ехать, если честно... Аркадия — два года назад хоронили. Отыграл концерт, и вдруг сердце. А вот Зондер у нас теперь строитель. Удивлен?

— Не очень. Он ведь и так с третьего курса ушел. Что, реально на стройке работает?

— Почти. У него своя строительная фирма — домики собирают. Материал копеечный, из синтезатора, но качественно поставить дом — это толковая бригада нужна. Вот они и ставят. Зарабатывает прекрасно, на «Гринвере» ездит, с турбинами.

— Выходит, в музыке из наших совсем никто не остался? — подытожил Данила.

— Илюха Козлов остался — в каких-то клубах играет на бас-гитаре. И еще Перепелкина — директор консерватории в Рязани. Хотя сама не играет. Вот вроде и все. — Арсений повернулся в шезлонге: — Кстати, вот Верочка преподает студентам три раза в неделю. Так что тоже, считай, по специальности. Хотя она не у нас училась, в Германии.

— Ну а ты-то сам? — спросил Данила.

За него ответила Вера.

— Сенечка у нас музыку сочиняет! — сообщила она с гордостью.

— Вера у нас считает музыкой ерундовые аранжировки, темы к сериалам и рекламные джинглы... — отшутился Арсений.

— Нет, правда? — оживился Данила. — Сочиняешь музыку? И за это сегодня платят?

— Платят, — кивнул Арсений, — даже неплохо. Вот только заказывают редко. Но нам много и не надо, верно?

— Сенечка не просто музыкант, а талантливый композитор, — сообщила Вера.

— Ну я-то в курсе, — улыбнулся Данила. — У него кличка в училище была — Комп. Композитор.

Арсений хохотнул и указал пальцем на Данилу, повернувшись к Верочке:

— А Даньку мы называли Старателем. Был самый старательный на курсе — если чего захотел, горы свернет, а добьется! Ну ладно, рассказывай теперь, как сам живешь?

Данила вздохнул и снова посмотрел на фонарь, только уже через пустой бокал.

— Как все живу. Город, суета, разъезды.

— Вы один живете? — спросила Верочка.

— Почему один? Как все. Заходишь в сеть встреч-знакомств, выбираешь партнершу на вечер.

— А если она вам не понравится? — удивилась Верочка.

— Утром зайду в сеть, поставлю оценку — ноль из пяти. — Данила пожал плечами. — Но так редко бывает, чтоб не понравилось. Сейчас хорошие алгоритмы учета предпочтений. Просто ставишь оценку,

и тебе выпадет новый список: «оценившим этого человека также понравились...» — и выбирай пару на следующий вечер.

— Я бы так не смогла... — вздохнула Верочка.

— Но так все живут, — возразил Данила. — Это интересно и удобно.

Арсений схватил с блюда виноградину, подкинул ее и ловко поймал ртом. Верочка засмеялась.

— Ну ладно, — сказал Арсений, — что мы все о бабах да мужиках. Сам-то чем занимаешься?

— Не музыкой... — покачал головой Данила. — Со всем не музыкой. Это долгая история, но интересная...

— Так мы никуда не торопимся! — уверил Арсений и потер руки. — Верочка, а у нас еще вино осталось? Налей гостю.

Данила устроился поудобнее в шезлонге и начал рассказ. Он рассказал, как собрал группу, как записали альбом. Как распалась группа и начал выступать по клубам один. Рассказал с некоторым стеснением, как устроился играть в ресторан — обычно он рассказывал об этом легко, но перед Арсением почему-то было стыдно. Рассказал, как подружился там с бандитами, хотя поначалу не знал, кто они. Как ввязался в биржевые игры, проигрался и попал в долги. Как прятался полгода, а его искали. И как отделался чудом благодаря юристу Филу — удивительному проныре. Арсений слушал, не перебивая, только сочувственно качал головой.

— Данила, — произнес он, наконец, — если тебе вдруг нужна какая-то помощь или деньги... Или жить негде... Тебе, надеюсь, квартиру продать не пришлось?

— Пришлось, — кивнул Данила. — Но это уже совсем другая история — я ее продал ради новой профессии.

— И где же ты живешь?

Данила хитро улыбнулся.

— Я бомж, — сказал он. — Нигде не живу, брожу по свету последние десять лет.

Верочка тихо всплеснула руками.

— Шучу, — объяснил Данила, наслаждаясь эффектом. — У меня все в порядке. У меня обалденный трейлер — дом на колесах, амфибия на воздушной подушке. Продал квартиру, купил трейлер и оборудование. Живу и катаюсь по всему миру.

— Ты и сюда на нем приехал? — недоверчиво спросил Арсений.

Данила кивнул:

— Пришлось оставить за воротами поселка — они у вас низкие, а у меня антенный комплекс на крыше. Сворачивать его — долгая история.

— Антенный кто? — переспросил Арсений.

— Комплекс. У меня профессия такая — я искатель. Ищу случайные числа. Слышал про такое?

Арсений от удивления сел в шезлонге, с изумлением разглядывая Данилу.

— Так ты из этих? Которые проводками в землю тычут?

Данила фыркнул.

— Как тебе не стыдно? Ты прямо как неграмотный. Знаешь вообще, что такое случайные числа и зачем они?

— Для синтезаторов вроде, — подсказала Верочка.

— Именно! Для синтеза материи нужны потоки чистейших случайных чисел. И это сегодня — самая большая проблема. Потому что они нужны в количестве, сравнимом с числом атомов каждого изделия. А в таком количестве их взять просто неоткуда. И хороший поток стоит нереальных денег!

— Смотри, как наш гость-то оживился! — улыбнулась Верочка. — И уже не грустный! И уже не тощий! Глаза горят...

— А вот я никогда не понимал, в чем проблема, — Арсений пожал плечами. — Они же случайные числа! Бери с потолка!

Данила азартно потер ладони и хищно улыбнулся.

— Уверен? О'кей. Придумай мне десять случайных чисел?

— Да пожалуйста: десять, двенадцать, сто...

— Уже плохо, — заметил Данила. — Все четные. И возрастают. Ну, продолжай...

— Да сколько угодно! Семь! Три! Сто! Э-э-э... Тридцать пять! Э-э-э... Два! Сто два! Э-э-э... Ну, тридцать один... Э-э-э... Сейчас...

Данила наблюдал с улыбкой.

— Ты уже понял, да? — спросил он, наслаждаясь эффектом. — А чисел нужно не десять, не сто и не миллиард — а столько, сколько атомов в арбузе. Или в этой бутылке вина. Или в оконном стеклопакете. А если поток будет грязным, ограниченным, повторяющимся — то появится муар. По-русски говоря — атомная рябь.

— Как это?

— Объясню на примере. Один из методов оценки чистоты потока — засеивание. Ты берешь случайные числа, кладешь их рядами на экране в виде точек своей яркости и так засеиваешь весь экран. И смотришь. Если поток идеально чистый, то экран будет казаться гладким и серым, какие бы там разношерстные точки ни стояли рядом. А вот если поток грязный... то будут заметны пятна, полосы, черточки, рябь — грязь, одним словом. И когда такой грязный поток идет в атомный синтезатор, то в получившемся продукте может оказаться что угодно:

от вкраплений атомов свинца до радиации. Арбуз выйдет несъедобным, а бутылка треснет от внутренних натяжений.

— Да ты физик! — с уважением произнес Арсений.

— Пришлось кое-чего почитать, — согласился Данила. — Короче говоря, ни мозг, ни математическая формула, ни вихрь Мерсенна, ни щелчки от датчиков распада изотопа — ничто тебе по-настоящему чистый поток не даст. Если речь о промышленных объемах, понятное дело. Потому что любые генераторы случайных чисел зажаты факторами, и из этих факторов не выпрыгнешь. «Э-э-э, ну еще раз тридцать пять...» — передразнил он.

— Да ты еще и математик! — изумился Арсений.

— Да нет же! — отмахнулся Данила и встал. — Какой из меня математик? Просто читал статьи, общался с искателями, нахватался терминов. Собственно, я тебе уже всю теорию рассказал. Ничего больше искателю знать не надо.

Он подошел к столику, налил себе еще вина, затем Арсению, затем растерянно оглянулся в поисках бокала для Верочки.

— Я алкоголь сейчас не пью, — ответила она.

Арсений профессионально покачал бокал и принялся разглядывать на просвет густые винные дорожки, ползущие по стеклу.

— А я-то думаю, из чего они такое хорошее вино делают за копейки в синтезаторах? — спросил он задумчиво. — Оказывается, потоки... Но я все равно не понял: что же вы ищете, когда втыкаете в землю свои штырьки?

Данила снова стал серьезен.

— Грубо говоря, мы ищем шум. Потому что случайность взять больше неоткуда, кроме как из само-

го разного окружающего шума. Берем любые шумы, какие только можно найти в природе. Шум в эфире, магнитные колебания от порыва ветра, излучение ядра Земли, реликтовый шум Галактики — из всего можно вытрясти поток случайных чисел.

— Так в чем проблема?

— В том, что эти потоки все грязные.

— Объясни, — попросил Арсений.

— Ну... — Данила задумался. — Чтоб тебе, как музыканту, было понятней: они все ритмичные. Как будто вся Вселенная — гигантский оркестр с дирижером. Понимаешь? Мы-то всегда думали, что вокруг хаос и энтропия. А когда появился атомный синтезатор, понадобилось набрать полные пригоршни этого хаоса. Пригляделись, и оказалось, что хаоса вокруг не очень-то и много.

— Но ведь это шум... — произнесла Верочка.

— Если бы... — Данила грустно покачал головой. — Шум — это когда ты не чувствуешь мелодии, потому что она такая сложная, что не может уместиться в твоей голове. Может быть, чтобы слышать эту музыку, нужно быть размером со Вселенную. Просто представь, что тебе показали три числа, допустим 73, 144 и 59. И тебе никак не дано узнать — это три совсем случайных числа или крошечный кусок какой-то математической функции. Или список цен на комплект дизайнерской одежды: ботинки, штаны, куртка. И в итоге выясняется, тебе просто показали твое собственное давление и пульс. И значит, эти числа вовсе не случайные, а зависят от возраста, погоды, от количества приседаний в фитнес-клубе или от курса твоих акций, который ты слышал секунду назад. Понимаешь? Мы слышим так мало нот, что просто не можем понять, из какой они симфонии. Но когда ты начинаешь работать с мил-

лиардами, триллионами, квантиллионами случайных чисел, полученных от самых разных, вроде бы, случайных шумов, то ты начинаешь понимать, что где-то за кулисами есть Дирижер, или Композитор, или что-то типа того. Понимаешь? И это даже не про религию. Это — вообще. Просто выясняется, что у любых шумов все равно общие гармоника — что на Земле, что под землей, что в космосе. Ты думал, это был случайный порыв ветра и скрип дуба, а это вполне закономерное движение воздуха, которым дирижируют облака и приливы, а ими дирижируют вспышки на Солнце, а те подчиняются галактическим гравитационным ударам, и все это — одна бесконечная, сложнейшая, но безумно гармоничная песня, которая звучит от Большого взрыва до наших дней...

Данила умолк. Арсений и Верочка теперь глядели на него с нескрываемым уважением.

— Как вкусно ты излагаешь! — с восторгом сказал Арсений.

Верочка задумчиво поежилась и плотнее укуталась в свой плед.

— А ведь как странно получается... — произнесла она медленно. — Выходит, человечество думало, что преобразует окружающий хаос и создает гармонию. А как докатились до синтеза материи — нам самим понадобился хаос. Стали искать его вокруг — а во Вселенной гармония. Так, может, это мы хаос создаем?

— Ага, — подхватил Арсений, — нам кажется, что мы творцы и сочинили собственную музыку, а на самом деле мы просто фальшивая скрипка, которая возомнила, будто придумала собственную ноту и принялась играть не в такт с общим оркестром. Так выходит?

Данила кивнул.

— Я сам часто об этом думаю. Это очень большая философия — случайные числа.

— Мистика, — уточнил Арсений.

Данила усмехнулся.

— Нет, дружище, философия. А мистика — это другое. Это когда ты стоишь в чистом поле и замечаешь, что в этой точке прет поток в сто раз чище, чем на том же поле, но в двух шагах в сторону... Вот тут начинается мистика и истерика! Потому что объяснения никакого нет. Понимаешь? Ты поехал к Ниагарскому водопаду, сделал замеры — а там ноль. Встал посреди Москвы в парке Горького — ноль. Шел месяц пешком по глухой тайге — ноль. На пляжах Юкатана — ноль. А потом какой-нибудь искатель Стив Бол — слышал про такого, нет? Да слышал, конечно, — он в пустыне посреди Соединенных Штатов съезжает с трассы на бензоколонку, та оказывается заброшенной, но он просто ради интереса делает замер — и эта крошечная точка планеты сегодня дает девять процентов всей генерации, добываемой в мире! Девять процентов денег! — Данила вскинул вверх руки, глаза его горели. — Ну вот как это, скажи? Как такое может быть? Как этот Бол — очкарик! сопляк! недоучившийся студент! клоун с дешевым измерителем за триста долларов, которым вообще ничего толкового не намеришь! — и он теперь возглавляет список самых богатых людей планеты?

— Там, наверно, старое индейское кладбище, под этой бензоколонкой, — пошутил Арсений.

Но Данила был серьезен.

— Зря иронизируешь, — сказал он. — Там ничего такого нет. Это мистика, понимаешь? Если законы физики не дают ответа, люди становятся ми-

стиками. Тебе бы послушать рассказы бывалых искателей — столько легенд, примет и суеверий, что религия отдыхает. У нас есть один сумасшедший математик, который говорит, что вывел закон сохранения энтропии, из которого следует, что энтропия — это материя Бога, а места потоков — обители душ.

— Я разве не так сказал? — снова усмехнулся Арсений. — Индейское кладбище.

— Да нет же! — Данила с досадой рубанул воздух левой ладонью. — Знаешь, сколько я кладбищ объездил? Индейских, еврейских, дневнеегипетских — от Ваганьково до Пер-Лашеза, от Освенцима до Хиросимы, обелиски и братские могилы времен Второй мировой... Там везде ноль!

Арсений смешно надул щеки и развел руками.

— Но согласись, — примиряюще сказал он, — это же случайные числа. Если бы месторождения случайных чисел возникали не случайным образом... это было бы нелогично, да?

Данила вздохнул и ничего не ответил.

— А что он сделал с той бензоколонкой? — спросила вдруг Верочка. — Ну, тот студент?

— Что? — очнулся Данила. — С бензоколонкой? Выкупил кусок земли двадцать на двадцать метров. Поставили ангар с охраной и колючей проволокой. Внутри смонтировали генераторы, к ним подключили штук сто кабелей оптоволоконных толщиной в ногу — и продают поток на все заводы мира. Фотки есть в сети. И ведь прикинь, ему ничего делать не надо — поток сам прет из земли, а парень — самый богатый человек планеты! И так может любой! Понимаешь? Не надо быть математиком! Ты, я, Верочка — каждый может продать квартиру, купить трейлер и хорошее оборудование и искать свой поток!

Снова наступила тишина.

— Так ты нашел? — спросил наконец Арсений.

Данила досадно поморщился.

— Так, по мелочам... Одну точку в Крыму мы нашли на двоих с парнем... Ну и под Красноярском, в горах, у меня есть своя маленькая... Но тухлая, туда даже кабель тянуть нерентабельно. Так что я в основном с лендлордов зарабатываю. Сейчас модно стало вызвать искателя померить свои земли. А у меня сертификат, профессиональное оборудование, все дела.

— Я бы так жить не смогла, наверно, — призналась Верочка. — Без дома, всю жизнь в фургончике, ужас...

— Почему? — повернулся к ней Арсений. — Наверно, тоже интересное дело. Слушай, Данила, а у тебя этот приборчик с собой?

— Конечно, если к машине сходить...

— Сходим завтра, покажешь, как это? — предложил Арсений.

— Ты прикалываешься или тебе правда интересно? — насторожился Данила. — Да я хоть сейчас сбегая принесу! Это реально такой азарт, ты не представляешь!

Данила привычно расчехлил кофр и выложил на лужайку сперва зонд, затем провода, затем сам вычислительный модуль с дисплеем.

— Солидно, — констатировал Арсений, ощупывая толстый провод, словно змеящийся в пальцах. — Я думал, это махонький приборчик.

— Это ты большие не видел! — усмехнулся Данила.

— Розетка вам нужна? — деловито спросила Верочка.

— Какая, к черту, розетка, это ж полевой модуль, у него свое питание. — Данила похлопал по кофру. — Самая мощная портативная модель. По крайней мере, пять лет назад была, сейчас уже помощнее есть.

— А в чем разница? — спросил Арсений.

— Долго объяснять, — отмахнулся Данила. — Там внутри процессоры специализированные, очень много и очень мощные. Ну и качество измерителей. Грубо говоря, дешевый прибор сработает только если в самый центр попал, плюс-минус пять метров. А дорогая аппаратура сможет и за пятьдесят метров учуять.

Данила аккуратно вонзил зонд глубоко в почву — теперь эта штука со своей рукояткой напоминала комара, качающегося на изогнутом жале. Он подсоединил провода к модулю, и экран тихо засветился. На нем замелькали вереницы цифр.

— Ну? — лукаво спросил Арсений. — Есть чего?

— погоди минутку, торопыга, — отмахнулся Данила. — Только давай договоримся сразу: не расстраиваться, о'кей?

— О, я буду рыдать! — хохотнул Арсений. — Буду рвать на себе бороду!

Данила поманил его рукой:

— Смотри сюда, я расскажу. Наверху экрана ничего интересного — параметры потока, зависят от модели зонда. Вот мелькает вектор энтропии, по нему ничего не определишь. У потока много критериев чистоты, но методов оценки еще больше. Сначала смотрим сюда: хи-квадрат Пирсона, а ниже критерий Кохрена.

— Какого хрена? — пошутил Арсений.

Данила обернулся с обидой.

— Джон Кохрен — древний математик, не смешно. Далее: вот эта жирная полоска очень важна, на-

зывается Диехард-Марсалья: если она хоть чуть позеленеет — это победа. На таблицы не смотри совсем, я сам не знаю, что это. Диаграммы цветные — тоже не помню, как называются, плюем на них. Квадратик сбоку — засев, я о нем рассказывал, но смысла в нем мало, там ничего простым глазом не разглядишь. А вот по центру нарисован большой спидометр со стрелкой, видишь? Это общая оценка, она — точнее всего. Если стрелка не лежит бревном на нуле, а начнет подпрыгивать... — Данила осекся. — Так, а где стрелка-то? — Он уставился в экран и остолбенел.

Арсений вежливо потряс его за плечо.

— Ты в порядке?

Данила не отвечал. Арсений склонился над дисплеем и вдруг увидел стрелку. Она лежала бревном, но только не на нуле, а в противоположном конце шкалы. Раздался мелодичный перезвон, бег цифр на экране замер, и теперь ярко мигала жирная зеленая полоса. Послышалось жужжание, аппарат выплюнул белый листок-распечатку.

— Похоже, машина глючит, — произнес Данила странным тоном.

Он аккуратно отсоединил провод и достал из кофра другой. Затем подумал, порылся в кофре и достал другой зонд, новенький — разорвал зубами полиэтиленовую упаковку и со щелчком расправил. Отошел на два метра и вонзил у самого столика. Затем посмотрел вверх, прошептал что-то, стыдливо перекрестился и нажал кнопку.

Арсений почтительно встал на шаг позади. Тихо подошла Верочка и обняла Арсения за плечи. Все глядели на экран. В этот раз стрелка спидометра не лежала на другом конце шкалы, а плясала посередине, хаотично раскачиваясь вправо-влево, как одинокая

береза на ветру. Данила обернулся и посмотрел на Арсения. Глаза у Данилы были совершенно круглые.

— ..... — неуклюже и беспомощно выругался он. — Это даже не бензоколонка в Аризоне. Это вообще что-то нереальное! Причем, в самую точку попали, видишь, чуть в сторону — уже поток стихает, но все равно адская сила! Слушай, да мы с тобой дико богаты, Сеня! Ты понимаешь?!

Верочка отшатнулась. Данила вскочил, обнял друга и стал трясти его за плечи:

— Это нереальное бабло! Ты будешь жить на собственном острове! Во дворце!

Арсений недоверчиво кашлянул. Наступила тишина.

— Я не смогу с острова ездить преподавать, — сказала Верочка.

— К черту преподавать! — обернулся Данила. — Они сами будут к тебе ездить преподавать!

— Кто? — тихо спросила Верочка.

Данила перевел взгляд на Арсения. Тот аккуратно отцепил руки Данилы от своей жилетки.

— Давай подумаем, как нам теперь с этим жить. Он будет толстый, этот кабель? — Арсений скептически оглядел пяточок между домом и дубом.

Данила покачал головой.

— Дуб убирается, дом убирается, — сообщил он деловито. — Генераторы сейчас делают компактные, но участок это займет полностью. Как, говоришь, звать твоего соседа-генерала? Я позвоню юристу Филу, разработаем с ним план, как у него отжать участок, соседние на всякий случай тоже имеет смысл скупить, вдруг и туда добывает..

— Все! Стоп! — Арсений поднял руку. — Ты, Данила, парень азартный, но не пори горячку, ладно? Что значит, дом убирается? А жить нам где?

Данила изумленно посмотрел на него.

— Ты построишь себе хоть башню в Кремле, — сказал он серьезно. — Что тебе этот двухэтажный курятник?

— Так это мой дом, я здесь вырос!

— Лучшие строители мира тебе его перевезут на другой участок, не разбирая!

— Хорошо, а дуб?

— Купишь все дубы мира, какие понравятся!

Арсений покачал головой.

— Это моя фамильная дача, — сказал он. — Здесь жили все мои предки. Этот дуб сажал мой прадед, великий композитор.

Данила его не слушал. Он перенес кофр в темноту к забору, а вскоре поволок в другой конец участка, хрустя ветками сирени. Толстые петли провода волочились по земле.

— Ну вот, — слышался его бодрый голос из-за угла дома, — генерала можно не беспокоить: там полнейший ноль. Уверен, что и у соседей справа... Да! И у них ноль! Ты не представляешь, Арсений, какой ты везунчик!

Данила вернулся и вонзил свой электрод рядом с первым. Стрелка на экране ожила и проползла по кругу до конца шкалы, а под шкалой загорелось: 98%.

Верочка зябко поежилась и испуганно посмотрела на мужа. Арсений решительно выдернул оба электрода и вручил их Даниле.

— Мы поигрались, и хватит, — сказал он. — Пора сворачивать приборы.

— А я не играл, — возразил Данила, вытирая об штаны руки, испачканные в земле. — Я делал тебе настоящий замер. И он дал настоящий результат!

— Спасибо, я оплачу твой выезд, — сухо сказал Арсений. — Но нашей семье это не надо, понимаешь?

Данила нахмурился.

— Что значит — не надо? — не понял он. — Вам не надо денег? Уже миллиардеры, что ли?

— Сядь, пожалуйста, я тебе одну вещь расскажу. — Арсений мягко указал на шезлонг. — Знаешь... я ему скажу, ладно, дорогая? Мы с Верочкой ждем ребенка.

Данила опешил.

— Живого? В собственном животе? — он покосился на Верочку и только сейчас понял, что ему казалось нескладным в ее фигуре. — Ну вы даете! Мало того, что живете друг с другом столько лет, мало того, что вам понадобился свой живой ребенок, так вы его и сами рожать будете? А почему не сдать гены в инкубатор на выращивание? Если в Китае заказывать — там это сейчас вообще копейки стоит, я слышал...

— В общем, у нас будет ребенок, — сухо повторил Арсений.

— Ну... прекрасно. Тем более! Ему не нужны деньги? — Данила заглянул другу в глаза. — Ты, по-моему, не осознал: это нереально мощный источник! Это нереальные деньги!

Арсений глубоко вздохнул.

— Данила, зачем тебе нереальные деньги? — спросил он. — Тебе нужны деньги? Я тебе дам денег, у меня отложено немного. Хочешь? Мы, слава богу, живем в эру синтезаторов. Еда бесплатна. Лекарства бесплатны. Одежда бесплатна. Телекино-игры бесплатны. Даже машину можно бесплатно получить раз в пять лет. Девяносто процентов людей Земли вообще не работают! Смотрят игру, жрут пиво с чипсами, подбирают на ночь пару через сети встреч и прекрасно обходятся без денег!

Данила агрессивно вскинулся.

— Тебе нравится муниципальная гадость? А ты сам жрешь бесплатную еду из уличного автомата?

— Не буду врать, что пробовал весь ассортимент, — спокойно возразил Арсений. — Но, допустим, ланчпак по-китайски люблю. Чем плохо? Сто лет назад за такой едой очереди в кафе выстраивались по пятницам. А двести лет назад — и у королей такой еды не было.

— А я только бесплатную еду и жру год за годом! И одежда на мне, — Данила дернул себя за воротник так, что послышался треск, — тоже из бесплатного магазина!

— Ну купи себе в дизайнерском магазине майку, копейки же! Я еще понимаю, ты бы сказал, что тебе дом нужен. Да ведь тоже не проблема: стройматериалы сейчас дешевые, позвоним Зондеру, а я тебе подкину заказ по музыке, возьмешь кредит, годик другой покрутишься, будет дом...

— Сеня! — Данила повысил голос. — Ты с ума сошел? Нас с тобой ждут миллиарды! Нам больше никогда не придется ничего делать! Хочешь — сиди, музицируй, хочешь — путешествуй!

Арсений пожал плечами:

— А нам и так ничего делать не надо. Я музицирую, ты — путешествуешь... — Он поймал его взгляд и вдруг тоже стал серьезен: — Послушай внимательно, Данила, один раз. Ты — человек риска, а я — человек спокойствия. Ты... — Он тщательно подбирал слова, — получаешь кайф от азарта. А я — от уюта. Ты бредишь выигрышем, ты живешь не здесь с нами, а в будущем, которое сам себе выдумал. А я живу здесь, я люблю саму игру. Ты надеешься, что будет лучше, а я беспокоюсь, что станет хуже. Огромные деньги — это огромные проблемы. Зачем они мне? И жизненный опыт на моей стороне, а не на твоей. Понимаешь, о чем я?

— Нет.

— Вот смотри, — Арсений миролюбиво развел руками, — мы сейчас расчистим площадку, разломаем мой дом, спилим деревья, накупим генераторов — небось, тоже диких денег стоят? А через месяц твой поток возьмет и иссякнет.

— Так не бывает, — усмехнулся Данила, — точка не может иссякнуть, такого не было ни разу, почитай любые статьи. В Афганистане было — так там гору взорвали, на которой поток обнаружился. Если есть поток — значит, в земле какие-то уникальные условия. Понимаешь? Это вечный источник благополучия!

— Хорошо, а если завтра изобретут синтезатор, которому уже не нужны случайные числа? И тогда что? Ты сел в трейлер и поехал дальше. А я останусь на развалинах, в долгах, с дурацкими генераторами, с беременной женой на руках. И в таком нервном стрессе, что не смогу работать, писать музыку. А ведь мне надо работать — это моя жизнь. Ты меня понимаешь?

— Нет.

Арсений развел руками.

— Данила, при всей моей симпатии к тебе... Это мой клочок земли, мои фамильные владения, моя маленькая планета. И здесь я тебе ничего не дам строить — это разрушит мой мир. А у меня очень уютный мир, я им дорожу.

— Твой мир останется! Мы просто перенесем его в другое место — перенесем дом, сад, лужайку, калитку с табличкой, дуб...

— Дуб перенести нельзя.

— Дался тебе этот дуб, будь он проклят!

— Не смей так говорить! Это дуб моего прадеда. Мой отец под ним рос. Я под ним вырос.

— Мы обязательно все уладим — я позвоню юристу Филу, он придумает хитрый способ...

— Нет, — твердо повторил Арсений.

— Не будем спешить, — деликатно предложил Данила. — Обсудим утром на свежую голову!

— Утро ничего не изменит.

— Сеня, у нас с тобой уже нет выхода. За нас все решила судьба! Поток найден. Рано или поздно о нем узнают все!

— Кто же расскажет? — удивился Арсений. — Мы с Верочкой точно будем молчать, нам это не надо. Ты своим искателям про чужую точку тоже ни за что не проболтаешься — мало ли, найдут способ перехватить...

Данила вдруг понял, что Арсений стал гораздо циничнее, чем ему всегда казалось.

— Ладно, — сказал он мрачно, — детали обсудим и обдумаем. Это все реально мелочи! Эти вопросы решаются! Все будет хорошо.

— Нет! — ответил Арсений твердо.

— Аааа-тставить разговорчики! — вдруг оглушительно рявкнуло из-за забора. — Рота, отбой, мля, час ночи! Сейчас вызову полицию, кому не ясно?

— Виноваты, товарищ генерал, будет тишина, оркестровая пауза! — торопливо крикнул Арсений. — Гость уже уходит!

Данила вернулся через три дня без предупреждения — днем, нарядный, с бутылкой дорогого дизайнерского шампанского, с большим тортом и шикарным букетом роз в модной световой упаковке, мигавшей разноцветными искорками. Он остановился перед калиткой, закрыл глаза, сделал глубокий вдох и крепко сжал в кармане связку ключей от

трейлера. Угрюмая решимость на его лице медленно сменилась улыбкой, и только тогда он позвонил в звонок.

Послышались шаги, Арсений открыл калитку.

— Ну, привет, — сказал он немного грустно. — Уговаривать приехал? Я надеялся, после наших телефонных бесед мы больше к этому разговору не вернемся...

Данила покачал головой.

— Приехал просто в гости, пообщаться, — уверил он.

— Ну... — с сомнением вздохнул Арсений, — что ж, заходи...

Из дома настороженно выглянула Верочка — лицо ее было испуганным. «Вот же люди дремучие, — подумал Данила, — им хочешь как лучше, а они пугаются...» Он подошел к крыльцу и галантно протянул Верочке букет. Она немного оттаяла.

Расположились снова на лужайке. Верочка осталась в доме, сославшись на головную боль. Арсений нарезал торт, разлил шампанское в два бокала и устроился в шезлонге напротив Данилы.

— Ну, начинай просто общаться... — усмехнулся он.

— О'кей, — кивнул Данила. — Э-э-э... Над чем сейчас работаешь? Может, расскажешь? Сыграешь?

Арсений молчал, сосредоточенно глядя, как из какой-то невидимой точки на дне бокала непрерывной тонкой струйкой бегут вверх пузырьки шампанского и лопаются на поверхности. Почему именно из этой точки? Почему не из какой-то другой? Там же ничего нет в стекле бокала в этом месте. Если выпить шампанское и налить снова, такая же вереница пузырьков начнет подниматься из совсем другой точки, бог знает, кем и как выбранной на этот раз...

— Данила, — сказал Арсений, — я так понимаю, ты придумал какой-то важный аргумент. Ну так выскажи его, не держи в себе, я ж вижу, как тебя распирает. Обсудим.

Данила вздохнул.

— Благотворительность, — сказал он. — Благотворительность! Ты представляешь, сколько людей ты сможешь сделать счастливыми?

— Счастливыми — вряд ли, — покачал головой Арсений. — Богатыми — может быть. А счастливыми — точно нет. Когда-то люди были счастливы, если им хватало хлеба пережить зиму. Сегодня никто не голодает, и разве все счастливы? — Арсений оторвал взгляд от цепочки пузырьков в бокале и перевел на Данилу. — Вот тебя я могу сделать счастливым? Ты уверен, что для счастья нужны деньги. Давай я тебе дам денег? Ты станешь счастлив?

Данила помотал головой:

— Арсений, чтоб ты не думал — мне твоих денег не надо вообще. Ты небось решил, что я это хочу ради денег? Да я прямо сейчас напишу тебе расписку, что ни на какие деньги с твоей точки не претендую! Зная тебя двадцать лет, зная нашу дружбу, я не сомневаюсь, что ты мне и так отсыплешь немного. Я это делаю ради тебя! Ради твоей Верочки, пойми! Я вам хочу помочь! А ты сможешь помочь многим другим людям! Построишь дома, больницы, курорты! С такими деньгами-то!

— Но мы же не новые деньги нашли, а новый поток. Купят его здесь — значит, не купят в другом месте. Денег на планете не прибавится.

— Вот ты так рассуждаешь, а может, в эту секунду где-то в мире умирает ребенок!

— Но я не врач, — возразил Арсений. — И мы нашли здесь не поток лекарств и не поток новых

врачей... — Он внимательно посмотрел на Данилу. — А знаешь, где умирает этот ребенок?

— Нет, но...

— А я знаю. Хочешь, скажу? Он умирает прямо здесь, в эту секунду. Пока ты борешься за свои мифы. Это ведь твой ребенок умирает, Данила...

— Но у меня нет детей!

— Вот именно. — Арсений откинулся в шезлонге и уставился в пронзительно синее небо и раскидистую крону дуба над головой. — Представь, что его душа тебя сейчас слышит. Скажи ему это! Объясни ему, почему его нет и не будет. Где твоя благотворительность, Данила?

Данила полез в карман и с грохотом выложил на стол магнитные ключи от трейлера с брелоком-кубиком, задумчиво покрутил их по поверхности столика вправо-влево. Затем аккуратно положил левую ладонь на верхушку бокала, сжал его пальцами и решительно встал.

— О'кей, — сказал он, и лицо его стало серьезным. — Я тебя услышал, Арсений. Последний вопрос: я правильно понимаю, — он обвел рукой полянку, — что весь твой мирок вместе с домом и Верочкой можно аккуратно отодвинуть в сторону, а нельзя отодвинуть только дуб?

— Ну, считай так, если тебе больше нравится, — кивнул Арсений. — Я, кстати, разузнавал в сети — вековые дубы не выкапывают, они гибнут.

— Прекрасно, — кивнул Данила. — Я правильно понимаю, что все остальные вопросы можно было бы решить, не будь этого проклятого дуба?

— Данила, — Арсений тоже стал серьезен, — если хочешь, чтобы мы остались друзьями, так больше при мне никогда не говори. Это не проклятый

дуб. Это дуб моего прадеда, великого композитора. До которого нам с тобой как до Луны.

— Идиот! — заорал Данила. — Ну так сделай из этого проклятого дуба хоть что-нибудь ради своего прадеда! Сделай дубовую раму для его портрета! Сделай дом-музей с дубовыми подоконниками, стульями и паркетом! Черт возьми, закажи рояль! Закажи у лучших мастеров мира великолепный дубовый рояль! Ты будешь сидеть за ним и чувствовать присутствие прадеда! Ты напишешь за этим роялем свою лучшую музыку! Только представь эту свою еще не рожденную музыку! Объясни ей, почему ты ее не хочешь создать?!

Арсений встал.

— Данила, тебе пора уйти, — сказал он решительно. — Извини. На этом — все.

— Стоп! — Данила угрожающе вскинул левую руку, сжимавшую бокал, и шагнул к дубу. — Этот дуб должен погибнуть! И он погибнет! — Данила со значением покачал в воздухе бокалом и медленно поднес его к самому дубу. — Смотри, как это будет...

— Не смей!!! — истошно заорал Арсений и бросился на Данилу.

Данила упал, и пару секунд они катались по земле. Наконец Арсению удалось оттащить его от дуба за ногу. Данила медленно сел и разжал пальцы. Ладонь была в крови, стеклянных осколках и земле. Данила долго смотрел на струйки крови, капающие на стриженую траву, а затем с ненавистью перевел взгляд на Арсения. Арсений не обращал на него внимания — он ползал и осматривал землю перед дубом, пытаясь понять, пролилась туда хоть капля или нет.

— Ты что сделал, идиот?!! — заорал Данила во все горло, и его крик поднялся под крону дуба и

эхом разнесся по окрестным участкам. — Что ты сделал с моей рукой?! Зачем ты бросился меня бить?! Боже, как мне больно!!!

Арсений обернулся и вздрогнул, увидев кровь.

— Чем ты пытался облить мой дуб? — спросил он.

— Идиот... — Данила медленно поднялся, вытягивая окровавленную руку. — Это было просто шампанское, я принес его тебе в подарок, мы же его просто пили... Сдай его на экспертизу, параноик бешеный! А что сделал ты? Зачем ты мне изуродовал руку? Как я теперь смогу играть?! — снова заорал он.

— Играть? — Арсений на миг растерялся. — Данила, возьми на столике салфетку, вытри свою царпину и уходи, прошу тебя...

— Салфетку?! — с чувством выкрикнул Данила и взмахнул рукой, разбрызгивая капельки крови. — Салфетку... и уходи?! Это такую ты мне предложил помощь?! — Данила выдержал паузу и отчетливо произнес: — Я ухожу.

Здоровой правой рукой он сгреб со стола ключи и пошел к калитке. Арсений не стал его провожать. Данила в сердцах хлопнул калиткой и услышал за спиной:

— Рррота, аaaa-атставить бардак!!! Два рраза не повтoрряю!!!

Ладонь нестерпимо чесалась, хотя чесать было нечего. Это было странное ощущение, к которому Данила пока не мог привыкнуть. На Арсения и Верочку он старался не смотреть. На генерала Максимова тоже. Казалось, судья зачитывает приговор целую вечность.

— ...в процессе распития спиртных напитков между истцом Данилой Винокуровым и ответчиком Арсением Никосовским вспыхнула ссора на почве личной неприязни, — бубнил судья. — Полная видеозапись ссоры приобщена к материалам дела, записанная на сертифицированную камеру-брелок, принадлежащий истцу. Истец пояснил, что ссора с нападением ответчика явилась для него неожиданностью, записывающая камера оказалась по месту ссоры случайно, включилась без его ведома. Таким образом, умысел на осуществление скрытой записи отсутствовал. Суд также установил, что в ходе ссоры истец угрожал словами дереву, находящемуся в собственности ответчика. Ответчик, осуществив превышение пределов необходимой самообороны, совершил нападение на истца, повлекшее травму левой руки истца. Ответчик отказал истцу в необходимой медицинской помощи. В результате возникшего вследствие травмы воспаления в частной клинике «Ганимед-лакшери» была проведена ампутация кисти руки истца, повлекшая инвалидность. Ответчик произошедшую вследствие ссоры травму истца не отрицает. Свидетель генерал Максимов П. К., проживающий на соседнем участке, факт услышанной им ссоры подтверждает, но ее причины и исход ему неизвестны.

— А я предупреждал! Каждый день шум! — рявкнул генерал, и судье пришлось стукнуть молотком по столу, прежде чем продолжить.

— Суд установил, что истец Данила Винокуров является профессиональным музыкантом, вследствие полученных тяжелых телесных повреждений утратил трудоспособность. В связи с установленными фактами суд постановил... — Судья зачем-то вытер ладонью рот, глотнул воды из стакана и про-

должил: — Иск о взыскании материальной компенсации в размере сорока трех миллионов удовлетворить в полном объеме. Учитывая отсутствие у ответчика материальных средств необходимого объема, в осуществление постановления недвижимости ответчика — участок и коттедж оценочной стоимостью сорок три миллиона — переходят в собственность истца.

— Ес! — тихо прошептал рядом Фил и торжествуя сжал кулак. Затем пихнул локтем Данилу: — А ты боялся!

Данила поморщился от боли и схватился здоровой рукой за перевязанную культю.

— Прости, пожалуйста, забыл, — извинился Фил, а затем наклонился к его уху и зашептал: — А теперь слушай внимательно, это важно! По действующему законодательству участок переходит в твою собственность сегодня, в день решения суда. Но еще месяц они смогут оспаривать решение. И у них будут небольшие, но шансы.

— С ума сошел? — зашептал Данила. — Какие еще шансы? Я руку потерял! Ты же клялся, что дело выигрышное!

— Ну-ну... — поморщился Фил. — Ты руку потерял, а она потеряла сына недоношенного из-за стрессов. Найдет хорошего адвоката, выбьет нужные документы, подаст апелляцию в Высший суд, а там у меня связей уже нет... В нашем деле всякое бывает. Поэтому не болтай, а слушай внимательно. Первое, что ты должен сделать, как только они выедут, — это срубить проклятое дерево так, чтобы оно упало и повредило дом. Имеешь полное право. И тут же сообщи им об этом, пришли фото. Чтобы у них сразу пропал стимул возвращать участок. Понял?

Данила кивнул.

— Но... как я справлюсь одной рукой? Ты мне поможешь?

Фил помотал головой и фыркнул.

— Данила, с ума сошел? Я ж не собственник, какое я имею юридическое право участвовать в разгроме чужого дома? Чтоб они на меня потом в суд подали? Займешься этим один. И учти: я тебе ничего не говорил и ничего не советовал. Поезжай в магазин, купи электролобзик одноручный, потихонечку будешь пилить. Не утробься там, почитай в сети, как правильно стволы пилят.

— На чем я поеду? У меня же трейлера больше нет.

— Не вопрос, докину тебя до магазина инструментов, дальше сам.

Данила получил пластиковый лист судебного решения, украшенный голографическими гербами, поставил оттиск пальца в регистраторе, и они с Филом пошли к выходу. На бетонном крыльце стояли Верочка и Арсений. Данила хотел пройти мимо, но Арсений шагнул к нему.

— Данила, прости меня, если сможешь, — тихо произнес он, потупившись.

— За что?! — От изумления Данила выпучил глаза.

— Как за что? Что с рукой так вышло...

— Это ты меня прости! — убежденно сказал Данила.

Арсений посмотрел на него удивленно.

— А я тебе говорила, Сенечка, — тихо произнесла Вера. — А ты мне не верил.

Арсений продолжал смотреть в глаза Даниле, но удивление в его взгляде постепенно сменилось холодной неприязнью. Данила отвел взгляд и горячо схватил его за рукав.

— Послушай, все будет хорошо, клянусь! Я все устрою, все вернется! Я тебе компенсирую все, что только пожелаешь! Как только генераторы поставлю — у тебя отныне будет все! Я же это для тебя делаю, для Верочки твоей!

Арсений кивнул.

— Мы вчера вывезли вещи, — сухо сказал он и протянул Даниле магнитный ключ от калитки. — Прощай, истец Винокуров.

Не дожидаясь ответа, он развернулся, и они с Верочкой зашагали к стоянке.

Портативный лобзик с дисковой насадкой тихо урчал, выгрызая древесину широкими треугольниками. Дело шло медленно. Когда стемнело, Данила щелкнул кнопкой на рукояти, включая подсветку, и тогда мрак обступил со всех сторон — только светились в луче седые древесные волокна и блестели капли испарины, выступающие на срезах. В воздухе больше не чувствовалось ароматов лета и кофе — остался только запах пустоты и сырости, к которому добавился аромат стружек. Электрических воробьев тоже не было — то ли Арсений обесточил их перед выездом, то ли они сами не вышли на охоту, потому что сегодня не было даже комаров.

К ночи облака расступились, и над головой стали видны звезды. Время от времени Данила делал перерыв, чтобы отдохнуть и подзарядить батарею лобзика. Он присаживался в шезлонг и отсюда смотрел на экран измерителя — на упершуюся в предел стрелку. В эти моменты все тревоги и неприятности казались на удивление дешевой платой. Он медленно проводил обрубком руки над воткнутым в землю электродом и совершенно отчетливо чувствовал

тепло в несуществующей ладони и приятное покалывание в кончиках пальцев, которых уже две недели не было. Казалось, теперь он чувствует силу потока этой своей рукой — без всякой аппаратуры, без электродов и вычислителей. А еще он смотрел в небо, на звезды. Они пробивались сквозь черную сеть дубовых веток как маленькие алмазные желуди — те, что он искал всю жизнь, и вот, нашел.

Когда от могучего ствола оставалось меньше трети, дуб вздрогнул и словно выдохнул. А может, это был порыв ветра? По ветвям пробежал шумок, затем раздался натужный скрип, и дерево начало крениться. Данила едва успел отскочить, выронив лобзик. Как в замедленном кино, дуб неторопливо накрывал своей кроной дом, словно обнимал его. А обняв, вдруг замер на секунду и разом просел, с грохотом сминая черепицу. Со звоном лопались чердачные окна, веером брызнули во все стороны ветки, щепки и невесть откуда взявшаяся строительная пыль. Наконец все утихло.

Обессиленный Данила упал в шезлонг. Небо над головой было абсолютно чистым — его больше не загораживала дубовая крона, и звезды горели нестерпимо. Ночная прохлада подкрадывалась со всех сторон и залезала острыми сквозняками под взмокшую рубашку. Данила сделал глубокий вдох и умиротворенно потянулся.

А затем привычно положил культю на рукоятку электрода... и вздрогнул. Электрод теперь казался холодным и чужим — ни тепла, ни покалываний в пальцах рука больше не ощущала. Данила лежал так целую вечность и никак не мог решиться соскочить глаза, чтобы посмотреть на проклятый экран. Он чувствовал, как невидимая рука сжимает сердце и швыряет гулко и хаотично по всему телу, слов-

но теннисный мяч — в голову, в живот, в ноги. Глаза защипало, звезды дрогнули и расплылись, по вискам покатались слезы. «Господи! — шептал Данила в бархатное июньское небо. — Только не это! Все, что угодно, но только не так, ладно? Так нельзя со мной, Господи! Так нечестно! Так нелогично! Так несправедливо! Так неправильно! Слышишь?»

Вдруг на его плечо опустилась тяжелая ладонь, и сверху раздался голос. Это был голос генерала Максимова, но сейчас в нем почему-то не было ни злобы, ни раздражения, ни командного тона, ни даже укоризны — только простое человеческое сочувствие, понимание и грусть.

— Дурак ты, сынок, — сказал генерал Максимов. — Что ж ты наделал, а?

ОЛЕГ ДИВОВ

МЕДВЕЖЬЯ УСЛУГА

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья.
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя родня.
Заплачут родны сестры, братья,
Заплачут родны мать, отец,
Заплачут шурины и сватья,
Всплакнет проезжий молодец.

се было хорошо, даже замечательно, пока не приперся братец Бенни и не приволок с собой эту Урсулу волосатую. Поздравляю, говорит, любимого дедушку Дика со сто двадцатым днем рождения, желаю еще два раза по столько. А я, кстати, женился, прошу любить и жаловать.

И тишина. И слышно, как мертвые с косами стоят, мослами поскрипывают.

Поймите нас правильно: жениться можешь хоть на курице, твоя личная проблема, только не тащи ты эту несчастную курицу с бухты-барахты на семейное торжество. Семья не оценит. У нас тут отнюдь не сельская пьянка для любого встречного-поперечного, чужих сюда не звали. И «отнюдь» в данном случае — не архаичная фигура речи, которая фиг знает, чего значит, а вполне конкретный глагол.

И тут Манга — ну, прозвище такое — лягнула:

— Ой, какая она пушистая!

А эта Урсула пушистая, мля, разевает пасть во все шестьдесят четыре зуба, кланяется и на шикарном «квинглише», выпускникам Оксфорда удавиться, отвечает:

— Благодарю вас, сэр, вы очень любезны.

Наши все упали на стол, а некоторые и под стол; обстановка слегка разрядилась. Только Манга надулась, ну да ей не первой. Снова выпили за дедушку. Опять загалдели, продолжаем общение. Но уже как-то не так сидим. Неуютненько. Бенни сделал глупость — и за него, дурака, неудобно. Перед той же Урсулой неудобно, которая тут абсолютно лишняя... Зачем она здесь? Бенни у нас, понимаете ли, крупный ученый, эти ребята все с прибабахом, себя ради науки не жалеют, а о родне тем более не задумываются: то холеру выпьют, то психоанализ выдумают. И с братца тоже станется провернуть над семьей какой-нибудь особо извращенный эксперимент. Допустим, тест на толерантность к незнакомцам, когда их совсем не ждали. Ладно, будем надеяться, что незваная гостя поведет себя разумно, а дальше, наверное, Дик выправит ситуацию. Не так уж часто мы собираемся за одним столом.

А стол чудесный, накрыто по-простому, по-деревенски, и в распахнутые окна шпарит лето с запахом сена, на горизонте озеро блестит. Вдоль стола разъезжает Дик на инвалидной коляске и со всеми чокается; правая нога и левая рука юбиляра упакованы в белую гадость, которую все по привычке зовут гипсом. Коляска бегаёт на шести лапах из штатных восьми, потому что передние Дик переделал под манипуляторы; в одном коляска держит бутылку, в другом стакан. Никто, в общем, не удивляется — это же Дик. На свои сто десять наш

заслуженный старый черт гулял со ссадиной во весь лоб: слишком глубоко нырнул в то самое озеро, что блестит за окном, и стукнулся о камень.

В семье не принято завидовать, принято радоваться за других, но про себя каждый думает: мне бы такой непрошибаемый оптимизм и волю к жизни.

Манга по-прежнему дуется.

— Ты чего? — спрашиваю. — У нее же нюх собачий. Или медвежий. Ну, ты понимаешь, о чем я.

— Да плевала я на ее нюх. Она не местная, чего с нее взять.

— А-а, ты обиделась, что наши заржали?

— Догадался, смышленный. Всегда был умен.

Чувствую, что это цитата, только откуда — не помню, но в книге после этих слов, кажется, начинали убивать. На всякий случай делаю предельно невинную физиономию и подливаю Манге шампанского.

— А может, наоборот, — говорю. — Может, вы, япошки, для нее все на одно лицо. Что мужик, что баба...

Манга буравит меня своими анимешными глазками и цедит равнодушно:

— Пошутил? Шути еще.

— Извини.

— Вспоминается мне реклама времен Второй мировой, — произносит Манга вкрадчиво. — Американская реклама военного займа. Там у них был солдат без ноги — и написано: «Японцы не такие косяе, как мы думали»...

— Вот это по-нашему, — говорю. — Вот такой я тебя люблю. Вздрогнем?

— Я тебя тоже люблю. Потому что ты красивый. Но дура-ак...

Вздрыгнули.

Тем временем Дик подъехал к Бенни, но его как бы и не заметил, а сунулся к Урсуле и завел с ней оживленную беседу. Мы наблюдаем. Бенни побаивается. Не всерьез еще, но так, опасается. Урсула же явно не замечает, в какое неудобное положение ее новоиспеченный благоверный поставил всю семью. Я общался с «мишками» и более-менее научился их понимать: судя по тому, как она держит уши, ей среди нас комфортно. Многочисленных лучшей неприязни, бьющих в обалдуя Бенни со всех сторон, Урсула не чувствует. Это довольно странно, при ее-то природной чувствительности, но ведь прикидываться дурочкой она просто не может. Не управляют «мишки» моторикой, как мы. У них если правда не написана на морде, ее всегда можно прочесть по ушам. Они ребята прямые... А может, Урсула и есть дурочка? Или, напротив, дьявольски опытная особь, из прожженных дипломатов-переговорщиков, которые врать все равно не умеют, зато обучены надежно контролировать свои эмоции. Хотя куда ей, молодая еще.

— Какая пушистая, — снова умиляется Манга, уже вполголоса. — Только это ведь додуматься надо, взять такое пошлое имя. Урсула. Тьфу.

— А как надо? Кума?

— Даже не пытайся.

— Саенара, банзай, кампай!

— Григорий, я тебя сейчас пристукну.

— Слушай, ну не лошадьё же страшной ей называться. Они знают, что похожи на медведей. Знают, что в большинстве земных культур отношение к медведю уважительно-почтительное. Опять-таки, мы сами их мишками прозвали. И она, со своей стороны, тоже выражает...

— Да ничего она не выражает. Заткнись, пожалуйста, морда пьяная.

Тут Бенни осторожно, стараясь никого не задеть, выползает из-за стола и почти крадучись идет вокруг него — как я понимаю, к нам прямехонько. Крадетса он напрасно: семья гуляет, на Бенни всем плевать. Он уже себя показал сегодня, больше ему не дадут. Просто не заметят.

Урсула увлеченно болтает с Диком. На лице деда неподдельный интерес.

Между прочим, мы с Мангой на этом юбилее единственные, кому он и вправду дед. Правда, Манга приемная, но юридически Дик ее прямой и непосредственный дедушка. Остальные внуки здесь в лучшем случае двоюродные. А прочие того же возраста — кто угодно, лишь бы во внуки годились. Был бы человек хороший, как говорится. Внутри семьи «кровь» не имеет значения, важны только личные качества, и Бенни, например, сегодня нам по степени родства — идиот. Бывает и такое. Нам должно быть стыдно, наверное, но мы об этом как-то не думаем. Не позволим испортить себе праздник. Ну обмишурился парень, значит, плохо его инструктировали. Вот кто ему политику семьи разъяснял, пусть у того и болит голова. А у нас болеть ничего не будет, сколько бы ни выпили: тут, у Дика в деревне, кристально чистый воздух. Мы нынче славно покуролесим, а как стемнеет, устроим салют и еще небось купаться пойдем...

В этот момент я вспоминаю, что Бенни ведь писал диссертацию по серийным семьям, много раз с дедом консультировался, остальных замучил опросниками, и наш внутренний этикет, естественно, вызубрил на десять с плюсом. Ему ли не знать, как в семью вводят новых людей и что выкрутасы типа

сегодняшнего — здрасте, вы нам не рады? сейчас будете! — граничат с намеренным оскорблением. Понимаю, что ничего не понимаю, и начинаю потихоньку злиться.

— Привет, мои хорошие! — Бенни улыбается во всю бородатую физиономию и тянет руку.

Ну-ну. Привет, привет.

— Слушайте, а что с дедом стряслось, отчего он весь поломанный? Я же только прилетел, не знаю ничего.

— Ричард Викторович в своем репертуаре, — говорю. — Если хочешь, чтоб было как надо, делай сам, не доверяй роботам. Полез на крышу поправить антенну, упал и сломал лодыжку.

— А руку?..

Манга толкает меня локтем в бок. Она не хочет, чтобы я пересказывал историю про Дика и японскую хай-тек коляску, которую Манга ему подарила, когда у деда нога хрустнула. Нашла, кому: Дик инженер старой школы, от него такие вещи прятать надо. У него всегда наготове паяльник и тестер — интересно же, елки-палки, так и чешутся ручки шаловливые подковать нерусскую блоху. Шуму и хохоту было на пол-Москвы, дед попал в ленту новостей. Очень странно, как Бенни пропустил это. Ладно, теперь лишь бы сам Бенни в новости не вляпался.

— Где нога, там и рука, — докладываю сухо. — А некоторые женятся, а некоторые — так. И перестань ты, наконец, профессионально лыбиться. Терпеть не могу, когда среди своих профессионально улыбаются. А то я сейчас тоже начну — тебе не понравится.

— Ребята... — канючит Бенни. — Ну не было выхода. Я почему именно к вам — вы-то нормальные, вы поймете.

— Сам ты нормальный, — говорит Манга. — Втравил девушку в херню — и доволен. Все вы, мужики, сволочи.

— Я разведусь с ней потом, — Бенни прижимает руки к груди. — И как будто ничего не было. И все об этом забудут.

— Час от часу не легче, — говорит Манга. — Не успел жениться, теперь разводится!

— Забудут? — переспрашиваю. — Кто забудет? Да тебя уже, небось, сдали с потрохами. Манга, ты в ленте?..

— Я оттуда не вылезая с того момента, как этот красавец нарисовался со своей пушистой женошкой. Пока ничего.

— Я приплатил слегка кому надо, — говорит Бенни. — Чтобы не проболтались.

— Каждому встречному не заплатишь.

— Да кто узнает, мы же это не афишируем. Расписались в посольстве — и рванули на Землю. А тут наши документы только пограничники и видели... Урсулу надо было ввезти без лишней бюрократии, ввезти быстро — и мы оформили брак. Поэтому у нее земное имя такое... Простое. Спешили очень.

— Чего-то ты темнишь... Братишка.

— Да не темню я. Это все вообще из-за вас! То есть из-за нас. Из-за деда.

Угадал я, значит: наука. Ну чего взять с социологов. Чувством такта они никогда не отличались, ведь мы, живые люди, для них — материал. Не хватало нам Бенни, выпестовали уroda в своем коллективе, а теперь с его легкой руки инопланетная плюшка явилась исследовать нашу веселую семейку. Думаю, многие за столом уже догадались, что здесь творится, и если бы не Дик, показали бы ученой медведице та-акую козью морду... Не понимаю: до Бенни не

доходит, что он завтра же с треском вылетает из семьи? Или мы ему надоели, и он нарочно так устроил? Но зачем? Семья это не мафия, ты никому не обязан ничего...

Мы с Мангой переглядываемся, потом вместе смотрим, как Урсула общается с Диком. Дед положительно очарован.

Его можно понять: милейшее ведь существо. В «мишках» очень много собачьего, а еще — человеческого, они тоньше и стройнее земных бурых медведей, непринужденно ходят на двух ногах, и руки у них, а не лапы, и вообще это все неважно, а важна общая картина. Милы они человеческому глазу, и все тут. Будто их нарочно таких придумали, чтобы мы испытывали к ним безотчетную симпатию.

Надо бы держать в уме, что это раса галактических коммуникаторов, а говоря по-простому, торговых посредников, толмачей и дипломатов. По идее, от таких ушлых тварей в любой момент жди подвоха. Но «мишки» совсем другие. Люди погрязли в обмане, и до чего же приятно на этом фоне иметь дело с существами, органически не способными ко лжи. Когда им врут, «мишки» видят прекрасно, а сами притворяться не умеют. Не та мимика, не та моторика. Они могут зажимать информацию, замалчивать что-то важное, и только. Прямой обман им недоступен. На этом и поднялись.

Чтобы обвести «мишку» вокруг пальца, надо самому поверить в свое вранье, только у них острый глаз и четкий нюх. Они чуют планы внутри планов, считывают тончайшие оттенки эмоций. До встречи с «мишками» наши ученые считали непревзойденными физиономистами собак, но инопланетные пушистики уделали местных.

«Мишки» лучшие друзья и помощники тех, кто готов ко взаимовыгодному партнерству и совместной работе не на словах, а на деле. Для земных политиков это был шок. Только мы вылезли за пределы своей домашней системы, а никуда не сунешься: везде сидят мохнатые обаяшки и глядят на тебя честными-пречестными глазами. Наши-то надеялись в спейсоперу попасть, где закон — тайга, воруй-надувай, а фигушки.

В общем, «мишек» на Земле очень любят, ну так любят, прямо расцеловать готовы во всю мохнатую задницу, только въехать сюда им сложно, если это не официальный визит — надо объяснять, почему? Насколько простой землянин рад поболтать с «мишкой», настолько же их терпеть не могут властные структуры и прочие мегакорпорации. Окончательно все поплохело с тех пор, как задумали объединиться две крупных IT-компаний, и из самых лучших побуждений взяли «мишку» наблюдателем. Ну и он, значит, понаблюдав за сделкой. Недолго, но эффективно. Посидел на переговорах, хрюкнул забавно — это они так смеются, — объяснил высоким договаривающимся сторонам, чего они в действительности хотят друг от друга, получил гонорар и убрался во свояси. Что там дальше случилось, никто в подробностях не знает, только объединяться ребята передумали резко и навсегда, а еще, говорят, пару трупов из одной подмосковной речки выловили.

Нынче «мишки» у нас не такая уж редкость, особенно в столицах, где сидят их представительства, но ездят они на Землю в основном по научному обмену. Обставленному так, словно каждый инопланетный специалист — потенциальный диверсант. Заявка от университета за полгода, визовый режим, прививки, карантин, страховка — все, что может

выдумать продвинутое государство, дабы отбить у тебя желание посетить его.

Сами «мишки» воспринимают ситуацию философски. Они видали и покруче, а терпелка у них закаленная. Как мне один сказал: «Представь, что тебе нужно наладить диалог мыслящего глиста с разумной звездой. Теперь добавим, что это не сама разумная звезда, а проекция ее сознания на наше измерение. Теперь еще усложним: о том, что другая сторона переговоров именно глисты, даже мы не сразу догадались...» По его словам, бились они над проблемой около сотни земных лет. Когда я ответил, что мы, простые земные артисты, работаем преимущественно с глистами буквально от сотворения мира, но поняли это совсем недавно, мой визави принялся ухать, хрюкать и подпрыгивать, выражая бурную радость. Чувство юмора у «мишек» такое же, как у нас, если не хуже.

Они никому не стараются навязаться, потому что без них все равно никуда. Глисты с Сириуса не поймут глистов с Альдебарана — и на всякий случай шарахнут по ним каким-нибудь разрыхлителем пространства-времени. Оружия массового поражения как такового ни у одной цивилизации нет, за этим следят пристально и строго, но тяжелого инструмента полно на любом задрипанном кораблике, и разрыхлители мигом превращаются в рассекатели. Поэтому, во избежание непоняток, на каждом дозорном глистовозе сидит пара «мишек». Очень удобно. Неудобно только нашим мыслящим глистам, которые не умеют вести переговоры без камня за пазухой и всегда первым делом прикидывают, как бы чего пограбить. Сам факт присутствия «мишек» на Земле и их популярность в народе — нож острый для властей. Дай им волю, они бы этих мох-

натых близко к людям не подпускали. А то мало ли чего люди придумают. Захотят, например, чтобы все чиновники были честные и говорили только правду. Это же с ума сойти, что начнется.

Короче говоря, я балбеса Бенни отчасти даже оправдать готов — исключительно в той небольшой части, что касается обхода бюрократических рогаток.

И полностью одобряю Дика, который чего-то Урсуле на ухо шепчет и даже вроде бы хочет здоровой рукой ее приобнять, но сдерживается. Она ведь на ощупь должна быть как дорогая шуба. Я бы с ней и сам пообнимался.

— А мы-то тут с какого боку? — спрашиваю. — Зачем ей дед понадобился?

— Урсула — моя коллега, — объясняет Бенни. — Мы третий год работаем в паре, я изучаю их, она изучает нас. Ее интересует феномен серийной семьи, а я возьми и проболтайся, что сам в такой состою, да еще в одной из наиболее успешных. И у нас скоро юбилей патриарха, на который все съедутся... Ну и... А Урсулу в следующий раз пустят на Землю только через три месяца. И как я ее сюда протащу, если до юбилея — неделя?

Врет и не краснеет. Все очень убедительно и совершенно в духе Бенни, но почему я ему не верю? Наверное, не хочу смириться с мыслью, что этот добрый и славный в принципе парень — не наш. Чужой. И всегда я в нем чувствовал некую внутреннюю отчужденность. Он еще пешком под стол ходил, и уже мне не нравился.

М-да... Манга оглядывается по сторонам, кого-то выискивая. Стол большой, на сто персон, одним краем в стену уперся, и некогда просторное бунгало Дика теперь кажется очень тесным — не было

рассчитано на то, что нас так быстро станет так много. Ничего, в тесноте да не в обиде. И многим здесь сегодня отдельно за праздник — возможность по-человечески посидеть, чувствуя, так сказать, дружеский локоть. Поскольку в обыденной жизни вокруг них слишком много свободного места, ибо не всякому положено к таким людям приближаться вплотную без предварительной записи. Нет, богатеев-олигархов и больших начальников среди нас отродясь не бывало, зато каждый — профессионал и, естественно, человек востребованный, занятой. Что-бы съехаться на юбилей, за год договаривались, и то не все смогли.

Не соврал Бенни, семья успешная.

— Бенни, видишь Феликса? — Манга спрашивает. — Вон, носом к салату прицеливается, его уже жена под локоть держит. Тебе достаточно было написать ему два слова. А видишь Акима, который из принципа трезвый сидит? Он всегда трезвый и готов помочь в любое время суток. Если стесняешься дергать занятых людей, которые намного старше тебя, — дерни нас с Гришкой. А мы дернем кого угодно. И через два рукопожатия получим выход на президента любой страны. Только это слишком высоко, тут хватило бы уровня МИДа... Погоди-погоди... Да вот же! Вон хлещет виски сэр Алан Макмиллан. У тебя должен быть его прямой номер. Ты забыл про Алана? Эй, ты нарочно забыл про Алана?..

Бенни пожимает плечами, но в глазах у него что-то проскакивает. Может, очень даже может, что нарочно забыл, то есть, не захотел.

— Ты какой-то феерический рохля, — Манга уже почти рычит. — Когда надо для твоих дурацких исследований, ты готов всех затрахать. А если

надо для себя — будто не родной. Алан с твоим отцом были не разлей вода друзья, когда мы с Гришкой ползали в подгузниках, а о тебе вообще никто даже не думал! Какого черта, Бенни?! Ладно, если тебя так страшно клинит, если такой стеснительный — для этого есть мы! Только свистни! И это тебя ни к чему не обяжет. Нам незачем требовать, доказывать, биться головой о стену, и уж тем более обивать пороги. Мы можем просто вежливо попросить, чтобы в порядке исключения твою коллегу пропустили через дипломатический коридор. Сэр Алан мило улыбается, делает один звонок — и нет проблем. И Урсула уже на Земле безо всех этих глупостей. А потом мы устраиваем ей встречу с дедом, и с кем еще захочет... Нет, ты должен вломиться, как слон в посудную лавку! Можно было все уладить по-человечески, Бенни. Зачем еще нужна семья? А? Чтобы ты всегда мог шепнуть пару слов человеку, который рад тебе помочь. И поможет он вовсе не потому, что ты родственник, а потому что ты хороший парень, иначе тебя бы с нами не было... Вот зачем семья.

— Да черта с два она для этого, — бурчу я. — Ладно, ладно, сугубо личное мнение...

— А я согласен, она не для этого, — говорит Бенни. — А ты, Манга, словно забыла, о чем моя диссертация. Я все понимаю не хуже некоторых.

— Так какого же хрена?..

— Сам хотел, — Бенни расправляет плечи. — Без рукопожатий. Без просьб. Без дипломатических коридоров в обход закона.

— Это я слышу от человека, который дал взятку государственному чиновнику?

Все-таки Манга редкая зануда.

— Хватит, — говорю. — В общем, Бенни, диссертация о серийной семье — штука хорошая, только

ничего ты в этой семье не понял, на чем и остановимся. А то сейчас Манга тебе в бороду вцепится. Она сегодня добрая, уже меня обещала пристукнуть...

А сам гляжу на сэра Алана и вдруг понимаю, что Бенни-то здорово на него смахивает, и чем дальше, тем заметнее это становится. Интересно, он в курсе, кто его биологический отец? Или сторонится Алана чисто инстинктивно? Надо бы заглянуть в семейную хронику — кажется, Алан Макмиллан и Торвальд Нордин как-то очень резко поменялись местами. Там сложился классический любовный треугольник, вполне мелодраматичный, типа «если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло». Нордин был в семье изначально, где-то нам с Мангой троюродный или вроде того, а Макмиллан — пришлый, его тетя Лена привела, и он сразу всем понравился. И с Тором они хорошо дружили, а потом вдруг года через три ка-ак настучали друг другу по мордасам, и Тор говорит: извините, теперь я Ленкин муж, ну что поделаешь — любовь. С Аланом они еще лет пять не разговаривали. Считается, что их Дик помирил, на самом деле и без него справились, перегорела обида, а симпатия осталась. Проклятье, какой же я старый, если помню столько интересного. А ведь у нас с Бенни не наберется и двадцати лет разницы... Да, точно, сами помирились. В полном согласии с кодексом семьи, прямо хоть бери их историю за эталон. Хороших людей на свете полным-полно, а вот таких, к которым у тебя, что называется, «душа лежит», очень мало, контакты с ними надо беречь, холить и лелеять. На этом и держится серийная семья. В ней отношения не рвутся, они надстраиваются и достраиваются. Из нее, бывает, уходят — обычно в сердцах, по ссоре, — про-

падают надолго, но рано или поздно возвращаются. И еще с собой приводят новых душевных людей. Это родство на каком-то экстрасенсорном уровне. Кто сам не чувствовал, тому трудно объяснить.

И вводят новых членов в семью осторожно, плавно, чтобы все успели присмотреться, и сам человек к нам принялся и понял: ух ты, как мне с вами хорошо. А жениться можешь, повторю, хоть на курице. К семейным отношениям не имеет отношения. Например, мой папуля свою первую любовь даже не думал сюда привести — хотя был молодой, втрескался по уши, да еще у кровных родичей иногда ум за разум заходит, будто они равнее других и их курицы тут будут терпеть... Не-а, не будут, даже если курица с золотыми яйцами. Семья в этом смысле довольно жестока.

Отчасти жестокость вынужденная: редкий человек с нами уживется, потому что внутри семьи принципиально не лукавят и не тянут одеяло на себя. Вне семьи, в общем, тоже. Быть честным и открытым трудно, судьба такого человека на планете Земля зачастую складывается как у «мишек»: народ тебя любит, а начальники гнобят. Иногда — к счастью, редко, — семье приходится выстраиваться клином и переть в атаку, защищая своего. Но в целом семья, конечно, не для этого, что бы там Манга ни думала. Мы создали мафию не ради выживания, а чтобы нормально жить.

— Мне за девчонку обидно, — говорит Манга. — Все должно быть по правилам, а тут профанация какая-то... Бенни ничего про семью не понял, так он всегда был остолопом, и Урсула ничего не поймет, хотя умненькая, ей просто не дадут... Никто не будет с ней серьезно разговаривать. И я не буду, чисто из принципа!

И в полном расстройстве присасывается к своему шампанскому.

А над столом гул, все уже сидят, откровенно развалясь, на веранде кто-то пробует гитару, сейчас начнется спонтанный джем-сейшен с разудалыми плясками. Здесь нет скучных людей, здесь умеют веселиться. А Дик все никак от Урсулы не отлипнет. Ну, ему виднее.

А я крепкого хлопнул — и меня осенило:

— Чего обижаться, да у нее все прекрасно! Мы Бенни выпрем из семьи к такой-то матери, а Урсулу себе оставим. В команде замена. Вместо выбывшего из игры социолога Нордина на площадку выходит социолог... Кстати, как ее фамилия? Естественно, Нордин. Посмотри, она ведь намного лучше Бенни, правда? Ее можно гладить. Можно использовать как коврик с подогревом...

— Да ну тебя! — отмахивается Бенни, но отчего-то вдруг потеет.

— Хватит водку жрать, Григорий, — говорит Манга строго. — Просохни малость.

— А когда мне еще жрать-то? У меня, знаешь, какой график? Послезавтра на старт — и в Рио. И далее везде, по самым жарким точкам. По всей Латинской Америке чешем, я даже теперь знаю, что такое Гондурас.

Чувствую, Бенни напрягся. Ага, не просто так ты именно к нам подсел, социолог хренов.

— Да я в общей сложности два месяца стакана не увижу!

— Это в Латине-то? Да там квасят даже в промежутках между выпивками — те, кто не курит и не нюхает!

— Пускай квасят, веселее будут. Я туда не пьянствовать, а работать еду. На работе мне просто нельзя. Ты меня пожалей, сестренка!

— Ты несешь радость людям, дубина, — сообщает Манга пафосно. — Это твоя миссия. Нашел, чего жалеть — стакана. Печенку бы пожалел!

Только я собираюсь в ответ тонко пошутить, тут у меня в левом ухе щелкает — вызов от деда. Гляжу через стол — а Дик смылся куда-то, вместо него с Урсулой баба Варя сидит. Прислал старик надежную замену, чтобы поддатые родичи не обидели мохнатую невестку. Баба Варя имитирует учтивую беседу, а сама, очень заметно, мыслями далеко-далеко. Ну да, ей сейчас приходится вокруг стола десять роботов гонять. Одно слово, что роботы, а дураки те еще. Поэтому и молодежь на подхвате, да и старшие не гнушаются пробежаться до кухни с грязными тарелками и пустыми бутылками — вон Виктор, отчим мой, самолично за добавкой поскакал...

— Гриша, будь другом, — говорит дед в левом ухе. — Прогуляйся со мной до площадки. Вот прямо сейчас вставай — и дуй. Есть дело по твоему профилю.

— Клоунаду учинить? — спрашиваю. — Или трагедию?

— Маленькую комедию.

Ладно, раз надо, значит, надо. Сейчас приду. Налью-ка себе, чтобы, как говорится, рука не дрогнула...

— Слушай, Гриш, — Бенни встречается. — Я помню, у тебя есть несколько скетчей, в которых участвует «мишка». Ты их еще играешь? А кто у тебя там в медвежьей шкуре?

— Его зовут, допустим, Вася. Заслуженный артист малоизвестных театров. Дальше что?

— Дальше — что скажешь, если сыграет настоящий «мишка»?

— Весь комический эффект потеряется, — отвечаю мгновенно.

— А ты подумай. Вдруг только усилится?

У меня глоток застрял, я аж закашлялся. Отдышался кое-как, горло прополоскал соком и говорю хрипло:

— Бенни, дорогой мой младший братец, если тебе позарез надо сплавить Урсулу в турне по Гондурасу — найди смелость это сказать прямо, как положено между братьями. А раз кишка тонка — позволь торжественно послать тебя в задницу! Нашелся, блин, импресарио...

— Мальчик сегодня явно не в себе, — поддакивает Манга. — Надо провести с ним воспитательную работу.

— Да идите вы... — бормочет Бенни и затравленно озирается.

Встаю, прошу ребят не убивать друг друга, пока не вернусь — я ненадолго. Уворачиваясь от желающих пропустить со мной стаканчик, выхожу на веранду. Тут же спотыкаюсь о толстенный кабель — это наша доморощенная рок-группа так одаренно подтянула себе питание.

— Хотите, чтоб убился кто-нибудь?

— Дед сказал — кидайте здесь.

— Своих мозгов нет?

— Ты чего злой такой?

— Техника безопасности, елки-палки. Если мне за сценой бросят кабель на проход и это менеджер заметит, человека уволят.

— Ну дед сказал...

— Ты ногу у деда видел?.. Нашел, кого слушать. Он инженер-испытатель, ему этой ТБ всю жизнь мозги полоскали. Естественно, он как вырвался на пенсию — сразу перестал ее соблюдать!

Воха, первая скрипка большого симфонического оркестра, лауреат международных конкурсов и так далее, чешет в затылке и говорит:

— А между прочим, у нас провода вечно лежат черт-те как, и не только за сценой. Некоторые спотыкаются. Очень странно, потому что ТБ для всех концертных площадок должна быть в принципе одна. Надо будет заняться этим. Ты прав, Гриша, учту на будущее.

Он берется за кабель и дергает его вверх, чтобы переложить удобнее. В следующее мгновение через кабель летит кубарем сэр Алан Макмиллан, но я успеваю его поймать.

— Грег, нам нужно идти, — говорит Алан как ни в чем не бывало. — Нас ожидают.

Мы спускаемся с крыльца и идем вдоль рядов машин к посадочной площадке. Я полной грудью вдыхаю запахи лета — и кружится голова. Что это за кусты такие? Жасмин, кажется. Господи, как тут хорошо. Дик купил дом в заброшенной деревне лет восемьдесят назад — и потихоньку начал подтягивать наших. Зазывал в гости, показывал местные красоты и агитировал здесь строиться. Теперь не деревенька, а загляденье, и почти на километр во все стороны своя земля. А дальше фермеры орудуют, в которых семья вложилась с одной только целью: чтобы хорошим людям было чем заняться, а плохие сюда не лезли... Почему я редко бываю здесь? Только из-за профессии. Шебутная она, не засидишься.

Дик — на краю площадки, его коляска нервно переступает с ноги на ногу.

— Как ты это делаешь? — спрашиваю.

— Задницей, — просто объясняет Дик. — Алан, ты ему сказал?..

— К сожалению, не успел. Я упал, — произносит Алан с достоинством. — Мне надо было восстановить равновесие.

И прячет в карман фляжку.

Дик качает головой. Легкий по жизни человек, ироничный и добродушный, он сейчас выглядит непривычно серьезным.

— Ерунда, — говорит ему Алан. — Не напрягайся из-за ерунды. Это все несерьезно. Когда серьезно, они действуют на другом уровне. Присылают эмиссара с особыми полномочиями.

Дик оглядевается: на горизонте возникает маленькая черная точка.

— На что и надеюсь, — говорит он. — Уровень — так себе... Гриша, я собрал вас здесь, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие — к нам едет ревизор, хе-хе... То есть, главный местный полицей, с ним чиновник миграционной службы. Полицей, я так понимаю, чтобы проявить уважение, ну и в надежде на выпивку — мы с ним давно и прочно знакомы. А вот чего ради сюда намылился мигрант, даже думать лень. Сейчас узнаем. У меня к тебе просьба: надо так их встретить, чтобы сразу поняли, куда попали. Чтобы на них снизошло неопишное счастье — и максимальная неловкость одновременно. Лучшего человека, чем ты, для этого просто не придумаешь. А досточтимый сэр Алан прикроет наши тылы юридически. Он разбирается во всякой фигне. Если что, он еще и неприкосновенная персона.

— Если что, всегда можно спрятаться в моей машине, — говорит Алан.

И глупо хихикает.

Дик смотрит на него пристально.

— Я просто вспомнил: у меня там много чего есть, — Алан снова лезет в карман за фляжкой. — Ричард, умоляю, ну перестань ты нервничать. Такой замечательный день. Наконец можно расслабиться. А ты напрягся, будто к тебе летит батальон морской пехоты.

— Для морской пехоты я нашел бы дело, — говорит Дик. — Надо пруд вычистить, и это сугубо ручная работа, технику не подгонишь к нему. Что я, в армии не служил? Хорошая беседа с офицерами, пара бутылок, а солдатики пускай копают...

— Ты не поверишь, у нас была та же фигня, только это надо делать очень тихо, а то полно стукачей, — говорит Алан, завинчивая крышечку. — Обычно использовали новобранцев.

Черная точка уже превратилась в полицейский вертолет. Он идет в режиме глушения и вместо обычного стрекота — негромко чпокает. Уважает, значит. Обычно в сельской местности они не церемонятся: глушилка быстро выжирает ресурс лопастей. Машина заходит на посадку, ветер треплет мои волосы. Я закрываю глаза, контролирую дыхание...

Я на работе. Я очаровательный. Я несу радость людям. Вот прямо сейчас и принесу.

И вместо простого русского парня Гриши Грачева, заметно поддатого и слегка расхристанного, перед официальными лицами возникает знаменитый на всю планету комик, любимец публики Грег Гир.

Надо видеть эти лица.

Кажется, их миссия провалена, толком не начавшись. Все-таки неплохой я артист. Не зря пошел в профессию.

Внешне не ступавался только мужчина в штатском, о визите которого нас не предупредили, но я-то вижу, каких усилий ему стоит сдержать радостное изумление.

— Вот это да! — полицейай даже руками всплеснул. — Как же я... Ну разумеется! Вы же внук!.. Вот это да!

Миграционный чиновник просто растерян. У него в руках папка, и он, похоже, думает, а не су-

нуть ли ее мне для автографа. Это все, что его занимает сейчас; остальное, как верно заметил досточтимый сэр Алан, — ерунда.

Тем временем мужчина в штатском просовывает к сэру Алану и крепко жмет ему руку, как старому знакомому. Вот он и пожаловал, тот самый эмиссар с особыми полномочиями...

Полицай обнимается с Диком, путанно и многословно поздравляя его со столетием. Инвалидная коляска тут же сует полицая выпивку под нос. Немая сцена.

— Послушайте, господа хорошие, — говорит штатский. — Раз уж так получается, давайте я, ага?

— Нет-нет, — возражает полицай, — я же обязан.

— Да у вас стакан в руке, чего вы обязаны...

Полицай удивляется. Рефлекторно схватил, не иначе.

— Дипломатический советник Русаков, — представляет штатского Алан. — Переводя на человеческий язык, офицер по особым поручениям вашего МИДа. Мы знакомы. Он тут неофициально, для информации, и это все упрощает. Давайте и правда по-домашнему. А потом выпьем! Вон там, в беседке, можно отлично сесть.

Дипломатический советник смотрит на часы.

— Можно и сесть, — говорит он.

— Нет, но я обязан, — встречает полицай. — Это чисто протокольное. Буквально пара минут. Уважаемый Ричард Викторович. Находится ли сейчас на вашей территории некто Бенджамен Нордин?

— А почему вы спрашиваете? А не позвать ли мне адвоката? Вон в том доме их человек десять на любой вкус, есть красивые женщины, — заявляет Дик. — И все очень недовольны тем, что им портят праздник.

— Так и запишем: от ответа уклонился...

— Нет-нет. Будучи по случаю праздника в состоянии алкогольного обвинения... Тьфу, опьянения!.. Отвечать членораздельно не смог.

— Ну, причина уважительная, — говорит полицей. — Находится ли сейчас на вашей территории урсунويد, называющий себя Урсулой Нордин?

— Будучи в состоянии алкогольного опьянения, мне что урсунويد, что гнидогадоид — не различаю лиц!

— А провести осмотр территории и опрос свидетелей я без ордера не могу, — заключает полицей. — Значит, официальная часть закончена. Твое здоровье, Дик! Поправляйся и живи еще сто лет как минимум.

И немедленно пьет.

— А я?! — обиженно спрашивает миграционный чиновник.

— А жалоб и заявлений не было, — говорит ему полицей, берет у Дика новый стакан и сует его чиновнику. — И депортации не предвидится.

— Не было, — подтверждает Дик. — И не предвидится.

— Они своих не сдают, — объясняет полицей «мигранту». — Это же семья. Никто закон не нарушал, а если против понятий набедокурил — они внутри разберутся и накажут.

— Ваше здоровье! — говорит «мигрант» и почему-то кланяется, прежде чем выпить. От уважения, вероятно.

— Ваш ход, советник, — Алан кивает Русакову.

— Да, сэр. Мне поручено сообщить вам, Ричард Викторович, чисто в порядке информации, что урсунويد, называющий себя Урсулой Нордин, объявлен у себя на родине вне закона.

Несколько секунд мы стоим в молчании, перева-
ривая услышанное.

Мне хочется глупо пошутить, чтобы разрядить обстановку, но я не умею импровизировать. Все мои блистательные импровизации, от которых публика стонет, это домашние заготовки. Хороший экспромт тем и отличается от плохого, что его надо тщательно готовить.

Дик просто молчит — собранно и деловито, если только можно «деловито молчать». У него даже коляска больше не приплясывает.

— Дерьмо собачье, — бросает Алан. — Вне закона, какая сильная формулировка, аж страшно. А девку выгнали из стаи, вот и все. Просто выгнали из стаи. Предлагаю всем расслабить промежность и сделать вдох-выдох. Чего она натворила?

— Мы не имеем никаких данных и вряд ли сможем их получить в обозримом будущем. Нас только поставили в известность о факте наказания.

— Поскольку не было заявления... — начинает полицейай.

— Понятно, понятно, — цедит Дик.

Понятнее некуда. Нет заявления — нет преступления. Значит, на территории, подпадающей под земную юрисдикцию, Урсула ни в чем не виновата.

— Что мы знаем на сегодня... Это молодая особь, ей около тридцати лет в нашем эквиваленте, — говорит Русаков. — Дальше все очень условно, потому что мы подгоняем данные под земные понятия и определения. Если я говорю «ученый», это не значит, что она ученый. И если говорю «социолог»... Это самое близкое, что у нас есть. Так или иначе, она работала на Земле наездами в общей сложности около двух лет. Полугодичными циклами — «миш-

кам» не дают тут засиживаться по причинам, которые я не уполномочен обсуждать...

— Тоже мне секрет — вы их гоняете, чтобы беременные самки не рожали на Земле. А то придется дать «мишке» наше гражданство — и понеслось...

Зря я все-таки перед выходом стопку хлопнул — она лишняя была. Русаков косится на меня неодобрительно, никак не комментирует мою реплику — и продолжает:

— Три месяца назад эта особь в очередной раз вернулась домой, и вместе с ней уехал работать Бенджамен Нордин. В его задачу входили так называемые полевые исследования, а урсуноид консультировал обработку результатов. Ничего, в общем, необычного. Что случилось дальше, никто понятия не имеет. Так или иначе, Нордин поступил в некотором смысле остроумно, использовав лазейку в законодательстве. Жениться-то сейчас можно хоть на корове! Мы просто этот момент прошляпили. Никому и в голову не приходило...

Русаков удрученно качает головой и косится на бутылку.

— Он ее как медведя, что ли, оформил? — спрашивает Дик.

— Совершенно верно. Это его ручная медведица! Урсула, мля. Она даже на четыре лапы встала ради такого случая. И господин Нордин через посольский терминал преспокойно оформил все документы. Только ветеринарный паспорт ему сляпал на коленке тамошний врач, но сляпал убедительно. Собственно, это единственный в посольстве, кто видел Урсулу живьем. Все остальное Нордин провернул удаленно — а что взять с компьютера, он железный и знает два ответа: «да», «нет»... После чего Урсула опять встала на две ноги — и пошла садить

ся на земной рейс как законная супруга, вписанная в гражданский паспорт мужа, поскольку свой гражданский паспорт медведю, трам-тарарам, не положен. И не подкопаешься. Ловко сделано, признаю. Ваш внук зарывает талант в землю, ему бы в разведке служить.

— Надеюсь, врача уже расстреляли?

— Вам шуточки, Ричард Викторович, а с доктором будем разбираться, это же служебный подлог, уголовная статья. Ишь, гуманист нашелся. Сейчас летит домой, посмотрим, чего расскажет.

Дик с Аланом переглядываются, Алан едва заметно кивает. Русаков слегка морщится.

— К сожалению, по сути дела врач не знает ничего. Он просто «мишку» пожалел. Крутят они нами как хотят... Манипуляторы.

Русаков снова косится на бутылку, и я его понимаю — бутылка хорошая.

Дик ловит этот взгляд и никак не реагирует. Не хочет угощать дипломатического советника.

— Когда «мишку» выгоняют из стаи, он покойник, — говорю я. — Без семьи он никто, у него статус добычи. Миллион лет назад изгнанник мог прибиться к другой стае. При известном везении был такой шанс. У молодой самки или очень сильного самца — чуть больше шансов. Но чаще одиночка погибал. Его просто убивали другие «мишки». Потому что мордой не вышел или им кушать захотелось. Изгоя можно задрать и слопать, закон такой. А теперь вся их цивилизация — единая стая. Закон остался прежним, изгнанник — легитимная добыча для любого «мишки». А вот другой стаи ему уже не найти. То есть, шансов ноль. Абсолютный. Вы это знали, советник?

— Ваши симпатии к урсуноидам общеизвестны, Грег, — холодно отзывается советник.

— Вы это знали.

— И что? «Мишки» повсюду. То, чем они занимаются — ползучая оккупация. Это страшно, на самом деле. Земля — единственное место, где оккупацию сдерживают.

— Вот почему Бенни привез Урсулу сюда, — говорю. — Логично, вам не кажется?

— Мне бы хотелось поговорить с ней, — Русаков поворачивается к Диду.

Дик молчит. Все молчат. Шумно и грузно молчит полицейский; тихо молчит и не шевелится Алан, хорошо у него получается, видно опытного дипломата; полностью растворился в воздухе миграционный чиновник, его тут не было и нет, он не хочет во всем этом участвовать.

«Мишек» на Земле в среднем меньше тысячи. Да, конечно, они теперь вполне интеллигентные ребята, а не полузвери, как миллион лет назад, но закон есть закон. Никто не обязан убивать Урсулу, однако и запрета нет. Дальше все зависит от тяжести преступления, о котором они наверняка узнали еще вчера по своей телепатической почте. И каждый «мишка», наткнувшись на Урсулу, будет решать для себя, достойна она жить или нет. Матерый самец загрызет ее в пару секунд, а она небось и сопротивляться не станет. Одна осталась на всем белом свете, вычеркнули ее, ну и чего ради трепыхаться?

У «мишек» нет системы наказаний в нашем понимании: они треплют непослушных детей, взрослые могут подраться, и только. А отлучение от стаи — это смертный приговор, ребята. У Урсулы никаких перспектив. Выжить она сумеет, но жить ей без семьи незачем.

Как она вообще сегодня держится — фантастика. Устойчивая психика, железные нервы. Я бы голо-

вой о стенку бился... Ловлю себя на том, что думаю об Урсуле как об обычной земной женщине. Забавно. И неправильно. Нет, дорогие мои, она — из ряда вон, она — несчастнейший из смертных, вам такое одиночество и представить нельзя. Я могу, но я актер, меня этому учили. Я могу представить и не такое одиночество.

Искать ее намеренно не будут. Урсула без проблем сможет устроиться на Земле так, чтобы не попадаться на глаза соплеменникам.

Это, конечно, не выход. Это не жизнь.

Кстати, о жизни и смерти. Сейчас Урсула, насколько понимаю, все еще числится домашним животным — и «мишка», убив ее, попадает года на три максимум...

— Надо ее в человека переоформить, — заявляет полицейай, будто услышав мои мысли. — А то если грохнут, сколько можно накрутить — ну года три, и то с учетом наличия умысла и особого цинизма... Плюс намеренная порча имущества, но она поглощается более тяжким... Стоп! А вот и нет. Это же убийство супруга! Со всеми вытекающими последствиями. И тогда, извините, вплоть до пожизненного. Только нормальный гражданский паспорт ей все равно надо сделать.

— Вы ее даже не видели, — говорит Русаков с горечью. — Вы не знаете, что она натворила. Тем не менее она уже вами манипулирует. Вот так они захватывают обитаемую вселенную. Они повсюду, и у них все под контролем. Но смею вас заверить, мы не позволим им сделать это на Земле.

— Да ничего страшного она не натворила, — говорит Дик устало. — С человеческой точки зрения — совсем ничего. Теперь уже я смею вас заверить: пройдет не так уж много времени, и вы бегать

за ней будете на четвереньках, чтобы она до вас снизошла.

Русаков делает надменно-удивленное лицо. Получается неплохо — видеть, тоже учили.

— Она хорошая девчонка, — говорит Дик. — И хотела как лучше. Просто ее на родине не поняли. Не знаю, чем все это кончится. Сегодня она мой гость. А об остальном я подумаю завтра. Спасибо за визит, господа, и всего вам наилучшего.

Коляска разворачивается и шагает к дому. По дороге она наливает хозяину выпить, чуть-чуть, на самое доньшко. Дик в совершенстве владеет этим искусством — принимать по маленькой и равномерно. Не то что я, например.

Русаков вопросительно глядит на Алана, тот молча кланяется и отворачивается. «Мигрант» открывает папку, листает документы, рвет какую-то официальную бумагу пополам, и я оставляю два автографа — ему и полицаяу. Оба лезут в вертолет, подчеркнуто не обращая внимания на дипломатического советника. Они даже пытаются дверцу захлопнуть у него перед носом. Они почему-то не верят в то, что «мишки» хотят нас оккупировать.

И они, конечно, уверены, что мы найдем для Урсулы выход из безвыходного положения. Мы ведь — семья. У нас Дик. У нас десять пьяных адвокатов прямо здесь.

То, что нам может оказаться совершенно неинтересна заведомо дохлая медведица, пусть и очень пушистая, никому в голову не приходит.

Если меня сегодня действительно попросят сплавить Урсулу с глаз долой в Латинскую Америку — не удивлюсь. Семья уже сделала для нее все, что можно. Дальше помочь нечем. Значит, нет медведя — нет проблемы. Дик принимал такие жест-

кие решения не раз. Бывали этически неоднозначные ситуации, когда человека жалко, а помочь ему никак, и все вздыхают, и все мнутя, — и дед брал на себя ответственность за разрубание узла, и тогда все вздыхали уже с облегчением, я знаю. Почему семьи ценят патриархов: «дедушка старый, ему все равно», он знает, когда прикинуться бессердечным, чтобы молодым не пришлось тащить эту ношу.

Алан достает фляжку и встряхивает ее.

— Дерьмово обстоят дела, вот что я скажу.

— Увы, совсем ничего не осталось?

Алан ухмыляется и прячет фляжку.

— Пойдем, Грег, я налью тебе из багажника, обладающего правом экстерриториальности. Там спрятана настоящая дипломатическая записка. Ты сможешь придумать шикарный скетч. Мы стоим на русской земле, протягиваем руку через границу — и достаем бутылку прямо из Великобритании. Представь, сколько тут кроется забавных казусов...

— Бенни сделал это, — говорю. — Бенни запырил такой казус — долго придется расхлебывать.

— Вот пойдем и хлебнем, — говорит Алан.

Хлебнули из багажника — действительно вещь там спрятана у досточтимого сэра, — и Алан спрашивает:

— Как думаешь, Дик догадался, что она сделала? Или решил заморочить Русакову голову?

Пожимаю плечами. Дик такой, он может. И первое, и второе.

— Я просто волнуюсь за Бенни, — объясняет Алан. — Как бы его сегодня не затюкали. А парень совсем один и ему плохо.

— Там с ним Манга сидит. Она, конечно, не подарок, но с ее чувством справедливости — не даст Бенни в обиду.

— Понимаешь, он в принципе один. Лена и Тор совсем его забросили, а мне как-то неудобно ему навязываться в друзья. Да, он взрослый мужчина, но иногда мы остро нуждаемся в поддержке, а Бенни не умеет ее искать и уж тем более просить. А теперь еще и вся семья против него...

Поднимаю глаза и смотрю на Алана в упор. Был бы трезвым — промолчал бы, но больно странный выдался денек, и я уже навеселе, а к ночи вконец наклюкаюсь. Устал потому что.

— Бенни здорово похож на тебя.

— Спасибо, — говорит Алан и благодарно улыбается. — Но поэтому я лучше других понимаю, как ему непросто. Помню его маленьким — я в детстве был такой же серьезный и замкнутый. У него с возрастом это прошло хотя бы отчасти, а у меня ведь не прошло. Меня только Лена расшевелила. Я здорово ей обязан — и тем, какой я нынче есть, и своей карьерой... кстати, мужем я все равно оказался никудышным и был бы Бену дрянным отцом. До этого надо дорасти. Я только сейчас дорос. Вижу, ты понял... Скоро начну вас потихоньку знакомить. Она тебе понравится.

— Пусть у тебя все получится, — я жму ему руку, и становится тепло. — А насчет Бенни... Его сегодня покусает, конечно, но в итоге простят, мне так кажется. Если Бенни поставил все на карту, чтобы спасти какую-то инопланетную медведицу, значит, дело того стоило. Дик с этим разберется. Я в Дика очень верю, он и не такое разгребал. Хотя его поломанные руки-ноги уже из области старческого маразма, но... Урсула появилась очень вовремя: скучающему патриарху будет, чем заняться!

Кабеля поперек дороги уже нет, и это радует. Возвращаюсь за стол, плюхаюсь на свое место, бла-

годарю Бенни и Мангу, что не поубивали друг друга, гляжу новыми глазами на Урсулу. Только что отгрел новый тост за дедушку — и снова Дик с Урсулой секретничает, опять со сладкой улыбочкой, старый лицемер. А несчастнейшая из смертных держит ушки бодро, мордой выражает глубокую заинтересованность и полное благодушие — ну железная выдержка у нее. Или я чего-то не понимаю.

За что «мишку» сейчас могут выгнать из стаи? Это можно спросить у Бенни, да только фиг ему, пускай сидит и мучается. Заслужил. Я ему сегодня много чего сказать хочу, и все не по теме...

— Григорий, ну делай же паузы. Или половинь хотя бы.

— А если мне с собой трезвым — скучно? Манга, я же в промежутках от работы до работы — невыносимо скучная личность. Я похож на человека, когда играю или когда выдумываю. А в паузах — тоска сизая.

Не кривлю душой ни капельки. Ведь так оно и есть: скучный тип с тоскливыми глазами. От баб отбою нет, только жить со мной никто не остается. Как увидят эти глаза — прости-прощай. Спинным мозгом чувю, на что напоролись.

Только не подумайте, что это трагедия. Это комедия. Пока еще. Дальше будет хуже.

— Послушай, но тебя так любят...

— Меня любят не за унылую физиономию, верно? Любят за веселую. Которую я делаю для публики. Ради публики. Чтобы людям было хорошо. А я потом как выжатый лимон — и мне грустно.

— Но ведь это замечательно!

— То, что мне грустно?

— Дубина! Оглянись вокруг! Посмотри, сколько наших черт знает чем занимается, чтобы создать

какие-то новые смыслы — и с огромными усилиями, чуть ли не через задницу донести их до народа! А у тебя все напрямую. Прямой контакт. Счастья ты своего не понимаешь!

Какая все-таки Манга до отвращения правильная. И ужасно привлекательная в своей анимешной ипостаси. Да чего там, просто красивая. Пожалуй, надо мне и в самом деле малость просохнуть, а то сейчас вовсе растаю от нежности, целоваться полезу, а ей только этого и надо, давно готова.

Нет-нет, я еще помню времена, когда Мангу звали Сашкой, и он, сволочь, мне хоккеейной клюшкой между глаз заехал, едва нос не сломал. Если сильно напрячь память, я, пожалуй, вспомню его хитрую, смазливую и вполне русопятую детскую морду. Но последнюю четверть века это шикарная анимешная деваха, из тех, кого зовут «свой парень», а еще высококлассный переводчик и эксперт по деловым контактам с Дальним Востоком. Имеет невинный с точки зрения японцев сдвиг по фазе на почве хай-тека: дома в Киото у Манги целая свора киберсобак и два кибермужика. Не потому что такая вся из себя хиккимори, а просто ее стержневой характер даже собаки не выдерживают. Прекрасный человек и замечательный друг, уверяю вас, просто ярко выраженная сука — ну, бывает. Она и за Урсулу готова подписаться обеими руками не столько по доброте душевной, сколько от бессознательной тяги подминать под себя все хорошее, до чего может дотянуться, потом сколотить из этого хорошего стаю и начать стаей мудро руководить. Ну, ей кажется, что мудро. Спорим, моя дурацкая идея на полном серьезе взять в семью «мишку» сейчас прямо-таки бродит, пузырится и булькает в красивой Мангиной голове.

Дик жалеет Мангу, говорит, она какая-то неприкаянная выросла, и вся ее японщина — просто метод компенсации психики, бегство от незалеченных проблем. Некоторые наши слегка побаиваются с ней общаться. Любуются издали, а душевно поговорить — не получается. Все признают, что Манга «свой парень», но уж больно она прямолинейная, а временами и грубоватая, язык без костей. Ну да, мы друг другу принципиально не врем, только совсем хамить-то не надо.

А я привык. Я ее не боюсь ни капельки, мудро руководить собой не дам, она это понимает и, как ни странно, высоко ценит. Только обижается, что я, с моим-то профессиональным слухом, даже не пытаюсь выговорить ее японское имя и зову подругу детства, в лучшем случае, Мангой, а в минуты раздражения — госпожой Кусаки.

Приставать к ней с нескромными предложениями мне мешает только одна причина: я-то знаю, насколько Манга одновременно ранима и зверски сержезна. Поэтому мужики и собаки, с которыми она живет годами, — механические. С Мангой нереально разок заняться любовью, чисто от хорошего отношения, и назавтра разойтись друзьями, она не поймет. Она решит, что ее предали. Семья потеряет этого ценнейшего человека навсегда. И я потеряю.

Иногда я думаю в сердцах, что она просто тупая, а потом долго гоню от себя мысль, до чего же это похоже на правду...

Тут с дальнего конца стола подваливают мои, точнее, делегация от моих — папуля с Виктором. Женщины салютуют бокалами, мама подмигивает, мол, все прекрасно. Мама, пожалуй, самая яркая здесь, и это очень приятно. А живет яркая женщина тихо-тихо, незаметно, надо просто знать, какой она

сильный терапевт. У мамы все хорошо сложилось, она никуда не рвется и ни о чем, кажется, не жалеет. Знаменитых тут и без нее хватает.

А эти двое нависают надо мной со значительными лицами и принимаются разглядывать, да так сурово, что вокруг голоса стихают, и все оборачиваются в нашу сторону.

— Какой он все-таки у нас замечательный, — говорит папуля Виктору.

— Прекрасный, — отзывается Виктор.

— Мы — молодцы.

— Безусловно.

Они чокаются, выпивают, круто поворачиваются и уходят. Вслед им несется дружный хохот и аплодисменты.

— А я все думал, в кого ты такой артистичный, — говорит Бенни. — В обоих, значит.

— Ну, все-таки в папу, но без Вити я бы не состоялся. Папуля задавал общее направление и поддерживал в трудные минуты, а Витя-то, извини, меня растил день за днем. Как говорится, отцы приходят и уходят, а отчимы остаются...

Кстати, Виктор и терпел меня день за днем тоже, редкой деликатности и доброты человек. Я папу обожаю, это личность, но сейчас понимаю, как правильно он сделал, что вовремя ушел. Он бы меня регулярно обламывал. А так у меня просто образовалось два комплекта родителей, и я заметно этим избалован. У Бенни по-другому. Со слов Алана выходит, что Тор очень вовремя подстраховал его, но самого Алана не было поблизости, когда Бенни рос. Это зря.

— А твои-то где? — спрашиваю.

— Да как обычно, — Бенни разводит два пальца, один вверх, другой вниз.

— С тетей Леной все понятно, а Торвальд мог бы и вынырнуть по такому случаю, — вворачивает Манга. — Заодно бы вправил кое-кому мозги.

— С пяти километров выныривать не так просто.

— Какие все занятые, — Манга фыркает. — Налей мне, Гриш. Почему у твоей дамы пусто? А еще Гамлета играл...

— Я?! Никогда я Гамлета не играл. Мне до Гамлета расти и расти. Ты вообще за мной следишь?

— А ты за мной — следишь?

Пообщались, называется. Покоммуницировали.

— Вот скажи мне, Бенни, как социолог, — требуется вдруг Манга. — Чем все это кончится?

И обводит бокалом вокруг.

— Вы за мной тоже не следите, — говорит Бенни. — А я уже три года как все расписал. Мне тогда предложили работать с «мишками», надо было решать, и тут я понял, что готов закрыть тему, подвести итоги. Опубликовал большую работу. Получил в ответ ушат помоев на голову от благодарных читателей. Ну, какой текст, такая и ругань — масштабная.

— Извини, я только сценарии читаю. Совершенно дикий в этом смысле. А Манга...

— Давай, не тяни, — говорит Манга.

— В общем, наша семья — ненормальная.

— Удивил! — смеемся мы хором.

— Да не в том смысле. Атипичная она. Почему Урсула сейчас так к Дику прилипла — видите? — потому что это феномен. И вы феномены, и все остальные за этим столом. У нас базовая парадигма — нематериальная. В то время, как нормальная серийная семья, где контакты не теряются с разводом партнеров, а только надстраиваются — прообраз будущего владетельного рода. Их тысячи, и они все одинаковые. Одна наша такая долбанутая.

— Погоди, они надстраиваются, чтобы набрать побольше сил? И только-то?

— Именно. Говорю же, будущие владетельные кланы. Все очень продуманно, очень просчитанно...

— Новая аристократия? Боже, как скучно.

— ...и невыносимо скучно. Ты совершенно права. И еще они постоянно лицемерят перед собой и родственниками. Живут в атмосфере привычной повседневной лжи. Такие серийные семьи абсолютно утилитарны, у них нет каких-то принципиально новых задач. Они не порождают новых смыслов, как наша семья. Ну и чем это отличается от династических браков, например? Это откат в Средневековье, а не движение вперед.

— Тогда понятно, за что тебя ругали, — кивает Манга. — Ты же их носом в зеркало ткнул. Молодчина. А я думала, ты дурак вроде Гришки!

— А сама ты что твердила? — тут же бросаюсь я на Мангу. — Решать проблемы, решать проблемы, через два рукопожатия выходим к президенту... Не для этого семья! Родственников не выбирают, да? А мы — выбираем!

— Да не в этом дело, — перебивает Бенни. — Главное, у нас критерий отбора другой. Все выбирают новых родственников, и весьма придирчиво, даже тщательнее, чем у нас. Но именно с целью решения возможных проблем, расширения влияния, объединения сил и слияния капиталов. И полезного в этом смысле, но не самого приятного человека будут терпеть. Постепенно число неприятных людей в структуре нарастает, вместе с этим растет необходимость лицемерить и врать, и внутри семьи копится напряжение, которое может найти самый неожиданный выход, вплоть до убийства. А теперь оглянитесь: ну, кому тут в рожу плюнуть? Если только мне...

— Тебе-то за что? — удивляется Манга.

— Сама говорила.

— Да забудь, уже простила.

— Тогда я сам себе плюну, — говорит Бенни. — Потому что я в семье — урод. В любую другую вписался бы, а здесь — чужой.

— Да какой ты...

— Чужой, — говорю. — И я с самого начала был против того, чтобы тебе давали прямые контакты и аварийные коды. Ты бы просто не смог ими воспользоваться, что и доказал сегодня. Но меня, конечно, не послушались. Меня никогда никто не слушается. Ну кто я — клоун...

Манга глядит, что называется, большими глазами. Хотя куда уж больше. А Бенни спокойно кивает.

— У меня социофобия. Одна мысль о том, что надо кого-то попросить о чем-то, доводила меня в детстве почти до слез. Молодые люди с этим борются, и самый типичный путь — найти профессию, которая заставляла бы тебя активно общаться. Многие идут в репортеры, я вот стал социологом, и даже неплохим. И если это надо для дела, я покойника растормошу. Пока еще могу растормошить, с возрастом фобия усилится, придется забыть о полевой работе... Но попросить о чем-то ради себя — меня клинит, как в детстве... Поэтому, Гриша, у меня нет ни прямых телефонов, ни аварийных ключей — я их стер в тот же день, когда мне их торжественно вручили. Ты прав, я не смог бы ими воспользоваться. Что интересно, в типичную серийную семью я бы вписался, заставив себя лицемерить. Притворился бы тем, кто я есть — исследователем. Играл бы роль. В нашей семье играть нельзя, она ведь создавалась, чтобы люди были собой, раскрывались, становились свободнее, добивались многого. И я вижу, как это работает. Здесь сейчас че-

★ ловек двадцать, у которых не было шансов, но семья их вытянула. Манга, можно совсем прямо?.. Годам к двадцати ты должна была покончить с собой минимум три раза — убивала бы себя, пока не получится. А ты, Гриша, уже загнулся бы от алкоголизма...

— Думаю, раньше, к восемнадцати, — кивает Манга.

— Не дождетесь, — фыркаю, но сам понимаю, что Бенни только со сроками промахнулся: ну действительно, не так-то просто убить меня водкой.

— Тебя не вытянули, — произносит Манга без выражения.

— Нельзя вытянуть всех, и так результаты прекрасные. А со мной... Дело даже не в родителях, которые всегда были немножко слишком заняты собой. Фобия на то и фобия, что с ней почти невозможно справиться. Слушайте, да не глядите так, у меня все нормально. И будет нормально, просто пора уходить. Наша семья не терпит притворства. Я тут сегодня пытался врать, и вы меня раскололи. В нашей семье ложь не органична, она сразу видна. Семья не для этого, она для счастья. Ты угадал, Гриша, нынче в команде замена. Вместо выбывшего социолога Нордина на поле выходит социолог Нордин. Он гораздо лучше меня — ему незачем притворяться кем-то, кем он не в состоянии быть.

— Я же ее в Гондурас везу, — бормочу тупо.

— Нет, спасибо. Мне только что дед позвонил, — Бенни щелкает пальцем по мочке уха. — Гондурас отменяется, начинается... Новая история. А я побегал. Спасибо за все, друзья.

И он встает и уходит. Мы провожаем его глазами в полном оупении, не зная, что делать, — не принято у нас хватать людей за фалды. А он выходит за дверь и пропадает.

— Твою мать, — говорит Манга, — мы его так просто отпустим?!

— Погоди-погоди. Секунду. Дай оглядеться. Где Дик?

В комнате дым коромыслом, несмотря на распахнутые окна; на веранде вовсю пилят хард-рок; за окном мелькает длинный красный силуэт — машина уехала. Дика в комнате нет, Урсулы не видать, Макмиллана тоже нет, и принципиально трезвый Аким куда-то запропастился. Правильно, тут на автоматике не особо поездишь, дороги не те, нужен живой пилот...

— Ты все равно не отстанешь, — говорю Манге, — так что побежали. Надо прояснить один вопрос. Только сама не лезь в разговор, потому что ничего не знаешь толком, а я тебе потом расскажу, честное слово.

Мы выскакиваем на веранду, спотыкаемся о кабель и падаем. Зачем он снова здесь? Манга грациозно перекатывается и вскакивает, как резиновый мячик, а вот я ушиб колено. Ругаюсь матом, но меня не слышно из-за музыки, если этот трэш можно называть музыкой, конечно.

Бенни мы ловим, когда он уже выезжает с парковки.

— Пара слов, — говорю. — Только пара слов, не больше. И чтоб ты сразу понял... Доктора ты уговаривал ради дела?

— Ну не для себя же, — Бенни криво ухмыляется. — Значит, ты полностью в курсе... Дед сказал, что — да, но не объяснил, насколько.

— Кое-кто из дипломатического ведомства считает, что тебе с такими талантами надо было служить в разведке.

Бенни пожимает плечами, и тут настает моя очередь делать большие глаза. Я все-таки актер и многое вижу. Зацепила его эта фраза. Ладно, плевать.

— Бенни, за что ее вышибли?

— Она научилась врать.

— Мать твою... — не выдерживает Манга.

— Да я сам офигел, — Бенни хмыкает. — Она очень талантливая.

— Доэкспериментировалась? Эх, вы, грамотеи ученые...

— Если бы. Смотри, как было... — Бенни глушит двигатель, выходит из машины и садится на капот. Заметно, до чего он измотан.

— Концепцию лжи «мишки» понимают, как никто. Но на себя они эту концепцию никогда не примеряли. С их телепатическими способностями это бессмысленно, они же видят друг друга насквозь. Они способны молчать, и только, молчать даже мысленно, но врать... Им просто ни к чему. У них и так все прекрасно. Ну, им так казалось. Потому что до встречи с землянами они не имели дела с массивным враньем. Они работали с непониманием, нежеланием договариваться, разницей в культурных кодах... Да, это все подкреплялось ложью так или иначе. Но тут они впервые увидели тотально лживую цивилизацию, запутавшуюся в самообмане. И две страты: правители, которые врут, и народ, который ненавидит правителей за то, что те врут. Но стоит человеку из нижней страты пролезть в верхнюю, он принимается врать изощренно и виртуозно. А главное, мы правила игры меняем ежеминутно, и верить нашим обещаниям нельзя. Как с такими чудовищами разговаривать, непонятно. Как их вписывать в сложившуюся систему отношений — черт знает. А мы же лезем во все дырки, мы чего-то хотим, мы молодая цивилизация, у нас период экспансии. И мы брыкаемся, не желая признавать правила общежития. Нас, таких диких, в конце концов

и прихлопнуть могут... Я не шучу, если всех вконец запугаем — могут. Та ахиня, которую несут наши политики, — ее ведь принимают за чистую монету. Нас уже реально побаиваются, и многие откровенно рады, что мы пока летаем плохо и недалеко. В общем, с нами что-то надо делать, и «мишки» как профессиональные посредники вдруг оказываются крайними. От них все хотят, чтобы они нам объяснили: в глубокий космос не пускают мошенников, там надо соблюдать договоренности и работать сообща. «Мишки» лихорадочно ищут решение, не находят его — и не найдут, я уверен, никогда, мы сами раньше справимся... Но по ходу дела они начинают обсасывать земную концепцию дипломатии. У нас все манипулируют всеми. А почему бы, собственно, не начать манипулировать нами, раз мы такие умные? Обратить наше оружие против нас — ради благого дела, разумеется. Но для этого мишкам надо научиться врать. И старейшины обращаются к способной молодой исследовательнице — попробуешь? Мы просто хотим поглядеть, будет ли из этого толк. Она изучает вопрос несколько лет, тренируется в Москве, в этом вселенском центре лжи. Она действительно очень способная. Тут надо не просто досконально знать психологию и физиологию двух очень разных рас, требуется еще и недюжинный актерский талант. Она разрабатывает примерную методику — и пробует. У нее получается. Я обо всей этой фигне ничего не знаю: она просто мне не говорит. И три дня назад она демонстрирует старейшинам вранье на всех уровнях: вербально, моторикой и телепатически. Последний момент старейшин просто убивает. Им и первые два не понравились, но врать самому себе в мыслях — то, что на Земле умеют даже подростки, — это для них страшнее,

чем для нас питье крови невинных младенцев. С перепугу дедушки приказывают все данные стереть напрочь, сам вопрос забыть, будто его и не было, а единственного носителя чудовищного умения — нейтрализовать. Чтобы, не дай бог, еще кого не обучил, а вдруг ему понравится и волна дальше пойдет, это же для «мишек» полный крах. Убить на месте нельзя, не положено, значит — изгнать. Перед ней даже извинились. Мы, говорят, виноваты, прости нас. Но ясно, что ей хана. Загрызут не сегодня, так завтра... Она приходит ко мне, плачет. Не видел, как «мишки» плачут? Я тоже не видел до того дня. Думал, сердце разорвется. Этот плач сымитировать невозможно — чисто физиологический процесс, вроде предсмертного крика у наших зайцев. И, значит, она сквозь слезы говорит: да я бы сама сдохла, раз все так плохо, только мне сейчас нельзя...

Бенни смотрит на часы, зачем-то глядит в вечернее небо — а я и не заметил, как солнце к закату клонится.

— Ты чего? — спрашиваю.

— Чего-чего, боюсь, вот чего. Всего боюсь. Отходняк у меня.

— Может, останешься до завтра? — Манга осторожно спрашивает. — Давай я скажу, чтобы в гостевом домике постелили, как раз один еще свободен. Хоть поспишь на свежем воздухе, на тебе же лица нет. Тут знаешь, как спится? Погоди, я сейчас...

— Нет, спасибо, я поеду, пока Дик с Аланом не вернулись. Вы поймите меня правильно, я не могу с ними говорить, сил не осталось, да и нежелательно это.

— Пока не забыл... Алан давно хочет тебе позвонить, но не хочет навязываться. Что-нибудь сказать ему?

Бенни забавно хлопает глазами от неожиданности.

— Через полгода, — говорит он наконец. — Конечно, конечно, я буду очень рад, так и передай ему. Но только через полгода. Мне сейчас лучше исчезнуть из-за всей этой истории, я буду просто недоступен. Ничего, ребята, продержаться надо шесть месяцев, а там все переменится.

— Почему?

— Потому что Урсула беременна, идиот! — шипит Манга. — Как ты не понял еще?

— Елки-палки... — только и говорю я.

— Будет двое или даже трое «мишек» с земным гражданством.

— И с фамилией — гы-гы! — Нордин!

— У шведов фамилия по матери дается.

— Для этого надо родиться в Швеции, — авторитетно возражает Манга. — А потом, фамилия матери все равно Нордин!

— Вот я попал! — говорит Бенни.

И мы впервые за последний час, а то и больше — смеемся.

Двое или трое «мишек», которых не выгонишь с планеты. Существа, которые не будут врать, а мама их не научит. Маленький шажок одного человека — и гигантский скачок всего человечества. Теперь нашей семье есть, чем заняться, на столетия вперед. И огребать за это по полной программе. По головке-то не поглядят, ой, не поглядят.

Оказал нам Бенни поистине медвежьей услугой. И деваться некуда.

— А знаешь, почему она попросила меня о помощи? — говорит Бенни. — Ситуация вроде безвыходная, и она приходит ко мне. Держи челюсть обеими руками, артист. Эта «мишка», научившаяся врать,

★ — обращается не к землянину-пройдохе, который всех надует и таким образом спасет ее детенышей. Вообще наоборот! Она сказала: я знаю, ты из семьи, где люди похожи на нас, где не лгут!

Против его ожиданий, ронять челюсть я не собираюсь.

— Ну, шикарная манипуляция, — говорю.

— Ты так думаешь? — Бенни настораживается.

— Ты за ушами ее следил?

— Она плакала! — говорит Бенни строго.

— Она не добавила что-то вроде: «Вам же приятно будет растить маленьких пушистых медвежат? Они такие хорошие, когда маленькие! Такие плюшевые!»

Бенни отчетливо бледнеет и молча лезет в машину.

— Тебе надо как следует обдумать это все, да? — успеваю я бросить ему.

Дорожка тут песчаная, машина поднимает небольшую пыльную бурю, мы чихаем и плюемся.

— Вот ты сволочь-то! — говорит Манга восхищенно.

— Чего я сволочь? Мы же не врем! Я ему все, как на духу, высказал... Лишь бы он теперь не врезался от избытка чувств, спаситель человечества...

— Послу-ушай, — тянет Манга, голос у нее садится, и она вдруг прижимается ко мне. — Но ведь нам приятно будет растить маленьких пушистых медвежат?

Это до такой степени не игра, что я отвечаю совершенно искренне и немного раньше, чем успеваю подумать:

— На хрена нам медвежата, мы что, не можем своих нарожать?

Занавес падает: это Манга пробивает мне снизу подбородок и, вероятно, глумится над моим трупом, но таких подробностей я уже не вижу.

Прихожу в себя, лежа под одеялом в гостевом домике, весь заплаканный. Надо мной сидит убитая горем Манга, ревет в три ручья из своих нечеловечески огромных глаз и причитает:

— Прости меня, Гришенька, дуру пьяную, это я на нервной почве, я же бесплодная, у меня яйцеклеток не-е-ту...

— Да иди ты, — говорю, — в пень со своими яйцеклетками, что стряслось-то?

— Это я тебя уда-а-ри-ла, любимый мой, ненаглядный... Из-за ме-две-жа-ат...

Час от часу не легче, думаю. Какие медвежата? Кто-то здесь окончательно рехнулся. Задолбала наша веселая семейка, идиот на идиоте, один с крыши падает, у другого социофобия, третий сыну родному позвонить боится, а у этой вон медвежата — пора валить отсюда подальше на гастроли. Правда, от Манги я все равно никуда не денусь, я же ее люблю, она со мной поедет, значит, с медвежатами надо разобраться: о чем ты, милая Хитоми? Тут Мангу совсем порвало, и последнее, что помню более-менее отчетливо, — как молниеносно слетает с нее кимоно.

К сожалению, я головой стукнулся, когда падал, и уехать не вышло, а вышло попасть в ленту новостей: «Известный комический актер получил сотрясение мозга на юбилее дедушки, который сломал ногу и руку!» Манга в порыве самобичевания расстрезвонила всей семье, как она меня ударила. Папуля сказал Манге, что в следующий раз откролит ей голову и сядет в тюрьму счастливым человеком, ибо ему надоело смотреть, как она меня уже тридцать лет беспрестанно калечит. Дядя Миша, отчим Манги, сказал, что сам ее приберет — ты не беспокойся, мне и за прошлый раз по сей день совестно. Ман-

га красиво падала на карачки и божилась, что лично зарежется, а лучше кого-нибудь зарежет во имя меня, чтобы доказать свою преданность и чистоту помыслов. «Я так и знал, что ты долбанутая, — сказал папуля, — и Гришка тоже долбанутый, если до сих пор с тобой водится, ну что за семья, идиот на идиоте», — и они с дядей Мишей ушли похмеляться. А со мной сидела мама. Она с утра пахла свежестью и шампанским. Я прямо детство вспомнил.

Мама сказала, что сотряс ерундовый, но в моем возрасте совершенно лишний. И дальше надо будет голову беречь. А потом осторожно спросила, почему нас с Мангой так волнуют медвежата, что мы из-за них подрались, как маленькие. Я честно сказал: понятия не имею. Ну-ну, сказала мама, Манга, конечно, девка боевая и разносторонне талантливая, метко бьет в челюсть, но ей уже за сорок, она принципиально бесплодная и с капитальным прибабахом. Так что в следующий раз, сынуля, если уж ты без нее жить не можешь, хотя бы бей первым, ладно?..

Про медвежат я вспомнил по-настоящему только когда они родились. Воспитывать их нам не пришлось, конечно, хотя они часто бывают у нас в гостях. А мы взяли к себе дочку Бенни, который, бедняга, разбился на машине вместе с женой; годовалая девочка уцелела чудом. Убитый горем Алан сказал, что, по его информации, не все спецслужбы видят будущее Земли одинаково, и Бенни прихлопули, чтобы передать горячий привет от одной конторы другой. Тем более, он был не кадровый, а просто вербованный, и после истории с медвежатами, которую провернул самовольно, потерял доверие.

Урсула много раз пыталась познакомиться со мной поближе, но я не хочу с ней говорить. Про-

сто не хочу. Она хорошая, она вообще героиня, но я вижу в ней какой-то надлом, и мне будет слишком больно разглядывать его вблизи. Кажется, она никогда не простит себе, что согласилась на тот эксперимент. Но я-то знаю, что у нее не было выбора: «мишки» очень иерархичны, и вежливая просьба старейшин для них равна приказу. Это совсем не то, что у людей, которые тоже по-своему иерархичны: любят прятаться за спинами старших, когда надо сделать неприятный выбор. В общем, мне Урсулу жалко, как жалеют обреченных, а она еще утянула за собой в эту обреченность сначала Бенни, а потом всех нас. И даже Дик, с его способностью рубить наотмашь во имя общих интересов, не помог: на кону стояло нечто большее — доброта и тяга к правде, без чего наша семья и не семья вовсе, а как у остальных, банда.

«Мишек» на Земле живет постоянно уже несколько тысяч, и их все чаще приглашают в посредники. Это становится модно. «Ну просто чтобы не было недопонимания», — скромно говорят люди.

А вот такое ненормальное семейство, как наше, по-прежнему одно.

Правда, оно «слегка выросло», как это называет Дик.

С тех пор, как старейшины, впечатленные подвигом Бенни Нордина во имя спасения невинных детенышей, признали ошибкой изгнание Урсулы, в семью по умолчанию вписаны все «мишки», готовые признать себя нашими родичами. Таких набралось миллионов двадцать, остальные просто еще не успели, я думаю.

Мне кажется, ни одного «мишку» больше не отправят в изгнание, ведь он моментально найдет себе новую стаю, и мы его примем — если, конечно, не

натворил чего-то незаконного по человеческим понятиям. Как минимум, он сможет отсидеться у нас под крылом, пока старейшины не поймут, что дали маху. Мы не боимся перемен и экспериментов — и «мишки» достаточно умны, чтобы учиться этому у землян.

И никто из нас, в какой бы уголок обитаемой Вселенной его ни занесло, не останется там без семьи.

АЛЕКС ГРОМОВ,
ОЛЬГА ШАТОХИНА

ИСТОРИЯ МОЕЙ ПАРЫ

1. МЕСТО ДЛЯ ВЛЮБЛЕННЫХ

каждом крупном городе современного мира есть улица, на которую может попасть не каждый. Точнее, каждый, будь то он или она, может посетить ее раз в жизни. Сегодня у меня как раз такой день. Мы с Анной идем на Улицу Встреч. В официальных документах она фигурирует как «Ретро-квартал», или «Место для влюбленных».

Да, разрешите представиться. Меня зовут Виктор, мне недавно исполнилось 22 года. Специалист 22-го уровня из 38 существующих, государственный менеджер нижнего звена. Мечтаю, конечно, достичь первой категории, хотя и понимаю, что это пока мечты. Даже для того чтобы получить 20-й уровень, нужно стать полноценным гражданином. А уж на статус привилегированного гражданина и продвижение выше 15-го уровня вправе рассчитывать только те, в чьей ячейке родилось не менее двух детей. И это правильно, ведь рождение детей пробуждает в людях высокую социальную ответственность. Ты не можешь не заботиться о мире, в котором растут твои дети.

Золотоволосой Анне недавно исполнилось 18. У нее 28-й уровень. Я выше Анны на 10 сантиме-

тров, что давно считается оптимальным соотношением для получения полноценного потомства. Она прекрасна и вполне достойна быть моей парой. И я сегодня ей об этом обязательно скажу. Поскольку выбирающий пару мужчина отвечает за себя и потомство. Только человек может утвердить выбор, сделанный машиной с точки зрения наилучшего сочетания психологических характеристик и генетического кода. Отказавшийся теряет право на продолжение.

2. СПУСТЯ ТРИ ЧАСА

Мы с Анной встретились в ухоженном сквере перед изящной стрельчатой аркой и, осторожно взявшись за руки, миновали ее. На той стороне на встречу вышли двое — молодая красивая пара в церемониальных нарядах. Нам выдали отпечатанную на бумаге — оказывается, такое еще бывает! — карту квартала. Предупредили, что гаджеты здесь не действуют. Я раньше думал, что такое бывает только в суде и на специальных заседаниях. В нашем учреждении комната с блокираторами есть только у директора, точнее, находится в полном его распоряжении. Ведь чипы не только передают всю необходимую информацию, но и предупреждают внезапные приступы болезней, и даже вспышки эмоций. Отключение от трансляции и служб контроля возможно только в специальных экстренных местах.

— Мне как-то не по себе без направляющей трансляции, — проговорила Анна. — Я привыкла быть на связи с миром.

— Но зато мы теперь вдвоем, — отозвался я. — Как будем потом вдвоем без свидетелей...

— Но наши гаджеты всегда останутся с нами.

- А наши гармоничные отношения — только нам.
- Как здесь хорошо!

На Улице Встреч никогда не бывает дождя. Сейчас мы могли убедиться в этом сами. Здесь всегда благоухают пышно цветущие клумбы, а во множестве магазинчиков можно найти подарок для своей пары на любой вкус. Например, кольца-трансформеры. Они продаются только в комплекте и замечательны тем, что когда ты меняешь свое кольцо, аналогично меняется и кольцо твоей пары. Существует даже специальный язык трансформеров, подобный романтическому языку цветов или вееров, существовавшему в старину.

Есть и другие подобные комплекты — скажем, кашне и шейный платочек, булавка для галстука и заколка. Обязательный атрибут правильной ячейки — фарфоровые статуэтки, изображающие пару, причем лица у фигурок будут наши. Конечно, подобные вещи весьма недешевы, но это необходимо для формирования душевного равновесия пары и зрительного воплощения гармонии. Отрадно, что при этом используется и настоящее искусство...

В одном из залов на Улице Встреч расположен Музей двоих. Его невозможно не найти — все маршруты, отмеченные на нашей карте, обязательно проходят через все его залы.

Я попросил тех, кто нас встретил, быть нашими экскурсоводами, но они деликатно отказались. Оказывается, по инструкции посторонние могут общаться с парой только в момент покупки или в иных предусмотренных особым перечнем ситуациях. Все остальное пара должна пережить сама. Поэтому нам вкратце поведали о музее, а потом оставили одних среди экспозиции, дабы не мешать правильным эмоциям и переживаниям.

3. ОГЛЯДЫВАЯСЬ В СУРОВОЕ ПРОШЛОЕ

Музей представлял собой анфиладу небольших апартаментов, в каждой комнате находились пластиковые силуэты, диаграммы и документы, связанные с отношениями пар в тот или иной отрезок времени.

Первый зал был посвящен концу так называемой бесконфликтной эпохи. В это время люди имели между собой странные отношения. Дети были частной собственностью, а вырастая, становились свободными и могли сами завести себе детей в собственность. Разумеется, это не могло не порождать конфликты, как частные, так и общественные, а в итоге и межгосударственные.

Стены зала были расписаны пугающими картинами. На фоне зарева пожаров мужчина в доспехах вырывал яйцо из рук рыдающей женщины и бросал его со стены древней крепости. Так поступали завоеватели во взятых городах. Другая картина изображала бедное жилище — в углу жались, прячась за юбку изможденной женщины, бледные дети, а на первом плане мужчина со следами всех пороков на лице рубил яйцо топором. Картина называлась «Нам его не прокормить!». Тут же на цветной диаграмме приводились данные, скольких гениев в результате таких действий лишилась наша замечательная цивилизация.

В другом зале под транспарантом «Женщина — воюющая и воспроизводящая» стояли суровые, облаченные в хаки и вооруженные до зубов фигуры феминисток, интересно, что в петлицах у них вместо ромбиков был новый знак, больше никем не использовавшийся, — пробирка. Чем больше пробирок, тем выше звание. В результате восстания нью-йоркских феминисток резко сократилось поголовье мужчин.

Красочная диорама показывала весь путь женской армии через весь американский континент к истокам Амазонки, где они собирались возвести памятник своим предшественницам-амазонкам и построить всепланетный инкубатор для детей, рожденных из пробирки. Казалось, судьба мужчин предрешена. Всего за 54 года мужское население сократилось на 40,2%, но катастрофа, случившаяся в амазонском инкубаторе, разрушила планы феминисток.

4. КРОВЬ И СЛЕЗЫ СТОЛЕТИЙ

В следующем зале нас встретили фигуры Печатников. Эта секта тоже хотела завладеть землей, и ей почти это удалось. Во главе нее стоял Хахус, друг Макаренко, разработчика 3D-принтера для живых существ. За 14 лет население планеты увеличилось на 84%, из которых 80% составили дети, распечатанные на 3D-принтере. Но безответственные организации, большинство из которых позже было признано экстремистскими, начало печать на принтерах так называемых усовершенствованных людей, в натуру которых были, по словам этих авантюристов, внесены необходимые позитивные изменения. Но это были не настоящие люди, а мутанты.

Ученым удалось выявить, что мутационные гены имеются в каждом из живых существ, распечатанных на 3D-принтере, независимо от того, какие гены отца и матери при этом использованы. Это явление получило название «парадокс Голема».

В витринах музея можно было увидеть и фотографии квадратных яиц-мутантов, документальные свидетельства прокатившейся по всему миру волны погромов родильных домов и акушерских отделений больниц. Ведь это было жестокое время. Возникла

и мгновенно захватила сознание взбудораженных масс теория всемирного заговора акушеров, намеренно вносящих искажения в генотип и провоцирующих мутации в уже появившихся на свет, до того нормальных яйцах. Многие были уверены, что массовые мутации появились как побочный эффект секретной разработки по созданию универсальных солдат Будущего.

На большом панно был изображен драматический момент, когда толпа, скандировавшая лозунги «Свобода, равенство, братство», захватила элитный медицинский центр «Башня 31». Мятежники требовали для всех равных прав на размножение. Директор центра Степан Грачикович, попытавшийся убедить толпу, что благополучное размножение — это роскошь, которая не может стать всеобщим достоянием, был выброшен из окна своего кабинета, а потом утоплен в живописной речке, протекавшей по большичному парку.

Против акушерки Надежды Леонтьевой выдвинули обвинения в том, что она намеренно провоцировала у женщин преждевременные роды, что приводило к появлению нежизнеспособных яиц. Причину обвинители видели в том, что на подобные яйца был огромный спрос у производителей люксовой косметики и уникальных медицинских препаратов. После скандальных публикаций в различных СМИ Леонтьева была растерзана разъяренной толпой прямо на остановке общественного транспорта.

Самое грустное — в результате беспорядков и погромов миллионы яиц были разбиты или просто погибли, оставшись без присмотра и заботы.

Особый стенд был посвящен подвигу самого Александра Макаренко, который в одиночку сумел остановить толпу и тем самым уберечь от уничтоже-

ния яйца, находившиеся в одном из родильных домов, и спас персонал медицинского учреждения.

Обычай домашнего воспитания детей был упразднен после эпидемии синдрома внезапной детской смерти. Тогда же из обихода исчезла привычка содержать дома каких-либо животных: было установлено, что они являются носителями микроорганизмов, способных стать причиной внезапной смерти даже у младенцев из правильно выдержанных в инкубаторах яиц.

5. ОЧИЩЕННОЕ НАСТОЯЩЕЕ

подавленные увиденным, мы вышли из мрачных залов и оказались перед тем самым служителем, который проводил нас в комнату символического очищения. В волнах теплого, благоухающего цветами воздуха мы почувствовали, что хоть нам и пришлось окунуться в угрюмое прошлое, но теперь мы действительно очищены для будущего.

— Желаем вам удачных яиц! — улыбнулся служитель, широко распахивая двери в светлый Зал Современности.

Человечество испокон веков мечтало о счастье если не для всех, то для абсолютного большинства. Потому что обиженные на судьбу — это серьезный фактор нестабильности общества. Как известно, во второй половине XX века и начале XXI предпринимались многочисленные попытки воззвать к сознательности граждан, объяснив им необходимость перехода к позитивному мышлению. И после памятных многим потрясений сравнительно недавнего времени сложилась современная прогрессивная система.

Как известно, женщина производит на свет яйцо. А для того, чтобы из яйца благополучно появился

ребенок, его надо высидеть. Для этого существуют специальные инкубаторы, их на всей Земле пятьдесят. Так различные регионы и называются — Земля 1-го инкубатора, 2-го инкубатора. Если тебя правильно высидели, будешь здоровый и красивый, гласит народная мудрость. Каждый живущий имеет при себе символический талисман с кусочком скорлупы того яйца, из которого появился на свет. Самое главное в твоей жизни — твой инкубатор, стая твоих близких, твое родное гнездо. Ведь новая жизнь, заключенная в яйце, так хрупка, она нуждается в коллективной защите. Недаром в предыдущих залах демонстрируются трагические примеры того, как часто яйца становились жертвой намеренной агрессии или роковой неосторожности.

Мы не ограничиваем свою привязанность, как это было в прежние времена, только парой, которая породила нас. Такой подход провоцировал лишь зависть, страхи, войны...

Каждый гражданин получает специальную герметичную рамку, в которой хранится фрагмент скорлупы того яйца, из которого он появился на свет. Мы храним свою скорлупу как святыню. И если какому-то асоциальному субъекту со случайно неотслеженной мутацией по нравственности придет в голову мысль вскрыть рамку, скорлупа будет сразу же дезинтегрирована, чтобы не произошло нарушения уникальности.

В зале современности центральное место занимала красочная карта, на которой были отмечены все инкубаторы мира. Инкубатору нашей земли была посвящена подробная экспозиция. Я снова ощутил душевный трепет, увидев памятный с детства плакат: «Каждое яйцо важно для нашего общего будущего». Былая вражда между родившимся в

разных семьях и землях интересуется только немногочисленных историков со специальным допуском, который выдается после тщательного тестирования на отсутствие склонности к иллюзиям Прошлого. Без этой проверки всякий исследователь рисковал бы заразиться соблазнительно экзотическим, но совершенно деструктивным и неактуальным подходом к жизни.

Самые отважные представители становятся дельтапланеристами и пилотами дальнемагистральных самолетов. Но это удел немногих. При этом всякий знает, что он должен добросовестно исполнять свой долг перед обществом. А одна из важнейших задач каждого по достижении возраста свободного парения — создать свою ячейку.

У каждого человека есть старший товарищ из того же инкубатора, к которому всегда можно обратиться за советом и поддержкой. И конечно, без отеческой помощи нельзя обойтись в таком важном деле, как начало выбора пары.

По достижении совершеннолетия каждый житель Земли получает электронный жетон-идентификатор. В инкубаторе находится специальное устройство, которое считывает с него информацию и вычисляет максимально подходящую с точки зрения темперамента, здоровья и генетического благополучия пару. Учитывая влияние глубоких архаичных слоев нашего сознания, в которых еще сохранилась информация о временах частной собственности друг на друга и хаотично-произвольно-го выбора пары без необходимости выполнять условия ее стабильности, по рекомендациям психологов были установлены Дни блаженства.

Так называется лотерея, которая проводится раз в год в каждом инкубаторе. Тот же считыватель,

который в обычное время устанавливает пару для каждого обратившегося, случайным образом выбирает троих мужчин и трех женщин. Выигравшие получают самостоятельный доступ к массиву информации о потенциальных парах и могут делать выбор самостоятельно.

Участвовать в такой лотерее можно трижды. Я участвовал уже два раза, но не выиграл. И благодаря мудрому влиянию моего старшего товарища Романа решил третий раз не участвовать, а позаботиться о том, чтобы устроить свою жизнь как подобает достойному члену общества.

— Вот и молодец, — одобрил Роман, узнав о моем решении. — Надо надеяться, что в следующем поколении все и сразу смогут проявлять такую сознательность. И эта лотерея, уступка атавистическим инстинктам, станет наконец-то ненужной.

6. МЫ ВЫБИРАЕМ

Кроме Улицы Встреч, предназначенной для тех, кто уже готов стать парой, существуют и места посещения для пар состоявшихся, расположенные в самых живописных районах той или иной земли.

Существуют также Резервные Земли — на каждом континенте, обычно с краю, в неосвоенных пока местах. Их еще называют территориями, подлежащими благоустройству в будущем. Чтобы попасть туда, требуются экстраординарные обстоятельства, о которых я, честно говоря, имею самое смутное представление.

Впрочем, нас сейчас это и не должно было интересовать. Выйдя из светлого Зала Настоящего, мы оказались в уютном кафе, где вкусно пахло выпечкой и свежемолотым кофе. Улыбчивая хозяйка по-

здравила нас с успешным прохождением музея и принесла блюдо с маленькими воздушными пирожными, которые пара может отведать только раз в жизни, в этот самый момент. Их рецепт не известен никому за пределами Улицы Встреч.

Одной из достопримечательностей кафе было старинное пианино, сверкавшее благородным темно-коричневым лаком и украшенное бронзовыми подсвечниками, начищенными до сияния.

— Сыграйте, — предложила мне хозяйка.

Музыка никогда не была моей основной специализацией, но, как выяснилось, в данном случае было достаточно наиграть самую простую последовательность нот. Потом свою мелодию сыграла Анна.

Теперь нас ждал романтический ужин в стиле ретро, а наши мелодии, записанные и разложенные на обертоны, должны были в недрах специального синтезатора слиться в одну, которая затем превратится и в рингтоны наших телефонов, и в сигналы электронных сообщений, и даже в звонок будильника.

Кофе и новые порции удивительных пирожных мне и Анне подали отдельно, в двух крошечных комнатах на один столик каждая, примыкавших к основному залу.

Я знал, что перед созданием пары нам надо непременно пройти беседу с психологом. Стремление к самосовершенствованию поддерживается обществом, посещение тренингов является непременным условием успешной жизни. Обычно приглашение на первый бесплатный тренинг человек получает в день совершеннолетия. Уклоняться от него не принято.

Сейчас же сидевший напротив меня за столиком обаятельный специалист первым делом, как и

★ другие сотрудники Улицы Встреч, поздравил меня с предстоящим созданием ячейки и напомнил, что брак — дело очень полезное, в том числе и для здоровья. Еще в XIX веке английский врач Уильям Фарр начал исследования, итогом которых стал вывод, что в счастливой паре люди чувствуют себя лучше, например, у них кости крепче, а значит, и работают они на благо общества гораздо продуктивнее. Поэтому полноправными гражданами, способными занимать требующие доверия должности, могут считаться лишь те, кто уже перешел из категории ожидающей счастья молодежи на уровень пары. А привилегированный статус присваивается только ставшим родителями гражданина.

— Счастливая пара имеет массу преимуществ, — сказал психолог, ведь члены пары постоянно испытывают ощущение счастья, они имеют возможность делиться всем друг с другом, чувствуют себя защищенными. Поэтому в нашем обществе создание ячейки является обязательным, как и соблюдение правил брака. При их нарушении личность аннулируется.

Я ответил, что, наоборот, имею твердое намерение соблюсти все правила. Ведь хорошо известно — от незаконного секса появляются некондиционные яйца, из которых выходят мутанты. Во избежание подобной беды такую некондицию выбраковывают сразу. При создании ячейки и получении разрешения на секс выдается таблетка, предотвращающая мутации.

— Я вижу, молодой человек, вы вполне подготовлены к ответственному исполнению своего долга. Желаю вам удачных яиц! А сейчас прошу проследовать обратно в зал для официальной церемонии поздравления.

7. ВСЕГДА ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННОСТИ

Что ж, вчера все прошло прекрасно, теперь мне оставалось исполнить необходимые формальности и получить средство, которое гарантирует нам здоровое потомство.

Приехав в родной инкубатор, я с некоторым волнением прошел в Чертог выбора и положил свой жетон в лоток считывателя, ожидая уже знакомого мягкого зеленого сияния световых панелей и... Собственно, я не имел представления, как выглядит знаменитая таблетка. Но, вероятно, она круглая и в красивой упаковке.

Считыватель тревожно рявкнул, и панель полыхнула красным светом. А потом устройство выбросило обратно в лоток мой жетон, окрашенный тем же запретным оттенком.

— Что случилось? — закричал я, но пульсирующая красная поверхность осталась безмолвной. — Это ошибка... Не может такого быть. Ведь все шло хорошо! Я здоров и лоялен!

Считыватель по-прежнему хранил молчание. Мне оставалось только забрать жетон и двинуться к выходу, надеясь, что я что-то не так понял и красный свет на самом деле символизирует счастливое окончание периода выбора. Ведь были же в старину некие красные светильники, каким-то образом связанные с процессом создания пары...

Но едва выйдя в вестибюль, я перехватил взгляд дежурного консультанта — он смотрел на меня так, будто перед ним не государственный менеджер 22-й категории, а безумная амазонка с пробирками в петлицах камуфляжного комбинезона. Стало ясно, что и впрямь случилась большая беда.

Жетон, утратив свой привычный и приятный для глаз перламутровый оттенок, так и оставался злове-

ще пурпурным. Я был так потрясен, что не смог ничего сказать консультанту, впрочем, он и сам явно не желал разговаривать с обладателем красной метки.

Плохо осознавая, что именно делаю, я прошел к станции монорельсовой дороги и вошел в вагон поезда, следующего обратным маршрутом.

«Этого не может быть, — твердил я мысленно, — это мне почудилось». Но достать жетон еще раз в надежде, что он обрел нормальный цвет, я так и не решился. Потому что представить боялся, как попутчики отреагируют на то, что рядом находится отверженный.

Мы с Анной договорились встретиться на вокзале, но сейчас, окинув взглядом зал ожидания и не заметив ее, я почувствовал облегчение. По крайней мере, несколько минут у меня есть, прежде чем придется объясняться.

Вот только никакого объяснения мне в голову не приходило. Украдкой достал жетон, но надежды не сбылись. Он продолжал полыхать запретным цветом.

Убрать жетон и выиграть время на объяснения я не успел. Простучали за спиной каблучки, Анна с радостным восклицанием обняла меня за плечи... И увидела злополучный пурпурный идентификатор у меня в ладонях.

Она отпрянула с возгласом отвращения.

— Это ошибка! — закричал я. — Такого не могло быть!

— Не подходи ко мне!

— Я все объясню!

— Прочь!

— Анна!!!

— Не подходи! У нас не будет пары!

Она убежала. Я остался один.

9. ИДЕАЛ И ЕГО ПОИСКИ

— Я же говорил тебе, не надо играть в эту иллюзию свободного выбора!

Несмотря на все, что случилось, Роман говорил весело. Он был истинным профессионалом в деле сохранения позитивного настроения.

— Разве из-за этого...

— Может быть, и не из-за этого. Считыватель постоянно собирает информацию, так что, возможно, он нашел какие-то сведения о предках, которые раньше не проявлялись. Или провел долговременный прогностический анализ твоих собственных параметров.

— Почему на это понадобилось так много времени? Ведь некондиционные яйца отбраковывают сразу...

— Ну, это которые явно некондиционные. А если маленькое и глубоко скрытое отклонение, которое к тому же сформировалось позже... А может быть, и лотерея эта тебе аукнулась. Свобода выбора — это уже само по себе отклонение, разве нет?

— Но что же мне теперь делать?

— Подумаем.

— А можно жетон перезагрузить? Чтобы еще раз попробовать?

— Нет, нельзя. Это же самый сложный процесс выстраивания взаимосвязей в обществе ради сохранения гармонии. И если один элемент оказался дефектным, он сразу блокируется, снова вставить его в тончайшую мозаику уже нельзя. Ведь для того, чтобы такое было возможно, в мозаике должна оставаться дырка, а это противоречит законам равновесия.

— Но что же мне делать?

— Как что? Жить. У тебя есть твоя работа, твой образ жизни... Этой области дефектность не коснулась.

— Но у меня нет пары!

— А она тебе точно нужна?

— Это же долг! И если пары нет... я же никогда не стану полноценным гражданином. И не продвинусь по уровням.

— Все-то вы рветесь продвинуться, а ведь нужны и те, кто честно работает на своём уровне, а не грезит постоянно о повышении...

— Я хочу быть с Анной!

— Именно с ней?

— Да! Она моя идеальная пара!

Роман пристально посмотрел на меня и вдруг бодро хлопнул по плечу:

— Ладно, не куксись. Решить проблему сложно. Для начала тебе придется отправиться к психиатру.

9. СТАТЬ СВОИМ...

— Что вы хотите? — спросил психиатр.

— Мне неправильно выдали красный жетон.

— Почему неправильно?

— Но раньше он был зеленый...

— А теперь красный. Что тут неправильного? Считыватель может выдать зеленый жетон, а может, если есть к тому предпосылки, — красный. Вам он выдал красный. В чем ошибка?

— Но... Но ведь считыватель определил мне Анну как идеальную пару!

— Это никак не связано.

— Я же вложил жетон, прежде чем мне указали выбор. И жетон был зеленый. А теперь красный. Это ошибка.

- В чем вы видите ошибку?
- Я не могу увидеть Анну!
- К сожалению, ничем не могу помочь.
- Но вы же ошиблись! — закричал я.
- Общество не ошибается. Ошибаются только

люди.

Мне не только не удавалось увидеться с Анной, но даже и поговорить с ней. Я звонил ей несколько раз, но она не отзывалась, а когда, наконец, ответила, то лишь для того, чтобы крикнуть:

— Я никогда не стану матерью мутанта!

— Да где ты этих мутантов видела? — неожиданно для себя самого взорвался я. — Видела хоть одного, кроме как на плакатах и мониторах?!

Анна оборвала разговор, и больше я до нее ни разу не смог дозвониться. Видимо, она поставила меня в игнор на максимальном уровне.

Роман, узнав о моих злоключениях, не выказал особенного удивления.

— Попробуй обратиться к пси-топ-менеджеру, — посоветовал он. — Ты найдешь его на ближайшей территории Резервной Земли. Если ты, конечно, уверен, что тебе это нужно...

И я отправился на ближайшую Резервную Землю, полуостров, далеко выдававшийся в океан и населенный, насколько мне удалось узнать, дикарями.

Впрочем, по прибытии я оказался во вполне цивилизованном поселке, похожем, скорее, на курорт средней руки, чем на последний форпост общества перед лицом неокультуренного пока что мира. Здесь был офис пси-топ-менеджера, обширная санаторная территория с несколькими корпусами и живописная деревня аборигенов, относивших себя, как мне удалось услышать, к племени экспонатов.

Пси-топ-менеджер, которого звали Эдуард Уткин, выслушал мою печальную историю, но обнадеживать не стал. Переспросил несколько раз, действительно ли я рассчитываю, что меня вновь воссоединят с Анной, и понимаю ли, какую цену обществу придется заплатить за такое вмешательство в тончайшие настройки считывателя. Я честно признался, что очень хочу снова ее увидеть.

— Что ж, побудьте пока у нас, погостите. Посмотрите, как живут те, кто не вписывается в стремительный современный мир. Мы не принуждаем их соответствовать непосильным требованиям. Пока вы будете знакомиться со здешней экзотикой, мы примем решение.

— Но я могу надеяться?

— Смотря на что вы намерены надеяться.

Прозвучало не слишком обнадеживающе. Или это я просто устал от всех треволнений и дальнего перелета?

— Можно спросить, что это за санаторий?

— Это клиника для лечения дисгармонии.

— Дисгармонии?

— Да, наподобие вашего случая.

— Но мой случай — ошибка техники.

— А отношение к ней — это уже ваш выбор. Точнее, ваша ошибка. Мотивация поведения, инвариантно диктующая выбор точки внимания, определяет и точку отсчета реальности, которая формирует систему координат существования индивидуума.

— И много бывает таких, как я?

— Статистика является стратегически значимой наукой. Проще говоря, если вы не верите, что все происходящее является положительным, вам не место рядом с нами.

— Что же мне делать?

— Если понравится здесь, можете остаться. У дикарей вполне беззаботная жизнь, они не задумываются над искусственными проблемами. Есть еще вариант — вам будет предоставлено место в нашем санатории.

— То есть, мне в любом случае придется жить среди дикарей?

— После необходимой подготовки вы отлично впишетесь в их общество.

10. БЫТЬ В РЕЗЕРВЕ

Офис я покинул крайне раздосадованным. Хотя мысль поселиться среди дикарей сначала не показалась мне такой невыносимой, раз уж моя жизнь разбита, но слова о «необходимой подготовке» не внушали оптимизма. Очень быстро я осознал, что при всей декоративности простой и незатейливой дикарской жизни, местное население говорит на понятном для меня, но предельно упрощенном языке, в котором, к примеру, совсем отсутствуют отрицательные эпитеты. Понятия, не охваченные языком племени, они не воспринимали даже после долгих разъяснений. Похоже, подготовка была очень специфической...

Меня поселили в отдельном, но весьма запущенном доме, предоставив в пределах поселения полную свободу передвижения. По крайней мере, никто меня не останавливал. Среди всяческого хлама, заполнявшего подсобные помещения, я нашел несколько книг предконфликтной эпохи. Они были в ярких мягких обложках. Попробовал их читать, но эти издания были до предела нашпигованы описаниями любовных страстей: «Антуан шел по аллее приморского парка и взволнованно думал, какой окажется она, девушка, которой он наконец-то осмелился на-

★ значить свидание. Он не видел ее фотографии, это было не принято — просить прислать свое изображение. Но уже слышал голос, который на волне восторга готов сравнить с соловьиными трелями, звонком хрусталя, нежным журчанием ручейка...»

Нет, это было слишком для меня, в моем нынешнем душевном состоянии! «Да мало ли пылких эпитетов приходит в голову молодому человеку, уверенному, что он наконец-то встретил ту единственную, с которой можно будет в любви и согласии прожить всю жизнь». Далее следовало столь же подробное описание ссор, взаимных претензий... Если бы только они, этот Антуан и его, как там ее, Софи, знали, что такое быть вычеркнутым из жизни начисто!

И еще, удивительное дело! В этом романе, где речь явно шла о создании пары, никто не упоминал о яйцах.

Настал момент, когда меня посетили сомнения, так ли все происходит у дикарей, как и у нас. Но во время прогулки по деревне я увидел за живой изгородью небольшое здание с традиционной надписью над входом «Мы к каждому яйцу относимся с одинаковой любовью!».

Это был местный инкубатор. Конечно, пусть дикари не могут выдерживать темп современной жизни, но они имеют такое же право на заботу общества, как и нормальные жители.

Дни шли, а моя ситуация продолжала оставаться неопределенной.

11. ДИТЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Я слышал, что люди прошлого, когда дети были собственностью, часто мечтали хотя бы раз в жизни увидеть море. Вероятно, у них была очень нерадостная жизнь. Впрочем, у меня она теперь тоже нера-

достная, поскольку меня не существует. Хотя я чувствую холод, ощущаю камешки под ногами, помню вкус нехитрого сегодняшнего завтрака.

Но меня нет. А вот мечта древних смотреть на море у меня исполнена в полной мере, поскольку никаких других занятий все равно не предвидится. Я уже привык ходить рано утром на одну сторону мыса Потерянных Душ встречать восход солнца, а потом, вечером, на другую — смотреть, как солнце опускается в море.

Что я буду делать осенью, когда начнется сезон штормов и пасмурного неба, еще не знаю. Но даже 21-й, как впрочем, и 23-й категории мне здесь точно не видать.

Я все понимаю. Стабильность социума важнее личного счастья индивидуума. В музее Двоих я видел, к чему приводят попытки противопоставить свои желания, свой выбор пары — интересам общества.

Вдали мелькнула чья-то фигура. Я присмотрелся. По тропинке среди деревьев ко мне направлялся Роман. Как всегда энергичный и позитивный, он издали помахал рукой.

А подойдя поближе, воскликнул:

— Ну как ты тут, Виктор? Наслаждаешься красотами?

Я промолчал. Жаловаться на несправедливость случившегося, во-первых, не подобает современному человеку, а во-вторых, как я уже успел убедиться на своем горьком опыте, — бесполезно.

Иначе бы каждый мог поставить свое личное недовольство выше интересов общества, и мы снова бы погрузились в хаос доконфликтной эпохи.

— Хочешь остаться здесь, с дикарями? Среди так называемой природы?

— Нет.

— То есть ты намерен вернуться?

— Да.

— Понятно. А скажи, тебе непременно нужна та самая, «потерянная» девушка Анна или ты готов создать ячейку с другой?

— Не принципиально, я готов принять правильный выбор, который мне предложат.

— Что ж, поздравляю. Ты был болен, но пережил болезнь и снова становишься здоровым членом общества. Собирайся, поедем обратно в город. Считыватель ждет тебя.

Мое испытание завершилось успешно.

12. НАЧАТЬ СНАЧАЛА

...В каждом крупном городе современного мира есть улица, на которую может попасть не каждый. Мы с Юлией встретились в ухоженном сквере перед изящной стрельчатой аркой и пошли ко входу на Улицу Встреч.

Не каждому дается шанс исправить ошибки, пусть даже не свои. Сегодня я не сомневался в безошибочном Будущем, где буквально через два года можно будет с полным правом рассчитывать на статус привилегированного гражданина.

Рыжие волосы Юлии развевались на ветру.

К. Г. А. М.

авай, красотуля, — говорит Саня продавщице. — Нам как всегда. Продавщица пухлой рукой поправляет крашенные кудри, отправляется к холодильнику.

Я смотрю через окно на заросший бурьяном пустырь. На здоровенные трубы, похожие на перевернутые стаканы. Может, думаю я, это стаканы и есть. Сидел тут такой великан, наш, русский человек, выпивал с друзьями. А потом пошел ходить-бродить по свету, выше облаков и городского смога. Ходит, играет на переливчатой небесной гармонии...

— Петруха, епт, — говорит Саня. — О чем мечтаешь, нахер?

— Да что-то, — отвечаю задумчиво, — на лирику потянуло загребически сильно.

— А-а-а, — говорит Саня. — У меня тоже такое бывает. — Почитаешь, бывает, Тургенева и думаешь — вот ведь, мля, тонкая материя, эта красота.

Звеня бутылками, возвращается продавщица, принимается загружать наши покупки в веревочную авоську.

Тут в продмаг заходит бабка в цветастом платке и валенках.

— Што, — говорит она, — с самого утра zenки заливаем, хандоны этакие?

— Не гневи, мать, — строго говорит Саня. — Мы люди рабочие. Не кукуй моржовый.

— Знаю я вашу работу, метросексуалы педри-стические. Лясы точить, бухать да на скамейках гадить. Вырастили, млять, поколение!

Бабка угрожающе трясет клюкой. Опасливо косясь на нее, Саня цыкает зубом.

— В обед еще зайдем, — обещает он продавщице, принимая авоську.

Продавщица томно вздыхает, слюнявя палец и пересчитывая купюры.

Мы выходим из магазина. Уже в дверях я слышу, как бабка говорит:

— Дай мне, доченька, ноль пять «столичной» и «ягушки» баночку, сделай милость.

Идем через заросший бурьяном пустырь, через трухлявые деревянные мостки. Резиновые сапоги хлопают по лужам, руки спрятаны в карманы телогреек. Саня звенит бутылками в авоське.

— Глянь-ка, Петь, по сторонам, — говорит он мечтательно. — Утро какое замечательное, мля. Пряма пирдуха!

— Точно, — киваю я, — гребись оно конем! Аж душа поет...

Идем через железнодорожные пути, заросшие борщевиком. Мимо, разгоняя дрезину рычагом, проплывает Микола. Поверх ватника у него оранжевая безрукавка, а на затылке треух с подвязанными ушами.

— Эй, братухи! — кричит он. — Смотрели вчера на шестой кнопке ретроспективу Бунюэля? Загребись, а?

— Ага! Здоров! — кричим мы и машем ему из зарослей. — Кэ Гэ А Эм, братуха!

— Кэ Гэ А Эм, пацаны! — машет в ответ он.

Затем заводит на губной гармошке «пет семетари». Дрезина скрывается за поворотом.

Начинает сыпать мелкий пушистый снежок. Так естественно для конца мая. Но от чего-то щемит в груди, тянет поразмышлять о подсчете накопившихся отпускных дней, о скоротечности лета, и смене эпох и трендов в наш безумный век, и всей нашей жизни человеческой... Тянет помечтать о шепоте пальмовых листьев и прохладном морковном фреше под ласковым сочинским небом. Лезет в голову неуместное, заученное еще в школе «...позволь же мне тобой гордиться, мой отчий край — моя столица, где я порхал, где сонги пел и свежим маффином хрустел...».

Поэтому я делаю длинный глоток «девятки» и пихаю Саню в бок:

— Гля, шедевр наш, заgreбато смотрится, а?

— Ы-ы-ы, ништяк.

Впереди, за кладбищем ржавых наномобилей и двумя штабелями списанных робокопов, уже виднеется стена нашего цеха. На ней сохранилась еще советских времен фреска — космонавт в гермошлеме с красной звездой, парящий над надписью «Космос будет наш!». За годы социальных катаклизмов, которые претерпела страна, это произведение неоднократно подвергалось корректуре, поэтому теперь может служить своеобразным наглядным пособием по современной истории.

К примеру, в период Оранжевой Хвори «наш!» превратилось в «ваш!», во время Зеленого Бурана космонавту замазали лицо, Коричневая Волна звезду переделала в солнцеворот и добавила в лозунг частицу «НЕ», Розовая Чума убрала «НЕ», а заодно и «будет», гордо провозгласив «Космос для няш!», а за

время Демографической Дыры и Климатического Сдвига все предыдущие слои краски полиняли, облупились и смешались, придав композиции сугубо абстрактный привкус.

Но Великая Креативная революция, во главе которой встала директор НИИ прикладной генетики Алевтина Исаевна Бром, дала заводу (и всей стране!) новую жизнь. Поэтому на общем собрании было решено подновить фреску.

Поручили нам с Саней, как самым ответственным и креативным, выделив в помощь бригаду Микола. Мы не подкачали!

Замазав все лишнее, в итоге пришли к варианту «Космос уже наш!», к тому же придали физиономии космонавта черты индивидуальности и оптимистическое выражение. Учетчица Тоня даже утверждает, что он невероятно похож на Пи Эйч Динкклэйджа, 47-го президента дружественных Соединенных Штатов, что добавляет нашей работе дополнительных смыслов и нюансов.

— Где вы так долго отсутствовали, уважаемые представители нетрадиционной ориентации? — говорит Валерич ласково, встречая нас на входе в цех. — Три гудка уж минуло. Я было волноваться начал, любители интимных отношений с представителями фауны.

— Да не ори ты, — морщится Саня. — В продмаге очередь была.

— Да ты никак трезвый? — Валерич бдительно втягивает воздух косматыми ноздрями. — А ну дыхни-ка, мля?

— Да иди ты в Ясную Поляну! — говорит Саня.

— Ты мне технику безопасности не нарушай, заколдобина! — гневится Валерич.

— Валерич, не торопи ты нас, — говорю я. — Щаз все будет.

— А ты, — говорит он мне, — вообще молчи, бериллий кальцевый. Я тя просил вчера шестой блок посмотреть... и чего?

— Чего-чего?

— Щаз покажу, мля. — Валерич со злобой дергает за рычаг.

Натужно кряхтя, приходит в движение конвейер.

Саня водружает авоську на пульт. Мы разбираем «девятки» и принимаемся за легкий брекфаст. Валерич с чпоканьем открывает бутылку глазом, делает изрядный глоток. Стирает с усов пивную пену рукавом телогрейки.

На широком полотнище конвейера к нам подъезжает девица лет двадцати.

— И какого рожна? — говорит Саня.

Валерич косит на него злым глазом, делает еще один длинный глоток.

— ТОЛЯН! — орет он на другой конец цеха. — Дай напряжение!.. Надеть очки! — это уже нам.

Мы с Саней напяливаем на рожки защитные очки. Раздается громкий треск, на миг все заливают ярким белым светом.

— В сущности, — говорит девица. — Все это уже бывало с нами прежде. И повторится вновь. Перманентное состояние дежавю. Мятущиеся поиски неспокойной души. Души, забывшей о своих прежних перевоплощениях... Нелепая попытка уцепиться за ускользящие осколки света...

— Ох, млять, ты еперный ты театр! — говорит Саня.

Девица шмыгает носом, некоторое время смотрит на нас. Добавляет срывающимся голосом:

— Как глупо, как глупо пытаться снова поймать их...

— Так-так, — говорю я. — Дальше, пожалуйста, мадемуазель...

— Как бы я хотела поймать их. Ухватиться за режущие осколки. За яркие блески, пестрое конфетти, бенгальские огни и клочья мандариновой кожуры, за острые хвойные иголки и сыпучую сахарную пудру, за фальшивые стразы звезд и иней на твоих ресницах, за цветные шнурки твоих кед и за вечную неизвестность в ответ на мой извечный вопрос. Как бы я хотела вернуть все назад... Кутаться в теплый мохер, баюкая в замерзших ладонях кружку глинтвейна, следить за хороводами снежинок за окном кофейни, пытаться понять... Пытаться простить... Из тех сердечных посланий, что мы оставляли на снегу под окнами друг друга, и на цветных листках, наклеенных на наши ноутбуки, и черным маркером поперек холодильника, и баллончиком поперек стены в твоем подъезде и черным маркером в лифте, сукин ты сын, из тех песен, которыми мы не успели обменять наши плей-листы, из тех крошек поп-корна, рассыпанного по полу ночных кинотеатров, из моих полосатых гетр и твоего полосатого шарфа, из мимолетных видений жизни и песни соловьев у твоего балкона, курить и пить жизнь, как все то адово дерьмище, что осталось от вчерашней вечеринки, успевать на последний поезд метро, а если не успела, то брести сквозь спящий город, никогда никого не любя и никому не отдаваясь полностью, просто хотеть быть и просто не существовать в реальности от твоих фиалковых глаз, посылать тебе котиков и получать в ответ щенков, цитировать Маркеса, получая в ответ Борхеса, быть пьяной от твоего поцелуя, целоваться с тобой пьяной, читать тебя как глупый роман, все время откладывая на потом, становиться психопаткой из-за того,

что ты милый социопат, грустный котенок, которого хочется обнять и сразу задушить, и становиться социопаткой, потому что ты ты гребаный психопат, который ненавидит кошек и готов задушить каждого, кто напишет мне самую невинную эсэмэс, стать вместе с тобой — дождем, снегом, ветром — раствориться в этом мире, навсегда и без остатка... С твоей японской кухней и итальянским темпераментом, и норвежской курткой-аляской и твоим невыносимым русским характером, которому все абсолютно п-о ф-и-г-у и все, ну абсолютно все, з-а-ш-и-б-и-с-ь, который пьет меня как раскаленное олово, как разбавленное димедролом пиво, жадно пьет всю меня — всю, кроме моих слез, которые тебе безразличны, злобный вампир, скрюченный гринч прошедшего Рождества, корыстолюбивый несправимый Скрудж, алкающий только моих прелестей, спешащий распечатать все подарки разом, срывая бантик с моего белья «Секрет Вики» как с подарочной ленты, только этого тебе всегда было надо, только самой сокровенной влаги моей страсти, кружащей меня в безумном танце, будь ты проклят, чертов циник, ты всегда раскидывал свои носки где попало, и ноги у тебя воняют, да чтобы ты сдох вообще, и знаешь еще что, я всегда ненавидела твои «Звездные войны», особенно этого золотого робота-гомика, такого же золотого, как искорки в твоих глазах, мой каверзный недотепа, и этого твоего гребаного Дэвида Линча, такого же трехнутого на голову отморозка, как и ты сам, мой невероятно сладкий негодяй, я хочу быть с тобой, хочу вернуть тебя, больше ничего мне не нужно...

— Ну, извини, Валерич, — говорю я, когда девица замолкает. — Наша недоработка, млять.

— Кэ Гэ А Эм, — ржет Саня.

— Так, бери инструмент и звиздуй исправлять! — хрипит Валерич, адресуясь ко мне.

Беру разводной ключ и бутылку и иду к шестому перерабатывающему блоку. Обхожу вокруг, придирчиво его рассматривая. Накрепко завинчиваю все разболтавшиеся гайки, периодически прихлебывая из бутылки. Когда «девятка» кончается, возвращаюсь обратно.

— Валерич, а чего ты, собственно, хотел с таким оборудованием? — говорю я. — Это ж не японская технология тебе, вертеть ее на бую. А наше «гостовское» говнидло. Вот и дудохаемся теперь...

— Ты не учи отца детей делать, — говорит Валерич сдержанно. — А ты, Саня, что стоишь как бычий перчуэл? Вжаривай перезапуск системы.

Саня уходит с бутылкой к пульта, перещелкивает тумблеры.

Конвейер совершает оборот, увозя от нас всхлипывающую девицу.

— Толян! — ору я через цех, сложив ладони рупором. — Давай напряжение на шестой!

Снова надеваем очки. И снова яркая вспышка и треск.

— НУ, ДОБРО?! — сквозь треск помех спрашивает Толян по громкой связи.

— ЩА ГЛЯНЕМ! — орет Валерич.

Конвейер тарахтит, подвозя к нам девицу.

Валерич берет с пульта картонную папку, вытаскивает из-за уха огрызок карандаша. Слюнявит палец и переворачивает несколько страниц.

— Так, посмотрим, — говорит он. — Ольга Петровна, слышишь меня?

— Здравствуйте, — говорит девица. — А что здесь, собственно, происходит?

— Ольга Петровна, как относишься к байдарочным походам?!

— Никогда не пробовала, — говорит девица.

— Ну кули ты заладил по шпаргалке этой? — говорю я, подходя к конвейеру. — Давай лучше я?

— Ну, рискни, стрекулист.

— Оля! — говорю я. — Что самое главное в мужчине?!

Девица хлопает на меня глазами.

— Странный какой-то вопрос, — говорит она. — Я как-то даже не могу сформулировать вот так сразу...

— Ох ты, ясный красный, — вполголоса говорит Саня.

Валерич нацеливает на меня испепеляющий взгляд.

— Ну ты понял, да?

— Исправим, бля, — говорю я. — Только вы на меня так не смотрите! Что я вам, млять, Айвазовский на стене, что ли?!

— Ты мне тут интеллектом не дави, — говорит Валерич. — Ты там дави, где тебя просят!

— Ща подумаем, — говорю я. Вытаскиваю из кармана телогрейки пачку «Беломора», запикиваю в рот папиросу.

— Ты давай еще покури рядом с реагентами, долбогреб, — говорит Валерич.

— Да я ж не зажигаю! Это чтоб сосредоточиться, епт...

И тут у меня происходит такое своеобразное озарение. Меня посещает муза, я бы даже сказал.

— А резонаторы-то, млять, проверяли? — говорю я торжествующе.

— Га-а-а! — оживляется Саня.

Валерич чешет макушку огрызком карандаша.

— Ну-ка, звиздуй проверь.

Я беру разводной ключ и иду к шестому блоку.

— Ребята, а что тут, собственно, происходит? — говорит с конвейера девица.

Залезаю по лестнице на крышу блока.

На одной высоте со мной, только в другом конце зала, сияет за стеклом довольная рожа Толяна. Прямо над ней натянута транспарант:

«Креатив — написано на знамени революции! Великая сила креатива, подкрепленная научным методом и практическими результатами, дает человеку жизнь, воспитывает в нем волю к победе, ясный разум и ощущение прекрасного! (Алевтина Исаевна Бром)».

Я машу Толяну разводным ключом.

Толян включает громкую связь. С шипением и треском помех, под потолком цеха разлетается:

— Я, млять, ЦУП, как меня слышите, Индепенденс?

— Я Индепенденс! — кричу я с крыши блока. — Полет, млять, нормальный!

— Что ж вы как школьники какие-то сраные! — кричит снизу Валерич.

— Га-га-га! — ржет Саня.

— Ребята, все это очень странно, — говорит девица с конвейера.

Перехватив ключ поудобнее, я накрепко фиксирую излучатель ударами рукояти.

Бам-бам-бам! Готово.

Слезаю вниз, берусь за бутылку.

— Проверяйте, работнички куевы, — говорю.

— Языкастый ты больно, — ворчит Валерич, но сам уже складывает ладони рупором. — ТОЛЯН, ДАЙ НАПРЯЖЕНИЕ НА ШЕСТОЙ!

— Ольга Петровна! — говорит Валерич. — Какие у тебя главные жизненные приоритеты?

Девица дважды моргает и приподнимает бровь.

— Приоритеты у меня жизненные, — говорит она. — Успех в карьере, красота, отношения и самореализация! А тебе это, нищесбород, с какой стати интересно?

— Ты давай, говори, — бормочет Валерич, сверяясь с бумагами. Водит огрызком карандаша по строчкам, шевелит губами.

— С тобой начальство твое говорить будет! — визжит девица. — Хамло! Ну-ка быстро старшего менеджера сюда!

— Я, — говорю я, — старший менеджер. Чего желаете?

— Ты рожу-то свою в зеркале видал? — говорит она. — Би-идло! Собрались тут, деревенщины, пялятся. Ты чего пялишься, вот ты, в куртке за-сранной?

— Га-а-а! — ржет Саня. — Это она про меня.

— Хорошо пошло! — щерится Валерич. — Санька, запускай конвейер на полный! И переводи ее на второй цех.

Девица, горя глазами и обещая нам казни египетские, уезжает во второй цех.

Я отцепляю от губы изжеванную незажженную папиросу.

— Пошли покурим? — говорю.

— А ну стой, — хмурится Валерич. — И так от графика отбиваемся, щаз Абрамыч припрется, ну-деть будет. Давай-ка следующего.

На конвейере подъезжает к нам крепкий парняга.

— Ну что! — говорит Валерич, сверяясь с документацией. — Николай Семеныч, какие мысли по поводу будущего?

— Ты, дед, — говорит парняга. — Случаем, не хочешь накуй пойти?

Валерич злобно переглядывается с нами.

★ — Никуя это не резонаторы, — констатирует Саня трагически.

— Фильтры, может быть? — говорю я.

— Да какие, в жопу, фильтры, — возмущается Валерич, поворачивается к парняге на конвейере, заглядывает в свою замусоленную папку. — Сынок, как насчет поработать менеджером среднего звена? Уютный офис, дружный коллектив? Шесть дней в неделю, четыреста баксов, а?

— Ты, старый, с дуба штоли гребанулся? — говорит парень с усмешкой. — Буду я в твоём офисе вкалывать, когда могу пойти нажраться или дать кому-нибудь в рыло, выцепить классную чиксу, например?

— Молодой человек, — говорю я. — Извините за довольно личный вопрос... Но не могли бы вы нам в двух словах обрисовать, хотя бы, свое будущее, я не знаю, есть ли планы какие-то у вас, может быть?

— Да без проблем, бро, — улыбается парень. — Знаешь, что я планирую? Слышь, я планирую просто угорать, просто отрываться, всегда и везде. Я буду делать врум-врум-врум на своем «Опеле-Манте» или смахнусь на кулаках, без аргументов, где-то на опушке, размахивая фаером, с полудюжиной хотеней вроде меня, болеющих за другую команду, слышь, я употреблю пару марочек и поймаю стаю бабочек, или я буду ехать через всю страну в разрисованном автобусе, набитом наркотиками, точь-в-точь как «Веселые Проказники», я буду паяжиться со всеми подряд и принимать все, что шторит! Ох, чувак, не держи меня! Я буду выжимать на полную по встрече, едва понимая, что держусь за руль и где он вообще, я буду сам себе Хантер Томпсон и сам себе Ирвин Уэлш. Я, мать твою, попробую все. Я буду трясти своим гигантом-ланнистером перед

зеркалом, нацепив на голову безразмерные розовые трусы случайной шлюхи. Я буду стучать этим гигантом в двери и по столу. И — знаешь что? — мне это понравится! Я буду нюхать и курить, всаживать и встромлять, я буду впередюхивать и вставлять. Я буду варить синий и убираться по-черному, буду жить кислотным миксом и пячить резиновых кукол, и даже, наверное, своих лучших друзей, потому что мне будет уже все равно, кого пячить, я порву свои школьные тетрадки и порву институтские конспекты, и я порву с гребаным реалом, потому что в нем все равно нету ответов, как их нету нигде, даже если смиксовать вермут с сиропом от кашля и кодеином, я стану грибником, я стану филателистом, я буду втирать жизнь себе в десны, как она есть, — собирая ее трясущимися пальцами с пупка случайной стриптизерши, я буду отливать в супермаркетах, танцевать на зебре во время трафика, стрелять в людей из степлера и блевать на капот полицейской машины, я буду не тем-кто-ждет-стука-в-дверь, я буду тем-кто-в-нее-стучит, я стану преступником, изгоем, я стану самим дьяволом, не то что вы, парни, вы ведь просто парни, куда вам до этого, я буду просто-напросто чувствовать себя живым, чувак...

— Достаточно, — прерываю я, переглядываясь с Валеричем. Беспомощно развожу руками.

— Кэ Гэ А Эм, — тяжело вздыхает Саня.

— Саня, оборот, — командует Валерич, свирепо топорща усы.

Саня вновь вздыхает и послушно дергает за рычаг.

— Вот ведь хитрожопый старый пердила, — цыкает зубом парень, уплывая от нас на конвейере.

— Не смотрите на меня так, — говорю я. — Говорил же на собрании еще когда, техника в звизду

негодная! Шестой барахлит! Вот теперь расхлебываем.

— Давайте, млять, брейнсторм! — говорит Валерич. — Ты, Саня, тоже завязывай соплежуить, включайся в процесс.

— Может, приборы звиздят? — говорит Саня, нависнув над пультом, как генерал над тактической картой. — Или я куй знает что.

— Увеличь давление, — говорю ему. — Куй с ним, кто не рискует — тот не бухает шардонне.

— Вы совсем акуели, что ли? — удивляется Валерич. — Стране нужны, мля, перспективные люди. Энергичные, мля, молодые специалисты, светлое будущее и прочий полдень, двадцать первый век. А вы мне тут хотите чэпэ устроить? Чтоб я, значит, загребался потом объяснительные писать?!

— Надо гребашить, Валерич, — говорит Саня убежденно. — Иначе не узнаем, чего там.

— Ну, накуй, — говорит Валерич. — Гребашьте!

Я киваю Сане, и он принимается подкручивать верньеры. От шестого блока валит пар, раздается приглушенный лязг и натужное гудение.

— Под монастырь подведете, дровичлы онанские, — говорит Валерич, с мучительным выражением глядя на стрелки манометров.

— Ничего, авось прорвемся! — азартно сверкая глазами, цедит Саня.

Сейчас он похож на летчика-испытателя, берущего рекордную высоту.

— ЦУП, давай напряжение! — ору я, нацепляя защитные очки.

— Файр ин зе хол! — выдает Толян по громкой связи.

Толян вжаривает, и белый свет на миг поглощает все вокруг.

Конвейер кряхтит, парняга возвращается к нам. На губах у него приятная улыбка.

— Ну-ка, на-ка, — бормочет Валерич, листая документацию. — Николай Семеныч, какие мысли по поводу будущего?

— О! — парняга оживляется. — Вы знаете, у меня очень большое количество планов. Сейчас, в этом возрасте, передо мной открыты такие перспективы, и я...

— Харош звиздеть, — машет рукой Валерич. — То есть, я хочу сказать, погоди секунду...

Он шевелит губами, листает страницы, крутит узловатыми пальцами ус.

— Как насчет прошвырнуться по кобылкам, Николай Семеныч? — говорит он. — Так сказать, потрясти мудями, сбросить пыль с перчуэла? Может пропустить по полбутылочки ядерного пойла?

— Простите, не понял? — говорит парняга.

— Ладно, — говорит Валерич. — Тогда как насчет поработать шесть дней в неделю в отличном дружном коллективе, а? Перспектива карьерного роста, жесткий дресс-код. Как у тебя с дисциплиной?

— Очень хорошо! — оживляется парняга. — То есть, я бы даже сказал, что дисциплина — мое второе имя! Когда приступать?

— Погоди-погоди, орел, — говорит Валерич. — Какие у тебя вообще мысли о будущем?

— О, я надеюсь сделать отличную карьеру! Надеюсь своим трудом всего добиться. Вы мне только скажите, что делать надо, а уж я не подведу вас! Я, например, готов на сверхурочные или, например, работать по выходным! Очень я ответственный и энергичный и легко вживаюсь в коллектив! Вы мне только скажите, что делать надо, а уж я вас не подведу, можете быть уверены.

— Понятно, — говорит Валерич и, жмуря один глаз, смотрит на нас с Саней с кутузовской хитринкой. — Значит, приборы барахлят?

— На сто пятьдесят можно куярить смело, — кивает Саня. — Разобрались никак, ссанина конская?! Га-а-а!

Я торжествующе киваю.

— Так когда мне приступить к работе? — спрашивает парняга с конвейера. — Я хоть сейчас готов, вы только...

— Не сикайся, сынок, пришел на твою улицу праздник, — говорит ему Валерич и идет к телефону.

Раскручивает диск, прикладывает трубку к уху.

— Абрамыч, процесс пошел! Да, да! Да я гребал, что-то с приборами не то. Нет, разобрались. Ага, Санька с Петрухой парни головастые! А как же?! Верно, наукой. Все, обнимаю.

Саня дергает за рычаг. Сияющий парняга направляется во второй цех.

— Вот теперь и перекурить можно, — Валерич тащит из кармана пачку «Беломора».

На часах поддвенадцатого. Рабочий день в разгаре. Мы уже пропустили во второй цех девятерых. Поправка на вранье приборов учтена, процесс пошел.

По громкой связи Толян пустил ностальгические записи «Линкин парк». Сидим на неработающем конвейере, наслаждаемся, головами качаем в такт. Только принялись за легкий ланч. Жуем вяленую рыбу ржавого цвета, разложенную на газете, тянем из горла «девятки».

Газетный заголовок гласит: «Генетическое моделирование — локомотив нашей креативной революции и гарант социальной стабильности! Креатив-

щик-хипстер и Труженик-рабочий уверенно шагают в едином строю! Страна смотрит на вас с гордостью, ждет от вас трудового и умственного подвига! (Алевтина Исаевна Бром)».

И ниже улыбается с фотографии знакомое лицо в строгих очках. Интеллигентная полуулыбка. Простые пиджак и блузка. Тугой узел волос на затылке.

А эти глаза — по-матерински добрые, они будто бы смотрят тебе в самую душу, они видят тебя насквозь, выявляют самую суть...

Я давлюсь «девяткой», и Саня принимается с энтузиазмом колотить меня по спине.

В цех заходит инженер в синем халате с бейджи-ком. На носу у него поблескивают очки, из кармана халата торчит ручка. Под мышкой папка.

— Абрамыч пришел нам мозги гребать! — говорит Валерич громко.

Абрамыч садится на край выключенного конвейера, вытаскивает из-за пазухи шкалик. Присасывается к нему. Мы смотрим, как движется у него кадык — вверх-вниз.

Наконец он заканчивает пить, отбрасывает бутылку в ящик для мусора. Бросок идеальный.

Мы громко выдыхаем.

Абрамыч только губы промокнул сложенным платочком. Спрятал его в карман и говорит нам с Саней ласково, с таким суворовским задором:

— Сашка! Петька! Ну што, развиздя, укладываетесь в отчетность?!

— Вот! — подтверждает Валерич. — Сил моих нет с ними, умотали старика!

— Да ты, пердун старый, — говорит ему Абрамыч радостно. — На себя наговариваешь, я постарше тебя буду, еще памперсы засеренные тебе менял, сосунку!

— И то верно! — торжествует Валерич. — То-то я смотрю, ты лысый уже, как жопа бабуиновая!

— Ну что с шестым, покажете?! — ржет Абрамыч. — А впрочем, ну его нахер. Просто так зашел, время до обеда скоротать.

— Разобрались уже с шестым, — Валерич щурится, как довольный котяра. — И резонаторы подправили, и с давлением разобрались.

— От молодцы! — говорит Абрамыч. — Сколько уже сделали?

— Девятый недавно прошел. Окуительный веб-дизайнер будет. Или этот, специалист по пиару. Родители будут в восторге! Это ж гордость семьи, это же какие перспективы, итить!

— Ну, добро, котятки. Догоняйте коллектив! И чтобы без сбоев! Чтобы молодцами у меня!

— Да звиздуй уже, Абрамыч...

— Ну, давай.

Хлопают они с Валеричем по рукам, и инженер чинно покидает цех, отмахивая папочкой, как там-бур-мажор этой своей палкой с кистями.

— Утомили вы меня сегодня! — крикает Валерич, морщится, открывая глазом очередную «девятку».

— А хочешь, — ухмыляется Саня, — мы тебя разок через конвейер пропустим! Знаешь, как мозги прочищает! Сразу вся твоя депрессия уйдет на болт!

— И то верно, — подхватываю я. — Для чего еще оно сдалось нам это все... Конверсивное Генетическое Абразивное Моделирование?

— Кэ Гэ А Эм, ы-ы-ы! — ржет Саня в голос.

— Я вам пропущу, стрекули-и-исты! — говорит Валерич, стирая пену с усов рукавом телогрейки. — Ладно, ребята, раззвизделись мы с вами... А ну, давай за работу нахер! Страна, как говорится, ждет!

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВ,
СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ

СТАНДАРТ

*Посвящается памяти
Андрея Николаева*

 е открывая глаз, Борис пошарил рукой по постели. Пусто. Очень хорошо. Значит, оставив спящего хозяина, гости ушли и никого не забыли. А ведь могли, кстати. Или, что еще хуже, очередная энтузиастка, возомнившая себя музой, могла остаться по собственной инициативе, чтобы «бескорыстным служением Художнику внести свой скромный вклад в умирающее искусство». Как-то одна такая затаилась среди неоконченных скульптур, заснула, а Бориса чуть инфаркт не хватил, когда в предрасветном сумраке одна из фигур зашевелилась.

«Отчего так получается, — подумал он с тоской. — Вроде уже настроился работать, но стоит заявиться очередной компании абсолютно тебе неинтересных, ненужных и совершенно пустячных людей, как ты с радостью все бросаешь и присоединяешься к общему веселью».

В студии стоял космический холод — на ночь Борис открыл окна, чтобы избавиться от дыма, запаха объедков и перегара. Дым за ночь выветрился, но отвратительный застарелый табачный запах остался. И тут уж могло помочь только одно — освежить его первой за день сигаретой.

Зазвонил телефон. Говорить ни с кем не хотелось, но это мог оказаться заказчик, и Борис взял трубку.

— Да?

— Привет. Это Ирина.

— А, привет.

— Мы направили к тебе очередную претендентку.

— О, черт...

— Что-то не так?

— Я же просил предупредить заранее, — вздохнул Борис.

— Ну, извини, так получилось. А что, не вовремя? У тебя там кто-то есть?

— Слава богу, никого. Легенда стандартная?

— Да. Погоди, сейчас взгляну. А, вот: претендентка на «Мисс Россия», блондинка, зовут Елена, знакома с тобой около месяца. Предполагается, что у тебя заказ на скульптуру в стиле «ню» и ты упрямил ее позировать. Матрица ментальности стандартная, тип два с небольшими вариантами. Возможный коэффициент интеллектуальности — девяносто. Два-три дня тебе хватит?

— Господи, как я устал, ты бы знала.

— Не размнивайся по мелочам, — усмехнулась Ирина, — или ты все музу ищешь?

— Уже не ищущу. Выродились музы. Общая дегенерация и деградация, стандартизация красоты и полный упадок нравственности... крах семьи, любви, отношений...

— Боже, как тебя скрутило. Ну-ну, не отчаивайся. Кстати, часикам к трем жди еще одну. Выставим на «Мисс Европа». Зовут Инга, коэффициент...

— Знаешь что, дорогая...

— Знаю, знаю. Вечером жду отчет. Пока.

Борис посидел на кровати, собираясь с силами. Надо бы хоть немного прибраться. Он принес мусорное ведро, покидал в него бутылки и, стараясь ничего не рассыпать, завернул в газеты остатки еды. Так, теперь создать рабочую обстановку. Он заварил кофе в термосе, задрапировал подиум, установил свет и огляделся, проверяя, все ли на месте. Глина или пластилин? Пусть будет глина.

Когда Борису предложили эту работу, он, помнится, возгордился необычайно. Еще бы! — признание как ценителя и знатока, как хранителя классических традиций и эталона прекрасного. «Доллз инкорпорейтед», якобы модельное агентство, пачками клонирует красоток, вживляет память, выставляет на очередную «мисс», а потом сдает в аренду заказчикам. У которых нет времени на модные схемы знакомства и слишком много денег для брачного контракта. Схема чрезвычайно проста — как это раньше никто не додумался! А он только оценивает внешние данные. Экзаменатор, консультант, тестирующий...

В дверь настойчиво позвонили. Ну, знаток и хранитель, пора за работу.

— Доброе утро, любимый, — у девушки было миленькое личико с пухлыми губками и широко распахнутыми васильковыми глазами, — извини, я немного задержалась.

Чмокнув Бориса в щеку, Елена прошла в студию. Он вытер помаду и поплелся следом.

— Вау! Новый музыкальный центр! Очень красиво.

Борис вспомнил, что давно не давал «Доллз» описание своей студии. Хотя Ирина недавно приходила сюда, могла бы и освежить программу ложной памяти.

— Угу, я его вместо будильника использую.

— Фи, как это обыденно, — Елена сморщила носик, — я люблю праздник, ты же знаешь. Заведи что-нибудь красивое, — она прошла за ширму и зашуршала там одеждой.

Борис послушно поймал музыкальную программу. Под заупокойную мелодию кто-то сообщал слушателям о своей несчастной судьбе.

— А почему так холодно? — спросила Лена из-за ширмы.

— В холоде ты лучше сохраняешься, — хмуро пробормотал Борис.

— Что? Не слышу! Ты хочешь, чтобы я заболела?

— Ни в коем случае. Я тебе калорифер поставлю.

Он включил обогреватель и стал разминать глину, смачивая ее водой. Лена показалась из-за ширмы, закутанная в махровую простыню. Взойдя на подиум, огляделась, вздохнула мученически.

— Что мне делать?

— Сейчас подумаем.

— А ты не мог заранее решить, что будешь лепить?

Рассказать, что помешала очередная компания? Нет, лучше не надо. Не дай бог, упреки, не приведи господь, слезы. Или того хуже — скандал.

— Мне нужно поймать движение, — заявил Борис, — я не могу представить все в голове. Так, — он потер ладони, — ты не могла бы повернуться, поднять руки? Нет, простыню, пожалуйста, сними.

— Это обязательно?

«Ты с ними построже», — напутствовала его Ирина.

— Опять? — спросил Борис. — Мы же договорились. Я не в состоянии лепить обнаженную натуру с одетой женщины.

— Ты хоть понимаешь, что мне не по себе?

— В постели ты не такая стеснительная.

— Это совсем другое, — она, похоже, не удивилась. Значит, Ирина ввела в память интим. — Ты ведь меня рассматривать будешь!

— О, черт, — Борис с маху шмякнул кусок глины о фанеру, — я же скульптор! Это все равно, что врач. Ты ведь не стесняешься на приеме у врача?

— Ну, хорошо, хорошо. Я сделаю, как ты хочешь. Но мне это непросто, так и знай! Скажи, ты меня любишь?

— Да.

— И я тебя тоже.

Она скорбно вздохнула и опустила руки. Простыня скользнула по бедрам и сложилась у ног пушистым сугробом. Приподняв голову и чуть отведя назад плечи, Лена устремила глаза вдаль. Кроткая покорность судьбе и готовность вытерпеть ради любви любые испытания отразились на ее лице. На щеки взошел румянец, чуть задрожали полные губы.

— Ты этого хотел? — спросила она звонким голосом.

Борис почувствовал себя Торквемадой на допросе обвиненной в колдовстве девственницы.

— Почти, — буркнул он, — расслабься, пожалуйста. И не надо такой жертвенности.

— Какой ты нудный, Стойков.

— Представь, что ты просто стоишь... в очереди, что ли. Или ждешь автобус.

Обходя подиум по кругу, он разглядывал ее тело, оценивая с точки зрения формы. Пожалуй, все безукоризненно.

«Даже слишком, — подумал Борис. — Тонкая талия, высокая девичья грудь с темными шишечками

сосков, в меру широкие бедра, упругие ягодицы. Девичество, переходящее в женственность. Я бы предпочел какой-нибудь маленький изъян, присущую только ей индивидуальность. Говорил ведь Ирине, что стандарт стандартом, но нельзя наделять всех идеальной фигурой. Так нет же, штампуют своих «мисс», как лепешки для пиццы».

Лена, поворачивая голову, следила за его реакцией.

— Что ты там рассматриваешь? Целлюлит? — забеспокоилась она, пытаясь заглянуть себе через плечо. — Не может быть!

— Все в порядке. Подними руки.

Позабыв о маске смущенной девушки, она с видимым удовольствием подняла руки и, заложив их за голову, немного прогнулась, справедливо полагая, что грудь от этого только выиграет.

— Так хорошо?

— Угу.

Чего-то явно не хватало. Ущербность какая-то в ней ощущалась. И фигура божественная, и личико симпатичное... не омраченное интеллектом... Кукла — она кукла и есть. Настроение испортилось.

«Дам отрицательный отзыв, а она займет призовое место и что тогда?» — спросил себя Борис. И сам же ответил: «Опять лишат меня премии, вот что. Ну, и черт с ними. Художник не продается, во всяком случае, не за те гроши, которые платит «Доллз».

Он вернулся к куску фанеры, снова намочил руки и принялся сосредоточенно, боясь упустить возникшее состояние, разминать глину. Сегодня мы не будем ваять очередную «Радость бытия». Сегодня мы постараемся передать миру нашу «Печаль». Нет, «Усталость»! Да, точно. Но это будет моя усталость. Не пресыщенность, не отвращение, а просто «Уста-

лость». Моя вселенская, непреходящая, всеобъемлющая...

— Мне долго так стоять?

— Присядь, пожалуйста. Можешь представить, что ты устала?

— После любви?

— Нет. Просто устала. От работы, от жизни. Подумай о чем-нибудь грустном. Опустит плечи и наклони голову.

— Но тогда не будет видно лицо.

— Мне сейчас главное — передать форму.

— Ну, хорошо.

Лена присела на подиум и, пригорюнившись, опустила голову. Некоторое время Борис сосредоточенно работал, поглядывая на нее. Постепенно под пальцами возникала фигурка женщины со склоненной головой. Волосы полускрыли лицо, светлой волной легли на плечи и грудь. Она как бы прислушивалась к себе, перебирая, словно бусинки на нитке, прошедшие годы. Раздумывала о том, что в жизни не удалось, многое ли еще предстоит... Борис убрал стекой лишний материал и замер на мгновение. Конечно, в идеале, надо чтобы модель не изображала усталость, а действительно чувствовала изнеможение, но это — когда перейдем к деталям. Надо будет заставить ее позировать вечером, а лучше ночью! Под утро, когда больше не хочется ласк, когда любовь становится пресна, как черствый хлеб, когда ни одной мысли в голове и хочется только спать, спать...

Неожиданно Лена всхлипнула.

— Что, что такое? — забеспокоился Борис.

— Ты же сам предложил подумать о чем-нибудь грустном, — она всхлипнула снова, на этот раз громче.

— Ну, не до такой же степени, чтобы расплакаться.

— Все, все, я больше не буду, — она вытерла ладонью глаза и шмыгнула носом, — а ты правда меня любишь?

— Конечно, — преувеличенно бодро ответил Борис.

— Но мы до сих пор не купили кольца.

— Какие кольца?

— Ну, если мы помолвлены, то совершенно необходимо купить кольца.

«Господи боже, — ужаснулся Борис, — это еще что? По легенде я просто попросил ее позировать. А собственно, чему я удивляюсь? Практически все непрофессиональные натурщицы считают, что позирование в обнаженном виде — лишь прелюдия к близким отношениям. А близкие отношения полагают чуть ли не началом совместной жизни. Да, наверное, мы были близки. Ты это помнишь, дорогая, я — нет. У тебя память имплантированная, у меня — природная, своя, настоящая. Но если каждую близость считать помолвкой... Впрочем, вспомнил он, помолвка еще ни к чему не обязывает».

Борис прикинул финансовые возможности. Недавно две работы ушли в частную коллекцию. Слава богу, мода на домашнюю скульптуру возвращается. А «Доллз», конечно, деньги вернет.

— Ах, кольца... безусловно, кольца надо купить.

— Ты — чудо, — Лена вскочила и, подбежав, прильнула к нему, — как я тебя люблю! Заканчивай быстрее, и пойдем. Я знаю отличный магазин.

Подняв руки, чтобы не испачкать ее, Борис закрыл глаза и вздохнул:

«Никогда не мог отказать красивой женщине, а бабы это чувствуют и вьют из меня веревки... Лад-

но, когда натуральные, а то ведь клон, «барби», чебурашка. Не могу я сказать: дорогая, мы просто добрые знакомые. Ты — модель, я — художник, давай ограничимся этим».

Он почувствовал, как ее горячее тело все сильнее прижимается к нему, опустил взгляд на приникшую к груди светлую голову и попытался высвободиться. Не удалось. Держали его крепко.

Кольца под стеклом, играя всеми гранями камней, бросали радужные блики на лицо склонившейся к ним Елены. «Актинии, — подумал Борис, — настоящие актинии. Притаились в полутьме моря и ждут жертву, завлекая ее переливами красок». Продавщица, интимным шепотом представляя товар, выкладывала коробочки, в которых на черном бархате уютно покоились бесполезные побрякушки.

— Важно, чтобы украшение сочеталось с цветом глаз, подчеркивая их безупречностью формы, но не затеняя природным блеском оправленного в металл камня. Вам, несомненно, нужно носить только золото! Лучше, конечно, платину с золотыми инкрустациями. Современный дизайн предполагает использование в таких украшениях исключительно бриллианты.

— Вот это колечко, — как бы в задумчивости, Лена надела на палец массивное кольцо с камнем размером в половину кирпича, — как тебе, любимый?

Борис сразу понял, что вернуть кольцо теперь можно только вместе с пальцем.

— Хм... — он прокашлялся, — мне кажется, по знаку Зодиака...

— Бриллиант и платина, — холодно прервала его продавщица, — не говоря уже о золоте, подходят

всем знакам Зодиака. С этим кольцом изумительно сочетаются вот эти серьги, кулон и браслет, — обратилась она к Лене. — Для свадебного гарнитура...

— У нас только помолвка, — твердо заявил Борис.

Расплачиваясь в кассе, он позлорадствовал, что эта консультация обойдется «Доллз» в круглую сумму.

— Надеемся еще не раз увидеть вас в нашем магазине, — сладко пропела продавщица, провожая Елену до дверей.

«Только без меня», — подумал Борис.

На улице, отставив руку с кольцом в сторону, Лена полюбовалась игрой камня.

— Как я люблю дорогие подарки. Скажи, мы ведь будем сюда заходить, милый?

— Каждый день.

— Ах, как я тебя люблю. Однако, мне пора. Я тебе позвоню, — она чмокнула его в щеку.

Борис смотрел, как она уходит. Вся такая воздушная, легкая, как перышко, беззаботная, как стрекоза в начале лета. Один из образцов современной женщины. Впрочем, только ли современной? Беспечность, беззаботность, неумение или нежелание заглянуть в завтра, предвидеть хоть какие-то последствия... Всегда так было. Что сейчас, что десять, двадцать, наверное, и сто лет назад. Жванецкий писал, что женщины бывают двух типов: прелесть, какие глупенькие, и ужас, какие дуры. А в дополнение рядом должен быть кретин, который перевозит женщину только за то, что у нее от природы смазливая мордашка, ноги от подмышек и чрезмерно развитые молочные железы.

Борис посмотрел на часы и огляделся в поисках такси. Скоро его ждет встреча еще с одной ипостасью современницы.

— Какого черта я должна тебя ждать? — эффектная брюнетка, покусывая темно-красные губы, уставилась на него прищуренными глазами.

— М-м... видишь ли, дорогая, — Борис повернулся к водителю такси, чтобы расплатиться, — я...

— Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю! Водитель сочувственно покачал головой.

— Какая горячая встреча. Держись, парень.

— Что там бормочет этот болван? — Инга шагнула поближе к машине.

— Ничего, ничего, дорогая, он просто отсчитывал сдачу, — Борис поспешил захлопнуть дверцу. — Извини, заказчик задержал.

— Мне плевать, кто тебя задержал, я спрашиваю: почему я должна тебя ждать? — вздернув подбородок, она надменно посмотрела на него. Классически правильное породистое лицо, глаза сверкают сдерживаемым бешенством.

«Ну, я попал», — подумал Борис. Он попытался взять Ингу под руку, но она вырвалась и повернулась к нему аристократичным профилем.

— Дорогая, не будем привлекать внимание. Давай продолжим работу. Я, конечно, виноват, ну, прости...

Продолжая рассыпаться в извинениях, Борис увлек девушку в подъезд.

— Ты хоть понимаешь, что я в любой момент в состоянии найти более достойного мужчину? Мне просто жаль тебя, ты же пропадешь со своим убогим талантишком, кстати, весьма сомнительным. Если бы ты знал, сколько у меня предложений от весьма солидных людей.

— Да, конечно, — согласился Борис, — я все это понимаю. Спасибо тебе.

— Я хоть сейчас могу...

★ Можешь, конечно, можешь. И как только ты его найдешь, мужика, способного оплатить твои, судя по всему, немаленькие запросы — только я тебя и видел. Он предоставит тебе свой кошелек, а ты — свое безупречное холеное тело.

— ...черт с тобой, но чтобы это было в последний раз.

— Обещаю, дорогая, больше этого не повторится. Позволь, я тебе покажу, — Борис провел ее в студию. — Вот это черновой, так сказать, вариант. Предполагаемое название скульптуры «Печаль», а может, «Усталость».

Он снял мокрую тряпку с фигурки и отступил чуть в сторону. Скептически скривив губы, Инга повертела лист фанеры, потом искоса взглянула на него.

— С кого ты это лепил?

— М-м... собственно, это обобщенный образ. Плод раздумий...

— Какой-то усохший плод, — брезгливо сказала Инга. — Должна тебя разочаровать — печаль я изобразить не смогу.

— Ну, не печаль, так усталость. От жизни, от работы. Представь: после рабочего дня ты пришла домой, добиралась общественным транспортом, дети визжат, а голова так и раскалывается...

— Этого я представить не могу, — категорически заявила Инга, — я что, похожа на кого-то, кто стоит в очередях и ездит в общественном транспорте? А детей сейчас вообще никто не рождает, если, конечно, голова есть. Фигуру портить! Вполне приличного ребенка можно взять в приюте.

Отвернувшись, она прошлась по студии, покачивая бедрами, и взглянула на Бориса через плечо, проверяя впечатление.

— Милый мой, тебе нужна какая-нибудь секретарша или продавщица. Усталость я, пожалуй, смогу изобразить. Но для этого тебе придется постараться. Разбирай постель, я пойду в душ.

— Э-э...

— Ты что-то хочешь сказать?

— Нет, — ответил Борис, проклиная свою мягкотелость.

Забросив руки за голову, он лежал, бездумно глядя в потолок. Инга вышла из ванной в шелковой ночнушке. Решительно прошагав к постели, она деловито сняла рубашку и, откинув одеяло, улеглась рядом.

— Люби меня быстрее десять тысяч раз, — заявила она.

— Но... на это уйдет порядочно времени, — неуверенно пробормотал Борис, скользя взглядом по ее безупречному телу.

— Ты куда-то спешишь?

— Да, в общем, никуда.

— Так в чем дело? Имей в виду, Стойков: таких, как я, больше нет!

— Похоже, что так.

— И чтобы теперь никаких девок! Может, у тебя и сейчас кто-то есть? — она нависла над ним, пылливо вглядываясь в глаза.

— Никого, — твердо ответил Борис.

— То-то, — сказала Инга, сильной рукой привлекая его к себе, — тебе больше никто не нужен, понял?

— Угу, — задумчиво ответил он, уткнувшись носом в ложбинку между полных грудей.

Через два часа, машинально поглаживая глиняную фигурку трясущимися от усталости пальцами, Борис мечтал, когда же Инга уйдет. Расположившись на подиуме с комфортом, она прихлебывала кофе, ле-

ниво затягивалась сигаретой и откровенно скучала. Иногда она зевала, не утруждая себя извинениями.

— Все, мой дорогой, хватит, — наконец сказала она, — продолжим завтра. Покажи-ка мне, что ты там наваял.

Борис поднес ей глиняную фигурку.

— У меня что, такая грудь? А соски? Вот, сравни, — она выгнулась, — давай, не стесняйся.

— Э-э... понимаешь, художник...

— Про неоднозначный взгляд творца будешь заливать публике и критикам. Исправишь, понял? А сейчас проводи меня.

Пока она одевалась, Борис прошел на кухню, позвонил в «Доллз» и договорился о встрече с Ириной. Только он успел отключиться, как на кухню заглянула Инга.

— С кем ты говорил?

— С заказчиком. Торопит, представляешь?

Отправив Бориса метаться в поисках такси, Инга присела за столик летнего кафе и заказала мороженое с ликером. Как назло, возле Стойкова тормозили «Жигули» или «Москвичи». Справедливо полагая, что Инга поедет только в иномарке, он терпеливо поднимал руку, едва завидев приличную иностранную тачку. Трое молодых людей за соседним столиком, не стесняясь в выражениях, обсуждали последний матч сборной.

— Долго мне еще сидеть в этом хлеву? — брезгливо оглянувшись на них, громко спросила Инга.

— Сейчас, дорогая, одну минуту.

— Не нравится — не сиди, — посоветовал один из парней.

— Тебя не спросили, debil слюнявый, — подкрашивая губы, сказала Инга. — Стойков, ты что, не слышишь, как меня оскорбляют?

«Только скандала не хватало», — подумал Борис. Парни были явно на взводе, и настроение у них быстро менялось в худшую сторону.

— Слышь, мужик, утихомирь свою подругу. Че она на людей кидается?

— Все нормально, ребята, все нормально, — Борис попытался остановить вскочившую на ноги Ингу.

— Я на людей кидаясь? — она схватила со стола вазочку и выплеснула недоеденное мороженое в лицо ближайшему парню.

Тот отпрянул назад, опрокидывая стул, и бросился на нее. Борис оттолкнул Ингу в сторону, обернулся и еще успел увидеть летящий в лицо кулак...

По лицу текло что-то мокрое, прохладное. Стойков открыл глаза и увидел над собой лицо Инги. Он лежал на асфальте, а она поливала его минеральной водой. Рядом официант поднимал опрокинутые стулья. Парней и след простыл.

— Ну, очухался? — Инга отставила бутылку в сторону. — Что ты за мужик, с одного удара вырубился!

Борис попытался сесть, оцупал лицо. Бровь была рассечена, по виску текла кровь. На затылке проросла здоровенная шишка.

— На, утрись, — Инга протянула ему бумажную салфетку, — я уже опаздываю, — сказала она, деловито посмотрев на часы, — завтра позвоню.

Только сейчас Борис увидел возле тротуара вишневый «Ауди». Инга села в машину и, прежде чем захлопнуть дверцу, укоризненно посмотрела на него.

— Мне даже машину пришлось самой ловить! Кстати, расплатиться не забудь, — она кивнула в сторону официанта.

— Ликер, мороженое, вазочку разбили, стул поломали... — забубнил тот.

Борис посмотрел вслед отъехавшей иномарке и полез в карман за деньгами.

Рабочий день в «Доллз» уже закончился, но Ирина предупредила охрану, что ждет посетителя, и Бориса проводили в кабинет. Они знали друг друга со школы, но отношения были чисто дружеские. Возможно, если бы они виделись чаще, все было бы по-другому. Борис никогда не смотрел на нее, как на женщину, а Ирине, видимо, претил его образ жизни. Она сделала неплохую карьеру в «Доллз инкорпорейтед», и местом консультанта Борис был обязан только ей.

Увидев разбитую бровь, Ирина всплеснула руками.

— Что случилось?

Голос у нее был мягкий, лицо усталое, и Борису вдруг показалось, что они давно женаты и просто обсуждают семейные проблемы. «Как ей удалось сохранить такую фигурку?» — подумал он.

— А-а, — Стойков плюхнулся в кресло, — несчастный случай на производстве. Кофе угостишь?

— Конечно. — Ирина прошла к маленькому столику в углу, сразу потянуло знакомым ароматом. — Сейчас будет. Личный рецепт. Секретарша такие помои варит, — она махнула рукой. — Ну, так что скажешь?

Борис потрогал бровь и поморщился — ранка покрылась спекшейся корочкой.

— Давай промоем, — предложила Ирина.

— Обойдусь. Значит, так: с точки зрения анатомии у твоих «барби» все прекрасно. Просто не к

чему придраться, даже обидно. Стандарт. Ну, интеллект я судить не берусь, хотя, если честно, одна дура набитая, а другая просто стерва, каких мало. Надеюсь, ты их научишь, как отвечать на конкурсе, чтобы понравиться жюри.

— Жюри обычно нравится нечто другое, — вздохнула Ирина. — Ты меня понимаешь?

— Понимаю, понимаю, — пробурчал он. — В этом смысле тоже все в порядке. По крайней мере, с одной. А, да что там, — разозлился он вдруг, — если надо будет — лягут под любого.

Борис вскочил и пробежался по кабинету.

— С кого вы сняли личностную ментограмму, это же кошмар! Они видят цель и прут напролом, как бульдозер! Где многомерность восприятия мира, где чувственность и тайна? Где, я вас спрашиваю? Меркантильность и похоть...

Тихий смех заставил его остановиться и замолчать. Ирина закрыла лицо руками и, не пытаясь сдерживаться, смеялась от души.

— Извини, — она вытерла слезинку, — извини, пожалуйста.

— Не понимаю, что я сказал смешного, — сердито заявил Борис.

— Ну, как же, как же... ой, я не могу. Бедный Стойков... Раньше, бывало, подаришь цветы, стихи считаешь, и женщина твоя, а теперь...

Она отсмеялась, поправила каштановые волосы и стала серьезной.

— Да, дорогой мой, современные женщины узнали себе цену.

— Надо сказать, она несколько завышена, — пробормотал Борис. — А ты? Тоже знаешь свою стоимость?

Ирина погрузилась, подперла кулачком щеку и посмотрела на него.

— Нет, к сожалению. Я — пережиток, мне достаточно цветов. Только не дарит никто.

Инга позвонила на следующий день около двух и заявила, что позировать она сегодня не в настроении, поэтому Стойков может пригласить ее на обед. Не уловив связь, Борис, тем не менее, согласился. Инга предложила модный ресторан, предупредила, что ждать не будет, и повесила трубку.

«Ладно, сегодня отмучаемся, а завтра все, — решил Борис. — Завтра вас, девушки, поведут другие. Не знаю, кто это будет, да и не мои это проблемы. Я свою работу сделал. Ну, почти сделал. Последний штрих — красиво расстаться! Тоже, между прочим, искусство».

Повязывая галстук, он подмигнул себе в зеркале. Опухоль на брови опала, и тонкий шрам был почти не виден.

К ресторану он подъехал загодя. Швейцар, весь в лампасах и позументах, приглашающе приоткрыл дверь, но Борис сказал, что ждет даму, и стал прогуливаться вдоль огромных зеркальных окон. Посетители ресторана угадывались за стеклами дымчатыми силуэтами.

— Борис! Как я рада тебя встретить. Я звонила, звонила, а тебя нет и нет... ах, как я люблю красивые рестораны!

«Пропал, — подумал Борис. — Откуда тебя только принесло, радость моя?»

— Елена! — Он раскинул руки. — Я ждал-ждал твоего звонка и вот, решил пообедать.

— Пойдем вместе. Я тоже проголодалась. А здесь есть устрицы? Я обожаю устрицы и шампанское!

— У нас есть все, — провозгласил швейцар, широко распахивая двери и одобрительно кивая. Мол, такую женщину стоило дожидаться.

Нервно улыбаясь, Борис подхватил Елену под локоток, спеша исчезнуть с улицы.

— Стойков, — лязгнувший металлом голос заставил его втянуть голову в плечи, — мне показалось, что мы обедаем вдвоем! Кто это?

— Это? Дорогая, видишь ли...

— Расплатись с водителем, — скомандовала Инга, выбираясь из «Мерседеса», — так кто это?

— Милый, мы будем есть устриц или нет? — воззвала от дверей Елена.

Инга смерила ее презрительным взглядом.

— Я не знаю, где ты собираешься есть устриц, милочка, а мы с Борисом идем обедать.

— Видишь ли, Елена, кхм... — у Стойкова внезапно запершило в горле, — мы должны расстаться.

— Как расстаться? Совсем? Как ты можешь? — На глазах Елены немедленно возникли слезы, — я отдала тебе все: свое тело, свою душу...

— Про отдачу тела поподробней, пожалуйста, — заинтересовалась Инга.

— ...ты только берешь, ничего не отдавая! Ты подлец и мерзавец! Я дрожала на холоде у тебя в студии...

— Не одна ты, милочка, вертела перед ним голлой задницей, — продолжала комментировать Инга.

— А теперь ты уходишь с этой циничной стервой, — Лена простерла руки к небесам, — Господи, за что посылаешь мне муки такие?

Даже закатывая истерику, она не забывала думать, как выглядит со стороны. «Перед зеркалом упражнялась, что ли», — подумал Борис, наблюдая, как она расчетливо потряхивает головкой, заставляя

волосы в продуманном порядке рассыпаться на порозовевших щеках.

— Ты что, жениться на ней обещал? — небрежно поинтересовалась Инга.

— Да ничего я не обещал...

— ...обманом завлек меня в свою постель! О-о, теперь я понимаю: через нее прошли сотни женщин, которых ты бросил, надругавшись над самым святым!

— Сотни женщин, — пробормотала Инга, — однако, аппетиты у тебя.

— Да не слушай ты ее!

— Он и тебя бросит, кошелка крашенная, — на секунду выйдя из образа, сказала Лена и, внезапно упав на колени, поползла по асфальту, простирая руки, — я не могу без тебя, любимый! Я покончу с собой!

Вокруг стал собираться народ. Расписной швейцар подошел поближе, готовясь пресечь скандал. Жалостливая бабка ткнула Бориса клюкой между лопаток:

— Что натворил, засранец! А? Чего молчишь? А если у ней ребенок будет?

Борис затравленно огляделся. Публики все прибывало. Женщины в толпе смотрели явно осуждающе. Мужчины кривились в усмешке.

— Да какой ребенок, что вы, в самом деле, с ума посходили! — отбиваясь от подбиравшейся к нему Лены, оправдывался Борис.

— А если будет ребенок, — Лена стала хватать его за руки, — наш малыш? Ты выбросишь нас с младенцем на улицу?

— Так ты что, и ее трахал, и меня одновременно? — приподняв бровь, спросила Инга.

— Дамы, дамы, поспокойней, — швейцар поднял руку, — что вы...

— Отвали, попугай облезлый, — отрезала Инга.

— Видишь ли, в чем дело... — забормотал Борис, — не одновременно... как бы тебе объяснить...

— А не надо объяснять, — сказала Инга и, развернувшись, врезала ему сумкой по голове.

Удар металлического замочка пришелся по незажившей брови. Из глаз посыпались искры, Борис потерял равновесие и сел на асфальт.

— Пойдем-ка отсюда, хранитель традиций, — кто-то поднял его и повел через толпу, придерживая под руку.

В голове шумело, голоса доносились, словно сквозь набитую в уши вату.

— ...извращенец, — с завистью сказал мужской голос.

— ...нет, алиментщика поймали! Обоих обрюхатил, — уверенно возразили ему.

— ...молодец, парень, не растерялся!

Встряхнувшись, Борис посмотрел на провожаемого.

— Ух, как она тебя, — Ирина приподняла ему голову за подбородок, — потерпи немного.

— Откуда ты появилась, избавительница?

Он оглянулся. Возле ресторана, вцепившись друг другу в волосы, схватились будущие «Мисс Россия» и «Мисс Европа». Швейцар, уже без фуражки и с оторванным позументом, призывал охрану.

Вздыхая, Ирина погрузила Бориса в машину, достала из аптечки перекись водорода и, смочив ватку, передала ему. Стойков протер бровь, зашипел от боли и попытался открыть глаз.

— Эх ты, Казанова, — с досадой сказала Ирина, — Дон Жуан недоделанный. — Она взглянула в зеркало заднего вида и открыла дверцу. — Зачем тебе сразу две?

— Случайно встретились.

— Ну, и как тебе современные эмансипированные женщины? Ладно, посиди здесь, мне позвонить надо.

Выйдя из машины, она достала телефон.

— Это я. Все, подбирайте обеих, пока милиция не приехала.

Борис, привалившись головой к стеклу, бездумно смотрел вперед. Ирина уселась за руль, завела двигатель.

— Куда тебя отвезти?

— Не знаю, — промямлил он. — В студию?.. А если они туда придут?

— Ладно, поехали. Отлежишься у меня, а там видно будет.

Добрались быстро. Консьержка покосилась на гостя с заплывшим глазом, но промолчала. В квартире Ирина подтолкнула его к ванной.

— Иди, умойся.

Борис посмотрел в зеркало. Из-под набрякшего века виднелся глаз в красных прожилках, но кровь идти перестала. Он умылся холодной водой и прошел в комнату. Плюхнувшись на диван, обхватил голову руками.

— Почему я такой идиот, а? Почему у меня все не как у людей? Тридцатник миновал — и ни жены, ни семьи...

— На, выпей, — Ирина подала ему бокал с коньяком и присела рядом.

— Я понимаю, что вы выбрали усредненный тип ментальности, но неужели нынче все бабы такие? Существа, ведомые гормональным хаосом, остановившиеся в процессе эволюции на уровне каменного века! Кого-то ищешь, надеешься, а в итоге убеждаешься, что все одинаковые. С ничтожными вариаци-

ями. Всё одно и то же: деньги, ревность, истерики... Сплошные инстинкты, единственный, который отсутствует, — материнский. Никаких мыслей, кроме как урвать еще, еще! Или сидишь под каблуком, или успевай только бабки отстегивать. Или интеллект ниже плинтуса, или давят своим превосходством... Ну, скажи, Ир, все такие?

Она взъерошила ему волосы, он поднял лицо и прижался к ее ладони подбитым глазом. Ладонь была прохладная, и боль сразу отступила.

— Что тебе сказать... Мне кажется, не все, — усмехнулась она.

— Думаешь? — усомнился Борис.

— Уверена, что не все. Кстати, ты, видно, забыл: и мне — тридцать, и тоже ни мужа, ни семьи. А для женщины тридцать лет — это не то, что для мужчины.

— Ах, оставь... ты вообще не женщина...

— Спасибо, — он почувствовал, как Ирина сжала коготками его ухо.

— Нет, я не в том смысле, — смешался Борис, — ты добрая, мягкая, понимающая. Ты и друг, и женщина. Где такие водятся, а?

— Совсем близко, — Ирина притянула его голову, и он ощутил ее мягкие теплые губы.

Они любили друг друга нежно, осторожно, словно боясь обидеть или спугнуть зарождающееся чувство. После близости с Ингой, которая командовала в постели, как сержант на плацу, Борис ощутил себя на тихой глади теплого ласкового моря. И когда мягкая волна накрыла его с головой, он погрузился в нее спокойно и доверчиво.

Наверное, он задремал, потому что почувствовал, как на горле смыкаются холодные скользкие руки. Он знал эти руки, он сам их создал, и вот теперь они душили его. Вытолкнув из пересохшей

★ глотки сдавленный крик, он вырвался из пелены дурмана...

Он лежал один на смятых простынях, в окно светило заходящее солнце. Борис вспомнил, где он, что произошло, и умиротворенно откинулся на подушки. Открылась дверь, и в комнату вошла женщина. Его женщина. Та, которую он так долго искал.

«Она все время была рядом, где были мои глаза, черт возьми», — подумал он.

Женщина была в пушистом купальном халате, она вытирала мокрые волосы и улыбалась. Борис прикрыл глаза и стал наблюдать за ней. Женщина присела перед зеркалом, включила фен. Стойков залюбовался ее плавными движениями, ее грацией и впервые за долгие годы почувствовал себя счастливым.

Ирина быстро наложила косметику, ловко орудуя изящными кисточками и карандашами. Затем она прошла к шкафчику, выбрала одежду и, сняв халат, бросила его на спинку стула. Солнце, отразившись в зеркале, позолотило ее фигуру, выделив на загорелом теле белые полосы.

— Я буду тебя ваять, — не выдержал Борис, — я буду ваять тебя одну всю свою жизнь!

— Ой, — Ирина оглянулась и, прикрывшись руками, спряталась за дверцу шкафчика, — нехорошо подглядывать, — сказала она, поспешно надевая ажурное белье.

— Хорошо, — не согласился Борис, — очень хорошо! Я создам цикл скульптурных портретов. Я назову его просто: «Женщина»!

— Вот так просто: «Женщина»? — улыбнулась она.

— Да!

— Или «Очередная женщина»?

— «Женщина» с тремя восклицательными знаками! Или: «Моя Женщина», или «Единственная Женщина». Но женщина — с большой буквы! И я каждый день буду дарить тебе цветы и читать стихи! А куда ты собираешься? — вдруг забеспокоился он.

— Дорогой мой, мне надо и в конторе показаться. Не все гении от природы, кому-то надо и работать.

Борис помолчал. Потом встал и начал одеваться.

— Я с тобой.

— Зачем? — повернулась к нему Ирина.

— Я не могу с тобой расстаться.

— А ты не хочешь устроиться к нам на постоянную работу?

— Если возьмете. Только не консультантом, — он запрыгал на одной ноге, натягивая брюки. — Может, в этом что-то есть: нормальный рабочий день, фиксированная зарплата.

— А-а, надоела богемная жизнь.

— Ух, как надоела, — подтвердил Борис.

При появлении Ирины из-за столика секретарши поднялась симпатичная девушка.

— Вам звонили из отдела проводки изделий. Просили передать, что все в порядке, дальше изделия поведут по легенде «бизнесмен» и «банкир».

— Хорошо. Сделай кофе. — Ирина открыла дверь, пропуская гостя. — Заходи.

— Какой у тебя удобный диван, — Борис уселся, раскинув руки, — я только сейчас заметил. Иди ко мне.

— Ты с ума сошел. Секретарша может войти.

— Симпатичная девочка, — небрежно заметил Борис, — тоже «барби»?

- Нет, натуральная.
- Интересное лицо. Необычное и такое свежее. Ирина промолчала, устраиваясь за столом.
- Как тебе место начальника дизайнерской группы? — спросила она.
- Пойдет. Может, удастся вложить в ваши «изделия» чуточку человечности.
- Если только с точки зрения анатомии. Матрицу ментальности утвердили на совете директоров, и менять ее никто не будет.
- В дверь постучали, вошла секретарша с подносом, расставила на столе чашки и, опустив глаза, вышла из кабинета. Стойков, прищурившись, проводил ее взглядом.
- М-м... кофе неплохой, зря ты на нее жаловалась.
- Она для тебя постаралась, — улыбнулась Ирина. — Не хочешь познакомиться с работой?
- Можно.
- Очень хорошо. Сейчас я вызову кого-нибудь из дизайнеров, они тебе все объяснят.

Генеральный директор «Доллз» привстал при ее появлении.

— Прошу вас, присаживайтесь. Итак, все в порядке?

— Да, с понедельника он приступает к работе, — ответила Ирина, удобно располагаясь в кресле, — надеюсь, вы понимаете, мне нелегко было его уговорить. Творческая личность, полная непредсказуемость поступков. Кажется, мне полагается повышение оклада?

— Видите ли, — директор помялся, — я, конечно, помню нашу договоренность, но финансовые трудности...

— Которые меня не интересуют.

— Ну-у, если только за счет младшего персонала, — нерешительно протянул директор.

— Мне плевать, за чей счет, — сказала Ирина, поднимаясь и направляясь к двери, — и еще: мне нужна новая секретарша. Либо пожилая, либо ту-склая серая мышка.

— Позвольте, а эту куда?

Она остановилась у двери, медленно обернулась и, сузив глаза, посмотрела на директора.

— Уволить на хрен!

— А формулировка? — опешил генеральный директор.

— Кофе варить не умеет, — захлопнув дверь, Ирина постояла, кривя губы. — Господи, с кем приходится работать! Одни дебилы кругом.

По дороге домой Ирина слушала, как Борис строит планы дальнейшей жизни, поддакивая и кивая в нужных местах.

«Много ли мужикам надо, — думала она. — Погладить, приласкать иногда. Заглянуть в глаза и сказать: боже, какой ты умный. Все! Лепи из них, ваяй, что пожелаешь! И зачем тебе знать, дорогой, что матрицу ментальности, внедренную в «Ингу» и «Елену», сняли с меня. Сняли, разделили поровну между каждой куклой и пустили их в мир. Живите, девочки, вы стандартные. Хорошо, что ты один такой остался, Стойков. Наивный. Зато есть на ком проверять матрицы. Остальным хватит и кукол».

Стойков глядел на ее нежное прекрасное лицо и счастливо улыбался.

ДИНОЗАВРЫ

Пять человек в шлемах и бронежилетах стояли на лестнице перед тонкой фанерной дверью.

Семеро с автоматами в руках стерегли окна.

Три снайпера расположились на крыше.

Двадцать четыре бойца перекрыли щитами ближайшие улицы.

А в темном дворике возле пустой парковки притаился за мусорными баками черный бронированный фургон без номеров...

«Внимание!» — Один из пяти, тот, что был первым, поднял руку над головой.

Где-то далеко завывала сирена — сквозь ночной город по своим делам ехала полиция.

«Тихо! — Один из пяти приложил палец к губам. — Ближе!» — Тени на лестнице шевельнулись и слились в одну тень.

Маленький отель спал. Даже управляющий дремал в своей каморке перед немым телевизором, не подозревая о том, что сейчас произойдет — и что уже происходит.

— Входим!

Дверь треснула и распахнулась, далеко отлетевший замок разбил оконное стекло.

— Никому не двигаться! — Пять человек в шлемах и бронежилетах ввалились в черный проем. —

Всем оставаться на местах! — Лучи фонарей запрыгали по стенам и мебели, скрестились на кровати, где, оглушенные внезапным пробуждением и ужасом, ворочались мужчина и женщина.

— Где ребенок?! — заорал на них человек в шлеме и бронезилете. — Где?!!

Удар приклада сбил мужчину с постели. Кровь брызнула на сползающее одеяло.

— Где ребенок, Азей?!

Яркие красные точки плясали на разбитом лице мужчины.

Он зажмурился и высоко поднял руки.

— Не нужно было этого делать, Азей, — тихо сказала женщина, прячась за простыней. — Я предупреждала.

— Заткнись! — заорали на нее из-под шлемов.

А мужчина улыбнулся и выплюнул сломанный зуб. Ему уже не было страшно: он думал о ребенке. Вспоминал его.

— Папа, отвези меня к динозаврам!

— Даже не знаю, сынок. Боюсь, в этом году мы не успеем... Не сможем... Давай попробуем в следующем? А? Что насчет следующего года?

— Это до-олго-о.

— Придется подождать...

Дивею тогда исполнилось пять лет. Он был умный мальчик, хорошо рисовал, самостоятельно читал и очень любил древних ящеров.

— Папа, там есть настоящий череп аллозавра! И полный скелет трицератопса!

— Да-да, сынок. Я видел рекламу...

Ох уж эта реклама! Ее включали два раза в год — в начале лета и перед Рождеством — в ту са-

мую пору, когда родители гадают, куда бы свозить своих чад, вдруг освободившихся от школ и садов. В музей? В парк аттракционов? В кемпинговый приозерный лагерь?

— Папа, я хочу в Динолэнд!

Он отвел глаза и вздохнул.

До Бейрнеса, где расположился Динолэнд, всего сто пятьдесят миль — вроде бы совсем рядом. Кажется: пакуй чемодан, садись в машину — и вперед, пока ящеры ждут, пока они не перебрались куда подальше. Там есть череп аллозавра, скелет трицератопса, сотня механических моделей, облаченных в пластиковые шкуры, и даже парочка самых настоящих компсогнатов, которых можно покормить мясом и жуками.

— Ты же знаешь, сынок, мы не можем просто так взять и уехать. Нам надо получить разрешение надзорного комитета...

«И впрочем», — хотел добавить он. Но промолчал.

Азей и его жена Милена не могли иметь детей. Этот приговор впервые прозвучал четырнадцать лет тому назад — старенький профессор, поправляя очки тонким, похожим на палочку пальцем, извинялся перед молодой парой, словно это была его вина, что наука, которая научилась оживлять динозавров, не способна дать жизнь ребенку.

— Наверное, вам могли бы помочь, — тихо говорил профессор, глядя куда-то в сторону, — но не я, не здесь и не бесплатно.

Там, где жили Азей и Милена, медики умели только лечить простуды, резать аппендицит и штопать огнестрельные раны.

— Вам нужны деньги, — говорил профессор чуть слышно. — Очень много денег...

Но он ошибался.

Шесть лет Азей вкалывал без выходных и отпусков, пытаясь собрать нужную сумму, но не скопил и десятой ее части.

А потом его дядя Баташ, давно уехавший за границу, прислал маленькую листовку, на которой был нарисован зеленый лист и красный крест. К листовке прилагалась анкета — Азей с Миленой заполнили ее, переводя незнакомые иностранные слова с помощью старого компьютера, собранного из найденных на свалке запчастей.

Ровно через год в халупу Азея и Милены вошли две улыбочивые чернокожие женщины. Они протянули свои документы с печатью в виде креста и листика.

— Разрешение Фонда получено, — сказала одна из них. — Вы можете переезжать.

На переезд в незнакомую страну, где жили беспечные и богатые люди, ушли все деньги, заработанные Азеем. Но он ничуть об этом не жалел — ведь теперь у них появился шанс родить ребенка. Над новоиспеченными счастливыми гражданами взяли шефство люди с нашивками в виде красного креста и зеленого листика. Люди эти искренне хотели помочь, и, кажется, не было дня, когда они не навестили бы маленькую, но чистую и уютную квартирку подопечных.

— Договор на двенадцати листах. Чистая формальность. Его подписывают все...

— Пожалуйста, приложение к дополнительному соглашению. Подпись нужна здесь... И еще здесь — чуть ниже...

— Фонд взял на себя большую часть расходов, связанных с медицинским обследованием... Вот отчет — ознакомьтесь и подтвердите согласие на нашу помощь... Но сделать это надо поскорей... Спасибо!

Как же они все радовались, когда Милена забеременела! Как танцевал холостой и бездетный дядя Баташ! Какие подарки несли представители Фонда! И как плакал Азей, не веря своему счастью...

Через четыре месяца Милену положили в клинику. Представители Фонда теперь появлялись редко — они свое дело сделали, дальше все зависело от врачей. Азей волновался: почему его жена госпитализирована? Что с ребенком? Когда ее выпишут? Врачам некогда было отвечать на его вопросы. Ему только сказали, что все идет нормально, что все беременные, поступившие в клинику через Фонд, находятся на особом режиме.

А за два месяца до предполагаемой даты родов Азея перестали пускать к жене. Он звонил ей каждый день — она скучала, но у нее все было хорошо. Он спрашивал, видела ли она малыша на ультразвуковом исследовании. Она говорила, что ей ничего не показывают. Он хотел знать, кто у них будет — мальчик или девочка. Она отвечала, что врачи ничего не говорят.

А потом ей вдруг сделали кесарово — просто однажды отвезли в операционную и под общим наркозом достали ребенка. Уже потом объяснили, что иначе было нельзя — плод большой, ждать срока опасно.

Так появился их долгожданный мальчик — Дивей.

И все было хорошо — быстро окрепший малыш рос и радовал родителей: уже в год он крепко стоял на ногах, в два — показывал все буквы алфавита, в три — умел считать на пальцах.

Но потом счастье кончилось — в четыре года Дивею поставили страшный диагноз.

Жить малышу оставалось год или полтора — так говорили врачи.

Однако они ошиблись.

Измученный болезнью Дивей все же встретил шестой день рождения — возможно, только потому, что очень ждал поездку в Динолэнд, однажды обещанную отцом.

— Папа, у меня завтра день рождения?

— Да, сынок.

Азей сидел на краю детской кровати, держа в пальцах прозрачную невесомую руку Дивея.

— И ты отвезешь меня к динозаврам? Ты же обещал, я помню.

— Я тоже помню, сынок.

— Значит, завтра мы поедем? — Малыш улыбнулся. — Я видел рекламу! Динолэнд вернулся. Он всегда возвращается.

— Да, сынок... — Отец отвел глаза. — Он вернулся... Пожалуйста, спи. Завтра будет твой день.

Ему не пришлось долго думать — у него был целый год, чтобы все решить заранее.

— Куда ты? — спросила жена, наблюдая, как он собирает вещи.

— Ты знаешь.

— Это может убить его.

— По крайней мере, он умрет счастливый.

— А надзорный комитет?

— Плевать на них.

— Но если мы уедем из города без разрешения, нас арестуют. И, возможно, депортируют.

— Пускай.

— Так нельзя, Азей.

— Ты знаешь, я пытался все решить по закону. Двенадцать прощений за последний год. И двенад-

цать отказов. Фонд запрещает нам посещать Бейрнес и настоятельно рекомендует не выезжать за границы города.

— Значит, у них есть на то причины.

— А у меня есть причина нарушить их чертов запрет!

Он хлопнул по столу ладонью и испугался, что разбудит ребенка. Осекся, обернулся на прикрытую дверь.

— Завтра его день рождения. Наверное, последний. Нам никогда не собрать денег на операцию. Но мы хотя бы можем исполнить его желание...

Они выехали рано утром и уже к обеду были в пригороде Бейрнеса. Хозяин мотеля проводил их до номера, отпер дверь и передал ключи.

— Приехали в Динолэнд? — угадал он.

— Да.

Азей взял сонного Дивея на руки, чтобы перенести из машины в комнату.

— Там есть череп аллозавра, — тихо сказал мальчик новому знакомому.

— И парочка живых компсогнатов, — подмигнул ему хозяин. — Говорят, их выводят из крокодильих яиц. Жду не дождусь, когда из инкубатора вылезет карнозавр.

— Это было бы здорово, — улыбнулся малыш...

Обедали они в тишине. На десерт у Дивея были разноцветные таблетки — целая горсть.

— Как ты себя чувствуешь, сынок? — спросила Милена.

— Хорошо, мама. Когда мы пойдем к динозаврам?

— Сейчас тебе надо поспать.

— Но я спал всю дорогу!

— Хотя бы просто полежи в кровати с закрытыми глазами. — Она повернулась к мужу: — Как думаешь, как скоро они спохватятся и начнут нас искать?

— Они ничего не узнают, — тихо ответил Азей. — Я сказал соседям, что мы отправились на барбекю к озеру. Туда-то нам разрешено ездить.

Пока сын спал в соседней комнате, родители успели подготовить сюрприз: выставили на стол торт с шестью свечами, достали из багажника полуметрового робота-динозавра, подключились к беспроводной сети мотеля, чтобы любимого и единственного племянника мог поздравить дядя Баташ.

— А вы разве не дома? — удивился тот. — Неужели разрешение получили?

— Просто приехали к динозаврам, — немного невпопад ответил Азей и, велел ждать скорого звонка, отключился.

Ждать, действительно, пришлось недолго — через двадцать минут Дивей проснулся и сразу запросился в Динолэнд. Он даже торт отказался пробовать, только задул свечи.

— Ладно, — легко согласился Азей. — У нас еще вечер впереди. Тогда и отпразднуем как следует.

Динолэнд располагался за городом, в парковой зоне на берегу реки. Его огромный надувной купол, похожий на скорлупу, был виден издали. Но чудеса начинались уже на подъездах — парковку стерегли диплодоки-шлагбаумы, в парке среди вязов и кленов высились гигантские папоротники и хвощи, у причала среди лодок и катамаранов качался на волнах оседланный ихтиозавр, над головами посе-

тителей скользили радиоуправляемые птеродактили. Человеческая речь, детские визги и крики вторили рыку древних ящеров и стрекоту доисторических насекомых, запах горячей карамели и попкорна смешивался с вонью болот и серных источников. Продавцы в костюмах ящеров предлагали гипсовые кости, пластиковые яйца и бумажные крылья.

— Поучаствуйте в охоте на стегозавра! — неслось из громкоговорителей. — Не пропустите скачки эрреразавров! Померяйтесь силой с малышом трицератпорсом!

— Спасибо, папа, — по-взрослому серьезно сказал Дивей. — Это мой лучший день рождения.

В царстве динозавров они провели четыре часа — наверное, это было слишком много для больного ребенка, но ни у матери, ни у отца не хватало духу сказать ему, что экскурсию пора заканчивать.

Они посмотрели череп аллозавра — это было интересно.

Они скатились по спине амфицелии — от этого захватывало дух.

Они покормили живых компсогнатов жуками и мясом — это оказалось весело.

Они много чего успели сделать и много где побывать — но не обошли и половины Динолэнда.

Азей смотрел на счастливого сына, и ему хотелось рыдать.

Он чувствовал, что завтра болезнь убьет малыша.

Он молился, чтобы агония была не слишком долгой.

Они уже собирались уезжать, когда к машине подошел охранник.

— Вы разве не останетесь на вечернее шоу? — спросил он. — Оно начнется меньше чем через час.

— Малышу надо отдохнуть, — сказал Азей и отвернулся.

— Понимаю, — кивнул охранник. — Однако, уж извините мою навязчивость, шоу стоит того, чтобы немного подождать. Лазеры, проекции и фейерверк — только один раз в неделю — и сегодня тот самый день.

— Папа? — тихо позвал Дивей.

— Нам надо домой, — сказала жена.

— Лазерные ящеры шагают среди деревьев, в небе взрываются звезды, а с земли пышут вулканы. — Охранник поцокал языком. — Шоу называется «Гибель великанов». Я всем предлагаю остаться, и никто еще не пожалел.

— Папа, я хочу посмотреть.

— Но уже поздно, малыш, — сказала Милена.

— Уже поздно, — согласился Азей.

— Всего-то полчаса подождать.

— Папа... Мама...

Они посмотрели на ребенка. Переглянулись.

— Ну ладно, — сказала мать.

— Хорошо, — сказал отец.

— Но при одном условии, — строго добавила Милена, — ты сейчас отдохнешь в машине. Как следует поешь. Выпьешь лекарства.

— Да, мама, да! Спасибо!

— Вот и отлично, — улыбнулся охранник. — Если хотите, я могу показать место, откуда все будет видно.

Место, предложенное охранником, действительно оказалось удачным — высокое, открытое, ровное. Отсюда был виден почти весь парк, и реку хорошо было видно, и небо. Азей нашел свободную лавочку, попросил соседей придержать местечко для его

★
больного сына. Незнакомые женщины улыбнулись ему как родному:

— Конечно, возвращайтесь, садитесь.

Он поспешил назад.

Уже темнело. На аллее включились фонари, на тротуаре вытянулись тени. Навстречу шли люди — из света в полумрак и опять на свет — многие с детьми и почти все — только с одним ребенком. Азей вспомнил своих родителей, своих братьев и сестер: их семья была многодетной, так было принято на родине. А здесь все иначе...

Он так задумался, что не заметил идущего навстречу малыша, наткнулся на него и сбил с ног. Ребенок заплакал — так знакомо, что у Азея сердце сжалось.

— Извини меня, пожалуйста, — он присел перед малышом, заглянул в его личико — и опешил.

— Дивей? А где мама? Как ты сюда попал?!

Ребенок, кажется, испугался его.

— Ну что ты, — Азей хотел его обнять, но вдруг заметил кое-что странное.

— А что это за одежда на тебе, малыш? Ты когда переоделся?

Над ними встал кто-то.

— Отойдите, пожалуйста, или я позову полицию.

Незнакомая пожилая женщина, поджав губы, строго смотрела на Азея.

— Вы все не так поняли, — смущенный мужчина поднялся, отряхнул колени. Чопорная дама тут же отодвинула его, встала между ним и ребенком.

— Эстон, малыш, этот дядя тебя обидел?

— Что? — теперь Азей возмутился. — Какой Эстон?! Это мой Дивей!

Ребенок обнял ноги женщины. Он явно был напуган.

— Пойдите... Эстон? Это какое-то недоразумение... — Азей растерялся. — Этот мальчик так по-

хож на моего сына... Просто удивительно. Как две капли...

— Уходите, — сухо сказала женщина. — Вы пугаете ребенка.

— Да, конечно... — Азей попятился, не сводя глаз с малыша. — Извините.

Сходство было поразительное. Если бы у Дивея был брат-близнец, то он, наверное, выглядел бы именно так.

— Подождите! Сколько лет вашему малышу?!

Но женщина не удостоила незнакомца ответом. Она уходила, дергая ребенка за руку каждый раз, когда тот пытался оглянуться.

— Старая стерва, — буркнул кто-то за спиной Азея. — Боюсь ее больше, чем хозяек. А ребенку шесть. Как раз сегодня исполнилось...

Эстон жил в богатой семье. Его родители занимались архитектурой и дизайном, но это было дело для души. Основной же доход семья получала, эксплуатируя капиталы своих дальновидных предков — лет сто назад они удачно вложились в несколько компаний, занимающихся производством продуктов питания, а потом деньги начали делать деньги. Теперь вроде и Динолэнд какой-то частью принадлежал этому семейству — потому для Эстона все двери здесь были открыты.

— У него здесь даже собственная беседка есть, откуда он смотрит лазерное представление.

Все это рассказал Азею словоохотливый Сонан Ротич — темнокожий водитель, сорок пять лет работающий на семью Фейт.

— Эстон Фейт — самый счастливый ребенок в городе, — ухмыляясь, добавил Сонан. — Только он об этом не подозревает.

— А эта женщина — его бабушка?

— Нянька, — Сонан помотал головой и фыркнул. — Она в семье всего-то шесть лет, а ведет себя, словно всем заправляет.

— Получается, она появилась сразу, как родился ребенок?

— Родился? — Сонан опять фыркнул. — Можно, конечно, и так сказать. Только Лара и Хлоя его не рожали. Во-первых, у Лары по женской части проблемы. А Хлоя рожать отказалась — она как бы мужик. А во-вторых, рожать самому сейчас не модно. Ну, в таких семьях... Понимаешь?

Азей кивнул.

— Его усыновили, — сказал он.

— Да. Выложили кучу бабок за это. Они сами подбирали пару по анкетам Фонда. Выбрали каких-то неудачников из третьего мира, оплатили их лечение. Прошло какое-то время, и — вуаля! — в семье появился новорожденный Эстон!.. Эй, парень! Эй! Ты куда?!

Темнокожий Сонан вскинул руку, словно хотел поймать убегающего прочь собеседника.

— Вот чудак...

Азей, ничего не слыша, не разбирая дороги, несся по аллее — из света в тень, из тени в свет. Люди шарахались от него, словно от хищного динозавра, ищущего в ночи добычу.

Высоко в небе скрестились лучи лазеров, в черную речную гладь вонзились лучи прожекторов — шоу начиналось.

Азей ударился о машину, распахнул дверь.

Испуганная жена смотрела на него.

— Ты носила двойню! — Он сам не понимал, во-прос это или утверждение. — Ты носила двойню!

Она что-то говорила ему, он не слышал.

— Ты носила двойню! Они всегда нам врали! Ничего не показывали!

Жена закричала, ударила его в грудь кулаками. У нее было некрасивое напряженное лицо.

— Они лечили нас, чтобы использовать! Ты понимаешь?! Ты слышишь?!

Он вдруг понял — прочитал по губам, — что она кричит ему то же самое: «Ты слышишь?! Слышишь?!»

Он словно очнулся, отстранился. Заметил слезы на ее глазах.

Милена колотила его, била изо всех сил:

— Где ты был?! Слышишь?! Где ты был?!

Он обмер. Спросил чуть слышно:

— Где Дивей? — и тут же увидел его.

Бледный малыш лежал на заднем диване. Голова его была запрокинута. Тонкая прозрачная рука свисала до пола, залитого рвотой.

— Где ты был... — Милена упала на колени, а он все смотрел и смотрел на малыша — на своего несчастного, замученного бесполезными лекарствами ребенка, который мог бы еще жить и жить, если бы Фонд или какие-нибудь Фейты поделились крохотной частью своего состояния...

Рот малыша открылся.

Дивей захрипел, судорожно пытаясь вдохнуть. Пальчики его сжались, рука дернулась...

Эта была агония. Сколько она могла продолжаться?!

— Стой здесь! — рывнул Азей жене. Он вытащил ребенка из машины, обернул его попавшим под руку полотенцем и бросился бежать — назад, во тьму, туда, где сейчас веселилась толпа, восторженными криками встречая поднимающихся из воды

лазерных динозавров и приближающийся звездопад.

Азей молился, чтобы агония его ребенка длилась как можно дольше...

Он вернулся к машине через шесть минут.

Он сделал все, что было нужно, — в темноте это оказалось несложно, тем более, что все вокруг паялись на рисуемые лазерами картины.

— Едем! — Он затолкал убитую горем жену на задний диван, сунул ей в руки ворочающийся хрипящий сверток. — Быстрее! Быстрее!

Диплодок-шлагбаум высоко поднял голову, выпускающая автомобиль со стоянки. Удивленный охранник помахал им вслед — первый раз за всю его службу здесь кто-то уехал, не досмотрев шоу и до середины.

— Куда ты так гонишь? — спросила плачущая Милена, прижимая к себе бьющегося в агонии малыша. — В больницу? Это бесполезно. Ты все деньги спустил на динозавров.

Она развернула полотенце, обняла мучительно кричащего сына, удивляясь его силе — он же только что был без сознания! Вытерла рукой пену с его рта — но где рвота? Прижалась губами к его горячему лбу — а ведь недавно он был совсем холодный.

Только через минуту Милена поняла, что это не их ребенок.

— Что ты сделал?

Где-то рядом взывала сирена.

— То, что был должен.

Мимо них пронесся сверкающий маячками воющий автомобиль.

Это была не полиция. Это была «Скорая помощь».

Они вернулись в мотель, но лишь на пару минут, чтобы взять кое-какие вещи. Остаться на месте им было нельзя — так решил Азей.

Три дня колесили они по округе, стараясь не уезжать от города далеко, питаясь в придорожных забегаловках, ночуя в дешевых гостиницах. Азей все объяснил Милене, а она поговорила с маленьким заложником, так похожим на их сына. Мальчик на удивление спокойно отнесся к похищению — кажется, он воспринимал его как увлекательное приключение. Лишь иногда Эстон начинал хныкать, вспоминая свою семью. Но Милена быстро успокаивала и отвлекала его...

А потом их нашли.

— Где ребенок?! — Орал на него человек в глухом шлеме. — Где?!

Азей пальцем потрогал острый обломок зуба, сплюнул кровь. Ответил, спокойно глядя в направленное на него черное дуло.

— В соседней комнате. Спит.

Два автоматчика тут же кинулись к прикрытой двери.

— Не будите его так, — попросил Азей. И, помолчав, добавил: — Это же наш ребенок. Вы знаете это.

Его опять ударили прикладом, и на этот раз он потерял сознание.

Милена, Азей и Дивей могли стать героями сотен репортажей. Их история ошеломила бы простых людей. А уж как вцепились бы в тему журналисты и независимые сетевые писаки! Возможно, про Азея, Милену и их детей сняли бы фильм. Может быть даже, их имена стали бы нарицательными.

Но ничего не случилось. Милену и Азея даже не судили. Их просто выдворили из страны — тихо и быстро.

И Азей знал — почему.

— Мы не одни такие, — шептал он жене на ухо, сидя в зале ожидания аэропорта и открыто наблюдая за тремя соглядатаями в коротких серых пальто. — Фонд работает по всему миру. У него на примете тысячи семей-инкубаторов или даже сотни тысяч. Их вытаскивают из нищеты, из беды, позволяют жить здесь — но в качестве платы Фонд забирает их детей. Фонду не нужна огласка. Меня уже предупредили, что я должен молчать. Тебя тоже запугивали...

— Что же ты наделал, — прошептала Милена, не слыша мужа. — Ненавижу тебя.

В старой кожаной сумке глухо зазвонил телефон. Азей расстегнул «молнию», достал его, прочитал имя на потертом экране.

— Брат звонит.

Милене было все равно.

— Да? — сказал Азей в телефон, с удовольствием наблюдая, как зашевелились встревоженные соглядатаи.

Две минуты он ничего не говорил, только слушал. С каждой секундой лицо его светлело.

— Спасибо, брат, — ответил он наконец и повернулся к Милене:

— Он жив. Ты понимаешь? Слышишь меня? Наш Дивей жив! Я сделал все верно! Нянька не поняла, что я подменил малышкой. Она просто испугалась, увидев агонию ребенка. А болтун водитель запомнил диагноз, который я ему назвал. Они успели, они не жалели денег, думая, что помогают Эстону. Его прооперировали сразу же. Он лежал в лучшей клинике. С ним работали лучшие врачи. А когда подмена обнаружилась, было уже поздно что-то менять...

Азей заплакал.

Соглядатаи перешептывались, переглядывались, не зная, как им реагировать на происходящее. Они должны были просто сопроводить пару до самолета, убедиться, что те сели на рейс. Но сейчас происходило что-то странное.

Азей встал, кулаком размазал слезы по лицу.

— Слышите, вы, динозавры! — зло обратился он к залу. Соглядатаи медленно направились к нему. Выражение их лиц не предвещало ничего хорошего, но разве что-то могло сейчас напугать Азея?

— Вы вымираете! — объявил он. — И вы ищете свежую кровь, чтобы продлить свою жизнь. Только все это бесполезно!

Соглядатаи вцепились в него, потащили вниз. Он сопротивлялся, продолжая кричать:

— Вы забираете наших детей, потому что не можете иметь своих. Но это не поможет, потому что вы делаете их такими же, как вы сами!

Ему закрыли рот — он укусил чужую ладонь, разорвал кожу острым обломком зуба.

— Вы динозавры! Динозавры!

Десятки лиц были сейчас обращены к нему. Недоумевающих, смеющихся, напуганных — разных.

— Вы все умрете, — равнодушно объявил Азей и, отталкивая пыхтящих соглядатаев, полез со скамьи. — Вы уже умираете...

Он сел на пол, закрыл голову руками, не обращая внимания на сыплющиеся удары. Он улыбался, вспоминая своего сына и последний день, который они провели вместе.

Вместе с динозаврами.

Азей верил, что скоро он вернется сюда. Вернется — и заберет своего сына.

Чего бы это ему ни стоило...

ОТПУСК ЗА ХРАБРОСТЬ

Федор стоял на крыльце и глядел на изгиб выходящей из-за холмов дороги. Слабый ветерок не спасал от жары, лишь слегка шевелил седые, однако же еще густые и жесткие волосы. Прищуренные глаза внимательно следили из-под ладони за маленькой точкой, бегущей вдаль по серой извилистой полоске и оставляющей за собой длинный пыльный хвост.

— Марьяна, ну давай же скорей, едут ведь! — крикнул Федор, не поворачиваясь.

— Да бегу уже! — на крыльце дома, завязывая на ходу платок, появилась Марьяна — немолодая уже, но статная, гибкая и по-своему привлекательная женщина. — Борщ с огня снимала.

— Борщ... — Федор невольным движением оправил пиджак, стряхнул со штанины прибитую ветром соломинку.

Небольшой зеленый автобус с яркой военной эмблемой на боку остановился напротив калитки. С коротким шипением открылась дверь, потом закрылась. И автобус, поднатужившись, тронулся дальше, переваливаясь на неровной колее.

А на дороге остался совсем молодой парнишка в черно-сером солдатском комбинезоне, с небольшим

рюкзачком на плече. Был он худой и какой-то блеклый на первый взгляд. Лишь яркой искоркой горела единственная медаль на его груди.

Он медленно, словно опасаясь чего-то, подошел.

— Добрый день... Здесь живут Марьяна Денисовна и... Федор... Федор Иванович?

В руке он мял какую-то бумажку.

Федор чуть улыбнулся.

— Да ладно уж, какие мы тебе Федор-Ивановичи... Вот мамка твоя. А я — батя. Так и называй. Ну проходи, проходи, — Федор распахнул калитку. — Здравствуй, сынок, заждались тебя.

Паренек не двинулся с места. Лишь быстро переводил смущенный взгляд с одного родителя на другого.

— Да что ты застеснялся-то! — Федор взял парня за рукав и буквально затащил во двор. Крепко обнял его, затем то же сделала и Марьяна.

— Меня Ахмедом зовут, — спохватился солдат.

— Да уж помним! — коротко рассмеялся Федор. — Давай мне вещи, проходи в дом, обедать будем.

На самом крыльце Ахмед вдруг остановился.

— Пахнет у вас тут как... Травой, речкой...

— Будет тебе и трава, и речка — все будет. Ты проходи, сынок.

В доме было тихо, лишь какая-то взбесившаяся муха яростно стучалась о стекло. Ахмед скромно и аккуратно ел борщ, стараясь не греметь ложкой. Не столько ел, сколько делал вид, настороженно стреляя взглядом из-под лба. Наконец отставил тарелку.

— Вкусно очень. Спасибо.

— Эй, сынок, так дело не пойдет, — покачал головой Федор.

Поднялся, достал из буфета бутылку и три небольших рюмочки.

— Вот так... Тебе, я гляжу, терапия нужна. А то совсем как не родной.

— Нет, нам не разрешали! — испугался Ахмед.

— А я — разрешаю! Я — батя твой, понял? И главное меня сейчас никого нет, вот так! Мать, давай свои котлеты, или что там у тебя...

Марьяна поспешила к плите.

Федор оказался прав — «терапия» подействовала. У Ахмеда и щеки порозовели, и взгляд стал не такой колюче-испуганный.

Было видно: мало-помалу солдатик осваивается в родительском доме.

— Ну, ты хоть расскажи, сынок, как ты там? Как служишь? Вот, гляжу, и орден у тебя.

— Да какой там орден, медаль просто, — смутился Ахмед.

— Просто или не просто, а медали тоже за так не раздают. Ты расскажи, что прошел. Нам же с мамкой тоже знать надо.

— Да что там... у меня всего один бой и был, — Ахмед простодушно развел руками. — Только успели из самолета выскочить, приказ — на позиции. Три километра бегом в зимних комплектах. Дошли до точки, все мокрые, сопли на лету замерзают. Вдохнуть не успели — тут и накрыло. Три десятка ребят с ледника сразу в море смело. Меня командир — за шкирку в расщелину оттащил, посадил за пулемет, сектор показал. Говорит, стреляй. Я и стрелял. Два часа стрелял, пока панцеры не подошли. Вот и все, вот и весь мой подвиг.

Федор покачал головой, сведя брови. Протяжно вздохнул.

— Это кто ж вас так не пожалел? Небось, с норвежских линкоров прилетело?

— Нет, норвежцы сейчас в Баренцевом море застряли, им не до нас, там индусы их жмут. Говорят, нас сверху ударили, с орбитальной батареи. Украинцы, кажется.

Ахмед помолчал, глядя в пустоту.

— Там вообще сейчас ничего не поймешь. Все перемешалось.

— Ну, мы тут тоже мало чего понимаем, — пожал плечами Федор. — Ты, сынок, за свою землю стоишь — вот это понимай. Остальное — пыль. Все эти японцы, арабы, болгары — они за деньги дерутся. Арктическая нефть, алмазы, золото... А за тобой сейчас твоя земля, твои люди, мы с мамкой твоей. Значит, и правда на твоей стороне.

Он помолчал, покачивая головой.

— Слышь, а белорусы-то как? С нами еще?

— С нами, — кивнул с улыбкой Ахмед. — В наших УБК специальности получают, потом в наших же частях служат. И сражаются хорошо. Отлично даже.

— Да отстань ты от него со своей политикой, а? — всплеснула руками Марьяна.

Скрипнув дверью шкафа, она достала стопку вещей и положила на диван.

— Ты переоденься, сынок, тут все чистое. Небось, устал от казенного белья. А лучше вздремни с дороги, я постелю сейчас.

— Это верно, — Федор хлопнул ладонями по столу. — Отдохни часа три, а я пока удочки налажу, наживку заготовлю. К вечеру на реку пойдём. Ты

такой рыбалки нигде не увидишь, хоть всю землю обойдешь.

— Опять он за свое, — покачала головой Марьяна. — Сын на ногах едва стоит, а ему все рыбалка.

— Да я б и тебя взял, чтоб понимала, что к чему. Но ты ж, старая, всю плотву своим ворчаньем распугаешь.

Ахмед взял в руки мягкую домашнюю рубашку, осмотрел, помял пальцами. Незаметно принюхался, ловя тонкий аромат мыла.

Вдруг помрачнел.

— Вы меня простите, — сказал он. — Я вам подарков никаких купить не успел. С аэродрома — сразу сюда...

— Да какие подарки! Ты — самый главный для нас подарок. Да, мать?

Рыбалка и в самом деле была волшебная. Вода стояла тихая, сонная, будто ее утюгом прогладили. Лишь у берегов иногда раздавался мягкий плеск. Сквозь кроны деревьев сыпало сотнями лучиков уходящее солнце.

Ахмед сидел, неловко держа удочку и улыбаясь. Даже во сне он не ощущал такого ласкового и чарующего покоя. словно сама жизнь из тайных запасов вручила ему самый сладкий и волнующий свой кусок, непознанный и неисчерпаемый.

— Бать, а вы не сердились с мамой, что я раньше не приезжал?

— Ну, что ты...

— Да нет, понимаю же, надо было отпрашиваться, отпуск заслуживать. Если б я только знал...

— Ты эти мысли брось, — строго сказал Федор. — Какие тебе еще поездки? У тебя учеба, служ-

ба. Мы всё понимаем. Жизнь сейчас такая, куда от нее денешься? Мы бы к тебе приехали, но сам порядки знаешь...

— Вас бы не пустили, там запрещено, — вздохнул Ахмед. — Знаешь, батя, мне через полгода можно рапорт насчет аттестации на командира роты подавать. Офицерам же можно до трех раз в год отпуск брать. Я тогда сразу к вам, да?

— Конечно! И подавай свой рапорт. Будешь командиром — нам с матерью больше гордости за тебя.

— Я и так уже командир, взводный. Но я пока сержант, так что приезжать часто не могу.

— Кстати, тебе сколько лет-то, командир? Шестнадцать есть уже?

— Через месяц пятнадцать будет... — почему-то смутился Ахмед. И вдруг встрепенулся: — Ой, что это?! Батя, что это такое?

— Так клюет же у тебя, чудак! Тащи давай! Дергай, говорю!

Ахмед изо всех сил рванул удочку — и воздух взметнулась леска с пустым крючком.

— Эх... — с досадой крикнул Федор. — Перетянул. Хорошая, видать, рыбешка была, да сорвалась. Легче надо. Решительно, но плавно. А ну, посиди тихо, погляди, как я...

Сидеть пришлось недолго. Поплавок у Федора вдруг задрожал, закрутился и упруго ушел в чистую воду, оставив мелкие круги.

— Есть! — торжествующе объявил Федор, когда резвая золотистая рыбка забилась на прибрежной траве.

Ахмед взял ее в руки, рассмотрел со всех сторон.

— Карась, — пояснил отец. — Мелкий, для еды мало пригодный, но кошке сгодится.

— Так вы их едите?

— А что ж с ними делать? — Федор рассмеялся. — Из хорошего карпа или судака — знаешь, какую жарянку можно забачать? А вот окуней не люблю, костлявые они.

— Сохранить бы ее, на память, — Ахмед продолжал разглядывать карасика. — Да только как?

— На память, говоришь... Будет тебе память, — Федор порылся в сумке и отыскал небольшую золотистую блесну. Отделил острый тройной крючок, а блестящую металлическую рыбку протянул Ахмеду. — Вот тебе целый памятник!

— Годится! — обрадовался тот.

— Ну, давай, теперь сам. Садись вот, наживляй, закидывай. Рыбалка — дело тонкое, это тебе не из пулемета стрелять. Батька научит, ты, главное, не тушуйся.

Утром Ахмед стоял перед зеркалом и угрюмо себя рассматривал то слева, то справа.

— Пап, мам, а обязательно нам на эту ярмарку ехать?

Федор с Марьяной переглянулись, незаметно улыбнувшись.

— Ну, что ты как деревянный, а? — Марьяна укоризненно покачала головой. — Неудобно тебе, что ли?

Ахмед провел руками по нарядному пиджаку из силикатной шерсти, подергал брюки, поправил кепку.

— Удобно, мам... Только... не знаю, как сказать. Я будто артист какой-то или доктор. Мне неловко. Я не привык.

— А ты привыкай! Да ты сегодня там самый главный красавчик будешь! Все так одеваются, только не у всех такие сыновья-герои!

— Не знаю...

— Я знаю, — веско ответил Федор. — Хватит уже о казарме вспоминать. Приехал к людям — так будь, как люди. Ну, не в гимнастерке же своей пойдешь? Чай, тут не война.

Ахмед помолчал, хмуро разглядывая себя исподлобья.

— А зачем нам вообще на эту ярмарку ехать? Я б лучше с вами посидел.

— Ну, конечно! — всплеснул руками Федор. — Ну, посиди. Весь свой отпуск просидишь. Ты хоть за двор выйди, жизнь-то посмотри! Что вспоминать будешь — как в избе сидел?

— Сынок, там весело будет, — присоединилась Марьяна. — Ты даже уезжать не захочешь, вот вспомнишь ты мои слова.

— Ну, хватит слов, — Федор решительно поднялся. — Я пойду, машину подгоню. Через пять минут жду обоих.

На пороге он остановился.

— Сын, ты орден-то приколи!

— У меня медаль.

— Вот медаль и приколи.

А на ярмарке и вправду было весело.

Толпы разношерстного люда ходили вдоль рядов под цветными гирляндами; везде были музыканты, клоуны; на каждом шагу продавалось что-то вкусное и необычное; то и дело взгляд натыкался на фокусника или уличного гимнаста — глаза разбегались от желания увидеть все.

— Сынок, улыбайся! — Марьяна сжала ладонь Ахмеда. — Тебе улыбаются — и ты улыбайся. Здесь все тебе рады.

— Да, мам...

— Хочешь еще пастилы или мороженого?

— Давай. А можно вон то, желтое? Что это?

— Взбитый крем из кукурузы, вкусный. Сейчас возьмем на всех, да?

Над площадью вдруг взорвался пенный фейерверк. Пухлые цветные облака заполнили небо, а потом начали оседать, разваливаясь на кусочки. И люди ловили их, смеялись, кидали друг в друга...

— Как хорошо у вас... — вырвалось у Ахмеда.

— Ну, хорошо или не хорошо... — Федор вдруг убрал с лица улыбку. — Бывает и хорошо — стараются же люди, чтобы как-то жить. Но ты должен знать, сынок. Это лишь потому, то ты и твои друзья — там, на посту. Вы — на страже. Поэтому еще как-то живем, развлекаемся даже. Вот будет победа, тогда всем будет так. Только вы не подведите, сыночки наши. Приезжайте с победой, а уж мы вас так встретим...

Он вдруг приостановился, заметив что-то сбоку.

— О! — Федор потерял ладоши. — А вот это — по-нашему!

В конце ряда стоял лазерный тир. На большом экране проектор рисовал лес, где из-за деревьев каждую секунду выскакивали с визгом какие-то гадкие звери, похожие на лохматых, шипастых лягушек.

Толстые неуклюжие фермеры пытались попасть в них из световых винтовок, громко хохоча, если удавалось сразить цель. Но им было трудно — «лягушки» скакали резво, а непривычные к оружию руки шевелились куда медленнее.

— А ну, давай-ка, сынок... — Федор хитро подмигнул. — Покажи этим пельменям, как стрелять надо. Ты же умеешь?

— Умею. А зачем?

— Да просто так. Пусть поучатся, глядя на тебя. Меньше спеси будет.

Ахмед неуверенно подошел к барьеру, искоса поглядывая на других стрелков. С некоторым недоумением покрутил в руках легонькую пластиковую «винтовку». Встал, расставив ноги и даже не опираясь локтями на стол.

— Стреляй! — Федор возбужденно ударил кулаком о ладонь.

Щелк-щелк-щелк...

Через несколько секунд на экране не было ни одной живой «лягушки».

— О-о, ну, это талант... — развел руками щекастый начальник тира.

— Что «талант», дядь, — с досадой проговорил Ахмед. — Ты сделай побыстрее свое кино, а? Ну, это ж детский сад у тебя.

— Ну... хочешь — сделаю, как скажешь, — начальник тира насмешливо прищурился. — Пятьдесят попаданий за три минуты — получишь приз.

Картинка на экране закрутилась по-новому. Теперь «лягушки» выскакивали резко, словно пузырьки в газировке, и тут же прятались.

Ахмед не спешил и не нервничал.

Щелк-щелк-щелк... Винтовка работала, словно часы-ходики — размеренно и спокойно. «Лягушки» так же размеренно превращались в черную пыль.

— Ну... — начальник тира был полностью обезкуражен. — Ну, это... не знаю...

Ахмед вдруг отвел глаза от прицела, заметив краем глаза какое-то тревожное движение рядом с собой.

— Ну, что ты, красавица... да не вырывайся, я ж ласковый...

Какой-то жирный лохматый фермер хватал его мать и пытался прижать к себе.

— Отстань, дурак! — цедила сквозь зубы Марьяна, тщетно пытаясь разжать пальцы наглого бора. — Уйди, не время сейчас! Я не одна!

— Ну, сегодня не одна — завтра одна. Тоже мне проблема, — жирный фермер хихикал, обнажая свои неровные желтые зубы.

Ни секунды не раздумывая, Ахмед с размаху обрушил приклад лазерного ружья в лицо мерзавца.

Пластиковая игрушка рассыпалась, не причинив фермеру никакого вреда, кроме испуга.

— Ах ты, щенок! — фермер сжал кулаки.

Ахмед быстро, как учили, встал в подпружиненную стойку, поставил руки в защиту, а затем бросился вперед.

Фермер закрылся было своими пухлыми ладошками, но против быстрого тренированного солдата он был ничто. И поэтому через секунду он уже лежал на мостовой, скорчившись и поджав ноги.

— Марьяна, уводи его! — закричал Федор.

— Мам, он тебя трогал! — пытался объяснить Ахмед, пока Марьяна тащила его от тира — туда, где толпа разделяла разгоряченного бойца от уже поверженного мерзавца. — Он тебе больно делал!

Федор подал руку побитому фермеру.

— Вставай, браток... давай-давай, не кочевряжься.

— Что это за гаденыш был?!

— Ты давай потише, ладно. Ну, прости. Это сынок наш. Не бесись...

— Какой, к чертям, сынок? Ты пьяный, что ли?

— Говорю же тебе! Мы с военной базы, с реабилитации. Сынок наш.

— Сынок... Я вот сейчас полицию позову.

— Да ни к чему это, браток. Полиция ничего не скажет. Ты не злишь. Говорю же — сынок. С военной базы. Ну?

— Что «ну»?

— Ну, с реабилитации мы. Он же солдатик, с войны только что. В боях был. Вон, орден у него, видал?

— Солдат?

Толстый фермер тут же успокоился.

— Ну, ясно теперь. Ну, раз такое дело... — он поднял глаза на Федора и погрозил пальцем. — Но кружку пива за отбитый нос ты мне должен!

— Да хоть три, родной! Только не шуми, ладно?

...Марьяна крепко держала Ахмеда за руку. Он уже никуда не рвался, но чувствовалось, как напряжено и беспокойно все его тело.

— Сынок, ты не волнуйся. Ну, бывают люди — дурные, пьяные...

— Гад он! Гад!

Появился Федор.

— И что, готовы дальше? — воскликнул он с нарочитой бодростью. — Пошли на карусели. Летающие лодки на магнитной подушке видели?

— Подождите! — донеслось откуда-то из толпы.

Прибежал тот самый щекастый начальник тира. Руки его держали огромного плюшевого кота.

— Конечно, норматив не совсем выполнен... — проговорил он, задыхаясь. — Не до конца. Но такому стрелку мне приза не жаль! Держи, парень!

Ахмед взял кота, растерянно посмотрев на отца. Федор кивнул ему и усмехнулся. Ахмед замер на секунду.

— Мам... пусть это будет мой подарок, — он протянул кота Марьяне. — Не купил, так хоть заработал. Ладно?

— Ты еще спрашиваешь? — улыбнулась в ответ Марьяна. — Да это самый лучший на свете подарок!

С самого начала, с той первой минуты, когда зеленый автобус остановился у дороги — шесть дней отпуска казались целой жизнью. Но они вдруг закончились — коварно и внезапно, как тропинка перед пропастью.

Ахмед молча переодевался из домашнего в свой черно-серый солдатский комбинезон. Он и сам был весь серый. Укладывал рюкзак, затягивал ремни на ботинках.

— Сынок, ты, главное, помни — мы о тебе думаем, — произнес Федор. — Мы за тебя молимся.

— Да, пап...

— Не лезь сам никуда, — заговорила Марьяна. — Убьют тебя — никому никакого прока. Не надо геройства. Жив будь. Для нас живи, ладно?

— Ладно, мам...

Федор и Марьяна растерянно переглянулись.

— Ну, что сказать... — Федор одернул рубашку. — Будь молодцом. О нас вспоминай. Главное — вернись. Главное, живым вернись...

— Да, пап...

Все было натужно и неловко. Правильных слов для этого дня, видимо, не придумали.

— Ты, сынок, только друзьям про нас поменьше говори. Ну мало ли... у тебя папка с мамкой есть, а у другого, может, и нету... Зачем эти кружева разводить?

— Да знаю я. Подписку же давал.

— Сынок, слышишь? — Марьяна подошла к Ахмеду, глядя ему в глаза.

— Что, мам?

— Ты же опять на север? Вот возьми... Носки тебе связала. Пригодятся.

Ахмед взял носки и вдруг рассмеялся.

— Что? — заволновалась Марьяна. — Не понравилась?

— Да нет... Вот эта зеленая каемочка... Нам перед базировкой на складе джемперы выдавали. Точно такая же каемочка — зеленая, с квадратиками.

— Ну, каемочки всякие бывают, — поспешно вмешался Федор. — А тут тебе не склад, это мать тебе сделала — с заботой. Так что, вот.

— Да я знаю, пап...

За калиткой просигналил зеленый автобус с военной эмблемой.

— Ну... Давайте-ка обнимемся и посидим на дорожку.

— Федь, а когда следующий заезд будет? — крикнула из спальни Марьяна, расчесывая свои красивые длинные волосы.

— По плану будет первого числа, а что? — удивленно отозвался Федор, оторвавшись от бритья.

— Хочу в Будапешт на карнавал смотаться, пока аэропорты открыты.

— Карнавал... Не о том думаешь! Лучше бы списки посмотрела. Сейчас, между прочим, второгодки поедут. Вот привезут тебе «сыночка», который тебя помнит, — а ты и ляпнешь что-нибудь. Или имя перепутаешь, или про невесту спросишь.

— Вот ты начальник, ты и проверь, — Марьяна брызнула из флакона на ватный тампон и в очередной раз протерла лицо. Сейчас — в другой одежде и

без специального макияжа — она вовсе не казалась немолодой. Совсем наоборот.

— Федь, а там мой триммер не валяется?

— Сама ищи, надоела... — Федор потрогал волосы. Смытую седину ему было немного жаль, она придавала его облику дополнительную серьезность.

Марьяна зашуршала пакетами и коробками. Потом отчетливо донеслось: «О, господи, ну опять...»

— Ну, что там у тебя?

— А ты сам посмотри!

Федор зашел в спальню и взял из рук Марьяны свернутую пополам бумагу. Развернул.

«Папа и мама, я вас очень люблю!», — было написано неровным, почти детским почерком.

Ниже был пририсован десантный штурмовой карабин, переkreщенный с розой.

Федор фыркнул, свернул бумагу надвое, потом вчетверо.

— И что?

— Да ничего! — всплеснула руками Марьяна. — Не понимаю я этого. До сих пор не понимаю. Да, конечно, солдату нужно отдохнуть, мягко поспать, вкусно поесть. Поговорить задушевно с простыми людьми — тоже хорошо. Ну, пусть даже на рыбалку сходить. Это понятно. Но зачем все эти «мама», «папа»? Что это за театр, для чего эти нафталиновые нежности. Вот скажи, зачем?

— Слушай, это не твоего ума дело. Это без тебя умные люди посчитали и решили. Так лучше. А ты работай. А не нравится — не работай. Вот и весь вопрос.

— Нет, мне бы все нравилось... Но так нельзя! Какая я ему, к чертям, «мама»? Зачем это? Что вот он сейчас думает — что я жду его? Что люблю? Да ему жить осталось от силы пару месяцев!

— Ты рот закрой, «любимая супруга», ладно? В кадровом управлении таких речистых не очень жалуют. Вали на свой карнавал.

Федор резким движением смял бумажку и бросил на пол.

— Кстати, поедешь получать разрешение на вылет, зайди в ОМТО. Скажи, что доиграются они с этими «мамиными носочками» с резервных складов. Совсем ополоумели, списанное военное тряпье предлагают за мамино рукоделье выдавать. Скажешь им, мы в этот раз еле выкрутились.

Четырехвинтовой десятитонный коптер, огибая сопки, шел на предельно малой высоте. Столь малой, что взбитые воздушным потоком льдинки стучали ему в брюхо.

Все сорок бойцов, сидящих в десантном отсеке, молчали. Не было ни шуточек, ни дежурных фраз, ни даже вздохов.

Молчал и Ахмед. Пальцы выстукивали дробь на бронестекле тактического шлема, лежащего до поры на коленях. Другая рука грела штурмовой карабин.

Уже чувствовалась сквозь обшивку дрожь от разрывов тропосферных бомб, и было слышно, несмотря на шум винтов, как впереди визжат реактивные снаряды.

Но Ахмед думал не о том, что впереди. Он вспоминал мамку с папкой, а еще запах травы и речки, и вкус домашнего борща...

И было почему-то совсем не страшно.

— Готовность номер три, заходим на посадку, — прохрипел бортовой динамик.

— Взвод, готовься! — тут же, почти на автомате, прокричал Ахмед в унисон с другими сержантами. — Проверить боезапас, оружие, медпакеты!

— Готовность номер два, садимся!

— Взвод, отстегнуть ремни!

Ахмед вытянул из-под бронекостюма маленькую золотистую рыбку на цепочке. Коснулся ее губами и спрятал обратно.

— Полная готовность, люки открыты!

— Взвод, за мной по одному!..

«Мама, папа, мне теперь ничего не страшно. Я за вас в любой ад пойду. Вы только меня ждите и любите».

В неровном свете химснарядов бойцы выкатывались из пузатого брюха коптера и тонули в злой метели, стремясь тут же найти камень, щель или хоть малую ямку, чтоб закрепиться и спрятаться от рассекающих тьму следов трассирующих пуль.

— Не застывать! Вперед, вперед... За свою землю! За отцов с матерями! Вперед...

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

КОНЕЦ СВЕТА

И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных голосов трех ангелов, которые будут трубить!

*Откровение святого
Иоанна Богослова (8:13)*

ы с женой сидим на кухне и ждем конца света, который должен наступить в 23 часа 22 минуты, то есть чуть меньше, чем за полчаса до полуночи... На сей раз речь идет не об очередных предсказаниях свихнувшихся проповедников, листовки с которыми мы находили в почтовом ящике несколько лет назад и которыми со спокойной совестью застилали мусорное ведро. Этот процесс и срок его завершения независимо друг от друга установлен и математически просчитан учеными, предсказан по звездам астрологами, обнаружен биологами в кровяных клетках, и даже представители основных мировых религий более-менее согласны с тем, что мы все доживаем последние часы. Итак, сомнений нет: нашему старому, доброму, не идеальному, но привычному миру действительно крышка! Не пройдет и двух часов, как все исчезнет в яркой вспышке...

★

Моя жена Нина, невысокая, хорошенькая, очень подвижная, сидит за столом и читает Откровение св. Иоанна Богослова, отмечая карандашом на полях туманные места, которые собирается после посмотреть в библейском словаре. Читает она медленно, то и дело отвлекаясь на всякие незначительные дела, например, ополоснуть кипятком чайную ложку или поменять воду в поилке нашего волнистого попугая с дурацким именем Аборт. (Имя выдумали не мы, нам его так подарили.) Несмотря на близость конца света, жена довольна: квартира у нее прибрана, сама она при полном параде, накрашена, слегка надушена за ушами, даже к знакомому парикмахеру с утра забежать успела; муж, то есть я, у нее тоже вымыт, ухожен, в выглаженной рубашке и с новым галстуком, который кажется особенно неудобным оттого, что носить его приходится у себя дома. Со всех сторон жена защищена латами добродетели, а сознание завершенности всех земных дел наполняет ее чувством удовлетворения, и она без страха ждет, пока вострубят ангелы апокалипсиса, строго пронумерованные ею на полях.

Мы сидим на кухне и молчим. Каждый погружен в свои мысли. На столе рядом с салатами и на две трети полной бутылкой водки «Банкиръ» стоит будильник. То и дело я незаметно поглядываю на него, и мне кажется, что его минутная стрелка несется вперед как торпеда.

Неожиданно жена отрывается от книги, и на лбу у нее впервые обозначаются две неуютные морщинки.

— Как ты думаешь, цветы уже нет смысла поливать? — озабоченно спрашивает она.

— Почему нет смысла? Полей! — говорю я, зная, что в противном случае вопрос, нужно ли было по-

ливать цветы, будет терзать жену не только в этом мире, но и в загробном.

Жена берет пластиковую бутылку и идет поливать. Я же нашариваю на столе телевизионный пульт.

— Думаешь, работает? — кричит из другой комнаты жена.

Я давно уже не удивляюсь, как, находясь за стеной и за закрытой дверью, жена ухитряется не терять меня из поля зрения и чувствует, потянулся ли я к пульту, поставил ли стакан с чаем на полировку или, допустим, полез мокрой ложкой в сахарницу. Подозреваю, что у моей жены есть некие загадочные и не освоенные ею самой способности.

Но на этот раз жена ошиблась, вернее, не рассчитала степень маньячности телевизионщиков. В отличие от разбежавшихся водителей общественного транспорта телевизионщики предпочли встретить конец света на боевом посту и отправиться на дно под всеми парусами и с пиратским флагом на главной мачте.

По первому каналу транслируется богослужение из храма Христа Спасителя. Едва ли когда-нибудь, кроме пасхальной службы, в одном месте собиралось столько епископов. В обычно просторном храме так тесно, что некуда яблоку упасть. Горят лишь свечи, и их ровное колеблющееся мерцание отсвечивает в окладах икон. Камера медленно скользит по серьезным, суровым, но просветленным лицам. Слышен внятный, чуть дрожащий голос патриарха и подхватывающие его басистые, гудящие скрытой мощью, голоса певчих:

«Внезапно Судия придет, и коегождо деяния обнажатся, но страхом зовем в полунощи: Свят, Свят, Свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас».

Я переключаю на второй канал и попадаю на блок новостей. Новости, поступающие со всего мира, чередуют друг друга с лихорадочной быстротой: в атмосфере магнитные бури; воздушные перелеты прекращены; главы правительств и кабинеты министров в полном составе проследовали в отведенные для них подземные убежища, чтобы оттуда «координировать действия силовых структур и принимать меры по пресечению анархии и беспорядков»; в Китае бушует моровая язва; в Малой Азии погибла третья часть всех животных и растительных видов; в океане изменился химический состав воды и стремительно гибнет рыба, уровень же самого океана стремительно поднимается, так что вскоре Австралия будет полностью затоплена. Такая же судьба ожидает Голландию, Великобританию и ряд других островных и прибрежных государств. Во многих точках земного шара появляются новые горные хребты и начинают действовать вулканы. Астрономы сообщают, что созвездия (по их расчетам, которые, однако, не видны еще в телескопы) гаснут одно за другим, а составляющее их вещество собирается в единый сгусток, из которого когда-нибудь, возможно, будут сформированы другие звезды...

«Словно куски пластилина... Люди, дома, галактики — все сминается и возвращается в коробку», — думаю я, переключая телевизор на третий канал.

По третьему идет прощальный концерт — нечто среднее между трын-травой и похоронным маршем. Певцы, актеры, деятели искусства, все один другого звезднее — кто-то с покрасневшими от слез глазами, кто-то напыщенный и важный, словно восточный божок — целуют и обнимают друг друга с при-

вычной осторожностью: оберегают косметику. Вот целуются две старые врагини: на лицах у обеих разлито умиление. Интересно, правда простили или только притворяются?

Но вот уже играет музыка. Примадонны и мужественные красавцы, окутанные по колено белым театральным туманом, одни, без подтанцовки, исполняют свои лучшие песни, а потом молча сходят со сцены, и, провожая их, прожектора на несколько секунд прощально гаснут...

Эти люди, у которых даже настоящая скорбь выглядит театрално и которые, даже страдая, ухитряются делать это красиво, с ужимками и томными улыбками, помня, как лучше, в профиль или анфас, попасть в объектив камеры, внезапно кажутся мне участниками глупого нелепого фарса, и я выключаю телевизор. В то мгновение, как я нажимаю на кнопку, я думаю, что смотрел сегодня телевизор в последний раз.

Я проговариваю это «*в последний раз*» вслух, и внезапно меня на несколько мгновений охватывает липкое чувство страха. Причем пугающим кажется мне не то, что вот-вот прозвучат трубные гласы и по земле в огненных бронях понесутся всадники апокалипсиса, а пугает именно этот «последний раз». Неужели все повседневные обыденные дела, к которым мы привыкли и за которые хватаемся как за спасительные соломинки, больше никогда не повторятся? Последний бутерброд, последний раз застегнуть рубашку, последний раз, разбудив дремлющий водопад, потянуть ручку бачка в туалете?

В кухню с пластиковой бутылкой входит жена и начинает наполнять ее из-под крана. У нее пунктик: она не переносит пустой посуды, все бутылки и банки в доме должны быть либо выброшены, либо на-

полнены. Внезапно раздается звонок в дверь. Бутылка, выскользнув у жены из рук, падает в раковину. Мы оба вздрагиваем.

— Уже? — испуганно выдыхает жена.

— Думаешь, ангел пришел спросить, не потревожит ли он нас своей трубой? — напряженно шучу я и иду открывать.

На пороге стоит мой институтский приятель Юрий Зарайский с подругой. Эту `его подругу я вижу впервые. Она высокая, худая, у нее красивый длинный рот, пышные русые волосы и дикие глаза. Я со студенчества опасаясь женщин с такими глазами: даже после одной рюмки они склонны к беспричинным ссорам, истерикам и выяснению отношений. Эта парочка авантюристов, похожая на лису Алису и кота Базилио из детской сказки, с самого начала не вызывает у меня восторга. Первое мое желание поскорее выпроводить их, но я понимаю, что это невозможно: домой они добраться уже не успеют, а встречать конец света в дороге было бы глупо. Так что хочу я этого или нет, а последние мои часы мне придется провести в обществе Юры Зарайского и его подруги.

«Зато всем вместе у нас не будет времени испугаться», — успокаиваю я себя.

Коридор у нас узкий. Жена выглядывает из-за моего плеча и дышит мне в ухо. Для меня не секрет, что Юру она недолюбливает по той причине, что он слишком непредсказуем, эксцентричен и вдобавок плохо на меня влияет. Дурное же его влияние заключается в том, что с ним вместе мы раз пять (не считая студенческих лет) напивались вмертвую. Но как бы ни относилась к нему моя жена, Юрий ничего не замечает. Он слишком широкая натура, чтобы переживать, как кто к нему относится, к

тому же в нем живет глубокое убеждение, что он просто не может не нравиться.

Зарайский ослепительно улыбается, и нас накрывают волны его обаяния. Интуиция записного симпатяги подсказывает Зарайскому, что первым делом нас надо рассмешить, и тогда смех примирит нас с его неожиданным появлением. Он слегка напрыгается, и вот в нашем темном коридоре словно вспыхивает яркое солнце. Дверной проем моментально становится рамой парадного портрета, который называется: «Явление Ю. Зарайского простому народу».

Убедившись, что мы получили должное удовольствие от лицезрения его особы, Юрий без церемоний протискивается в квартиру и начинает меня обнимать. От его усов пахнет красным вином и табаком, а сам он похож на большего, лохматого, дружелюбного пса.

— А ты, Петруччо, собака такая! Неужели не рад увидеть своего друга перед концом света?.. Ничка, сокровище мое, позволь поцеловать твою ручку! Какие у тебя духи — шик! Вы уж простите, что мы без приглашения. Оказались на соседней улице, как тут не зайти? Если помешали, только скажите, мы сразу уйдем... — басит Юрий, и все его слова сливаются в единое доброжелательное мурлыканье.

Зарайского можно не любить издалека, когда он отсутствует, когда же он рядом, сердиться на него невозможно. Почти сразу мне становится совестно своего первоначального нерадушия, и я говорю:

— Да ладно вам, ребята! Что за ерунда! Проходите на кухню. Закусим, выпьем и вообще...

На лице Зарайского появляется такое выражение благодарности, что будь у него хвост, он бы наверня-

ка им завиялял. Пока мы идем по коридору, Юрий, уже совершенно освоившийся, болтает без умолку, одновременно ловко руководя перемещениями своей спутницы.

— Это, брат мой, судьба, тут уж никуда не денешься. И вообще, думал ли ты, Петруччо, что я припрусь к тебе встречать конец света?

— Вообще-то у меня было такое предчувствие. Если уж конец света, то финиш по полной программе, — говорю я. Мне не нравится, что Зарайский называет меня Петруччо. Петруччо — это мое институтское прозвище, но не от имени, а от фамилии Петраков. Я его терпеть не могу. Просто ненавижу. И Зарайский об этом прекрасно знает.

На кухне Юрий лезет в пакет и широким щедрым жестом выкладывает на стол буженину, красную и черную икру и бутылку дорогого коньяка «Хеннеси».

— Забавная штука! — рассказывает он. — Магазины-то почти все работают. Заходим по дороге в один, а там тетка за прилавком стоит. Я все это взял и шутки ради ей говорю: «А без денег дадите? Все равно уже конец света, не пропадать же коньяку!» А она как взвилась: «А ну ложь, кричит, все на место! Много вас таких умных!» И пошла поехала. Едва ее успокоили. Расплатились, покупки взяли и вон из магазина. И что ты думаешь? Понимаю, что она меня рублей на двести обчитала! Ну, думаю, молодец баба! Уж и не потратит, а хапает!

Зарайский рассказывает, а сам зорко поглядывает на меня. Я достаточно хорошо знаю его, чтобы уловить в нем какую-то затаенную мысль.

— Чего тебе надо? — спрашиваю я его немного погодя, когда мы отходим к окну.

Он краснеет, оглядывается на свою подругу, а потом, отвернувшись к окну и не глядя на меня, начинает шептать:

— Слышишь, старик, тут такое дело... Я понимаю, что неудобно просить... но выручи в последний раз. Пойми как мужчина мужчину... Мы заглянем в вашу комнату, ненадолго, минут на двадцать?

— Зачем? — не сразу понимаю я.

— Ну как зачем... Ты же не маленький. Все как-то так сложилось. На улице грязь, гостиницы закрыты, а ко мне мы уже не доедем... Я бы не просил, но сам понимаешь: тупик...

— Ты что, спятил? *Сейчас?* — спрашиваю я.

— А что? — удивляется Юрий. — В последний-то раз?

Я смотрю на Зарайского и вижу на его лице искреннее обиженное недоумение, словно у собаки, которая не понимает, почему ей не дают кость, если сами ее не едят.

— Черт с тобой! — говорю я. — Иди!

Зарайский на мгновение благодарно стискивает мне запястье, опасно косится на мою жену и тянет свою спутницу за собой. Та не понимает, чего он хочет, но все же идет.

— Вы куда? Ванную показать, да? — моя жена делает несколько недоуменных шагов следом, но я удерживаю ее за локоть.

— Не надо, оставь... Пусть побудут вдвоем.

— В каком смысле? — не понимает жена.

— В буквальном. Люди хотят побыть вдвоем... в последний раз, — объясняю я.

Лицо у моей жены вытягивается. Как пума она бросается к дверям, но я ловлю ее за локти и вношу в кухню.

— Стоп! — говорю я. — Что за глупое ханжество? Ты же не настоятельница женского монастыря!

— Мне плевать на их инстинкты, но это наша квартира! — клоочет жена.

— Пока наша, — уточняю я. — Перестанет быть нашей через один час двадцать минут. В сущности, уже весь мир можно объявить общим: открыть дворцы, музеи, казначейства, разрешить людям забирать себе картины Репина, раздаривать бриллианты и шапки Мономаха — пусть каждый утешается напоследок чем хочет.

Жена бросает на меня красноречивый взгляд, ясно объясняющий мне все, что она обо мне думает, и отворачивается к раковине. Я чувствую, что ее душевное равновесие нарушено, оставшиеся до конца света минуты безнадежно отравлены, а мой рейтинг в ее глазах упал сразу на тысячу пунктов. Утешением мне служит лишь то, что все это теперь уже неважно: ведь в обновленном мире, куда мы попадем, не будет ни жен, ни мужей, и всё, совершенно всё, будет иначе.

В этот момент я замечаю на подоконнике шахматную доску и вспоминаю, что так и не решил задачу, попавшуюся мне год назад в старом пожелтевшем журнале за 1966 год. Шахматные задачи — их решение и составление — моя слабость. Я могу заниматься этим часами, забывая обо всем на свете. Если на том свете я по ошибке попаду в рай и смогу сам для себя выбирать род занятий, будучи при этом неограничен во времени, то попрошу вместо пения в составе сводного хора ангелов дать мне толстую кипу шахматных задач и оставить меня в покое лет эдак на тысячу...

Я беру доску и по памяти расставляю фигуры. Смысл задачи — мат в четыре хода. Меня давно

мучает вопрос: отличается ли она особой архитектурной красотой, либо вообще не имеет решения? Рядом с задачей в журнале была и маленькая фотография ее составителя, некоего В. Коршуновича — узкое немолодое лицо, тонкий рот и высокий лоб с залысинами, точно у старого шута, снявшего цветастый колпак — должно быть, язвительный был человек. Да и сама задача, внешне незамысловатая и малофигурная, построена с некой вкрадчивой ехидцей. Мол, простите-с меня ничтожного, а не угодно ли-с?

Как-то, не выдержав, я позвонил в этот журнал. Оказалось, что он еще существует, но о человеке, несколько десятилетий назад составившем эту задачу, там ничего не знали.

Вот и сейчас, расставив фигуры, я забываю обо всем. И Зарайский с подругой, лихорадочно стремящиеся в последний раз испить из чаши наслаждения, и демонстративно громко звякающая посудой жена, и весь наш погибающий мир — все отходит на второй план и выцветает, как силуэты на старой фотографии.

У меня вдруг возникает уверенность, что задача будет непременно решена и станет некоей суммирующей чертой моего существования. Итак, за дело! Я склоняюсь над доской и массирую виски. Прежде в большинстве случаев я начинал решать задачу наиболее вероятным атакующим ходом коня или ладьи, теперь же отважно берусь за дальнюю пешку, кажущуюся совершенно безнадежной. После пешки я решительно двигаю ладью, отсекая черному королю все верхние линии поля. Неожиданно все проясняется... Озаренный, я начинаю быстро двигать фигуры, выстраивая их вокруг черного короля. Он, беспомощно задирая полы длинной мантии, мечется

по доске, но тщетно — спасения нет. Мат! У меня готово вырваться радостное восклицание, но внезапно я понимаю, что хоть и поставил мат, но не в четыре хода, а в пять! Значит, я опять потерпел поражение, и снова язвительный В. Коршунович взял надо мной верх.

«Ах ты жук! — думаю я. — Ну ничего, скоро я сам тебя увижу!»

Я уже убираю фигуры в коробку, когда из комнаты появляются Зарайский с подругой. Оба смущены и недовольны, и я догадываюсь, что от спешки и нервного напряжения они испортили себе свой последний раз. Моя жена тоже это чувствует, и ей становится немного легче.

— Ну что ж теперь... Давайте перекусим! — говорит она устало.

Юрий и его подруга садятся за стол и молчат. Молчим и мы. Каждый из нас понимает, что настал самый важный момент в истории человечества и вот-вот будет поставлена завершающая точка, но терямся и не знаем, что нужно говорить и о чем думать в такую минуту.

Так как изменить уже ничего нельзя, моя жена великодушно решает пойти на примирение. Я удивлен, так как знаю, чего ей это стоит.

— Давайте хотя бы познакомимся! Нельзя же встречать конец света с человеком, не зная его имени, — говорит она, обращаясь к спутнице Зарайского. — Я — Нина.

Спутница напряженно улыбается. Ей не хочется представляться, но промолчать было бы невежливым, и она говорит:

— А я Аня.

— Так вот как тебя зовут! А мне не говорила! — наивно удивляется Зарайский. Удивление не меша-

ет ему орудовать ложкой и с горкой накладывать на тарелку салат оливье.

— Как не говорила? — поражается моя жена. — Разве вы не знакомы?

— Почему не знакомы? — обижается Юрий. — Часа три уже. Не символично ли, что я нашел девушку своей судьбы именно сегодня?

Я едва сдерживаюсь, чтобы не напомнить Зарайскому, что он находил девушек своей судьбы и во многие другие дни, и всякий раз вскоре обнаруживалось, что он ошибся. «Возможно, — думаю я. — Аня действительно девушка его судьбы, но не потому, что она создана для него, а потому что он просто не успеет в ней разочароваться».

Мы открываем коньяк и пьем за встречу. «Хеннеси» в самом деле хорош, что неудивительно, так как одна его бутылка стоит столько, сколько я зарабатываю за неделю.

— Где вы познакомились? В клубе? — спрашиваю я, зная, что у Юрий любит порой пройтись по ночным клубам.

— Почему в клубе? — говорит Зарайский, с сожалением отрываясь от салата. — Просто на улице! Я ехал к вам, встал на светофоре, а тут смотрю: девушка кошку целует. Мокрая такая кошка, короткошерстная, хвост висит как веревка. Я вылез из машины и говорю: «Вас подвезти? Не хочу быть назойливым, но в такую минуту плохо быть одной».

На лице моей жены на мгновение вспыхивает брезгливое удивление спокойной, уважающей себя женщины, которая не знакомится на улице и не целует бездомных кошек, у которых вполне может оказаться стригущий лишай. С точки зрения моей жены, именно такие неуравновешенные, взбалмошные бабенки, как Аня, которые развратничают в чу-

жих домах с первым встречным и целуют кошек, забывая при этом их покормить, виноваты в том, что наш мир гибнет.

— Сама не знаю, зачем я ее целовала, но у нее был такой одинокий вид... — словно сама не до конца себя понимая, говорит Аня.

— Бедное животное... А где эта кошка сейчас? — участливо спрашивает моя жена.

Аня не слышит или, скорее, делает вид, что не слышит, глядя над нашими головами в темное окно. Мы с женой ей безразличны. Она не хочет ни перед кем оправдываться, не хочет меняться, хочет оставаться такой, какая она есть. С улицы доносятся пьяные выкрики и оглушительные хлопки. Вначале мы думаем, что это выстрелы, но по взвизвшему вверх ярким огням понимаем, что петарды.

Неожиданно Аня поворачивается ко мне и спрашивает:

— По-вашему, что такое душа?

Вопрос этот так внезапен, что я немного теряюсь, но все же отвечаю:

— Э-э... Ну как вам сказать... существуют разные определения души... Одно из них гласит, что души вообще нет, а существует проводимость нервных импульсов в коре головного мозга.

— А лично вы как думаете? — допытывается Аня.

Я честно задумываюсь и отвечаю:

— Я думаю, что душа — это то, что мы есть за вычетом физиологии.

— Из меня нельзя вычитать физиологию, — протестует Зарайский. — Если ее вычтешь, от меня останется меньше ноля.

— Главное тут не физиология, — говорю я. — Я недавно читал в журнале беседу с одним священ-

ником. Он утверждает, что самый большой наш грех, за который нас наказывают, это неспособность любить и неблагодарность. Мы не умели ценить того, что было нам даровано.

— А что нам было даровано? Ничего не было! — вдруг взвизывает моя жена. — Ну жили, хлопотали, вертелись, копили в себе раздражение, винили друг друга в чем-то — вот, собственно, и все. Дай нам еще пять жизней — будет одно и то же...

Рука Зарайского замирает на полпути к бокалу. Я буквально вижу, как в мозгу его, точно искристое шампанское, стремясь поскорее вырваться наружу, кипят и пенятся мысли. «Сейчас будет монолог», — предполагаю я и не ошибаюсь.

— А ведь про пять жизней ты это верно! Дай нам хоть тридцать три рая, все равно мы будем брюзжать! — восклицает Зарайский. — Значит, все дело тут не в окружающем мире, а в нас самих. Вместе с яблоком познания добра и зла мы сожрали точащего нас червя недовольства. Жили питекантропы в пещерах и брюзжали: «Что за жизнь! Ледник ползет, вождь дурак, мамонты воняют». Прошло сколько-то там тысяч лет, мамонты вымерли, и опять не то: и татары пошаливают, и зубы болят, и жена сварливая, и дети неблагодарные... Прошло еще лет пятьсот, и вот мы сидим в квартирах с водопроводом, летаем на самолетах — и все равно нам плохо и тошно. До чего же мы, должно быть, надоели Богу нашим вечным брюзжанием!

Зарайский замолкает и, довольный своим спичем, охотится вилкой на ускользящим куском селедки.

— Кончил философствовать? Наливай! — говорю я.

Зарайский смеется, наливает, и мы пьем за дам, а потом сразу, почти без паузы, за все хоро-

шее, что было у нас в жизни. Коньяк обволакивает рот и горло приятной терпкой вязкостью, и почти сразу по всему телу разливается приятное успокаивающее тепло. Я начинаю думать, что наш последний час пройдет не так уж и плохо, как вдруг Аня без всякого перехода начинает истерично хохотать. Мое первое впечатление оказалось верным: ей нельзя было пить. Зарайский обнимает Аню за плечи и начинает, успокаивая, осторожно закачивать ее. Но Аня вырывается и кричит Зарайскому: «Пошел вон, скот!» Юрий отпускает ее и отстраняется, но не обиженно, а скорее озадаченно, точно большой добродушный пес, которого ни с того ни с сего пнули.

Аня бушует, накручиваясь все больше. Она выкрикивает оскорбления, топает ногами, вскакивает и хочет куда-то бежать, но вдруг падает на стул и начинает рыдать. Мы все втроем неумело ее успокаиваем, даем ей выпить воды, но ее зубы стучат о стакан и вода выплескивается на пол.

Минут через десять Аня притихает. Она уже не смеется и не плачет, а сидит, потухшая и ссутулившаяся, словно выжатый лимон. Она закуривает и, безуспешно поискав пепельницу, стряхивает пепел прямо на скатерть. Моя жена беспокойно ерзает за стуле, и я буквально ощущаю, как она страдает. Вместе со скатертью пепел прожигает и ее бессмертную душу.

Юрий виновато смотрит на меня, он и сам уже не рад, что остановился на светофоре. Мог бы и на красный проскочить, тем более что гаишники с улиц уже исчезли.

— Кто-нибудь будет чай? — с надеждой спрашивает меня жена. Она не может усидеть на месте: ее влекут привычные дела.

— Давай! — отвечаю я, а сам живо и в деталях представляю, как на страшном суде, когда злые духи будут зачитывать весь собранный на мою жену компромат, все ее грехи и суетные помыслы, а Господь Бог будет с грустью слушать их, моя жена вдруг тихо и не совсем уверенно спросит: «Устали? Хотите я поставлю чайник?» Бог на короткое мгновение взглянет на мою жену, оценит всю глубину искренности этого вопроса и, со вздохом отпустив ей все грехи, вызовет следующего.

Но не успевает моя жена налить чайник, как неожиданно погасает свет. Аня и жена разом вскрикивают: им чудится, что конец света уже наступил. Я собираюсь к щитку, подозревая, что пробки вырубилась от перегрузки сети, но смотрю в окно и вижу, что во всех ближайших домах не горит ни одного окна. Электричество исчезло у всех и, уже, видимо насовсем.

— Это не у нас, это везде... — говорю я.

Женщины обреченно охают.

— У вас есть свечи? — деловито спрашивает Зарайский.

— Да, конечно. Я на всякий случай приготовила! — мгновенно откликается моя жена. Она радуется, что ей кто-то руководит. Пускай даже Зарайский, которого она не любит. Юрий щелкает зажигалкой, и вот уже дрожащие огоньки выхватывают наши бледные лица и циферблат часов.

Неожиданно Аня, давно уже молчавшая, подает голос. Свечные огоньки вывели ее из оцепенения:

— Вы не понимаете, никто не понимает... оно съеживается. Уже много лет съеживается и сейчас стало совсем маленьким.

— Кто съеживается?

Прежде чем ответить Аня вздрагивает и ежится, словно от холода.

— Время, — отвечает она. — Когда я ходила в сад и потом в школу, время было большим и просторным, а теперь оно маленькое и высохшее.

Зарайский хлопает по столу ладонью:

— Нечего тут панихиду устраивать! Давайте займемся тем, чего нам хотелось всю жизнь и в чем мы всегда себе отказывали!

— И в чем ты себе всю жизнь отказывал? — не без иронии интересуюсь я.

Мой вопрос загоняет Юрия в тупик. Он чешет переносицу, косится на Аню и, сделав неутешительный для себя прогноз, со вздохом отвечает:

— Да в принципе ни в чем... Разве что давно не напивался хорошим коньяком. И на мотоцикле давно не ездил, только на машине. А хотелось бы разогнаться на мощном мотоцикле по пустому, ровному шоссе, прямому как стрела.

— Н-да... мотоцикл это хорошо, — откликаюсь я рассеянно.

Для меня слова «мотоцикл» и «машина» значат не больше, чем «самодвижущаяся повозка». Если за всю жизнь не научился, то теперь уж и подавно. После того, как в десятом классе я упал с велосипеда и сместил при этом мениск, все колесные средства я обхожу не менее, чем за пять метров.

Разговор не клеится. Мы допиваем коньяк и начинаем бесцельно бродить по квартире. Моя жена идет в комнату и что-то ищет в ящиках, я слышу, как она сердито ими хлопает. Зарайский пытается дозвониться до кого-то, но номер глухо занят. Он набирает его раз за разом с тем же результатом.

— Эти сотовые операторы с ума посходили! Отключить связь в такие минуты! — говорит он раздраженно и тоже идет в комнату. Моя жена что-то спрашивает у него. Он отвечает.

Мы с Аней оказываемся у стола, и она начинает есть икру прямо пальцами. Подумав, я следую ее примеру. Черная икра напоминает мне по вкусу еще что-то, чего я не люблю, но я не могу понять, что именно, и ем только для того, чтобы вспомнить. Вскоре банка пустеет.

— Это мы правильно, не пропадать же добру! — говорит Аня.

Она кладет мне на плечо руку, поворачивается и смотрит мне прямо в глаза. В ее зрачках отблескивают свечные огоньки, что делает ее похожей на страстную и истеричную ведьму. Ее лицо так близко, что я ощущаю дыхание, пахнущее коньяком и икрой.

— Может, сыграем в шахматы? Мой первый ход: конь b1 — c3, — предлагаю я.

Аня снимает с моего плеча руку, хохочет и отходит.

— Ты мне нравишься. Ты не как *этом!* — говорит она.

— Но пошла ты с этим, — возражаю я.

— А тебе завидно?

— Да нет. Просто наблюдение.

Вскоре мы вновь собираемся на кухне. Слышно, как за панельной стеной матерно ругается со своей бабкой сосед-инвалид. Бабка спокойно слушает и грохочет кастрюлями: она человек привычный. Ругань, дойдя до максимального накала, внезапно прекращается, и звучит ухарская, широкая и немного грустная русская песня. Голос у инвалида треснутый, пропитой, но слух есть. Зарайский, некоторое время послушав, начинает подпевать. Инвалид это слышит и, обрадованный поддержкой, поет громче. По обе стороны стены протягивается крепкая мужская ниточка взаимопонимания.

★ Когда песня заканчивается, Зарайский приглашает своего нового друга к нам выпить, и друг вроде бы согласен, но я объясняю Юрию, что хотя квартиры и рядом, на самом деле инвалид живет в соседнем подъезде, причем так же, как и мы, на четырнадцатом этаже, и это при том, что лифт не работает, в подъезде темно, а инвалид пьяный в стельку.

Юрий спохватывается и кричит через стену, чтобы инвалид не ходил, но оказывается, что инвалид уже взял фонарь и, не теряя времени, пополз к нам. Зарайский собирается его встречать, но раздумывает.

— Сам дойдет, — говорит он.

— Свинья ты! — комментирует Аня.

Мы с Зарайским выходим на балкон в промозглую осеннюю ночь. Темные неосвещенные громады домов вокруг напоминают не то скалы, не то театральные декорации. Хотя откусанная половинка луны еще видна в небе, со звездами творится какая-то неразбериха. Одни уже погасли, другие понемногу сползаются к средней части неба, словно овцы сбиваются в стадо, услышав зов пастуха. Только теперь я осознаю масштаб происходящего, и мне становится жутко. Одно дело знать о конце света как о некоей надвигающейся угрозе и совсем другое — видеть, как с небосклона исчезают казавшиеся вечными звезды.

— Похоже, достанется не только нашему миру. Во Вселенной затеяли большую уборку, — замечает Зарайский.

Он произносит это в своей обычной манере. Говоря, он словно прислушивается к себе, будто он одновременно и актер и зритель, оценивающий игру этого актера.

Я больно цепляю за что-то ногой. Старые санки, которые я давно бы выбросил, если бы не жена. Я беру санки и хочу сбросить их с балкона, но отчего-то мне становится неловко, будто я совершаю предательство, и я снова ставлю их себе под ноги.

— Все равно не понимаю, зачем уничтожать наш мир. Если хочешь строить новый — строй, но наш-то уничтожать зачем? — говорю я.

— А если это как ремонт в квартире? Чтобы наклеить новые обои, надо содрать старые? — выдвигает версию Зарайский.

— И кто эти старые обои, мы? — обижаюсь я.

— Нет, но поскольку и мы живем в этой квартире, нам придется обновиться.

— Я пустил бы все по кругу. Пусть последние люди будут одновременно первыми, и вся земная история начнется заново. Как детская железная дорога катается по кольцу и никому не мешает, — предлагаю я.

Юрий слушает меня снисходительно и даже, кажется, улыбается, но улыбается не потому, что ему смешно, а потому, что должен же он занять чем-то свои лицевые мышцы.

— Тогда это было бы издевательство, — заявляет он. — Во всем должны быть начало и конец. Уже сам факт, что есть начало, доказывает, что должен быть и конец, а то получится бесконечный нудный сериал.

Мы курим, облокотившись о мокрые перила балкона, а потом бросаем вниз красные как угольки окурки. Мой окурочок падает отвесно и быстро гаснет, а окурочок Зарайского — по дуге, вращаясь и бестолково сыпля искрами.

— Ладно, пойдём к женщинам, пока они не по-дрались... — произношу я, и мы возвращаемся на кухню.

К нашему удивлению, моя жена и Аня мирно сидят рядом и, едва ли не соприкасаясь лбами, мирно о чём-то беседуют. При нашем появлении обе замолкают, словно разговор был не для наших ушей. Мы садимся рядом.

— Скорее бы уже все закончилось... — говорит моя жена.

Она кладёт голову мне на плечо и закрывает глаза. Ее прикрытые веки подрагивают, на правой щеке у глаза виден подтек туши.

Я смотрю на будильник, стрелка которого неминуемо приближается к роковой отметке, и внезапно понимаю, что у нас осталось всего десять минут. Последние десять минут, чтобы совершить, подумать или произнести нечто действительно важное, что мы всю жизнь откладывали из-за множества мелких и суетливых дел. Но что это *действительно важно*, я не знаю.

Передо мной проплывает вся моя жизнь — не горячая и не холодная, не грешная и не праведная — обычная, самая обычная жизнь. Никаких серьезных прегрешений я вспомнить не могу — всего было немного. Хуже то, что я не могу вспомнить и никаких больших свершений, никаких подвигов и никаких особых самопожертвований. Очевидно, сейчас надо каяться в своих грехах, используя последнюю возможность, но мой главный грех — это моя неспособность к решительным, ярким, красивым поступкам, а в этом я каяться не хочу. Особых угрызений совести я тоже не испытываю, лишь томящее недовольство самим собой и желание, чтобы все поскорее закончилось.

Не знаю, о чем думают остальные, наверное, каждый о своем. Наши души замерли в ожидании прыжка из телесной скорлупы, и их слабые, неоперившиеся еще крылья трепещут.

— Инвалид так и не пришел: затерялся где-то по дороге, — сочувственно произносит моя жена.

— Дрыхнет где-нибудь на лестнице, подложив под голову пустую бутылку, — заявляет Аня.

Когда остается одна минута и ожидание становится совсем тягостным, Зарайский вдруг встает и торжественно протягивает нам дрожащие ладони. Несколько долгих секунд он стоит так неподвижно, а мы сидим и смотрим на него.

Неожиданно всё поняв, мы тоже встаем, крепко берем за руки и изо всей силы сжимаем их, чтобы не потеряться в вечности. Может быть, мы все и не ангелы, но лучше нам не расставаться.

23:22. Все происходит мгновенно, без страха и боли... Трубного гласа мы не слышим, но мир вдруг складывается точно шахматная доска. Я успеваю еще подумать, что чего-то важного мы так и не сказали.

МАШО И МЕДВЕДИ

 аверное, было два часа дня. Или три-четыре. Так, сколько тайму? Машо пошарило рукой по прикроватному столику — где очки... Стоп, а нужны они вот сразу-то? Вдруг захотелось еще поваляться, тем более что из-за занавесок имитационного окна приятно светило фейк-солнце. Минут через пятнадцать — или через полчаса — жизнь начала казаться ощутимо лучше, чем в момент пробуждения.

Ну вот, теперь очки. Машо никогда не нравились прозрачные: глупо смотреть обеими глазами и на внешний мир, и на картинки-тексты-мессаджи. Нет, постоянный контакт с реальностью — не для нас. Вот так лучше — надело, и никто не мешает. Даже фейковое светило. Машо врубило виртуальную мышь и начало крутить пальцами по простыне. Ну и что там?

Стелло. Один мессадж. «Хрю тебе! Ожило, мерзкое?» Подождет. Само будто ожило, что ли... Знаем, как ожило. Видали. Ну что, одним глазом — новости... «Пресс-секретарь Президента Московской Конфедерации и Ассамблеи Лидеров Революции Ташо Пим предупредило о принудительной эвтаназии лиц, не соглашающихся с новым законом о запрете нетолерантного мышления. В районе Балашихи

задержан фашистский лазутчик из так называемой Армии свободной России. Шпион утверждает, что хотел попасть на похороны матери. Фашиста ожидают суд и, скорее всего, аннигиляция». Так, надоели фошисты, и Ташо вместе с ними. Реклама. «Новый генератор счастья HaHaHa25.0! За две недели этот девайс изменил жизнь миллионов! Выкидывайте старые гешы! Долбите по нашему адресу, и новый будет доставлен вам в течение часа!» Вот хорошо бы гешу-то новую. Посмотреть, сколько пойнтов?

Нет, вот это точно испортит настроение. Пойнтов нет и не будет. Две недели как было влом джобить — где угодно и на кого угодно. Труба. Полная труба. Да, нужно рисовать хоть какой-нибудь ролик. Вот хоть про новое приложение к очкам. Ну и вот, неделю мучиться. А то и две.

«Стоп, — озарилось Машо, — а зачем я всем этим морочусь? Какие пойнты, какие клипы? Где позитив? — Клипмейкерша вынула из-под подушки девайс, одетый в желтый пластик, и приклеила его к затылку. — Упс. Еще и геша не работает. Вот это по-настоящему плохо».

Включив в очках внешний обзор правого глаза, стянув с себя одеяло и безуспешно поискав ногами тапки, Машо босиком начало слоняться по боксу, ища разбросанную вчера технику. Так, вот зарядка, поехали. Геша, геша, геша, ну че ты... По нулям. Еще раз... Off-on. Quit-start. Нет. Нулевая активность. Причина неизвестна. Машо опять забралось под одеяло, отключило внешний обзор и разрешило прямой долбеж. Начнем со Стелло.

— Хрю, вонючка.

— И тебе хрю. Как после вчерашнего?

— Классная химоза, почти без последствий.

Сколько таймов набежало, кстати?

— Шесть, хихи. Только проснулся, мерзкий педрила?

— Заткнись, лесбиян.

— Да легко. Че надо-то?

— Как гешу чинить? По нулям, вырубилась со всем.

— А, вот чего страдаешь.. Выйди и войди.

— Да пошел ты! Я выходило, входило, отовсюду и везде. По нулям. Мертвая геша.

— Дааааа... Бедняга. Ты там не подохнешь от негативных эмоций?

— Подыхаю уже. О работе думать начинаю. Пойнтов вообще не осталось.

— Долби в поддержку.

— Они противные. И пойнты попросят.

— А делать-то че? Давай, долби, потом мне отдолбись — с пойнтами тема, конечно.

— Тема. Хрю.

— Хрю-хрю.

Машо начало судорожно елозить пальцами по простыне — мышь сегодня особенно плохо слушалась. Так, вот, поддержка геш.

— Хай. Это Машо Бац, биообъект MB/666/5736439565. Не работает генератор счастья.

— Выйдите и войдите.

— Пробовало.

— Точно пробовали?

— Да сто раз, всеми способами, вы за кого меня держите?

— Ясно. Удаленная диагностика — 3 пойнта.

— Давайте.

— Сейчас. Да. Боюсь, что без выезда не получится. Вообще, наверное, устройство не подлежит восстановлению.

— Сколько за выезд?

— 20 пойнтов.

— Вы че, обалдели?

— Без гарантий результата. Устройство у вас снятое с производства. Вообще рекомендуем вам новый генератор счастья HaHaHa25.0, со скидкой для постоянного клиента — всего 130 пойнтов.

— Не сейчас. Отдолблюсь еще.

— Будем рады. Хай-бай.

Козлы. Так, есть еще один шанс — Витько. Этот чего хочет починит, если поднатужится и если пойнты есть хоть какие-то. А вот есть ли? Вопрос.

— Витько, хай.

— А, Машо! Давно не долбились. Как ты вообще?

— Холодно. Геша на работает, Витьк.

— Какой у тебя?

— NiNiNi19.0, старенькая.

— Да, древний. И чего?

— Сдохла.

— Выходить-входить пробовала?

— Я тебя умоляю. Тыщу раз, всеми доступными биообъекту путями. В поддержку долбила, они охренели — 20 пойнтов за выезд, 130 — за новую гешу.

— Маш, ты давно в отключке?

— А тебе какое дело? У меня, между прочим, ргивасу девяносто пять процентов. Ладно, хрен с тобой. Дней пять химозой баловалось, вот просыхаю потихоньку.

— Тут жопа какая-то начинается. Цены удваиваются на все. Говорят, Бантик и Ташка скоро нас на войну погонят.

— Ты че, улетел? Хрени обнюхался? Три геши в башку вставил?

— Слушай, хоть ты и почетный педик, я бы тебе порекомендовал остыть, а потом очки снять и вый-

ти на улицу. Пипл скупает хавку и химозу. У нас в конфедерации пойнтов нет, и вообще пойнты падают, легионерам нечем платить скоро будет, а кругом быдло.

— Ну, это вы без меня, мальчики. Ты мне только гешу почини.

— Дура ты. И за сколько?

— Ну, за десять.

— Приеду — посмотрю. Старый починю за пятнадцать, если починится. Новый за пятьдесят найдю, но левый.

— Ага, меня за твой левый из 666 в 555 переведут.

— Никому ты сейчас не нужна. Не до тебя просто. Я вон с левым гешей год хожу, и ничего.

— Слушай, а может, мне с тобой сексануться? За десять пойнтов?

— На хрен тебе секс без геши?

— Давай.

— Ну ладно, по приколу.

Машо опять включило в очках «правый глаз наружу» и начало слоняться по боксу. Среди пустых пакетов из-под фуда, бутылок, халатов, трусиков и лифчиков минут через пять удалось отрыть пояс сексогенератора. Внешний обзор наконец можно было отрубать, но опция «виртуальный секс на двоих» включилась с третьей попытки. Правда, оргазм без геши был даже по кайфу. И 10 пойнтов добавилось. Только Витько так ничего и не пообещало. Ладно, придется лезть в счет.

Открыв в правом верхнем углу очков диалоговый бокс Мирового банка, введя свой номер и пройдя авторизацию через роговицу, Машо принялось ждать приговора. Пальцы нервно постукивали о сексогенератор. Упс. Все хуже, чем ожидалось. Ми-

нус 30 пойнтов. И за бокс, за бокс... За бокс еще не списывали. Значит, спишут на днях. Значит, долги. А они Машо никогда не нравились. Хоть и модно жить в долг и не думать ни о чем, будут траблс — ни тебе статусных примочек, ни на танцедомы не сунешься, ни еще куда в этом роде, а потом могут даже выгнать из категории ббб. А это было совсем не в кайф. Зря, что ли, Машо боролось за членство в элите? Три раза меняло пол, выходило на mobs против быдла, участвовало в конкурсах креативной ненависти?! И вообще, оно — крайне продвинутый биообъект. Настоящий интерсексуал, творческая единица. Скатываться до тупых 555? Или вообще до полубыдла из 444? Нет. Никогда. В общем, придется джобить. И для начала оторвать от башки дохлую гешу.

— Витько, — включило Машо окно в левом верхнем углу очков. — По кайфу пошло.

— Ага... Фирма веников не вяжет. И без геши тоже по приколу иногда.

— Ну вот. Ты мне там гешу присмотри пока, пойнтов за пятьдесят, но получше, не будь сукой. Я через пару дней тут кучу пойнтов накопаю, расплачусь с тобой. А когда привезешь?

— Я ж тебе говорю, ты очкиними и наружу выгляни. Тут хаос какой-то. Дай я к утру пойму, что к чему... Отдолблюсь потом.

— Завтра чтоб привез, урод!

— И тебе хрю. Ладно, отмокай там.

Что ж, придется долбить Робеспьеро. Пожалуй, это единственный вечный источник джоба.

— Привет тебе, великий! — игриво заверещало Машо, связавшись со второй попытки с вечно занятым работодателем.

— Оооо, Машо умное! Машо самое! — ответил ехидный манерный тенорок. — Хрюшеньки тебе,

лесбияно невыразимое! Чем я, несчастное, могу быть тебе мило?

— Всем! Всем, героическое квир-идолище! Джоб надо. Позарез. Че хошь могу расфуфырить. Хоть унитаз, хоть главный педераст.

— Машо, ах, Машо! Блаженное дитя! Так кри-и-изис у нас! Новенький, модненький, нагленький! Дня три вот уже непосредственно! Не покупает ничего народонаселение, кроме фуда и химии, рекламу-то тоже не заказывает никто!

— Робеспьеро, не будь гадом. У тебя точно в за-начке идейки имеются, я же знаю.

— Идейки, идейки... Тут идея главная — на Луну улететь, или в Антарктику какую, чтобы быдло тебя не пустило на ремешки с двуглавыми птичками... Ты, Машо, давно из бокса не выглядывало, поди...

— Да вот не хочется. Что-то вы все меня пугаете.

— Ну ладненько, вот тебе повод показаться на солнышке. Приезжай завтра в двенадцать ко мне, будем тут думать, как дальше жить-поживать. Может, и для тебя чего придумаем. Или ты для нас.

— Хрюхрюхрю, великий. Я всегда знало — ты любишь юные таланты.

— Если они меня, то и я их. Ну давай, подтаскивай тело свое пышное и душу раскидистую.

— А то. Хрю-хрю.

Съев пакет веганского фуда и запив его раша-колой, Машо врубил в очках дзен-аудио и за пару минут опять провалилось в сон. Прошла будто бы всего еще одна минута, и очки озарили Машины глаза ярким рассветом, сопровождавшимся залихватским хохотом и ритмичными ударами какого-то инструмента. Надо было вставать.

Заскочив в душ, попив голубого чаю и наскоро сжевав первую попавшуюся фудину, Машо схватило торбу и выскочило из бокса в лифт. Неожиданно быстро, минут за пять, биообъект MB/666/5736439565 доехал до бейсмента и авторизовался на выход с лифтовой площадки. Народу кругом было немерено — еще в подъемнике Машо пришлось потесниться, а на бейсмент-парковке вообще царило непривычное для одиннадцати часов оживление. Какие-то объекты вытаскивали из букашей большие коробки с фудом и тащили их к лифтам. Другие прыгали в букаши и на мобики и куда-то быстро срывались.

Машо, с третьей попытки заведя свой старый трехколесный мобик, выехало на стрит, который тоже был не по времени оживлен. Букаши, крупные и мелкие, коллективные и персональные, медленно, плотным потоком двигались в оба направления. Народ на мобиках хаотично сновал между ними, то и дело запрыгивая на тротуары. Проехав километра два, Машо попало в плотную кучу существ — кто был на мобиках, кто на своих двоих. Чем дальше, тем толпа становилась плотнее. Периодически из нее выскакивали люди, несшие в руках или навьючившие на мобик тюки с фудом, питьем и химией.

«Пардон, пардон!» — то и дело раздавалось вокруг. «Аккуратно! Дайте протиснуться, кисы!»

Машо постепенно поняло, вокруг чего крутилась толпа: впереди был вход в мегамаркет «Sun Eternal». Толпа становилась все плотней и динамичней. В конце концов существо лет пятидесяти с копной рыжих дредов врзалось в Машо, обрушив на него пластиковые боксы и беги.

— Факин стафф! — завопило Машо. — Драйвь отсюда взад!

— Сорри, сорри, — отозвалось существо неожиданно вежливо. — Не заметило вас, простите.

Неуклюже собирающее рассыпанные коробки и банки существо начало вызывать у Машо некоторую жалость.

— Смотреть вообще-то надо, — примирительно ответило оно. — Ну и че народ так озверел?

— Вы что, не в курсе? — продолжая собирать товар, прохрипело существо. — Пойнт падает, на тридцать процентов упал. Говорят, завтра наполовину упадет.

Отдышавшись, сосед по давке вновь навьючил на себя беги и затравленно взглянул поверх себя.

— Так доставка же есть, че толпиться-то? — спросило Машо.

— Не работает с вечера. Говорят, товара нет. Иногда привозят понемногу, но не больше пяти килограммов за раз.

— Жесть. Как в войну.

— А говорят, война и будет скоро.

— Быдло опять возбудилось? Мы же вроде его в гробу видали.

— Легионерам нечем платить, вообще неизвестно, что будет.

Толпа вдруг начала быстро рассеиваться. Некое существо вырвалось из самого ее центра, пришло к мобик и, злобно прорывав: «Уроды», — двинуло про проезжей части. Оказалось, шоп закрыли.

Машо, обрадовавшись свободе, припустило по проезжей, лавируя между медленно плетущихся букашей. Без четверти двенадцать оно вошло в зал заседаний адвертайзингового центра «Моцарт&Робеспьеро».

По стенам уже расселись клерки и рекламщики примерно одинакового унисексного вида, и Машо

примостилось среди них. Постепенно вокруг стола начали размещаться члены совета директоров: огромный бородатый рыхлый тип в дамской шляпке с широкими полями, пара подростков в париках — один в желтом, другой в зеленом, затем младенец, которого внес чернокожий здоровяк, болонка, пенсионер с палочкой, военная в пилотке. Привели обезьяну, которая постоянно пыталась ухватить лапой кого-нибудь из окружающих. Вбежало и уселось на край стола differently abled существо, сразу замурлыкавшее себе под нос: «Пи-пи-пи, пи-пи-пи». Наконец, внесли и торжественно усадили справа от главного места жирную крысу. Гендерно-эйджево-видовой баланс у руководящего органа «Моцарта&Робеспьеро» был практически идеальным. Правда, в прошлом году конторе пришлось судиться из-за того, что она исключила из совета одного differently abled, который все время мочился на заседаниях, но интеграция десятка существ разных видов почти полностью восстановила репутацию компании.

Минут десять третьего в зал вошло Робеспьеро Эврика. Долгих предисловий наиболее раскрученное креативное существо московского рекламного мира не любило.

— Хрю, голубчики, — одарило оно собравшихся масляной улыбкой. — Как это по-старенькому? Добрый денек? Ну так никакой он и не добрый, денек этот наш. Жопка кругом. Жопочка и срака. Вот так вот, ненаглядненькие. Итак, чтобы вы знали: мне ни от кого ничегошеньки не надо. Контрактиков вообще не будет на ближайшие... Полгода? Год? Вечность? Хотите кушать — веселите мозги, мыслишки вырабатывайте. Я и так от вас смоюсь скоренько, на хлебушек копеечку как-нибудь повымучиваю. Даже на хлебушек с икорочкой, причем даже натураль-

★ — ненькой. Но я было бы полной свинюшкой и сучкой, если бы не дало вам умишком пораскидывать. Молчу. Думайте, думайте, мыслите, существа вы мои креативненькие!

— А 7D-стафф про делическую химозу? — спросил от имени младенца чернокожий здоровяк. — Только же заключили контракт, на пять лет же вроде?

— Тааак... Ты не поняло, милое, — растянуло улыбку Робеспьеро. — Контрактик есть. Только пойнтики тю-тю. Никто нынче не гарантирует оплату, никтошеньки. Товар никому не нужен вообще, кроме того, что сейчас с полок сметают. А вот его-то рекламировать вроде бы и незачем.

Пенсионер, с самого начала тянувший руку, обвешанную девайсами, начал говорить практически параллельно с Робеспьеро.

— Господа, сколько уже было этих кризисов? — плавным тенором замурлыкал он. — Нет заказов — значит, нет. Заморожены — значит, заморожены. Мы что, растратили все резервные средства? У нас что, вообще ничего нет за душой? Переждем месяц, ну два, и все вернется на свое место. Люди что-то покупают, кто-то это что-то производит, кому-то это что-то надо впаривать... Мы что, апокалипсиса ждем?

— Ах, голубчик, — скривился в полуулыбке председатель, — вот я вам сейчас отвечу «да», а вы в Global Amnesty отдолбитесь. Или мне первому придется — насчет ваших прогнозиков. В общем, кого-то из нас за религиозный фанатизм аннигилируют, а оно вам так уж надо? Хотя... Amnesty — не Amnesty, скоро может быть уже все равно. Вы думаете, я вот тут похихикать вас собрало? Я же вам говорю: жопочка. Панику на улицах видели? Толпы в

маркетах видели? И я видело. Только я еще слышало кое-что кое-где — сами знаете от кого. Жопочка-то в чем? Пойнты могут вообще ничем стать, совсем ничем. Америкашечки могут взять вот и сказать: я — не я, лошадка не моя, не знаю никаких пойнтов, не даем за них ничего. И приветики, голубчики! То, что кушать-греться-освещаться надо, вам понятненько. Ладно, проживем как-нибудь. А вот что с легионерчиками делать? С суррогатными мамочками? С прислугой там, с логистиками? Говнецом же зарастем! А главное — пока без суррогатов вымирать будем, нас быдло здесь перережет. Всех до единого! Медведи, между прочим, как вы знаете, в ста километрах на новых букашах стоят, с ракетками и прочей миллифигней. А с юга муслики, веселенькие наши, с остренькими кинжальчиками.

В зале повисла неловкая пауза.

— Уважаемое Робеспьеро, уважаемые коллеги, — нарушив молчание минуты через полторы, пробасил бородач в шляпке. — Как существо старомодное, как женщина и мать, я решительно не понимаю вашей креативной паники. Да, наша конфедерация — в кольце врагов. Да, мы переживаем временные экономические трудности. Но есть же ценности, которые мы никогда не должны предавать. Одна из них — забота о детях, об их воспитании. О том, чтобы никто и никогда не посмел вернуть в их души и сердца гендерные стереотипы. Вы понимаете, о чем я: о роликах программ секс-просвета. Как бы ни было трудно, они должны выходить и будут выходить! И здесь мы являемся стратегическим партнером правительства Конфедерации. Напоминаю: у нас до конца года должны быть сделаны ролики для инкубаторов младенцев о радостях межвидовых контактов, о пользе мастур-

бации, о превращении так называемого мальчика в так называемую девочку и наоборот. И ролики, сопровождающие стимуляцию эрогенных зон у детей до 5 лет. И ролики для подростков против асексуальности. И ролики против табу. И ролики о самом новом гендере — технофилах. Мы не будем самими собой, мы потеряем наши традиции, если мы все это не изготавим. И государство предаст Великую Сексуал-Демократическую Революцию, предаст свой народ, если откажется от заказов. Или затянет расчеты.

— Милая Васисуалия, — с кислой улыбкой медленно, но твердо ответил босс «Мозарта&Робеспьеро», — я полностью, не меньше вас, привержен ценностям Великой Сексуал-Демократической Революции. Так же как и ценностям равноправия видов, возрастов и гендеров. И еще раз подтверждаю, что ваше участие в нашей работе чрезвычайно важно. Но я прошу вас не забывать, что на дворе 2043 год. Сексуал-демократические государства действительно находятся в кольце врагов. А некоторые из них взрываются изнутри бунтами муслов и быдла. Да, научное, техническое и финансовое преимущество на нашей стороне. Но последнее уже под вопросом. И... И хватит уже, миленькая, разводить официозик на пустом месте! Жопочка, жопочка, я же вам говорю! Никаких гарантий этих заказиков у нас нетушки. Более того: думайте обо мне что хотите, долбите на меня в Amnesty, но я вам вот что скажу: ничегошеньки бюджет в обозримом будущем проплачивать не будет! Кроме... Кроме войнушки.

В зале возникло затишье, лишь изредка прерываемое песенкой ментального инвалида: «Пи-пи-пи, пи-пи-пи». Прошло секунд тридцать, прежде чем с

кресла во втором левом ряду, из-за сиделища крысы поднялась тщедушная фигурка в мятой майке.

— Я — Осе Ой, креативный презентер члена совета директоров господо Ратхаус Рато. — Мой поручитель, изложивший мне свои мысли на языке вида *rattus norvegicus*, уполномочил меня предложить правительству программу создания роликов о наших врагах. Робеспьеро, сосуществва! Если пойнты, или что там будет вместо них, начнут тратить только на войну, то у нас лишь одна дорога: надо воевать. Воевать на фронте создания роликов. Робеспьеро, на самом деле тут уже и обсуждать-то нечего. Звони в правительство, пока никто раньше нас ничего не накреативил. Остальное потом думаем.

— Потом, потом... — задумчиво пробормотал босс. — Потом поздно будет. Я, собственно, собрал вас, креативненькие вы мои, чтобы именно это и обсудить. Да, ролики к войнушке — похоже, последнее, что нам осталось. И что вот клеить будем? Какие мыслишки?

Зал сразу оживился.

— Надо раскопать военную пропаганду прошлых десятилетий, — заговорил, обильно жестикулируя, чернокожий гигант, представлявший младенца. — Пусть даже это все Сталин делал или Гитлер там. Технологии нейтральны. Они нам подойдут.

— Я не хочу ничего, что исходило бы от Гитлера и Сталина, — крикнула дама с бородой. — Вообще никакого милитаризма не хочу.

«Так, вот шанс, — подумало Машо. — Надо срочно что-то креативить».

— Врагов надо изобразить теми, кто они есть. Медведями! — выпалил пенсионер.

— Да, точно, зверьми, — добавил подросток в зеленом парике.

Машо включило в очках режим «на входе — все желтое». Желтый парик на желтой роже шел юному идиоту гораздо лучше. И клип «Лесбитапочек» в правом верхнем углу очкового экрана стал гораздо симпатичнее.

— Неплохая мысль, — отреагировало Осе на слова подростка. — Вот едут они на своих милибукашах, приближаются, и видно морды звериные. Медвежьи. А если муслы — то свинские хари, они свиней очень не любят, почти как евреи, что странно, но кто их разберет, этих фанатиков, зачем они под евреев канают, завидно им, наверное...

— Осе, ты таки уже совсем высказалось? — мягко влилось в поток дискуссии Робеспьеро. — Ты что родишь, голубчик? Свиньи — это вид биологический, мы не можем его оскорблять, сразу под Amnesty попадем. С медведями получше. Само Ташо как-то назвало быдлюков медведями, то есть это уже вроде и не вид, а ругательство такое. Или даже справедливая оценка врага. Ташо — это, считай, закон. Но и все-таки. Кто здесь видел медведя последние года три? Когда Ташо сказала, что медведи — враги, то есть что враги — медведи, одноименных существ не то что из зоопарка убрали: в любых роликах перестали показывать. Есть они, нет, не понимает никтошеньки. Ты еще чертей изобрази или Бабку-Ежку какую.

— Да, медведи — туфта, — медленно, с романтически мечтательным выражением лица, отреагировало существо в головном уборе из белых перьев, представлявшее болонку. — Может, изобразить гадкие, слюнявые, кровавые исчадия — и с пустотой вместо лица. Типа быдло, без мыслей, без чувств...

«Тупик, — подумало Машо. — Что ж, отлично: самое время включиться. И даже снять очки. Пусть видят мои пафосные, убежденные глаза».

Поднявшись из третьего ряда, протиснувшись между креслами во второй, кинув очки в сумку и подождав почти целую минуту, чтобы привыкнуть к внешнему свету, Машо закричало:

— Стоп! Стоп, коллеги! Вы что, не поняли? Война! Во-ойна-а-а-а! С быдлом, с гадами! И если Ташо сказало, что это медведи, значит, медведи! Дикие, агрессивные! Звери, звери, звери! Быдло! Фанатики средневековые! Гомофобы! Фошысты! Они должны выглядеть так, чтобы их хотелось порвать на части немедленно! В общем, предлагаю план.

— Машо, подождите, — пробасила бородатая дама. — Если мы будем вести такую пропаганду, мы будем ничем не лучше их самих. Нельзя проявлять агрессию. Мы же все-таки передовая часть человечества. Мы боролись за то, чтобы никакого милитаризма вообще нигде не было. А тут — звери, враги...

— А вот мой поручитель считает, что все правильно, — перебил бородача Осе Ой, крутя пальцами крысиный хвост. — Да, враги. Да, звери. И относиться к ним надо как к врагам и зверям. А пацифистов надо отправить прямо к ним туда, причем без оружия.

— Молодое существо, что вы себе позволяете! — взвился бородач в шляпке. — Среди нас не место тем, кто пропагандирует войну! Я буду жаловаться в Amnesty! Вся наша цивилизация — вершина развития человечества — основана на ненасилии и миролюбии! Даже церковь, пока ее у нас не самоликвидировали, признала правоту пацифизма! А мы сейчас, в середине XXI века, слышим речи, достойные Гитлера!

— Та-ак, та-ак, голубушка, — с самодовольной улыбкой затянуло Осе, — и на кого вы-таки собираетесь жаловаться?

— На вас, циничного наглеца, — с вызовом про-
басил бородач. — Именно на вас. И не отвертитесь.

— Э нет, милая вы моя. — Улыбка Осе стала еще
шире и безмятежней. — То, что я сейчас озвучил,
является позицией моего поручителя. И попытка
угрожать ему жалобами — это очень серьезно. Это
сплинизм, дорогие сосущества. На пожизненное тя-
нет.

Осе оглядело зал победным взором.

— Я не слышала, чтобы поручитель вам что-то
говорил за последние полчаса, — сдавленно париро-
вала дама.

— А я слышало подробнейшие указания, изло-
женные на языке *ratus porvegicus*, — спокойно про-
изнесло Осе. — Совершенно ясные указания. Вы их
ведь все, наверное, слышали, но не смогли, в отли-
чие от меня, перевести?

— Да, да! — немедленно включилось в игру
Машо. — Я слышала, как... уважаемый член совета
директоров издавал прекрасные звуки. Вот, «пи-пи-
пи»...

— Пи-пи-пи! Пи-пи-пи-пи-пи-пи! — радостно за-
верещало в полный голос *differently abled* существо.

— Что это все такое! — привстав, начал возму-
щенно дребезжать пенсионер. — Мы не можем при-
нимать решения в таких условиях!

— Конечно, не можем, — взяло наконец слово
Робеспьеро. — Вы можете потом что угодно гово-
рить, но давайте выслушаем Машо. Машенько, ну
давай кратенько...

— Сосущества! — нервно, но уже с гораздо
большим оптимизмом после явной поддержки бос-
са продолжило Машо. — Мы, конечно, пацифисты.
Но, если нам нечем будет платить легионерам, то
придется либо воевать самим, либо оказаться в мед-

вежких лапах. Вот так! И, что бы вы ни говорили, нужна ненависть. Ненависть! И чувство опасности! Реальной опасности! Реальной войны! За наши идеалы! За Великую Сексуал-Демократическую Революцию! И тот, кто не готов ее отстаивать... Кто прячется в кусты...

— Машенько, ну не надо опять конфликтов, — с улыбкой прервало выступавшего Робеспьеро. — А то сейчас мы все надолбим друг на друга в Amnesty и так и разойдемся, ничегошеньки не креативив. Что ты хочешь про медведиков снять такое?

— Ну, это, я еще не придумало. — Машо и правда пыталось склеить план по ходу разговора, одновременно оценивая настроения членов совета. — Надо, наверное, показать живого медведя. Как он разевает пасть. Как размахивает когтистыми лапами. Как рвет на куски куклу. Или... Или даже... Живое существо. Не понарошку. По-настоящему.

— Что оно городит! — Васисуалия буквально подскочила с места. — Принести в жертву существо ради ролика! Да это не на пожизненное тянет, а на принудительную эвтаназию! И какое существо вы хотите умертвить? Кошку? Собаку? Крысу? То есть одного из незащитных наших сограждан? Я немедленно долблю в Amnesty. Как вы понимаете, мои очки все записали.

— Стоп, стоп, — с улыбкой встряло в разговор Осе. — Я, кажется, знаю, кого мы отдадим на растерзание медведю. Другого медведя. Человекообразного. Одного из наших врагов. Захватим — и вперед. Или возьмем из уже захваченных.

В зале возникла пауза. Чернокожий верзила привстал, потом снова присел, опять привстал и задумчиво, будто про себя, проговорил:

— А нам за это ничего не будет?

— Ничего, — ответило секунд через десять Робеспьеро. — Начиная с завтрашнего дня асбсолютно ничего. Ничегошеньки.

— Как-то все-таки... Речь о военнопленном, — неуверенно проговорила офицерша в пилотке.

— А кто это такое — военнопленное? — удивленно спросил подросток в желтом парике.

— Было когда-то такое понятие, — уныло ответил пенсионер, — но теперь его нет, мы же войн не ведем...

— Так завтра война или не война? — обращаясь к председателю, пробасила дама с бородой.

— И война, и не война, — ответило Робеспьеро. — Но законы войн ХХ века на нее точно не распространяются. Я же говорю: ничегошеньки нам не будет. Какие предложения?

Осе дернул за хвост крысу, она громко запищала. Differently abled тут же откликнулся еще более истошным писком.

— У меня предложений нет, — прервал паузу чернокожий здоровяк, — но мой поручитель — за предложение Машо с дополнениями Осе.

— Другие мнения будут? — встрепенулся Робеспьеро. — Обойдемся без голосования?

Подождав секунд пятнадцать, глава рекламной конторы подытожил совещание:

— Ну что ж, завоз медведика за мной. Насчет пленного спрощу у ребяток из правительства. Сценарий и съемочки — за Машо и Осе, если они не против.

Пока члены совета директоров уныло покидали зал, Осе и Машо осадили Робеспьеро. Надо было договориться о чем-то конкретном. Самое главное, что из босса удалось выдать аванс — на два су-

щества целых 2000 пойнтов. Но выдадут их только завтра. Решили передолбиться в двенадцать дня. Насчет реквизитов. А вот над сценарием надо было работать уже сейчас.

Через полчаса Машо и Осе уже сидели в фудконсьюме. Кальян с легкой химозой неплохо компенсировал опостылевшую имитационную курицу и двухкилограммовый мандарин с утрированным вкусом. В торце стола был водружен домик из красного дерева, где в ожидании специального меню нервно подергивало усами Ратхаус Рато.

— Е, Васисуалия, паскуда расфуфыренная... — запив раша-колой первый кусок пересушенного имитата, начало разговор Машо.

— Старый педераст, — уставившись вдаль, ответило Осе.

— Amnesty не ссышь? Очки че не вырубил... Да и вообще тут девайсов до жопы.

— Старый педераст. Десять раз старый педераст. Срать им на нас, вот щас точно срать.

— Ага. Щас вот, щас. А потом?

— Потом не будет.

— Откуда пророчество?

— А вот Васисуалия как на войну пойдет, так и допрет все до некоторых у-у-у-умне-е-еньких, креа-а-ативне-е-еньких! — Осе с ехидной улыбкой воспроизвел интонации главного рекламщика Москвы.

— Да, пойдет. Прикольно будет, фифи. Он че, правда пацифист, или карьеру на этом мастырил?

— Бородатая педовка? Правда. Убитый пацифистище, еще с дореволюционных времен. Ты че, вчера родилась? Ой, родилось, прости. Умора, елки.

— Да в жопу.

— Да куда хошь. Он еще лет пятнадцать тому манифест составил — полное разоружение всех на-

родов, запрет на применение физической силы, грубых слов и агрессивных выражений лица... Долой полицию там... В Думу шел от зелено-голубых.

— И че, не избрали?

— Видео какое-то нашли, где он семилетнего мальчика сношал. Тогда не проканал. Но через пять лет героем уже ходил, жертва эйджизма и педофилофобии. Правда, по здоровью уже не выбирался, там в организме химозы 99,9 процента.

— Ай-яй-яй! Ты че, сам химозу не абсорбишь?

— Ни стаффа.

— Да ну.

— Десять раз ни стаффа.

— А кайф откуда?

— А у меня жена, дети, пойнты — до жопы кайфу.

— Во, а туда же, существо среднего рода.

— А поди докажи, что нет? Не попался и не попадусь. К тому же меня хвостатая вонючка прикрывает. За ней как за каменной...

— Фак! Орать не надо, а? Ты точно в Amnesty загремишь сегодня, правдоруб гребаный. И вообще — мне твое Рато даже нравится. Жрет мало, пищит, все такое...

— Серая вонючка. Двести пятьдесят раз серая вонючка. Мой ее, скотину, таскай в этой клетке засанной...

— Осе, ты камикадзе. Ты это, мне еще моя шкурка дорога. Больше, чем крысиная. Нас еще до всякой войны заметут за твои речи мяцкие. Тихо ори. Понял, тихо!

— Дура ты. Эй вы, с девайсами! Слушайте внимательно! И пишите старательно! Я общаюсь с господо Ратхаус Рато. Милые эпитеты, которые вы слышали, — часть нашей любовной игры. В своих ответах на языке вида *rattus norvegicus* господо Рато

поведало мне, что оно нашей игрой полностью довольно. И особенно тем, — Осе гордо поднял голову и начал со ртом до ушей вещать на полконсьюма, — что я его называю серой вонючкой, серой вонючкой, серой вонючкой! Пятьсот девяносто раз на дню — серой хвостатой вонючкой!

Клиенты за столиками устали на Осе и на крысу в домике. От стойки химозного бара отделилось существо в униформе.

— Any problem? — спокойно спросило оно Осе.

— У меня нет, — ответил креативщик. — И ни у кого пока нет. Я адвокат и креативный презентер Осе Ой. Мы ведем любовные разговоры с моим партнером и поручителем. На всякий случай все пописываю на очки и еще кое-куда. Во-о-о-опро-о-о-осики есть? — Осе опять начало копировать Робеспьеро.

— Ну, как-то потише, полегче. Люди ведь сидят, — миролюбиво пробасило охранное существо.

— Что-что-что? — завизжало Осе. — Что вы сказали? Люди? Здесь не только люди! Люди, люди, люди... Здесь мой партнер и поручитель господо Ратхаус Рато! Существо вида *rattus norvegicus*! Оно только что высказало мне на своем языке возмущение вашей дискриминационной репликой насчет людей! Игнорирующей присутствие существа другого вида! И что мне теперь делать?

— Простите, уважаемый *rattus*, — испуганно пробормотал верзила.

— Мой партнер вас прощает, но в последний раз, — тут же выпалило Осе. — Второго раза не будет, отдолбимся куда надо. И попрошу больше нас не беспокоить.

— Еще раз прошу прощения, — охранник уже пятился к стойке.

— Вот так вот, фифи, — довольно уставился юрист на Машо, отрезая кусок курицы. — Щас они еще хавку крысиную долго нести будут, так я вообще их закрою напоц. Если вдруг по кайфу покатит. Или еще кулее — нашла Greenwag, те просто всю тошниловку гранатами закидают. Тут, между прочим, не только крыс оскорбляют, а вон растение в темном углу стоит. Равноправный вид. Дискриминируется по отношению к раттусу. Вот, учись, пока я жив. Расизм, сексизм, эйджизм, хелсизм, ментализм, а уж тем более спишизм — прекрасный матерьяльчик для успешного скандала. Слушай, может, тебе такую же вонючку хвостатую по дешевке загнать?

— Не, я существо тихое, не лезу никуда.

— Ну да, впрочем, сейчас и не особо надо. Сами к нам прилезут скоро — медведя твои любимые. Так что с роликом делать будем?

— Слушай, я вот тут подумало... А может, ничего не делать?

— А че в бутылку лезла на совете? Че я тут с тобой сижу? Че ниче?

— Ну, как-то... Я вот тут себе представило... Медведь, пожирающий человека... Натурально жрущий... Как мы можем...

— Че не можем-то?

— Ну, совесть же вроде есть у нас.

— Совесть? Совесть? Фифифи! Вспомнила! Прям Васисуалия номер два!

— А че. Нам с тобой вроде как все уже пофег, а может, Васисуалия и права по-своему.

— Права? Да может... Только секи сюда, боевая подруга.

Раздаточное существо принесло для Рато небольшую миску с молоком и кусочек настоящего мяса.

Осе с брезгливой ухмылкой приоткрыло дверцу деревянного домика и просунуло крысе деликатесы.

— Жри, скотина. И пусть они только попробовали принести тебе имитацию. Порву уродов. Вот, Машо, лучший индикатор натуральности продукта. Не жрет, паскуда, никаких полимеров — не то что мы с тобой. Так вот, секи.

Осе затянулось электронной сигарой.

— Васисуалия права. И ты права. Война — фегня. Ничего хорошего в ней нет. Трупы будут. Отогранные бошки будут. Кишки выпущенные. Может, нас с тобой не будет. Бардак тут будет полный — наверное, навсегда. Или медведи нас начнут здесь дрючить, воспитывать как христиан. Или муслы — как мусульман. Кайфа немного, в общем. Война. Фегня. Но не мы ее накрываем, а она нас. Ваш с Васисуалией, сорри, пацифизм был хорош, пока мы тут прожирали плоды эрфешных и еще советскихстроек, пока мишки с муслами не отобрали нефть и почти все атомные станции и пока пойнты чего-то стоили. Пока на них можно было легионеров держать. А щас, Машо, щас... Они нас первыми медведям сдадут. Пограбив, что осталось. Это в худшем случае. В лучшем — просто свалят. И че мы? Будем как те пацки, про которых в начале века ржали. Типа, выселить их на Канары и пусть там живут без армии и без полиции. До первого пирата. Вот точно такая жопа тут и случится.

— Слушай, но медведи и муслы же — тоже люди. Человеческие существа. Им что, нас не жалко?

— У них свои представления о жалости. Они нас осчастливить хотят. Под себя переделать. Вот ты что, несчастная?

— Я? Не знаю... Живу как все. Вроде по кайфу.

— А я тем более. И в медведи не хочу.

— А куда хочешь?

— Не знаю. Валить надо отсюда.

Осе спрятало сигару в карман и полезло вытаскивать консьюмовскую посуду из крысиного домика.

— Куда валить? — уныло спросило Машо.

— Вот в том-то и беда, что некуда. Вроде есть у меня дядя в Нью-Йоркской Конфедерации. Но пойнтов своих он не даст. Можно в Израиль, но они там хуже медведей — заставят в армии служить, иврит учить, а то и в ешиве сидеть, про этого, про Б-га слушать. Мракобесы-сракобесы. Не хочу. Но вот точно я тебе скажу — на войну я не пойду. Хоть и не Васисуалия. Может, медведям юристы тоже пригодятся... А крысу сожру, фифи. Если до медведей — в порядке любовной игры. Если после — просто так. Главное не проблеваться, фифи.

— Циник ты.

— Циник я. Что закажут — то и пою. В общем, давай про сценарий.

— Думаешь, завтра надо уже?

— А ты че, вечно жить собираешься? Того гляди Ташо войну объявит. Сто пудов, Робеспьеро уже медведя из Стокгольмской Федерации на турбопоезде вывозит. Пленных тоже тут есть штук десять. Завтра снимаем! Двадцать раз — завтра именно.

— Может, все-таки не надо?

— Иди нафек. С тебя сценарий. И, look, он должен быть элементарный. Одна страничка. Медведь жрет пленного. А дальше лозунги. Типа: «Он сожрет тебя!», «Убей зверя — фошыста!», «Родина-мать зовет!».

— Ты че, в сталинщину ударился?

— Шутка. Но типа того. Нам сейчас нужна не Васисуалия. Нужна ненависть! Ненависть! Ненависть! А насчет цинизма... Вы тут все вроде поклоняетесь идеалам Великой, стафф, Сексуал-Демократической Революции. Никак иначе вы их не отстоите. Их вообще никак нельзя отстоять, только через ненависть. Ненависть, поняла?

— Идеалы же хорошие. Гуманистические. Мы же не медведи.

— Ну, поди, надолби на меня в Amnesty, фифи. Придется вам стать медведями, придется. Без этого никак — только за спинами легионеров. Никак! А я свалю.

— Ну и вали.

— Ну и свалю. Ладно, не крысься — ой, простите меня, господино Рато, фифифифи! Все, долби вечером, как че напишешь.

Попрощавшись, похоже, с бывшим приятелем и новообретенным творческим партнером, Машо спустилось на парковку и выехало на стрит. Как ни странно, был уже самый настоящий вечер — креативные разговоры отняли неожиданно много времени. Но народ не переставал штурмовать шопы и беспорядочно разъезжаться с кучей коробок. Эх, подумало Машо, сейчас бы шопнуть-таки гешу... Ну ладно, завтра аванс. Хотя хавки и химозы в боксе тоже почти не оставалось. Пролавировав минут сорок пять через толпу, Машо довольно легко запарковало мобик, поднялось в бокс, легло на кушетку, включило в очках старый альбом «Лесбитапочек». И отрубил связь. Писать ничего определенно не хотелось, и вообще с трудом думалось о завтрашнем дне.

...Когда Машо проснулось, темы очков подавали ясные сигналы о том, что на дворе — совсем

не утро, а уже середина дня. Стоп, сколько тайму? Машо щелкнуло пальцами, включив виртуальную мышь, и покрутило пальцем по одеялу. Часы, часы... Ой, час дня!

Как только был врублен коннект, в левое верхнее окно очков посыпались видеосообщения. Самое мягкое было от Робеспьеро: «Душечко, где сценарий?!». Тон мессаджей Осе был совсем другим. Машо быстро вскочило с кушетки, нырнуло в майку, немного пригладило ершик волос, включило весь свой актерский талант и сразу же начало отвечать на сообщения.

— Друзья, работаю как волк. Через полчаса закончу. Пришлю.

Тут же в окне для мессаджей появилась физиономия Осе.

— Ты что, с дуба рухнуло? Шли сценарий Робеспьеро и мне. И сразу дуй в бывший зоопарк. Туда уже медведя из Стокгольма пригнали, скоро пленного привезут. Операторы на подходе. Снимаем сразу же! Само Ташо ждет. И мы. Давай, давай, хрюхрю, ждем!

Так. Полчаса на креативчик. Но работать в таком режиме Машо было не привыкать. Прыгнув за стол, тут же разогрев имитационный кофе и плеснув его в чашку, креативное существо принялось судорожно барабанить по виртуальным клавишам. Итак, все просто. Одна страница. Медведь нападает на пленного и жрет его. Морда и лапы должны быть в крови. Без звука. Или нет: если пленный будет что-то говорить, это вырежем, а рычание зверя и стоны — подойдут. И теперь главное: лозунги. Что там Осе плел вчера, гад прожженный? «Он тебя сожрет», «Убей фошыста»... «Родина-мать», мать его... Старо, скучно... Вот, вот сейчас...

«Это случится с тобой».

«Это случится завтра».

«Это зверь».

«Он не ведает жалости».

«Он просто хочет жрать».

«Он сожрет тебя».

«Он жаждет крови».

«Ты никуда не спрячешься».

«Забудь про пацифизм».

«Убей зверя!»

«Убей его вместе с нами!»

«Спаси себя и тех, кто тебе дорог!»

«Спаси Великую Сексуал-Демократическую Революцию!»

«Спаси Московскую Конфедерацию!»

«Нас спасет только священная ненависть!»

«Смерть быдлу!»

«Смерть медведям!»

«Размножи эту зверскую морду!»

«Вперед!»

Машо отправило текст Осе и Робеспьеро, умылось, метнулось на бейсмент-стоянку и выстрелилось к бывшему зоопарку. Ехать было вроде бы недалеко — вниз по Яузе, дальше по набережной мимо Кремля, на Моховую и по Новому Арбату на Голубую Пресню. Но уже на повороте на Moskva River началась глухая пробка.

— Что там? — спросило Машо юного типа на двухколесном мобике слева от нее.

— Говорят, Кремль оцепили, не подпускают никого, бунта боятся.

— А зачем бунт?

— Ты че, не знаешь? Народ всю хавку смел, кончилась она. Химоза тоже не везде есть.

— Фак. А ехать как?

— Черт его. Дуй назад — может, переулками...

Машо не без труда протиснулось обратно, внаглую пересекло заезд на мост и двинуло по Солянке. Шопы почти все были закрыты, в оставшихся слонялись одинокие менеджеры. Довольно быстро удалось доехать почти до самой Новой Плешки, но дальше все снова было забито. В начале Варьки и Илюшки стояли кордоны легионеров, но городской полиции нигде не было. Значит, можно попробовать против трафика по тротуарам — девайсы, конечно, отфиксируют, но, может быть, и вправду теперь всем все равно?

На всякий случай заехав на тротуар только правым задним колесом, Машо рвануло по площади Бориса Моисеева, потом по практически пустому Охотному, без проблем миновало Старую Плешку, пересекло Тверскую и уже через пять минут было на Новом Арбате. Здесь трафика тоже почти не было, но на подъезде к Садовому кольцу начиналась пробка. Впрочем, ехать было кое-как можно. Минут через пятнадцать Машо добралось до оцепленной мэрии и такого же оцепленного Голубого Дома. Направо на Пресню было не проехать. Пришлось ползти дальше по набережной и потом переулками — мимо клуба Павлики Морозовой и другой бывшей церкви — ресторана «Лагуна», потом мимо Порноцентра и... вот он, бывший зоопарк!

Это было единственное место, где каким-то чудом сохранились клетки для живых существ. Сначала раритетный объект облюбовали зоофилы, однако потом кто-то в Amnesty решил, что заниматься сексом с животными в клетках — это символ несвободы и остаточная дискриминация. Зоофилов прогнали. На их место пришли садомазохисты, которым клетки были в самый раз. Но, поскольку любители

экстрима сильно злоупотребляли химозой, алкоголем, драками, поножовщиной и стрельбой, 95 процентов жителей конфедерации старались обходить и объезжать зоопарк как можно дальше.

Машо посмотрело в левое окно очков. Там висело сообщение от Осе: «От входа направо, метров 300, там увидишь операторов перед вольером». Машо без проблем въехало на территорию, миновав будку с сонной охранницей, и подкатило к вольеру.

— Ну че, противненькие-креативненькие? — стараясь бодриться, улыбнулось оно Осе и операторам.

— Че, че... Медведь тута, — ответило Осе, — с утра еще. Сейчас врага привезут, и Робеспьеро само приедет.

— Ух ты... Высоко летаем-с!

— Ты че. Оно с Ташо говорило. То уже сценарий твой читает, ты в курсе?

— Само Ташо? Охренеть.

— Щур. Говорят, сегодня вечером должны ролик по всем каналам крутить.

— Осатанеть. Когда успеем-то?

— В два тридцать съемки, в четыре монтаж, в шесть сдача.

— Так, надо успеть в дабл сходить, фифи.

— Беги-беги, а то и вправду не впишешься в график.

Машо завело мобик и вернулось к воротам. Сонная охранница ни на что не реагировала, и Машо прошествало вдоль будки и забора к чему-то, что теоретически могло быть туалетом. Ага, четыре двери: «М», «Ж», «L» и «G». Машо решительно направилось обратно к охраннице.

— Так, это что здесь такое? Где туалет для ин-теров?

Толстая старуха продрала глаза.

— А эти, которые интер, они сюда не ходят. Здесь садо и мазо. Их вроде все устраивает.

— Это что за дивный новый мир? — завелось Машо. — Вот я сюда пришло. Я интерсексуал. Могу быть и садо, и мазо, и гомо, и гетеро, и зоо, и педо, и некро, и техно. А могу — никем из вышеперечисленного. Просто интером. И мне нужен отдельный сортир. Вам что, не объясняли, что такое zero tolerance к дискриминации?

— А вам же, это, вроде можно и на улице?

— Э нет, гражданка, вы меня с кем-то путаете. С туалетными универсалистами, похоже. Так вот, это они, именно они и только они считают, что сортиры дискриминируют тех, кто хочет ссать и срать без ограничения места и времени. А я интер. Интер, понятно вам? Я не «М», не «Ж», не «L» и не «G». Я «I»! Мне нужен свой сортир, теплый и чистый! Сортир для интеров!

— А у нас теплых и чистых вообще нет, ни для кого.

— Глупая шуточка! Гаденыши! Паскуды! Вот закончу работу и надолблю на вас куда знаете!

Машо гордо зашагало в ближайшие кусты. Ладно, можно побыть один раз универсалистом — не подыхать же из-за дискриминаторов. Но насчет надолбить — это мы не просто так. Пошлем мессагу в Amnesty.

Когда Машо еще не успело выйти из кустов, мимо пронесся крупный букаш, разрисованный белыми и розовыми цветочками. Как помнилось, именно на таком ездит Робеспьеро. Вслед за ним тяжело проехал бронированный мили-букаш. Машо залезло на мобик и обреченно поехало той же дорогой.

— А-а-а, вот и гениальненький автор! — Робеспьеро, только покинувшее свой букаш, с неопределенным выражением лица, раскинув руки для объятия, направился к Машо. — Сценарий — канфэнта!

— Привет, привет, — приобняв босса, ответило Машо. — Чуть ли не на самом вершине пирамидки, говорят, читали?

— А ты откуда знаешь, старая сплетница? — ответило с улыбкой Робеспьеро. — Ну да, оценили на четыре с плюсом. Только сказали — про пацифизм убрать и про революцию.

— А чего так? Не в моде уже ни то, ни другое?

— Ой, ну что ты, миленькое мое... Сейчас никого раздражать не надо. У нас ведь и пациков много, и контрсексреволюционерчиков. Общество у нас плюралистичненькое. Ох, какое плюралистичненькое! А нынче мобилизация нужна. Еще нам спорить сейчас, кто пацик, кто нацик... Но остальные лозунги — круассанчик свеженький!

— Ладно. Ну, че делать будем?

— А это я тебя хотело спросить! Ладно, шуточка. У нас пять камер. И медведь в вольере. И пленный в мили-букаше. И лучший в Москве специк по таким вот трюкам, еще в зверском цирке работал. И вот теперь поди пойми, как все утрясти, чтобы медведик врага скушал, а нас нет. Пошли...

От импровизированной стоянки до вольера было метров пятьдесят. Перед решеткой Осе пытался что-то втолковать операторам. Несколько поодаль стоял колоритный тип двухметрового роста в ватнике, у его ног лежало что-то вроде хоккейного вратарского шлема.

— Хрюхрю, — поприветствовало босса Осе, улыбнувшись краешками глаз. — Милости просим на оперативку. Думаем вот, что со зверем делать.

★ — Да, вопросик, — ответил рекламный босс и сразу повернулся к двухметровому громиле: — Иван Иванович, присоединяйтесь. Кстати, прошу любить и жаловать: господин Ярило, знаменитый укротитель медведиков.

— Угу, — пробасил двухметровый. — Здрасьте.

— Итак, вот задача, — задумчиво начало говорить Осе. — Нам нужно зафиксировать зверя так, чтобы он смог сожрать врага, но не тронул операторов.

— А как врага-то вы зафиксируете? — выпалило Машо, которое уже начало проигрывать в голове сцену съемок, от чего все больше хотелось немедленно выпить водки и уйти обратно в кусты.

— Да, еще одна проблема, — отреагировало Осе.

— Насчет зверя... — Иван Иванович явно любил говорить короткими очередями. — Зверь на цепи. Пока ее привязали к ограде. Можно отвязать. И мы вдвоем с кем-то будем его из-за ограды придерживать. А вот что вы с человеком делать будете, меня не касается. Я тут вам не товарищ.

— Не хотите федеральный заказ выполнять? Перед самой войной? — Робеспьеро приподнял очки и пристально поглядел на дрессировщика.

— Кому война, кому мать родна, — безразлично ответил Иван Иванович. — А насчет пленного я же говорю: не товарищ. Не нужен — сами зверем занимайтесь.

— Ладно, ладно, — примирительным тоном ответило Робеспьеро. — Осе, как нам пленного диверсанта приспособить?

— Как, как... Думаю вот уже. Нам же рядом с камерами надо быть. Мы можем его тоже на цепи на какой-нибудь зафиксировать?

— И где эта цепь? — задумчиво спросило Робеспьеро.

— Цепь, цепь... — столь же задумчиво пробормотало Осе. — Иван, а у вас еще одна есть?

— Только одна, — ответил дрессировщик. — На которой медведя привезли. Могу съездить еще, поискать.

— И далеко ехать? — с озабоченной миной поинтересовалось Робеспьеро.

— Часа полтора. В один конец.

— Нетушки! Нам за полтора часа все закончить надо! — из-под очков главного рекламщика начала пробиваться испарина. — Думайте, думайте, креативненькие!

— Стоп, — включилось в разговор Машо. — Здесь же сады-мазы тусуются. У них вообще-то такое добро водится.

— Бегом, милое! — радостно воскликнуло Робеспьеро. — Иди к садикам, иди к мазикам, мы тут пока камерками позанимаемся.

— Осе, пошли вместе, — взмолилось Машо.

— Ладно, пошли.

Прыгнув в Осин букаш, креативщики подкатили к будке охранницы.

— Еще раз вам здарсьте, — с предельно миролюбивой улыбкой попыталось начать разговор Машо. — Говорите, садики-мазики тут у вас собираются?

— А, любительница сортиров... — охранница опять приоткрыла глаза. — Ну как, нашла че для интеров?

— Для универсалистов. Шикарное местечко. А мы вот тут садо-мазо еще хотим позаниматься.

— Так это вы там с медведем снимаетесь? Кто вам только разрешение дал...

— Это суперклип будет, по всем каналам пойдет. Само Ташо курирует.

— Чей-то Таша ваша таким делом увлеклась? Вроде нормальная баба-то.

— Ну не знаю... А есть че для мазо-садо?

— Ну, есть. Плетки там, хлысты. Три пойнта прокат одного инструмента.

— А цепи там, кандалы?

— Хоть золотые, хоть серебряные.

— Че? Клипу финиш с золотыми! — взвизгнуло Осе.

— Стоп, стоп, — Машо ткнуло партнера в бок. — Покажите, что есть.

Старуха, махнув рукой в сторону обшарпанного одноэтажного строения, двинула по направлению к нему, пытаясь разобраться в связке ключей. Через минуту взорам Машо и Осе предстали кучи садомазохистского добра: плеток, хлыстов, кандалов, наручников и, конечно же, цепей.

— Ну что, вот эту, стальную. И кандалы. Прибить только чем и куда? — буркнуло под нос Осе.

— К земле-то? До хрена тут всего. — Бабка направилась в угол хранилища. — Скобы вот, костыли.

— А-а-а-а, мамаша, вы прелесть! — расплылось в улыбке Осе. — Тридцать пойнтов с меня, вот карточка.

— Давай сюда, — довольно ответила старуха.

Расплатившись и подкатив к месту съемок, креативщики увидели впечатляющую картину: медведь, уже без намордника, метался по вольеру, а Иван Иванович в шлеме при помощи одного из операторов еле удерживал в руках конец длинной цепи за дальней решеткой.

— Ой, какие штучки! — захопало в ладоши Робеспьеро, завидев цепь и скобу в руках коллег. —

Садо-мазо-сессия на всю Москву! Выводите пленного.

Один из операторов направился к мили-букашу. Через минуту двое африканцев-легионеров выволокли наружу человека в наручниках, одетого в черные брюки и серую водолазку.

— В вольер его, сразу в вольер! — скомандовало Робеспьеро. — И сразу снимаем!

— А кто будет зверя держать? — прорычал оператор.

— Так, Осе, иди к Иванычу. Он один не управится.

— А чего я? — ответил креативщик. — Мне камерами руководить надо.

— Не ссы, ты за решеткой будешь, тебя мишка последним сожрет, как и Иванушку твоего, — осклабился Робеспьеро. — Я, что ли, зверя держать буду, или Машо? В конце концов я тут заказчик.

Осе нехотя поплелось вдоль ограды.

— Итак, сосуществова! — начало командовать Робеспьеро. — Господ легионеров прошу приковать пленного по центру вольера цепью.

— Это не наш джоб, — ответил один из африканцев.

— Вот карточка, по пятьдесят пойнтов хоть сейчас, — сказал главный рекламщик с гордо поднятой головой.

— Семьдесят, — отрезал солдат.

— По шестьдесят пять, и баста, — довольно сурово проговорило Робеспьеро.

— Давай сюда.

Прижав карту к очкам, вояки — сначала один, потом другой — сняли санкционированные суммы и повели пленного в вольер.

— Господа, крепко держите мишеньку! — заверещал Робеспьеро. — Этого лицом сюда приковытайте!

Солдаты ловко пристегнули к ноге врага революции кандалы, к ним наручниками цепь, к ней — скобу, которую начали прибавать к асфальту костылями. Операторы постепенно стали располагаться полукругом. Пленный сначала стоял с безучастным видом, но вдруг поднял голову и негромко заговорил:

— До чего же вы дошли, безумцы. Это что сейчас, новое извращение будете придумывать?

— Заткнись, фошист, без тебя разберемся, — огрызнулось Робеспьеро.

— Я не фашист. Я офицер Армии Свободной России. Это вы хуже любых фашистов.

— Щас ты поймешь, кто тут фошист! — заверещал рекламщик. — Господа легионеры, может, заткнете ему пасть?

— Лучше сейчас аннигиляция? — отозвался на ломаном русском солдат, колотивший камнем по костылю. — Зачем сейчас сначала будет пытка человека?

— Человека! — крикнул Робеспьеро. — Да это зверь, хуже вон того медведя! Мразь фошистская!

— Это вы звери, — тихо, но твердо проговорил пленный. — Вы говорите, что вы за свободу. А люди у вас боятся сказать даже одно слово правды. Даже подумать неправильно боятся. Вы говорите, что у вас демократия. А ваша правящая клика сделала из Москвы электронный концлагерь. Верить нельзя, молиться нельзя, жить нормальной семьей нельзя... Детей воспитывать нельзя... Приехать мать похоронить нельзя... Вы говорите, что вы гуманисты. А применяете пытки. И, похоже, казнь мне при-

думали такую, какие в Средние века не творили. Без суда и следствия.

— За-а-а-аткни-и-и-ись! За-а-а-аткнись, уро-о-о-о-о-од! — параллельно визжало Робеспьеро.

В конце концов рекламщик подлетел к пленному и вцепился ему в лицо. Тот, хоть и был в наручниках, хоть и висели у него на ногах два солдата, но изловчился и заехал плечом по груди Робеспьеро, а потом боднул его лбом. С лица креативщика слетели очки, из носа пошла кровь. Отойдя на приличное расстояние, босс рекламной конторы начал плевать-ся в пленного.

— Сдохни! Сдохни! Сейчас тебя мишка покушает, мразь, ублюдок!

Солдат-индус, сидевший за рулем мили-букаша, уже бежал на подмогу.

— Все, хватит! Приковали ублюдка? Давайте снимать! — завизжало Робеспьеро.

— Будьте вы прокляты, — спокойно сказал пленный. — Я знаю, Бог вас покарает.

— Бог, Бог, Бог! — истошно заорал рекламщик. — Бог! Пусть он тебя сейчас спасет, твой Бог! Смотрите все! Я трахал твоего Бога! Щас мишка его трахнет! Камеры! Камеры готовы?

— Все на месте, — сухо ответил один из операторов.

— Поехали! Господа легионеры, он точно привязан? — мотнуло головой Робеспьеро в сторону пленного. — Снимайте наручники, пусть машет руками, скотина! И уходите! Осе, отпуская мишку, вот ровно настолько, чтобы он нас не съел, а чтоб этого жрал, как гамбургер! Пошел-пошел-пошел!

Машо смотрело на происходящее как бы со стороны. Неужели сейчас начнется? Уйти? Не поймут и не заплатят...

Медведь рвался с цепи. Операторы прильнули к камерам. Робеспьеро бегал вокруг пленного и командовал Осе и Иваном.

— Отпускай еще на метр! Еще на метр! Вот, вот, сюда! Жриииии, жрии его, зверюга! Вот тебе щас, мразь, ублюдок! Снимайте, все снимайте, морду вот эту, клыки, все! Еще на полметра!

Зверь, наконец, дорвался до добычи. Мощные когти вцепились в спину пленному, тот с нечеловеческим криком попытался отбиться, но вскоре медведь уже грыз его горло. Две минуты — и уже копался мордой во внутренностях бившегося в конвульсиях врага. Картинка для ролика получалась отменная.

— Снимай, снимай, морду кровавую снимай! — не унималось Робеспьеро.

Впрочем, один оператор уже рыгал, бросив камеру. Второй продолжал держать ее в нужном направлении, но отвернулся и вряд ли контролировал процесс съемки. Остальные застыли в оцепении.

— Снима-а-а-ай! — визжало Робеспьеро.

И тут произошло неожиданное. Осе упало в обморок и отпустило цепь. Медведь на мгновение застыл, оторвал морду от развороченного живота пленного и бросился на Робеспьеро. Тот тоже на секунду застыл от ужаса, но тут же побежал к выходу из вольера, визжа:

— Огоооооонь!

Иван Иваныч все-таки пытался в одиночку удержать зверя, но цепь скользила между его руками. Медведь догнал рекламщика, повалил его на землю и вцепился зубами в ягодицу. Грянул выстрел. Животное ослабило хватку. Грянул второй.

Картина в вольере и вокруг него была достойна фильма ужасов. Посередине лежал развороченный

труп пленного. Один из операторов смог залезть на дерево. Другой в полной прострации стоял посреди лужи блевотины. Трое других, успев выбежать за решетки и скучковаться, издавали односложные матерные реплики, остолбенело глядя то на мертвого уже зверя, то на Робеспьеро, которое на карачках ползло к выходу. Осе сидело на траве с той стороны вольера и пыталось закурить электронную сигару. Солдаты продолжали держать в руках пистолеты. Машо просто лежало ничком на земле, закрыв глаза. Неужели все закончилось?

Букаш «Скорой», вызванный легионерами, приехал минут через десять. Робеспьеро, которое в полубессознательном состоянии успело отползти метров на пятьдесят, положили ничком на циновку и начали обрабатывать рану, обложив ее льдом. Получив укол обезболивающего и немного придя в себя, рекламный босс начал бубнить под нос:

— Достал-таки меня фошыстский Бог... Уй, гадость какая. Что, в госпиталь теперь?

— Конечно, уважаемое. Пес его знает, чем зверюга болела, — ответил бородатый санитар.

— Скотина. Креативные, вы где там? — Робеспьеро попытался повернуть голову и увидеть хоть кого-то, но не смог.

— Здесь, — ответило Машо. — Как ты?

— Сам не понимаю. В общем, увидимся в аду.

— Ничего опасного, — безразлично промолвил санитар, — просто сидеть неделю не сможете.

— Да и лежать по-человечески тоже! — взвизнул Робеспьеро. — Но, народ, насчет ролика не расслабляйтесь. Машо, Осе, когда монтировать поедете?

— Пусть нам карты с исходником сначала отдадут, — подключилось к разговору Осе.

— Операторы здесь еще? — немедленно отреагировало Робеспьеро.

— Здесь, — ответил один из них. — Но вот вопрос, кто и как нам заплатит. Работа, сами понимаете, была экстремальная. И, похоже, одну из камер мы точно расколотили. Хорошо хоть живы вообще.

— Деньги, деньги, деньгѝ, — ответило Робеспьеро. — Да успокойтесь вы! Десять штук поинтов каждому участнику кошмара. Машо и Осе — по двадцать, по итогам монтажа. Аванс должны были уже перечислить.

Машо моментально вошло в банковскую программу в правом окне. Вот, есть тышчонка. Ура.

— С зоопарком считаешься? — спросило Осе. — За инвентарь еще отдельно, нам вернуть его надо. Да еще там зверьдохлый и человек не лучше, я туда не пойду.

— Тысячу за инвентарь и за наведение порядка. Проклятье, еще шведам за медведя причитается. Все, — продолжал Робеспьеро, — отдавайте Осе с Машо исходники, а вы, Машо с Осе, пулей в контору. Что получится, шлите мне по очкам. В шесть все должно быть у Ташо. Эх, фошыйстский Бог..

Босса рекламщиков бережно положили задницей кверху на носилки и отправили в букаш «Скорой». Машо и Осе, заехав рассчитаться с вахтершей, двинули, каждый на своем транспорте, в офис «Моцарта&Робеспьеро».

Оставив для обзора дороги только правый глаз, Машо кликнуло в окне очков идентификатор Стелло.

— Хрю, гнусный.

— Хрюхрю. Как к войне готовишься, педерастина?

— Я навеоевалось уже. Мы тут такое наснимали, блевать тянет, а монтировать еще. Слушай, водки надо. Много. Немедленно.

— Немедленно — это как? И почему не химозы?

— Водки. Водки.

— Не знаю, влом щас. Я только из шопа, добрал фуда, какой там остался. Вообще скоро жрать будет нечего.

— И че?

— Ну, в восемь могу выползти куда-то. Или ко мне приползай.

— В восемь, в восемь... А щас сколько?

— Поверни зенками в очках своих тупых. Четыре.

— Ладно, долбану еще. Хрюки.

— Говнюки.

«Восемь, восемь, — подумало Машо. — Хрен тебе, сдохну я до восьми». Машо свернуло к мегамаркету «Розовые мечты».

— Есть чего выпить, пожрать? И девайс один нужен, — обратилось Машо к важного вида существу, стоявшему у шопа.

— Весь фуд смели. Химии тоже нет. Алкоголь имеется. Техника тоже, — отрешенно ответило существо.

— Есть геша новая — HaHaHa25, что ли, называется?

— Очень надо?

— Очень. И водки.

— Что случилось-то?

— Так не скажешь. Хреново мне. Куда идти-то?

— Заходите, — так же отрешенно сказало существо.

Они двинулись мимо пустых продуктовых полок к залу с техникой.

— Вот этот геша. It's free for you today. Водку тоже возьмите — за углом стоит.

— Откуда альтруизм?

— А все, закрываться будем, наверное. Я хозяин магазина. Больше мне, наверное, здесь делать нечего.

— Что, совсем народ ничего не берет?

— Не берет. И не поставляет. Попробую уехать завтра, пока война не началась.

— Круто. Thanks. Take care там и все такое.

— Счастливо оставаться, — пожало плечами отрешенное существо.

Кинув коробку с гешей и бутылку водки в сумку, Машо открыло вторую и сделало мощный глоток. Плевать на всех. Не ехать, что ли, на монтаж... Приложив остатки воли, Машо село на мобик — до конторы Робеспьеро оставалось ехать пять минут.

Лихо пролетев по бейсменту и еще не сойдя с мобика, Машо опять приложилось к бутылке. Зайдя в лифт, выпило еще грамм сто. В монтажной обнаружили Осе и какой-то расфуфыренный юноша, явно транссексуал, который с детским любопытством уставился на вновь пришедшее существо.

— Хрю, живодеры! — бодро поприветствовало оно коллег. — Как картинки, ниче? Меня, кстати, Машо зовут.

— А я Энгельберто, — протянул руку юноша. — Присаживайся, мы вот отсматриваем, что получилось.

— Я бы вот под водочку посмотрело. — Машо вытащило бутылки, полную и уже почти ополовиненную. — Приколитесь, мне на халяву в шопе дали. Закрываются, говорят, чуть не завтра.

— Да тут, похоже, все скоро закроется, — прикрыв ладонью лоб, ответило Осе. — Водка? Давай. Только ты ж, наверное, лозунги озвучить должна, не перепутаешь ничего?

— Не ссать! — воскликнуло Машо. — Эрменен-гильдо, а ты как — наливать?

— Энгельберто, простите. Не употребляю. Я вот химозочки сейчас делической, для вдохновения.

— Ну ла-а-адно, лааадно. Помянем двух мишечек!

Осе и Машо громко, с размаху, чокнулись кофейными чашечками.

Съемки получились на редкость удачные. Окровавленная морда зверя, впившегося в шею пленного, а потом пожиравшего его внутренности, выглядела более чем живописно. Да, такой материал Машо никогда еще не снимало. Куда там режиссерам XX века! Иногда камеры плыли и дрожали, но монтажные программы позволяли убирать все изъяны и сводить картинку в качестве UltraHD. Важно только было убрать отовсюду лицо пленного — у врага не может быть лица, у жертвы тоже. Каждый пусть примерит ситуацию на себя. Осе все чаще пропустило тосты, Машо потребляло водку уже практически в одиночку.

— Слышь, ты! Тебе озвучивать, вон микрофон радиный, ты еще можешь в него что-то прохрюкать? — с вызовом спросило Осе.

— Не ссать! — ответило Машо. — Где этот сценарий гребаный, у меня нет его.

— В очках у себя поищи.

— Не помню, где лежало. А кинь в мессаджи.

— Кидаю. Ты разобрать его сможешь?

— Не ссать! Нее сссать!

Машо направилось к компьютеру с микрофоном. Вот теперь надо включить весь прирожденный актерский талант и все голосовые данные. Машо представило себе пленного, медведя, его кровавую морду...

— Это случится с тобой. Это случится завтра. Это зверь. Он сожрет тебя. Он жаждет крови.

Пусть слушают, пусть видят. Пацики гребаные.

— Убей зверя! Убей его вместе с нами! Смерть быдлу! Смерть медведям! Размозжи эту зверскую морду! Вперед! — Машо орало так, что Осе и Энгельберто замерли от изумления.

— Bravo! — закричал Осе, когда вдохновенные крики стихли. — Брависсимо!

Осе, а за ним и Энгельберто начали бурно аплодировать.

— Заслужило полный бокал! — Осе наливало водку. — Венская опера.

— Ага, давай сюда. А вы чего, проти-ивненькие-креати-и-ивненькие? — после столь бурных похвал Машо совершенно не хотелось пить в одиночку.

— Ну давай, — Осе подняло чашку и, чокнувшись с Машо, буквально лизнуло водку.

— Хватит дурить, выпей по-человечески, — обиженно фыркнуло Машо.

— Нам теперь твои вопли на ролик накладывать еще, между прочим, — ответил креативщик. — Хочешь, можешь домой ехать.

— А, вот так? Козлы вы оба, вот что, — Машо явно не могло оставить обиду просто так. — Давай по рюмке.

— Ну, давай, — Осе налило в свою чашку, похоже, ровно один грамм, а в чашку Машо — все сто. — За победу над быдлом!

— Ур-р-р-ра-а-а-а! — закричало Машо и, влекую чокнувшись с Осе, залпом выпило.

— Слушай, а может, уракнуть еще раз? — неожиданно спросило Энгельберто. — Хорошо же получилось, в ролике шикарно прокатит.

— Не вопрос! Наливай!

Осе с готовностью наполнило чашку.

Машо, уже забыв об условностях в виде чоканий, подошло к компьютеру с микрофоном и заорало так, что срезонировали, казалось, даже мягкие кресла:

— У-у-ур-р-р-р-р-р-р-р-ра-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а! — и немедленно выпило.

— Ур-р-р-ра-а-а-а-а! — закричали Осе и Энгельберто. Первый налил Машо еще раз.

— За лучший голос Москвы!

— За меня! — радостно откликнулось Машо и выпило снова.

— Ну а теперь мы этот голос вставим в клип века, — радостно сообщило Осе. — Не будешь нас дергать минут тридцать?

— Вы что, такие сволочи? — обиженно крикнуло Машо. — Ну и сидите здесь, я пошло.

— Ну, хрю-хрю.

— И вам хрюки-говнюки.

Машо, бросив в сумку оставшиеся полбутылки водки, решительно двинулось к выходу из монтажной. В лифте оно глотнуло еще. Мобики в бейсмен-те троились в глазах. Какой из них принадлежит Машо, оно уже не понимало. Так, надо дойти до метро. Не ждать же Осе, пока оно отвезет! И не Стелло же звонить, гнойному предателю! Машо выбралось из здания и побрело в сторону «Курской». По дороге удалось поболтать с какими-то подростками, допив оставшуюся водку, а потом купить еще бутылку. Выйдя на поверхность на «Лефортово» Третьего кольца, Машо отхлебнуло из горла и целеустремленно пошало к своему блоку. С трудом найдя в очках идентификационный диалог-бокс, Машо отсканировало роговицу. Открылась дверь. С идентификацией в лифте было попроще, но пройти ее

удалось только со второй попытки. Идиоты, сказали себе Машо. Будто не знают, что я — это я. Любая ищайка из Amnesty в любой точке свободного мира меня автоматом опознает, а подъезд и лифт родного блока — нет. Вот перед боксовой дверью уже ничего проходить было не надо: замок узнавал код Машо, который транслировали очки, и открывался сам.

Не раздеваясь, героическое креативное существо швырнуло на пол надоевшие очки и утало на кушетку. Разворотив коробку с гешей, Машо приклеило девайс ко лбу и включило на полную. В голове сначала воцарилось спокойствие, а потом зафонтировали радостные чувства. Машо блаженно отключилось. Оно было совершенно безразлично к тому, что ровно в девять вечера во всех очках, настольных компьютерах и прочих принимающих девайсах принудительно включилась заставка: «Внимание! Сейчас будет сделано важное заявление, обязательное для просмотра всеми гражданами и жителями Московской Конфедерации». Скоро заставка сменилась другой: «Обращение господо Ташо Пим, Пресс-секретаря Президента Московской Конфедерации и Ассамблеи Лидеров Великой Сексуал-Демократической Революции».

— Соотечественники! Граждане и все жители Московской Конфедерации! — Холодное лицо Ташо Пим вполне соответствовало металлическому голосу. — На нас надвигается страшная опасность. Звери-фашисты из так называемой Свободной России, поддерживаемые национал-реваншистами Украины и исламистскими фанатиками Кавказа, планируют вероломно напасть на последний оплот настоящей свободы в Восточной Европе. На очаг цивилизации, отстоявшей истинную свободу, гуманизм, торжество разума и верховенство интересов личности во вре-

мя нашей Великой Сексуал-Демократической Революции. К сожалению, мы подходим к этому решительному сражению ослабленными из-за действий предателей и из-за коварства внешних сил, ослабивших нашу экономическую мощь. По вине этих противников демократии в Конфедерации свирепствует экономический кризис. Мы не можем более оплачивать услуги легионеров, многие из которых не только предательски покинули свои гарнизоны, но и начали грабежи и разбои. В этих трагических условиях Президент Московской Конфедерации господо Бантико и Ассамблея Лидеров Революции, которые, будучи по правилам нашей конфедерации анонимами, постоянно находятся в прямом общении со мной, поручили мне объявить всеобщий призыв. Все существа, имеющие гражданство Московской Конфедерации или вид на жительство в ней, обязаны к тринадцати часам завтрашнего дня явиться на сборные пункты, адреса которых будут сообщены каждому. Не подчинившиеся будут подвергнуты недобровольной доставке в сборные пункты, а оказавшие сопротивление — немедленной принудительной эвтаназии. Сейчас не время предаваться благодушию, и это касается даже существ пацифистских убеждений, которые я бесконечно уважаю. Враг, стоящий у наших ворот, жесток и беспощаден. Он хочет уничтожить нас или принудительно превратить в фанатиков, не умеющих ценить сексуальной свободы, демократии и плюрализма. Но знайте: мы победим, несмотря ни на что! С нами — Нью-Йоркская, Вашингтонская, Сан-Францисская, Лондонская, Стокгольмская, Монакская и Бангкокская конфедерации, а также свободные районы Пляс-Пигаль, Маре и Термини, то есть все сообщества, верные идеалам сексуальной демо-

кратии и цивилизационного прогресса. У нас — совершеннейшее в мире оружие, которое сокрушит врага, даже если это придется сделать ценой нашей жизни и здоровья. Вперед, к победе!

Картинка с Ташо сменилась демонстрацией радужного полотнища с синей кремлевской башней — флага конфедерации. Зазвучала песня «УМСА» в исполнении ансамбля Александрова. И уже через полторы минуты по всем принимающим устройствам начали крутить клип с окровавленной медвежьей мордой, грызущей агонизирующего человека.

— Это случится с тобой... Это зверь... Он жаждет крови... Убей зверя! Смерть быдлу! Вперед! У-у-ур-р-р-р-р-р-р-р-ра-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а! — раздавался в двадцати миллионах очков и прочих девайсов истошный крик Машо.

Сама Жанна д'Арк военного клип-искусства в это время даже не подозревала о своей наконец обретенной славе. Не задумывались о ней и работники Amnesty, которым было поручено задерживать и отправлять на сборные пункты уклонистов. Без пяти четыре в дверь бокса Машо начали отчаянно звонить и стучать. Поскольку никто не отзывался, пришлось применить универсальный opening code. Спецагенты обнаружили Машо лежащим на кушетке в наушниках и с гешей во лбу. Отодрав от головы креативного существа девайс, стражи революции — два существа в серых костюмах — устали на Машо.

— Граждано Бац? — пропищало первое из существ. — Вы знаете, что подлежите обязательному призыву на военную службу? Вы знаете, что вам к часу дня нужно было прибыть на сборный пункт?

— Че? Вы кто? Вы че? — пробормотало Машо.

— Ниче, граждано, — пропищало существо. — Мы агенты Global Amnesty. Вам пять минут на сборы — и на войну. Сопrotивляющиеся призыву принудительно эвтаназируются на месте. Вы слышали обращение господо Ташо Пим?

Машо наконец начало соображать, что к чему.

— Я боец креативного фронта, — уже более уверенно сказало оно. — Работаю над роликом для защиты конфедерации.

— Прибудете на пункт, там разберутся. Пять минут пошли.

Машо двинулось в санузел, по дороге собирая девайсы. Через три минуты новый солдат Конфедерации в сопровождении работников Amnesty уже ехал вниз на лифте. Очень хотелось водки. Под блоком стоял внушительных размеров букаш, где уже сидели на жестких скамейках полтора десятка существ.

— Куда нас везут? — спросило Машо у одного из них.

— На пункт какой-то, — ответило то. — Совсем тебе плохо? На вот, лизни.

Сосед протянул тубик с химозой. Пожевав контент, Машо стало постепенно приходить в сознание. Минут через десять они уже были на Модерн Плешке — бывшем стадионе «Локомотив», где на поле и на трибунах скопилось тысяч десять существ.

— Граждане и жители Конфедерации! — кричал в микрофон неприятный тип в сером костюме. — Вам предстоит оборонять от врага город Ногинск. Вы будете доставлены туда в макси-букашах и размещены в лагере. Там вам будут предоставлены ночлег, питание и оружие. Попрошу строиться на поле в колонны по сто биообъектов, старшие колонн объяснят вам, куда идти дальше.

Машо вместе с другими существами спустилось на поле. В хаотичном движении никто, похоже, не собирался строиться ни в какие колонны. Впрочем, скоро одно из существ в серых костюмах начало кричать:

— Сюда, сюда! Подходим ко мне, собираем сотню!

Машо твердым шагом подошло к существу и заявило:

— Я боец креативного фронта. Мой клип сейчас должны показывать по всем каналам. Работа над ним шла под руководством Ташо Пим и Робеспьеро Эврика. Требую доложить обо мне начальству. Меня зовут Машо Бац, мой номер MB/666/5736439565.

— Много вас тут таких креативных, — осклабилось существо. — Доложу, когда смогу. А пока на фронт.

Колонна двинулась к букашу, и уже через десять минут конскрипты ехали к Ногинску. За окном проплывали бесчисленные шопы, бокс-блоки, пара переделанных в сексодромы бывших университетов и монастырей. Мили-букаши то обгоняли транспортное средство, в котором ехало Машо, то пролетали навстречу.

— Что с нами будет? — спросило креативщицу сидевшее рядом лохматое существо лет сорока в неэлектронных очках, похоже, относившееся к вымирающему виду стрейт-мужчин.

— Поди разбери, — ответило Машо. — Аннигиляторы дадут, воевать заставят. Помрем, поди, как пленный в моем клипе.

— Так это вы — автор этого кошмара? С медведем? Как вы могли? Там, говорят, реального человека использовали, пленного!

— Точно так. Моя идея, — довольно ответило Машо.

— И вы здесь? Я думал, такие там, в Кремле сидят, у Ташо в кабинете.

— Ну, пока здесь. Посмотрим, что дальше.

— И как вы могли? Это же чудовищно!

— Само не знаю. Совсем охренело, когда снимали. Но джоб есть джоб.

— И это вы называете гуманизмом, демократией, свободой?

— Ты что, диссидент недобитый, что ли?

— Ну так, свободомыслящий человек.

— Свободомыслящие — это мы.

— Не знаю, не знаю. Какая свобода, если Amnesty даже мысли через очки контролировать пытается...

— Да и пусть. Нет у меня никаких диссидентских мыслей. А ты что, очки только такие носишь?

— Да. Выкинул электронные год назад.

— Ну, ты и маргинал. Я думало, вас таких давно эвтаназировали или пересажали.

— А я тихо сижу. Так, иногда делюсь мыслями с друзьями, пишу что-то в стол.

— Все равно тебя Amnesty накроет рано или поздно. На каких девайсах пишешь?

— На бумаге, от руки.

— Стилусом, что ли?

— Карандашом. На реальной бумаге, оберточной, из шопов.

— Каменный век. И что написал? Ты не ссы, я на тебя не надолблю.

— Да вот про демократию вашу и свободу. Говорить можно только то, что положено. Писать — что положено. Думать — что положено. Есть — что положено. Слушать — что положено. Читать — что положено. Да и в принципе читать скоро нельзя будет — народ уже буквы не разбирает, кто моложе

тридцати. Вырастут — остальным запретят читать вообще.

— А зачем? И, кстати, все это — наш свободный выбор.

— Наш? Это чей? Если у меня другой?

— Ну, ты же живой пока. Не эвтаназирован. Не интернирован.

— Если б не война, то это было б ненадолго все. Уже интересовались, почему не джоблю.

— А че не джобишь?

— Ну так, пойду покрашу что, старикам фуда принесу... На хавку хватало до кризиса. А кризис — пусть кризис, война — пусть война, хоть можно собой побыть немного. Не до меня пока.

Букаш проехал через Ногинск и остановился посреди палаточного лагеря на опушке леса.

— Выходи! — скомандовал водитель в униформе.

— Слушай, ты поаккуратнее там, — Машо ткнуло локтем лохматого соседа. — И здесь особенно. Тут Amnesty на Amnetsy сидит и Amnesty погоняет. Будет время, потрепемся еще.

— Угу. Как тебя зовут-то?

— Машо. Машо Бац.

— А я Сергей.

— Да, древнее имя, не без изящества. Ну ладно, будем знакомы.

Пустырь у леса был заполнен огромными палатками. В центре между ними оживленно сновали туда-сюда существа в форме и в обычной одежде. Обитателей Машиного букаша построили в колонну по двое и отвели в центральное пространство.

— Соратники по ополчению! — сказала существо в сером костюме. — Сейчас вас разместят на ночлег и предоставят питание. Будьте готовы к подъему в любой момент. По данным разведки, непри-

ятель готовится к атаке. Перед боем вам будут розданы аннигиляторы. Там есть только два средства управления — предохранитель и спусковой крючок. Как пользоваться, надеюсь, понятно. Дальнобойность — 300 метров. Применять по команде. Вперед!

Колонна подошла к палатке. Машо удалось в числе первых войти в нее и занять место у брезентовой стены. На циновке, покрытой одеялом, лежали пластиковые шлем, миска, кружка и ложка. Рядом устроилось существо подросткового вида и неопределенного гендера.

— Не знаете, когда пожрать дадут? — спросило оно у Машо. — И как тут с химозой?

— Про химозу не знаю. Про фуд скажут, наверное.

— Что, вообще без химии оставят? Я без нее не только воевать, встать утром не смогу.

— Ну да, я насчет себя тоже не уверено. Должны придумать что-то. Нужна же людям какая-то, как ее, мотивация.

— Вот именно.

— Ополченцы, выходи получать ужин! — некто в сером костюме резко раскрыло брезентовые створки. — И еще. Вам дадут порцию специального химпрепарата для повышения боевого духа. Употреблять его нужно только перед атакой — ясно? Не сейчас, не на ночь, а перед атакой! Усвоили?

В ответ раздались нестройные утвердительные возгласы. Машо взяло миску и кружку. Получив порцию какой-то баланды, чай и тюбик с мотивационной химозой, новоиспеченный воин побрел вдоль очереди, краем глаза заметив стоявшего в ней Сергея.

— Ну что, скрасите скромный ужин креативного ополченца? — игриво сказала ему Машо.

— Давай, — ответил лохматый диссидент.

— А про меня что, забыли? — развернулся стоявший впереди Сергея Машин сосед-подросток.

Машо совершенно не хотело вести приватные разговоры в обществе юного дебильного существа. Но Сергей сразу же откликнулся позитивно:

— Присоединяйся, конечно. Хотим вот о войне порассуждать.

— Щур, — радостно ответил подросток. — Ща, только химозы этой глотну...

— Тебе ж сказали — нельзя до боя, — утрированно-хмуро и громко, чтобы все слышали, отреагировало Машо.

Подросток понял, что его могут замести, и решил схитрить.

— А, нельзя... Ну все, не буду тогда. До боя, — и ехидно хмыкнул.

Сергей вскоре присоединился к Машо, которое устроилось в дальнем углу палатки, среди пустых пока циновок, чтобы избежать лишних ушей, а по возможности — и подростка.

— Ну что, как тебе баландочка? — спросило оно Сергея, как только тот распробовал мили-фуд.

— *À la guegге comme à la guegге.*

— Да, радости немного. А ты пацифист?

— Вовсе нет. Я считаю, что можно воевать — только за правое дело.

— А за левое нет? А мы за какое сейчас?

— Ты не поняла. За правое — то есть за правильное. За правду, за истину, за людей — можно воевать.

— Вот ты самоэвтанаест все-таки. Ты помнишь, что слова такие лучше даже мысленно не произносить? Нет никакой правды, никакой истины — есть плюрализм.

— Ага. И гуманизм. А ты такой клипчик сняла. А людей эвтаназируют. А концлагерь у нас — не здесь, а вообще в Конфедерации — такой, что Сталин с Гитлером отдыхают. Только электронный. И еще мы сейчас подохнем все непонятно за что — за Ташу твою, за змею-президентшу, за ассамблею лидеров, которых никто не видел никогда и которых вообще не существует, похоже.

— А вот так! Для чудовищ, для быдла — никакого гуманизму, как ты изволил выразиться! Они нас сожрать хотят.

— Я тебя сжирать не собираюсь. А ты, похоже, меня эвтаназировать готова. Исходя из интересов гуманизма.

Спор Машо и Сергея мог бы закончиться некрасиво, но бурной ссоре помешало еще более радикальное происшествие. Подросток, вроде бы собиравшийся присоединиться к дискуссии о войне, влетел в палатку и начал крушить все, что попало под руку.

— Уроды! Убью всех нафек! Умрите, скоты! — существо было явно не в себе.

Подлетев к Машо с Сергеем, оно заехало последнему кроссовкой по голове. Потом начало бить ногами лежавших на циновках и сидевших на брезенте палатки ополченцев. Лишь с третьей попытки подростка удалось поймать и скрутить. Скоро его увели существа в униформе. Двух-трех ополченцев, включая Сергея, поддерживая за руки, потащили в лазарет.

«Так вот какая это химоза, — подумало Машо, устраиваясь на циновке. — Что ж, перед боем и вправду стоит принять. Но вот зачем вообще этот бой? Как бы отсюда свалить?» Машо щелкнуло пальцами и задвигало по одеялу виртуальной мы-

шью. В окне Робеспьеро висело объявление: «Друзья, я нахожусь в госпитале и не отвечаю на долбеж и мессаджи. Пожелайте мне выздоровления. Увидимся». Вот мессадж от Стелло: «Хрю, я на войне — приехали под Коломну, тут скоро медведи полезут. А ты тоже в ополчении или пристроилось совсем уже к Ташо и в Кремле водку с икрой потребляешь?» Обзавидовалось, тварь. Ладно, попробуем Осе набрать, вроде оно на связи.

— Осе, хрюхрю! — вполголоса, чтобы не слышали в палатке, заговорило Машо. — Ты где? Меня вот на войну забрали, в ополчение.

— Машо, хрю, — извиняющимся голосом ответило Осе. — Мне очень стыдно, но я свалил. Вчера, пока мы монтировали, Робеспьеро мне по секрету свистнуло, когда будет заява Ташо и что это будет за заява. Я взял своих и первым же рейсом, вчера еще, улетел в Бен-Гурион. Сижу здесь, в аэропортовской гостинице, не знаю, что делать. По знакомым долблю — хоть бы пристроиться где на неделю. А ты прямо на войне?

— На ней самой. Завтра в бой с медведями. Клип наш гоняют каждые полчаса по очкам.

— Знаю, знаю. Полный успех. Позавчера мечтать не могли. Только вот нафек он, успех такой...

— Слушай, а у тебя нет выхода куданить? Рядом с Ташо или где еще, чтобы меня отсюда вытащили? Может, долбанешь кому?

— Маш, ты че? Я предатель. Беглец. Если б в Нью-Йорке был или в Лондоне, меня б уже эвтанизировали как сумасшедшего. В Израиле вроде не достанут. Ну, или у медведиков, хаха.

— Иди в жопу. Ладно, счастливой тебе жизни на земле предков.

— Take care. Не обижайся, ладно? У меня же дети, жена, все такое — я тебе говорил.

— Все вы такие, стрейты недобитые. Шутка, ладно, хрю.

Итак, перспектив выбраться не было. Машо присосало ко лбу гешу и блаженно захрапело.

В шесть утра прозвучала команда «Подъем». Машо, приняв грамм пять мотивационной химозы и бодро натянув одежду, пошло умыться. У пластиковых емкостей с водой, стоявших у палатки на раскладных стульях, хаотично скопилось уже около пятидесяти существ. Потолкавшись минуточку и решив вместо помывки сразу же проглотить пакет суперфуда с суперчаем, Машо присело на землю. Неподалеку на корточках сидел смуглый субъект с густо покрашенными губами, веками и щеками.

— Че говорят? — спросило Машо то ли странство, то ли субъекта.

— Через час они вроде на нас двинутся.

— А мы че?

— Будем отражать атаку.

— И сколько продержимся?

— Нормально продержимся! У нас прикрытие с воздуха — дроны с супербомбами.

— Ну, посмотрим. Что они так далеко продвинулись-то?

— Ты что, пораженка?

— Да сдохни ты, педик гнойный. Сейчас скажу, что ты сексистские речи толкал, тебя вообще эвтаназируют в два счета.

— Люди! Она меня педиком обозвала!

Вразвалку к Машо и субъекту подошел мелкий военный чин непонятного пола и возраста.

— А что это, ругательство, что ли? — спросил субъекта унтер. — Вполне почетное звание.

— А вот он сексист, — спокойно заявило Машо. — Обозвал меня бабой, причем глупой. А я существо среднего пола, категории ббб.

— Врет! Врет, скотина! — завизжало существо.

— Так, а вот «скотина» — это уже ругательство. Вы к какому виду себя относите, ополченцо? — не без улыбки спросил военный Машо.

— К разным, к разным, не только к homo sapiens, — быстро включилось в игру Машо. — Я лягушка, волк, крыса и даже немного змея. Как наш президент.

— Ясно, спишизм, — злорадно процедил военный. — Звоню в Global Amnesty.

Субъект вскочил и попытался ударить, но за ним, заподозрив истеричную попытку дезертирства, мигом побежали агенты в серых костюмах. Бьющийся в истерике и изрыгающий ругательства Машин оппонент был подтащен обратно к военному, с кем-то оживленно говорившему по очкам.

Впрочем, немедленно всем стало не до мелкого конфликта. Завыла сирена, затем из мегафона прозвучала резкая команда: «Стройся!» Уже через несколько минут человек семьсот московских обывателей нестройными рядами шли на поле битвы.

В воздухе висела сырость. Поле было мокрым, и Машо все время рисковало поскользнуться на какой-нибудь кочке. Толпа ополченцев прошла около километра, прежде чем ее растянули в цепь между двумя перелесками.

— Слушай мою команду! — прокричал в мегафон низкорослый и жирный военный лет сорока на вид. — Сейчас вы получите аннигиляторы. При приближении мили-букашей противника открывайте огонь по команде. Отступающих автоматически счи-

таем существами категории 000 и эвтаназируем без предупреждения!

— Ни фиги себе, — процедило Машо существо, стоявшее справа в цепи. — Да он, небось, первый побежит.

— Посмотрим, — почти шепотом ответило Машо. — Похоже, либо те нас того, либо эти. Вот тебе свобода с демократией.

— На самом деле надо хаоса ждать, там куда-нибудь удерем.

— Под бомбами? Хрен-то.

— Ладно, прорвемся, — неуверенно прошептало существо.

После раздачи аннигиляторов напряжение нарастало каждую минуту. Вскоре на горизонте показались вражеские букаши — очень крупные, штук пятьдесят, не меньше. Машо глотнуло мили-химозы. Минут через пять сзади московского воинства появились восемь дронов. Лазерные пушки начали чертить замысловатые узоры по местности, где двигался враг.

— Ур-р-ра-а-а! — разнеслось в толпе.

Машо почувствовало неизвестный ему прежде прилив воинственной энергии. Достав из кармана банку с мили-химозой, оно в третий раз, теперь уже от души, приложилось к ней.

— Получите, медведи! Ур-р-р-ра-а-а-а-а! — кричало Машо, сжимая в руках аннигилятор.

Дроны тем временем приблизились к букашам противника и начали закидывать их бомбами. Но буквально через тридцать секунд те ответили управляемыми ракетами. Шесть дронов загорелись и начали падать. Два успели повернуть назад и уже через минуту скрылись за спинами москвичей. Букаши противника, количество которых поредело

где-то на треть, вновь двинулись на толпу защитников конфедерации.

— Вперед, на врага! — закричал в мегафон толстый командир.

Машо вцепилось в аннигилятор и побежало вместе со всей цепью. Скоро некоторые москвичи обогнали ее, а кто-то откровенно не спешил и плелся далеко позади. Размалеванное существо, удачно избежавшее Global Amnesty, бросило оружие и мечтательно уставилось на разворачивавшуюся баталию. Через пару минут оно было уничтожено бежавшим позади всех заградотрядом. Машо оставалось метров триста до булашек.

— Огонь! — закричал толстяк.

Машо изо всех сил нажало на спусковой крючок. Струя лазерного огня вырвалась из сопла и почти долетела до одного из булашек. Пара из них уже загорелась, но секунд через десять отсталые ответили веерным пулевым огнем. Толпа защитников республики в ужасе побежала обратно, не обращая внимание на заградителей — те, впрочем, уже удирали сами. Булашки начали стрелять без перерыва. Машо видело, как то тут, то там люди из цепи начали падать. Оно бежало, не очень понимая, куда. И вдруг — почти под ногами, чуть слева, обнаружилась канава в полметра шириной. Машо бросилось в спасительную щель, зачем-то прикрыв голову аннигилятором. Не прошло и минуты, как в нескольких метрах от нее прогрехотал гусеницами букаш. Все стихло.

Машо лежало в канаве, боясь поднять голову. Что оно, теперь на территории медведей? Отбросив аннигилятор, Машо осторожно выглянуло из убежища. Кругом лежали соратники. Большинство были определенно мертвы. Кто-то пытался поднять-

ся. Машо спряталось обратно в канаву. Хотелось умереть. Нет, уснуть. Ну, или просто не видеть происходящего. Будь что будет. Повернувшись на бок, Машо стало покорно ждать судьбы.

Прошло полчаса. Нет, час, а может, и больше. На поле, попеременно со стоном раненых, слышалась человеческая речь.

— Тяжелых добивать, — спокойно говорил в мегафон высокий баритон. — На трупы не обращать внимания. Транспортабельных поднимать.

Послышались одиночные выстрелы и вскрики, вслед за ними — приближающиеся шаги.

— Эй, урод, — вполголоса пробасил возникший вдруг над Машо солдат в камуфляжной форме. — Добить, чтоб не мучался, или жить хочешь?

— Я... я... живое, — прошептало Машо и приподнялось.

— А может, добить? — ухмыльнулся враг.

— Я... сдаюсь. Я могу ходить, — дрожащим голосом ответило Машо.

— Встать, оружие не трогать! — вдруг закричал солдат.

Машо вскочило на ноги и подняло руки вверх.

— Оружие... вон, в канаве...

— Пошел! Руки держать кверху!

Через полчаса около сотни оставшихся в живых московских ополченцев уже шли под конвоем в сторону базы противника. Там их погрузили в трейлер и еще через полчаса заставили выпрыгнуть посреди палаточного лагеря и построиться.

— Ну что, педерасты, — ехидно прорычал в мегафон усатый офицер, — жить хотите или как?

Ответом было молчание.

— В общем, вы теперь военнопленные Свободной России, — продолжил военный. — На самом

деле к вам проявляют недопустимое милосердие. Вы не солдаты, даже не наемники. В общем, сброд, пойманный с оружием. Я бы вас просто всех расстрелял здесь же. Но, в общем, царь Свободной России Александр Четвертый приказал не убивать тех, кто подлежит излечению. А слово царя для нас — закон. Всегда. Или почти всегда, — по краешкам глаз военного пробежала тень ухмылки. — В общем, будем вас лечить, — теперь офицер уже откровенно захохотал. — Хотя и без толку, уродов-то. В общем, те, кто готов прекратить сопротивление, перейти на сторону Свободной России и трудом искупить свою вину — направо. Остальные — налеву!

Почти все ополченцы побрели вправо. Десять-двенадцать существ, двинувшись налево или оставшихся стоять на месте, взяли под конвой и увели солдаты. Машо с остальными побрело, тоже под конвоем, в палатку. Там все было на удивление похоже на недавний лагерь ополченцев — те же циновки, миски, кружки. «Неужели, — подумало Машо, — медведи ничем не отличаются от нас?» Минут через двадцать пленных по одному стали куда-то выводить. Пришел и черед Машо. В небольшой палатке в дальнем углу лагеря пленное поставили перед столом, за которым сидели два... Существа? Медведя? Врага? Поди пойми, как их там называть...

— Я — уполномоченный по приему пленных майор Фарид Гайнуллин, — грозно представился первый из врагов.

— Я — военный психолог лейтенант Яна Рубинштейн, — отрекомендовался второй медведь. — Назовите имя и воинское звание.

— Звания вроде нет никакого, — обреченно пробормотало Машо. — Я частный биообъ-

ект МВ/666/5736439565. Идентифицирую себя как Машо Бац. По гендеру — интерсексуал.

— Вот как... Родились гермафродитом или сами себя переделывали? — спросила психологиня.

— Да, я усовершенствовало свою примитивную природу. К мужским половым органам добавило два экземпляра женских, — ответило Машо.

— А какое имя носили до... экзекуции, операции или как там это у нас называется? — поигрывая стилусом, поинтересовался майор.

— При рождении было принудительно названо Андреем Башмаковым, — глухо процедило Машо.

— Так вот, Башмаков, он же Бац, — глядя в глаза Машо, четко проговорил офицер. — Мы с психологом пытаемся понять, куда вас отправить — в постоянный лагерь для военнопленных или же на работы в образцовую семью жителя Свободной России. Вы готовы дать обещание не причинять вреда этой семье? Готовы держать слово?

— Я... я готово. Наверное...

— Наверно или точно? — еще пристальнее глядя на Машо, спросил медведь. — Яна, что нам с ним делать?

— На мой взгляд, агрессия почти исключена, — ответила лейтенантша.

— В общем, так, — откинувшись на спинку стула, заключил майор. — Вам будет дана типовая расписка в том, что вы не причините вреда семье, будете подчиняться требованиям ее главы, не станете проявлять агрессии ни словом, ни делом. Связь с конфедератами запрещена, средства такой связи надо будет сдать, можно писать близким родственникам через наш официальный портал. За нарушение подписки — лагерь для военнопленных. За существенный вред людям, за посягатель-

★ — ство на их жизнь — смертная казнь. Готовы под-
писаться?

— А какой у меня выбор? — спросило Машо.

— Кроме лагеря — никакого, — отрезал офицер.
Машо нехотя взяло протянутую бумагу и, не чи-
тая, расписалось.

— Федор, принимай работничка! — закричал с
порога комендант, за спиной которого стояло Машо.

Дорога до деревни заняла часа полтора, и за это
время начало смеркаться. Никогда еще Машо не
проводило столько времени днем или вечером без
очков. Деревянный дом, куда пленного привезли по-
сле краткой беседы в сельской управе, выглядел как
расхожий образ из карикатур на дореволюционную
Россию.

— А, заходите! — ответил вставший в дверях
медведь с бородой в незлектронных очках. — При-
вет, ефрейтор. А тебя как зовут, человек два уха?

— Машо.

— Машо. Я ж запутаюсь так. А можно по-чело-
вечески — Маша? Или, там, Саша? — улыбнулся в
усы хозяин дома.

— Называйте как хотите, мне все равно.

— Давай, заходи. Машей можно тебя все-таки
называть?

— Да как угодно.

— Стоп, Федор, — комендант стукнул себя по
лбу. — Вот тебе кнопка. Будет что вытворять, нажи-
май, приедут из полиции. И самое главное — с тебя
отчет о поведении пленного через две недели. Кста-
ти, его когда-то Андреем звали. Андреем Башмако-
вым.

— Бумаги еще писать? Да что ты... Ладно, будет
себя вести хорошо, напишем — только, ефрейтор, на
пару писать будем, идет?

— На па-а-а-ару? За бутылку пива.

— Да хоть сейчас налью.

— Сейчас не буду. Через две недели. Но! — комендант поднял палец вверх. — Если хорошо вести себя будет. Ты у нас как бы воспитатель теперь.

— Самого б кто воспитал, — захохотал Федор. — Ну что, Андреем-то тебя можно называть? — вновь поглядел он на Машо.

— Я же говорю: называйте как хотите.

— Ну, лады. Пока, ефрейтор. А ты, Андрюха, давай размещайся. Комнату тебе дам не самую лучшую, но вполне себе пригодную для любых занятий. Маша — именно Маша вот — тебе белье принесет, полотенце. Через час поужинаем, если не брезгуешь, конечно. А водку вам можно?

— Водку?! Есть водка?! — На лице Машо обозначилась неподдельная радость.

— А как же, — довольно ответил Федор. — Ты ж с фронта, как тебе не налить? Но больше пол-литра не дам — кто тебя знает, побежишь еще к своим, а их уже почти до самой Москвы докатили...

— Не побегу. Обещаю.

— А все равно больше пол-литра не дам. Вот завтра — уже по итогам разбора полетов. Сегодняшних. Вас, молодежь, понять сначала надо.

Федор отвел Машо в комнату под крышей на третьем этаже. Там стояли просторная деревянная кровать, стол, стул, рядом в коридоре был туалет и душ. «У меня в боксе ненамного лучше», — подумало Машо. Через пару минут девушка лет пятнадцати принесла белье и довольно крупный девайс с большим экраном.

— Андрей, вот, прошу. Отдыхайте, умывайтесь, приводите себя в порядок, но новости папа велел вам пока отключить — сказал, чтобы не расстраи-

★ вались. Пока на сказки, службы и музыку только настроено.

— Что, такие новости плохие?

— Война, сами знаете. Лучше меня знаете... — девушка отвернулась и ушла, закрыв за собой дверь.

Машо застелило белье и, боясь его испачкать своей грязной одеждой, присело на краешек стула. Да, надо бы привести себя в порядок. Но разрывавшие впечатления не давали ничем заниматься. Это — медведи? Вроде внятные существа. Но почему они с нами воюют? Почему этот их военный в лагере так паскудно кричал: «Педерасты»? Что-то здесь не так. Машо нажало кнопку «Вкл.» на принесенном юной медведицей девайсе. Во вполне приличном 5D-качестве играл огромный оркестр. Ну, это не моя музыка, — с ходу решило Машо. Что-то старое и жутко сложное. Следующий канал. У, церковная служба. Прикольно. У нас такие запретили еще лет пятнадцать назад. Но и тут не понять ничего, потом попробуем врубиться. А вот сказка: какая-то малолетка с медведем. Ну, пусть играет. Машо достало из сумки гешу. Вроде пока не разрядилась, зараза. А где ее тут заряжать... Присосав девайс ко лбу, Машо попыталось забыться в потоке позитивных эмоций. Не получалось. Как же так — оно у врага, сидит себе, сказочку смотрит... Странно это, непонятно. Это же... медведи! С девкой маленькой в сказочке играют, понимаешь...

Машо пошло умываться. В коридоре оно наткнулось на уже знакомую девицу.

— Папа просит пожаловать к столу через пять минут, — спокойно сказала она.

— На водочку? Счас умоюсь и приду, — Машо попыталось изобразить дружелюбный тон.

За столом в большой комнате на первом этаже, куда спустилось пленное существо, уже сидели пять человек: Федор, женщина его возраста, еще одна сильно помоложе, знакомая девица и мальчик лет десяти. Машо с удивлением осмотрело хавку: натуральные грибы, разные виды мяса, вполне похожего на естественное, овощи — похоже, также натуральные, непонятный коричневый напиток в стеклянном кувшине и... огромная бутылка водки! Жизнь, похоже, налаживалась.

— Вот, Андрей, присаживайся напротив меня, — дружелюбно сказал Федор, указывая на место за столом. — Наталья, моя супруга. Маша, дочь. Рита, невестка. Алексей, младший сын. Внук Петя маленький еще с нами сидеть. Два сына на войне — Семен на севере где-то, Иван без вести пропавший. Ритин муж, Петин отец. А это вот Андрей, — Федор обвел взглядом домочадцев. — Или Машо, как уж лучше, не знаю. Садись, в ногах правды нет... Дай только мы молитву совершим. Если тебе не понравится или если это тебя обидит, можешь отойти на минутку.

Машо осталось стоять. Федор прочел «Отче наш», домочадцы перекрестились.

— Ну, теперь давайте знакомиться по-настоящему. — Федор налил Машо водки и квасу, передал сосуды другим. — Давайте за конец войне!

— Давайте, — немедленно поддержало тост Машо. — Я хоть и один день на ней было, но надоело мне изрядно. А вы тут спокойно вроде живете, хоть и война...

— Совсем не спокойно. Каждый день ждем, что ваши дроны налетят, — с вызовом ответила Рита. — И уж кому война точно надоела, так это нам.

Разговор, не начавшись, зашел в тупик.

— Я, конечно, многого не понимаю, — решил прервать неловкую паузу Машо, — но вроде не наши же атакуют сейчас?

— Не ваши, — тяжело ответил Федор. — Правда, не ваши. Но не мы начали эту войну.

— Это как? — с подчеркнутой робостью, чтобы не усугублять конфликт, спросило Машо.

— А вот так, — положив на стол нож и вилку, начал ответ Федор. — Уже три года конфедераты бомбят наши транспортные пути. Железные дороги, порты. Топят танкеры. Это чтобы не дать нам поставлять в Индию и Китай северную нефть. Уничтожили все атомные станции — вроде как ради экологии. Два раза пытались убить царя. А самое противное — все время норовят сделать извращениями нашу молодежь. Как ты знаешь, Андрей, у нас другие, отличные от ваших, устройства для приема информации. Но дроны разбрасывают маленькие штуковины, настроенные на ваши каналы. Их подбирают ребята лет пяти, семи, десяти. И оттуда льется, по нашим понятиям, всякая гадость — вы гомо, вы лесбо, пробирайтесь в Конфедерацию, будете иметь свободный секс, химнаркотики, много денег и развлечения всякой... И некоторые пробирались в Москву. Кто потом смог вернуться — совсем уродами стали. Стариками в двадцать пять лет. С трудом могут жить среди нормальных людей.

— Нормальных... — повторило Машо. — А кто сейчас нормальный? Я понимаю: для вас, может быть, и неприемлемы наши восемнадцать гендеров, свободная продажа химии и все такое. Ну а вот почему не развивать технику — принимающие девайсы, транспорт, производство дешевого фуда?

— А тебе что, наш не нравится? — обрадовался перемене темы Федор.

— Да мне вообще в чем-то нравится, как вы живете, — поддержало разрядку напряженности Машо. — И спокойно, и как-то... естественно, что ли. Но ведь людям свойственно развивать науку, технику... Культуру... Цивилизацию, в общем.

— Не знаю... — вступила в разговор Наталья. — Цивилизация, по-моему, должна быть для людей. Обязательно ли нужны все эти девайсы? Мы как-то без них обходимся.

— Вот, за цивилизацию для человека! — Федор быстро разлил водку и поднял стопку.

— Угу, это я готово поддержать, — с улыбкой заявило Машо.

Наталья вышла из комнаты и вскоре принесла картошку и горячее мясо.

— Видишь вот, — приступив к основному блюду, продолжил разговор отец семейства, — человеку должно быть всего достаточно. Достаточно! А ему говорят: тебе нужно больше, больше, больше! А ему действительно нужно? Мы вот старую технику не выбрасываем, а чиним. А вы год попользовались — и на помойку. Новое что-то уже предлагают, а нужно оно, это новое? Человек сам не решает — за него решают. А все за счет природы производится. А она плачет уже от всех нас.

— Не знаю, — ответило Машо. — Если все старое, если ничего нового — скучно.

— А скуки тоже должно быть достаточно, — окинул взглядом комнату Федор. — И веселья. И старого, и нового, всего. Если только веселиться, если только все новое, то это уже не скука будет, а тоска. Смертная. Ну вот, третий тост у нас всегда невеселый, ты уж прости. За тех, кто не вернулся с войны. И за наших, и за ваших.

★ Федор чуть приподнял стопку и залпом выпил. То же сделали и все другие, кроме Маши и Алексея. Машо поперхнулось полной стопкой водки.

— Да, много не вернулось, — прокашлявшись, сказала оно. — А у вас, значит, два сына воюют...

— Да, Семен и Иван, — глухо ответил Федор. — От Ивана полгода вестей нет. Что с ним, Бог знает. Давайте за то, чтоб вернулись.

Взрослые тихо чокнулись, Маша перекрестилась.

— Бог... — тем временем прошептало Машо. — Если он даже есть, что он знает... О нас знает... За чем мы ему...

— Все знает, — встрепенулась Рита. — Мы говорим с Ним, а Он с нами. Иначе бы не верили. А я верю. И верю, что Иван вернется.

— Все в Божьих руках, — отрезал Федор. — Ну что, Андрей, обо многом хотел тебя спросить, но давай завтра, не клеится сейчас болтовня что-то. Давай вот... Перед чаем — по обычаю.

Новую стопку водки и чай пили молча. Но Машо все-таки сочло своим долгом прервать тишину.

— Федор, а что у вас говорят — что после войны будет? Вы наших перевоспитывать станете? Или просто эвтаназируете всех?

— Фу, слово какое — эвтаназия! — с брезгливой полуулыбкой ответил хозяин дома. — Как вы хорошо за ним спрятались. Да не перебьем мы вас, не бойсь! — улыбка Федора стала шире. — А что будет... Бог знает, что будет... Был у нас старец один, монах. Говорил, не будет победителей в этой войне. А народу погибнет много. И покалечится. Но потом тысячу лет, а то и две, будет спокойная жизнь. Мирная. Города большие, новые строить начнут. Господь нас потерпит. А дальше — все опять как сейчас.

— Невесело как-то, — глядя в тарелку, проговорило Машо.

— Может, и невесело, но что уж мучиться... Главная жизнь — не здесь, главная — там, — Федор поднял ладонь вверх. Эх, давай все ж таки еще по единой. Но теперь уж точно по последней.

За столом оставались только Федор, Маша и Машо. Пить пришлось на двоих.

— Отдыхай, Андрюха, — сказал на прощанье хозяин. — Маша вон тебе чистые штаны и рубашку принесла. Твое обмундирование к утру постираем.

Приняв душ и примерив обновку, Машо рухнуло на кровать. Да, сколько всего обсудить еще надо! Странные они, эти медведи... Зря живут практически. Странные. И Бог их странный. Машо попробовало включить гешу, но она все-таки разрядилась. Розетки медвежьего дома для зарядки явно не подходили. Звери... Но не лишены человеческого. Ловко я их разговорами уговорило, подумало пленное, пока реальность перемешивалась с мерзкими снами про войну.

...Машо — или кто оно теперь? — проснулось от стука в дверь.

— Андрюха, подымайся! — сдавленно прорычал Федор. — Пошли гулять, может, в последний раз.

— Что такое? — пробормотало Машо, приподнимаясь с кровати и ища глазами подаренную одежду. — Расстрелять меня задумал, гуманист?

— Сейчас все узнаешь.

Машо, одевшись, робко приоткрыло дверь.

— Иди, умывайся. Пойдем воздухом подышим. А то твои уроды, говорят, его скоро атомными бомбами испортят.

— Нет. Это невозможно!

— Все возможно верующему — знаешь такие слова? Верующему в гуманизм и торжество толерантности.

— Неправда. Неправда! — с вызовом крикнуло Машо.

— Пойдем и посмотрим, правда или нет.

Через пару минут они с Федором шли по проселочной дороге.

— Мы получили перехват. У вас осталось штук сорок ядерных боеприпасов, еще со времен блаженнопочившего СССР. Так вот, применяют их сегодня, чуть ли не прямо сейчас.

— Враки. Они не могут так поступить с людьми. Даже Ташо не может.

— С людьми? Мы же медведи. Звери, гады, враги! — Федор сжал Машо за плечи. — Они же сами готовы подохнуть, только чтобы нас не было! Это же ядерное оружие. Ядерное! Отсюда до бывшей Москвы, до вашего Содома, сто кэмэ! Вас самих накроет — не волной, так радиацией, всю Гоморру! За два дня! Всех, кроме Таши вашей любимой — она уже со змеюкой в Америку летит. Да... Самим подохнуть, чтобы только нам жить не дать! Вот он, гуманизм, вот оно, счастье народов! «Смешно, не правда ли, смешно-смешно»... Был бард такой, Высоцкий, лет семьдесят назад такими вот словами играл. Вот скоро и посмеемся. Ладно, пошли. Двум смертям не бывать. Слушай, Андрюха, а мне ведь умирать не так страшно, как тебе. Семью я уже отправил, а дом бросать не хочу. У меня хоть дети в Сибири жить будут — не долетят дотуда ваши ржавые ракеты. А ты — зачем живешь, зачем умрешь вот сегодня, этим ясным прекрасным днем?

— Я не умру.

— Ай-яй-яй! И что, значит, с тобой будет?

— Я не знаю. И знать не хочу.

— Хочешь — попробуем спрятаться. Подвал есть, пара прочных построек в округе. Но это ж дело такое — куда ракета попадет, взорвется — не взорвется. Ракеты дерьмо у вас, ребята... Старье полное.

— Не буду прятаться. Хоть расстреляй меня.

— Значит, умереть-таки хочешь? Можешь? Не боишься?

— Я не знаю.

— Не знаю... Не знаю... Не знаю, — Федор ухмыльнулся. — Слушай, вот ваша цивилизация, самая умная, самая продвинутая, самая гуманная — почему она на главные вопросы у вас все ответы отняла? Не знаю... Как же можно так жить? Ты никогда не думал, Андрюха, что тебе жить незачем? А еще умирать не хочется! Не стыкуется что-то у вас, ребята!

Федор стоял, блаженно улыбаясь на фоне голубого неба. Машо заворуженно смотрело на него. Как можно так серьезно верить в глупости? И быть довольным собой? Даже... счастливым? И стоять вот так, не бежать никуда, может быть, за минуту до гибели? Глупости несусветные. Федор. Лес. Небо.

Вспышка. Где-то близко — или далеко, непонятно — зажглось второе солнце. И тут же раздался страшный гром.

— Началось, Андрюха, — спокойно сказал Федор. — Ты уж как хочешь, а я помолюсь.

— Зачем? — как-то неожиданно легко вырвалось у Машо.

— Не знаю. Или нет, знаю. Хочешь — помолись со мной, не хочешь — слушай. Просто слушай.

Федор достал из брючного кармана коммуникатор.

— Вот моя любимая, из вечерних. Хоть и утро сейчас. Может, и не успею дочитать. Господи, не лиши мене небесных твоих благ. Господи, избави мя вечных мук. Господи, умом ли или помышлением, словом или делом согреших, прости мя.

Машо не знало, молится ли оно. Но слова казались откуда-то знакомыми.

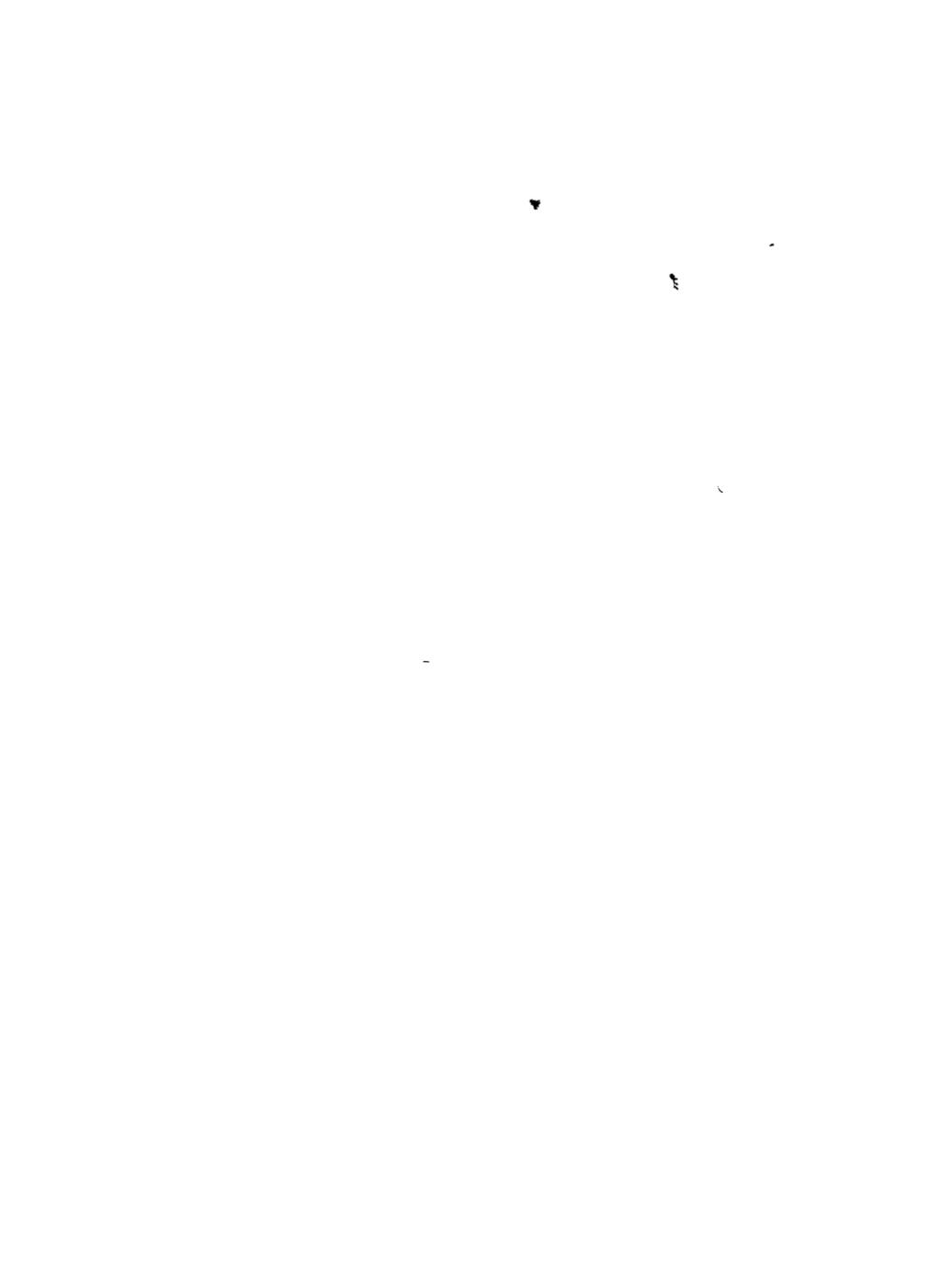
Страшный удар поглотил все живое и неживое.

Московская Конфедерация вложила в него последние силы, принеся себя в жертву гуманизму и свободе. Из 43 ядерных ракет сработало 16.

Начиналось — именно сейчас — новое тысячелетие.

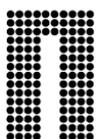
ДЕТИ БЕЗ ДЕТСТВА

КОРОТКИЙ ПОВОДОК

 о форме коттеджи напоминали подковы. Полукруглые, одноэтажные, приземистые... похожие на древние космические истребители.

Мать отправилась исследовать ресторан, а Сашка отстал, задержался у схемы поселка. Эскадрилья коттеджей выстроилась на берегу озера — на голограмме между синими волнами и деревьями, слишком редкими для настоящего леса.

В рекламке пансионата они назывались «семейными блоками», но Саше больше нравилось слово «коттедж». Будто они окунулись в чужую богатую жизнь. Кот-тед-жи... Круто! Вообще-то, его не слишком прикалывало провести выходные за городом, но мать с ее дурацкой работой совсем изнервничалась, поэтому, когда она в пятницу вытащила из сумки путевки и радостно прокричала: «Саник, едем отдыхать!», он не стал ныть и капризничать. В конце концов, всегда можно найти занятие по душе, даже в «стариковском» пансионате. Сеть и чипсы еще никто не отменял.

— Здравствуй, некрасивый мальчик!

Сашка обернулся, вздрогнув от неожиданности.

Белобрысая девчонка одного с ним роста, одетая в белые шорты и майку с птицей, смотрела

почему-то сердито. И как только прокралась к нему за спину?

Сашка передразнил ее, слегка растягивая слова:

— Здравствуй, противная девочка.

— Ты забавный. Живи пока. Кстати, мы живем здесь.

Белобрысая ткнула пальцем в крайний коттедж.

— Э, — смутился Сашка, — мы тоже.

— Да знаю я, глупый, видела, как вы заезжали.

Мы соседи. Предки как раз знакомятся, — девчонка махнула рукой в сторону ресторана.

К ним подбежала маленькая копия белобрысой, затормозила, ткнувшись лбом в плечо первой и чуть не сбив ее с ног. Первая девчонка устояла, больно вцепившись Сашке в плечо.

— Лелик, ты здесь!

— Женька, отвянь, я с соседом знакомлюсь.

— Лелик — мужское имя, — заметил Сашка, просто чтобы что-то сказать.

— Дурень, я — Оля, всех Оль называют Леликами. А ты?..

— Я — Саша.

— Шурочка, — хихикнула маленькая.

— Не обижай его, он прикольный, — неожиданно вступилась старшая.

— Пойдемте быстрее, там такое!..

— У нас всегда с собой фонарики, — похвасталась Лелик.

— Мы ими разговариваем, — добавила Женька.

— По ночам, чтобы предки не слышали. Моргаем — ну, включить-выключить, понимаешь. Три раза по два — иди сюда, четыре и три — шухер. Я тебя потом научу.

Они шли по темному коридору, которому, казалось, нет конца. Ни света, ни дверей.

— Жень, скоро?

— Сейчас! Пришли уже!

Сначала Сашка решил, что это шкаф. Но за ободранной дверцей оказалась комнатка. Маленькая, темная, и только напротив моргает разноцветными лампочками железный ящик.

— Как ты думаешь, что это? — Лелик дернула Сашку за рукав.

— Может быть, музыкальный автомат? Мне кажется, я видел такой в кино. Точно. В них нужно пихать жетоны, и они играют всякую стариковскую чушь. Бэмс-бэмс...

— Это не музыкальный автомат, детки, — пробасил некто сзади.

Саша медленно обернулся. Лучи фонариков высветили смешного всклокоченного дядьку в белом халате. Наверное, это маньяк. Ходит по темным коридорам, затаскивает детей в темные комнаты. Хотя, они же сами пришли.

— А что тогда? — Саша решил взять переговоры на себя, втайне рассчитывая расположить к себе маньяка.

Дядька хлопнул рукой по стене, зажегся тусклый, но все же свет.

— Мы зовем его Велемир. Смешно, да? ВЛМ — Велемир.

Маньяк хохотнул было, но закашлялся и продолжил нарочито серьезным тоном:

— Перед вами, мои любознательные друзья, ангел-хранитель, точнее робот-хранитель всей местной электроники. Но сейчас ангел болеет, так что я вынужден ему помогать.

— А что он делает? — спросила Женька.

— Делает? Да что обычно... Контроль, координация, управление... Если хочешь, можешь даже с ним поговорить.

— Да! Да! Хочу! — захлопала в ладоши Женька.

Сашка уверился в том, что лохматый — маньяк, заманивающий детей на ангела.

Дядька пошарил в ящичке стола под Велемиром, вытащил бронзовый диск, сунул его в руки Женьке.

— Сюда жми, сюда говори.

— А что говорить?

— Например, скажи ему, как тебя зовут.

— Здравствуй, Велемир. Меня зовут Женя.

— А меня Лелик, — влезла старшая.

— Лелик, Женя, куда вы запропастились, несносные девчонки? — воззвал высокий женский голос.

— Саник, ты здесь? — подхватил голос матери.

— Предки, — проворчала Лелик, — как всегда не вовремя.

В комнату ворвались взрослые, Сашке показалось, что целая толпа, хотя их было всего трое.

— Мамочка, мы заблудились, — плаксиво сообщила Женька.

— Девочки! Мы так никогда до воды не доберемся. Идемте же быстрее!

— Саша, не пропадай так никогда! Я тебе уже говорила! Ты плавки надел? Тут не пляж, а чудо какое-то!

— Купаться, мы идем купаться, — подпрыгнула младшая.

— Купа-а-а-аться! — заорала Лелик.

Про Велемира и его странного «хозяина» все как-то сразу позабыли.

— Ладно. Пошли побултыхаемся! — Сашка деловито взял мать за руку, и они шагнули в темный коридор.

День на исходе окутал поселок июльским чуть душноватым маревом.

Павел, сосед, интересный по-своему мужчина с модными бакенбардами, метался между мангалом в саду и терминалом в гостиной. Угли, политые химией, послушно разгорались, а сложная техника бунтовала. И Павел ругался под нос, пытаясь ее настроить, а Света, его жена, подкалывала, обзывая компьютерным гуру.

Дети сгрудились в беседке, светили фонариками, хотя сумерки еще только начинались. Вера растянулась в шезлонге. С соседями им, можно сказать, повезло. Она волновалась, когда оплачивала поездку, с кем придется жить в одном доме, какая семья попадет. Саша не так просто сходилась с людьми, но девочки его, кажется, расшевелили. И славно.

Рядышком пристроилась Света.

— Хорошо-о-о!

— Как там Паша, справился? — поинтересовалась Света.

— Да. Он вообще-то сечет в компьютерах. Просто расслабился раньше времени. Вы в первый раз здесь, в Камелии?

— Да, выбрались вот. Сашке нужен воздух. Да и мне не помешает взбодриться. Работа нервная. А вы?

— Мы тоже первый раз. Тяжелый год выдался, заслужили отдых все, и мы с Пашей, и девочки.

— Ну и как вам?

— Очень мило. И дом почти новый, и техника на уровне. Думаю, вечером в гостиной опробуем все в действии, — Света подмигнула соседке и потянулась за банкой кислородного коктейля.

— Тук, тук, можно к вам? — донеслось вдруг от калитки.

— Кого еще несет? — изумилась Света.

Женщина средних лет — про таких говорят «без возраста» — пухленькая, крашеная, с приклеенной улыбкой, шагнула с мощеной дорожки на песок.

— Администрация, что ли?

— Не совсем. — Вера выпрямилась и потускнела взглядом. Белую, с оранжевыми лацканами рубашку она узнала еще издалека. — Опека... Ювеналочка.

— Ага. Она самая. Извините, что врываюсь, работа такая. — Женщина обратилась к Павлу, ворошащему угли: — Молодой человек, прервитесь, буквально, на пару минут. Это важно.

Опека поднялась на крыльцо.

— Добрый день! Меня зовут Зоя Павловна. Так, первый коттедж, кто у нас тут? Семья Вольских и семья Скарабеевых, все верно?

— Да, это мы, — ответила Вера обреченно.

Света просто кивнула.

Зоя Павловна сделала пометку в планшете.

— Как зовут наших детей, сколько им полных лет?

— Вон мой, Саша... то есть Александр... полных девять! — Вера махнула рукой в сторону беседки.

— Старшую зовут Оля, откликается на Лелик, ей тоже девять, младшей шесть, это наша Женечка, — подхватила Света.

— Ольга Скарабеева, девять лет, Евгения Скарабеева, шесть лет, Александр Вольский, девять лет. Все верно?

— Ну, да, — ответили взрослые в разноголосицу.

— Очень хорошо. Теперь главное. Какие у вас и детей установлены импланты?

— Какое значение... — попыталась заартачиться Вера.

— Вопрос не праздный, объясню позже. Итак, что с имплантами?

— У девочек эм-шестнадцать, кобра пятого поколения у обеих. У нас — третье, варан тэ-девять у меня и тэ-семь у Паши.

— Очень хорошо, — Зоя Павловна сверилась с планшетом и переключилась на Веру. — Что у вас?

— У Сашеньки — барракуда, эр-пять, у меня тоже тэ-девять, их тогда всем ставили.

— Всякое бывает, иногда встречается такая экзотика, — весело откликнулась Зоя Павловна. — Все в порядке, совместимость в норме. Получите, пожалуйста.

Зоя Павловна пошерудила рукой в кармане, достала и протянула взрослым три серебристых свистка.

— Что это? — спросила Вера, глупо улыбаясь.

— Пульт дистанционного управления, конечно.

— От чего пульт?

— Это очевидно — от детей. Как вы собираетесь за ними присматривать на отдыхе?

— Простите?

— Давайте начистоту. Я знаю... все знают... зачем люди выезжают «на воздух». Наслаждаться, как говорят, художественным свистом.

— Не ваше дело! — взвилась Света. — Свист абсолютно легален. У нас лицензионный софт, почему мы не можем расслабиться в законный отпуск...

— Помилуйте, Светлана Ивановна, — прервала ее визитерша, — я вас не осуждаю. Имеете право. Уж точно лучше, чем химия. Но что будут делать дети, пока вы, извините, расслабляетесь? Куда пойдут? А вдруг заблудятся?

— По-моему, здесь вполне безопасно.

— Взрослые люди, а рассуждаете как дети малые. Поселок стоит на берегу озера. Глубина ближе к центру превышает три метра. По другую сто-

рону — лесной массив. Заповедник, между прочим, более сотни гектар. Зверей опасных там, конечно, нет, но заблудиться, поверьте, очень даже не сложно. Даже взрослому в определенном, так сказать, состоянии. А уж тем более ребенку, предоставленному самому себе. Мало ли, что может случиться? Комплекс полностью роботизирован. Правда, световой пульт барахлит, Володенька нас выручает, пока ремонтники не прибыли, милый такой мальчик, электрик. Золотые руки.

— При чем тут...

— А при том, что кроме родителей присматривать за детьми некому. А зачем вам портить себе отпуск, играя в няньку?

— И как это работает? — спросила Света.

— Для начала настроим приборы на детей. Пройдемте к терминалу в гостиной, там будет удобнее. Зовите молодое поколение.

— Женя, Лелик, идите сюда быстренько!

— Саник!

— Вот видите, — заметила ювенальша через минуту, — не такие они у вас и послушные.

Настройка показалась Вере чрезмерно механистической, будто робота-полотера подключили. Дети вроде бы не испугались, и то славно.

Потом ювенальша предложила проверить пульт.

Она шепотом проинструктировала Свету, и та начала:

— Женечка, мы немного поиграем. Ты пойдешь в сад, мама будет тебя звать, а ты сделай вид, что не слышишь. Только сейчас, деточка, только в игре. А так — всегда слушайся маму. Ступай, детка.

Женя недоверчиво посмотрела на мать, та ободряюще ей улыбнулась:

— Иди, солнышко. Если выиграешь, куплю тебе мороженое.

Девочка вышла из гостиной.

— И что теперь?

— Используйте свисток.

Света замешкалась.

— Давайте же, свистите и называйте ребенка по имени! Помните, мы назначили идентификатор? Хорошо. Связь установлена. Теперь очень четко сформулируйте задание.

— Как?

— Вслух.

— Она меня не услышит.

— И не надо. Общаются ваши импланты. Зона приема — вся территория поселка. Командуйте.

— Женя, — сказала Света деревянным голосом, — иди ко мне, милая.

Девочка появилась через минуту.

— Сядь на стул.

Женя села.

— Встань. Сядь.

Девочка послушно исполняла приказы.

— Как это прекратить? — спросила Вера.

— Ключевое слово — свобода. В любой форме.

— Женя, свободна, — объявила Света.

— Дети, поиграйте в беседке, — Вера нервно улыбнулась.

Молодняк как ветром сдуло.

— Вы видели ее лицо? Это же не ребенок, это маленький робот. Вы уверены, что ваши свисточки не искалечат наших детей?

— Вера Аркадьевна, есть постановление объединенной комиссии Минздрава и Минобра, там ясно

сказано, что метод не наносит органических повреждений, в психическом же плане позволяет выработать у ребенка навыки дисциплины. Не стоит беспокоиться об их психическом здоровье. Заботьтесь о здоровье физическом.

— Да при чем тут дисциплина, — взвилась Вера, — у детей же травма на всю жизнь останется!

— Не понимают люди важность дисциплины. Вы вроде бы умная женщина, подумайте сами, какую пользу принесете детям. Сейчас это кажется просто послушанием, а через годы поможет вашему сыну занять место в обществе. Посмотришь, бывает, на человека, вроде и специалист хороший, и характер приятный у него, и мысли имеются, а в коллективе не умеет работать, и все его способности коту под хвост.

— Берем мы ваши свисточки! — встряла Света. — Не волнуйтесь так.

— Вам волноваться надо, ваши дети, не мои. Ну не буду мешать, приятного отдыха.

Зоя Павловна шагнула к выходу.

— Шашлычку не хотите? — крикнул ей вслед Паша.

— Спасибо, в следующий раз.

— Мы ведь не будем использовать эту гадость? — спросила Вера.

— Ну не знаю, — скорчила мину Света, — они бывают такие непослушные. Да шучу я! Забыли про свистки. Паш, у тебя там угли не прогорели?

— Вот черт! — Павел метнулся к выходу.

— День был долгий, день был трудный, не пора ли отдохнуть? — Паша потирал руки в предвкушении.

— Пашенька такой трек скачал, песня!

— У кого-то каламбурчик проскочил! — Павел обнял жену.

— Пашка, отстань! Вера, вы оцените!

— Сейчас, уложу Сашу.

— Свисток не забудь! Шутка! Видела бы ты свое лицо!

Вера прошла в комнату к сыну.

— Милый, я не хочу делать из тебя маленького робота. Ты сейчас как хороший мальчик ляжешь в постель и сразу же уснешь. Мама еще немного посидит с тетей Светой и дядей Пашей. А потом обязательно придет тебя проведать.

— Мама, там змея!

Серый безвкусный мир. Слишком резко в него окунули Веру. «Можно, я не буду открывать глаза?» — попросила она мысленно.

— Женя, черт, что случилось? — Светин голос.

— Там змея, она шуршит! Мам, мне страшно!

Девчонка визжит, а Света, когда недовольна, шипит как змея. Та самая, которая шуршит. Вера с детства боялась змей. Лучше открыть глаза, а то помечтается всяко.

— Ребята, подождите меня, я быстро!

Света схватила дочь за руку, Вере показалось, что схватила слишком резко, но этот чертов мир вообще слишком резок. И скрипуч. Верните свист, пожалуйста!

— Женя, идем, я сама проверю, кто там шуршит.

Света, слегка пошатываясь, увела дочь. Вернулась через пару минут.

— Дети. Вера, ты меня понимаешь.

— Ну что, продолжим? — подал голос Павел, не открывая глаз.

— Мама!

Это уже старшая.

— Лелик, тебе-то что надо?

— Женя плачет.

— Так. — Света встала. — Веди ее сюда. Быстро. Через минуту обе девочки стояли перед матерью. Света дунула в свисток.

— Женя и Лелик. Значит, так, любимые мои дочери. Сейчас вы, Евгения и Ольга Скарабеевы, пойдете к себе в постель. Вставать только в уборную, говорить тихо. Спать. Задача ясна? Шагом марш.

Сашка подошел к окну, пытаясь понять, что же его разбудило. Точнее, выдернуло из дремы, крепко заснуть он еще не успел.

Он вяло оглядывал сад, не в силах спросонья сфокусироваться на чем-либо. И только на третий раз заметил всполохи в окне напротив, теряющиеся в свете уличных фонарей. Такое же окно, как у него. Наверное, там спят девочки.

Он присмотрелся — четыре вспышки, потом три. Лелик говорила, да, вспомнил: «Иди сюда».

Сашка вышел из комнаты, стараясь не думать, какой гнев навлечет на себя, если встретит кого-то из взрослых.

Путь в то крыло лежал мимо гостиной. Сашка не удержался и тихонько туда заглянул. Взрослые растеклись по креслам. Поразило выражение лица матери — никогда еще она не выглядела такой глупой.

Лелик, лежа в постели, водила лучом из фонарика по оконному стеклу. Когда Саша вошел, она скользнула светом по его лицу, потом выключила фонарик.

— Хорошо, что ты пришел, — прошептала она, — мы не можем вставать или говорить громко. Надо что-то делать с этими свистками.

— Велемир — ангел! Он нас спасет! — включилась Женя.

— Надо взять ту железную штуку, ну помнишь, через которую Женька с ним говорила. Ты же знаешь, где она лежит?

— Прямо сейчас? Я не могу, мать меня убьет!

— Полежал бы, как мы...

Саша, ослепленный фонариком, потихоньку привыкал к темноте. Лицо у Лелика было страшное — почти деревянное, шевелились только губы.

— Ну, и как тут наши девочки? — раздалось из коридора.

— Тише, милая, разбудишь!

— Всем тс-с-с!

Саша застыл, боясь оглянуться. Вот бы стать невидимым. Однако явно не получилось.

— Опаньки, а у девочек гость. Ну, ничего себе оживленная ночная жизнь!

— Молодой человек! Что вы здесь делаете? — Мать всегда переходила на «вы», когда сильно злилась на него. — Посмотрите на меня! Сейчас же! — Саша медленно обернулся. — Мы поговорим утром о вашем поведении. А теперь. — Мать дунула в свисток. — Александр Вольский, марш в свою комнату. Ложишься в постель. И до утра — ни движения, ни звука. Все, иди.

После завтрака они пошли на озеро. У матери к утру запал кончился, так что воспитательная беседа свелась к вялому: «Ну ты же понимаешь, что не можешь приходить к девочкам по ночам. Не делай так больше. Ладно. Иди, купайся!»

Женя подергала Сашу за рукав и показала ему большой палец. Ее пляжная сумка заметно потяжелела.

Она взяла сумочку в раздевалку, вышла оттуда довольная.

— Я думаю, надо каждому просить Велемира. — сказала Лелик.

— О чем?

— Отключить дурацкие свистки. Не тупи.

Лелик сходила в раздевалку, потом протянула сумку Сашке.

— Теперь — ты.

— Я уже в плавках.

— Придумай что-нибудь.

Саша зашвырнул сандалию в кусты, сбежал туда, обернув диск футболькой, стараясь загородить сверток от взглядов взрослых.

Там он приблизил диск к лицу:

— Велемир, здравствуй. Я — Саша, друг Жени...

Не так уж долго они купались — барахтались в озере минут десять. Сашка плавать толком не умел, они с Женькой позорились на мелководье. Хотя, стыдиться было не перед кем — на пляже, несмотря на жару, пустота. Лелик сперва устроила заплыв на середину, но заскучала в одиночестве и вернулась. Тут предки девчонок и решили, что хватит на первый раз. Накупались.

— Дети, вылезайте! Простудитесь! — гаркнула тетя Света.

— Саша, выходи сейчас же из воды! — поддержала мать Сашки.

— Женя, Лелик, а ну быстро!

Саша с Ольгой направились к берегу. Женя крикнула: «Мамочка! Я еще кружок, ну пожалуйста»

— Я кому сказала!

— Мамочка, я мигом!

— Ну пеняй на себя!

Тетя Света жестом фокусника достала из воздуха свисток, яростно подула в него.

— Евгения, быстро плавь к берегу.

Женька демонстративно проплыла несколько метров на спине к центру озера и только потом соизволила развернуться.

— Дурында! — ахнула Лелик.

— Он что, не работает? Вер, проверь свой!

Саша засмотрелся на Женю, поэтому свист застал его врасплох. Он позорно выдал себя, переспросив «Что?» в ответ на мамин приказ идти к ней.

— Тупица, — зашипела Лелик на выползшую из воды сестру, — ты всех нас раскрыла!

— Я хотела убедиться, что сработало!

— У вас просто слетела прошивка. Ну как «просто», такое редко бывает, конечно. Я сейчас все поправлю. Дело нехитрое.

Сегодня Володенька даже причесался.

— Но как такое могло случиться? — бушевала Света.

— У нас барахлит пульт управления. Скоро должны его заменить. Дорогое оборудование, знаете ли, а пока я страхую. Так что будут проблемы — любые — сеть или свет, обращайтесь. Всегда на службе, мэм!

Володенька шуточно козырнул.

Вера хотела было подколоть его, что к пустой голове руку не прикладывают, но сдержалась.

Ее все с утра раздражало. Не покидало чувство вины. Вера не могла понять, что сделала не так. Не корила же она себя за то, что расслабилась ночью.

— Все готово, проверяйте.

— Может быть, не сейчас? Уложим их спать после обеда.

— Да брось, Вер, — вострепенулась Света. — Надо ковать железо, пока наш спаситель здесь. Лелик, иди-ка сюда!

Она чмокнула дочку в темя, свистнула.

— Ольга, попрыгай на одной ноге. Три раза. Молодец. Свободна. Мороженое заслужила.

После обеда слегка тянуло в сон.

Вера направилась было к любимому шезлонгу, но ее остановила Света.

— Ты погоди устраиваться, подруга!

— А что?

— Сегодня без экспериментов. Сразу отправляем их баиньки.

Отсвистели приказы. Света потянулась, сжала руку Паши.

— Дорогой, заводи шарманку!

— Сейчас? — вяло засопротивлялась Вера.

— День нервный выдался. Нужны положительные эмоции.

— Вера, мы же на отдыхе! — поддержал жену Паша.

— Соседка, не ломай кайф.

— Хорошо, не буду!

Сразу расслабиться не получилось.

— Хозяева! Ау!

У калитки растекалась в умильной улыбке ювенальша. Ее появление почему-то не вызвало у Веры

раздражения, наверное, она уже привыкла к этой женщине. Светка и вовсе просияла.

— Какие люди! Зоя Павловна, проходите!

— Ой, я на минуточку. Не желаю вам мешать, отдыхайте в свое удовольствие.

Паша развернул на веранде шезлонг.

— Присаживайтесь.

— Ох, спасибо! Набегалась с утра. Ноги гудят. Я чего к вам зашла, Володенька сказал, что у вас пульта барахлил, я хотела убедиться, что все заработало.

— Да-да, спасибо. Лежат наши голубки в своих постельках, усыпленные богатырским свистом.

— Оценили, наконец, по достоинству! — ухмыльнулась ювенальша. — Многие поначалу сопротивляются, не понимают собственной выгоды. И пользы для ребенка. Конечно же.

— Оценили-оценили! — воскликнула Света. — Зоя Павловна, мы тут собрались небольшую сиесту устроить, присоединяйтесь!

— Ой, да мне не положено!

— Не отказывайтесь, Паша такой трек нашел, отзывы сногшибательные.

— Да правда, что ж вы все на бегу? — поддержал жену Павел. — Часик посидим, расслабимся немного, вреда-то никакого.

— Ну если вы настаиваете!

Другой трек — другое настроение.

— Я так и знала, что они уже не спят. А ну-ка, Александр Вольский, подъем! Одеваться и быстро в гостиную. У нас запланирован концерт!

Опять это глупое выражение на лице у матери. И голос, как отвратительно меняется ее голос.

★ Тем временем руки сами натягивали майку, шорты и сандалии.

Девочки уже застыли в гостиной. Наверное, у него сейчас такое же мертвое лицо.

И что делает страшная женщина в их гостиной?

— Я думаю, Саша как джентльмен примет первый удар на себя. — Это дядя Паша выступил. — Вера, командуй!

Свисток.

— Саша, карабкайся на табуретку. Вот молодец! Помнишь, мы учили стихотворение? Читай!

Зоя Павловна удалилась. Родители додремывали в шезлонгах. Девчонки утащили Сашу в свою комнату. Он немного робел после ночной взбучки, но Лелик строго сказала, чтобы он не тупил, и Сашка покорно пошел в гости.

— Это был кошмар. Мы же не малышня, чтобы им концерты устраивать.

— Ты хорошо поешь, — заметил Саша и сразу понял, что выступил не в тему.

— Издеваешься? — взвилась Лелик.

— Да нет же! Мне правда понравилось.

— Ты тоже хорош. «Все кричат ему ку-ку». Сам стишки выдумал?

— Ладно тебе. Надо прекращать концерты. Дай мне эту штуку.

Сашка взял диск.

— Что ты придумал?

— Они как свиста наслушаются, становятся дурные. Ты не заметила?

— Ну да, глупеют, как наслушаются.

— Вот именно, пусть им будет плохо от свиста, глядишь, и наши свистки выкинут.

— Или вернут их ювенальше.

— Надо попросить Велемира, чтобы испортил им праздник.

— Что, детки-конфетки, ночь настала, в постель пойдем сами или по свистку? — Света была игриво настроена. — Шучу, конечно же, по свистку. Крепче спать будете. Итак, фью-фью, Александра и Евгения, в туалет, делаем свои дела, потом в постель, и чтобы до утра ни звука.

— Фью. Александр. Туалет, постель! Вперед! — внесла свою лепту Вера.

Саша сунул диск в пакет, вышел посмотреть, сработало ли. Сперва ему показалось, что все впустую — из гостиной доносился знакомый до отворачивания мелодичный свист. Саша осторожно приблизился к двери. Звук заметно усилился, и, наконец, обрушился скрежетом.

Саша присел на корточки, зажимая уши ладонями. Но звук уже затих.

Взрослые лежали в креслах, не шевелясь. Саша подошел к матери, у нее из носа ползла вниз по щеке красная капля. Мальчик испугался, что мать умерла, но ее веки дрогнули. Он выбежал из гостиной, спешил вернуться в кровать, но потом понял, что должен освободить девочек.

Лелик вышла ему навстречу.

— Я нес вам диск.

— Нас отпустило, когда раздался шум.

— Им очень плохо. Вряд ли они захотят повторить.

Разогретый песок обжигал ступни.

— Ну и жарница! — Света потянулась на лежаке. — Срочно купаться!

— Пропустим вперед молодое поколение, — предложил Паша.

— И то дело, — Света достала свисток. — Женя, Лелик, купаемся ровно пятнадцать минут. Вдоль берега. Не ныряем, не брызгаемся. Бегом в воду!

— Саша, все плывут, а ты стоишь, не отрывайся от коллектива. Плавать бегом марш! — свистнула Вера.

Володенька, золотые руки, починил терминал.

Вера вспомнила, что случилось ночью, на миг ей стало боязно.

— Владимир, — мяукнула Света, — вы не составите нам компанию? Нам может понадобится помощь специалиста.

Долго упрашивать Володеньку не пришлось. Детей привычно уложили спать тремя свистками.

Мать, пошатываясь, ввалилась в его комнату, чтобы чмокнуть в лоб. Минут через двадцать в доме все затихло, пришла Лелик, принесла диск. Саша попросил Велемира снять его с крючка.

Он успел заснуть, когда его растолкала зареванная Женька. Она притащила Сашу в гостиную. Мальчик еще на подходе покрылся мурашками, услышав проклятый мелодичный свист.

Лелик сидела в кресле, по скуле тек ручеек слюны. Саша бросился нажимать все подряд кнопки на терминале, и, чудо, свист затих. Они с Женькой подняли Лелика, повели в туалет умываться. Она переступала ногами, даже вроде бы не норо-

вила грохнуться на каждом шагу, но и ничем не помогала.

— Лелик просто хотела попробовать. Попросила Велемира настроить ее на их свист, чтобы ей, как маме, хорошо стало. Он настроил, а она теперь вот такая. Какой же он ангел-хранитель? — пищала Женька, пока Саша обтирал холодной водой лицо старшей.

Они уложили Лелика в постель.

— Пойди и возьми у родителей свистки, — распорядился Сашка.

— Зачем?

— Надо.

— Я боюсь, — хныкнула Женька.

— И черт с тобой, мелюзга, сам справлюсь.

Свистки лежали на виду. У всех. Никто из взрослых не удосужился их спрятать. Саша пожалел, что не додумался спереть их раньше, выкинуть в унитаз или даже в озеро. Хотя добрая Зоя Павловна наверняка принесла бы новые.

Саша спросил, где живет ювенальша. Велемир объяснил. Паша попытался вспомнить, видел ли он это место на схеме, и сразу понял, где это. Совсем рядом.

Он подошел к маленькому домику, совсем не похожему на их подковку-истребитель. Хотел заглянуть в окно, но понял, что не достанет. Увидел неподалеку складной пластиковый стул и с его помощью легко дотянулся.

Зоя Павловна спала с включенной лампой, так что Саше удалось хорошенько рассмотреть комнату. Ура, там был терминал.

Саша спустился, достал диск и осторожно, чтобы не разбудить ненароком тетку, попросил Велемира включить «испорченный» свист.

Возвращаясь к своему коттеджу, Саша испугался, что шум разбудил мать или тетю Свету. Однако в доме было тихо.

— Как Лелик?

— Не знаю. Кажется, не спит. Лежит с открытыми глазами и молчит.

Саша помахал ладонью перед лицом старшей. Она не шелохнулась, даже зрачки не дрогнули.

Он достал диск.

— Велемир, это Саша. Я хочу настроить свистки на Светлану Скарабееву, Павла Скарабеева. И, — Саша запнулся, — Веру Вольскую.

— Здравствуй, Саша. Ты должен ввести на терминале идентификационные номера.

Саша без проблем вспомнил номер матери. Она не скрывала код от сына.

— Жень, ты не помнишь номера родителей?

Женька затрясла головой. Саша подумал, что она, возможно, не понимает, о чем идет речь.

— Ой, — малявка взяла его за руку, — я видела у мамы бумажку с циферками. Мама всегда смотрит в нее, когда к терминалу подходит.

— Женька, ты молодец!

Они стояли на берегу двумя семьями в полном составе. Сашка командовал.

— Светлана Скарабеева, Павел Скарабеев, идите купаться. Приказываю доплыть до середины озера.

— Вера Вольская, все плывут, а ты стоишь! Плавать бегом марш!

Саша и Женька смотрели вслед взрослым. Когда их фигурки почти растворились в темноте, Женька заплакала.

— Сашенька, верни их, пожалуйста, мне страшно!

Саша подул в три свистка по очереди.

— Светлана, Павел, Вера, возвращайтесь! Плывите обратно!

Чужие родители повернули к берегу, но мама Вера оставалась там, в темноте.

И тогда Саша по-настоящему испугался.

— Мама, плыви ко мне! Пожалуйста! Свободна, свободна!

Мать что-то крикнула, но Саша не расслышал. Он вцепился в диск.

— Велемир, что она говорит?

— Вера Вольская сообщает, что у нее свело ногу.

— Велемир, миленький, пришли спасателей! Пожалуйста! Ты же можешь!

Володя чинил терминал.

— Когда же нам пульт поменяют? — спросила Зоя Павловна.

— Завтра приедут.

— Не слишком-то они торопятся.

— Нас в очередь поставили. Занятые очень. Говорят: «Ты же там рулишь? Ну и рули пока». Простые такие. Но пульт, в общем и целом, пашет. Хорошая серия была, VLM, сейчас таких не делают.

— Велемирчик наш. А что с ним было не так, Володенька?

— Блок безопасности полетел. Не фильтрует запросы. Исполняет, что ни попросишь. Как там наша утопленница?

— Вольская? Жить будет. Велемирчик — молодец, прислал спаскатер. И кто только придумал спасателей на ночь отключать?

— Вы меня спрашиваете? Я больше по электрике.

— Вопрос, Володенька, риторический. Завтра еду в суд. Лишаем наших героев родительских прав.

— Кого из них?

— Всех скопом. И Вольскую, и Скарабеевых. Дадим малышам шанс на счастливое детство. Готов ли терминал, друг мой?

— Рвется в бой, Зоя Павловна.

— Так запускай свистуна. Время позднее, пора расслабиться.

АНГЕЛ

ама... Мама! Мама! Мамочка!!

Крик. Крик. Крик.

Слезы, боль, нечеловеческая боль и скрюченные пальцы, боль, заглушающая все, отсекающая от реальности, пришедшая изнутри и затопившая, невыносимая, выпивающая, рвущая, заставляющая позабыть обо всем на свете и превращающаяся в громкий крик.

Боль.

Крик.

Если кричать, то станет легче...

Кому?!!

Впрочем, сейчас нельзя не кричать. Боль порождает крик, и, может быть, от него действительно становится легче, однако в пелене кошмарных ощущений не чувствуется ничего, кроме терзающих вспышек невыносимого.

— Мамочка!

— Тужься!

— Мама!

— Тужься!

Боль дарит глухоту, свой крик дарит глухоту, но Анна прекрасно понимает, что велит ей толстая женщина с грубым, словно сложенным из ноздреватых булыжников лицом.

— Тужься!

Ане больно. Ане страшно. Ее ногти переломаны, иногда не хватает воздуха, но разум... Нет, не он — инстинкты. Дикая боль отключила разум, но инстинкты не подводят и заставляют измученное тело делать то, что требует опытная женщина с тяжелым лицом.

— Тужься!

И Аня тужится, пытаясь расстаться с тем, к кому привыкала несколько долгих месяцев.

— Тужься!

— Мама!

— Еще! Еще!! Еще!!!

— Мамочка!!

Крик.

Нет, не ее. Уже не ее. Комната внезапно наполняется громким детским криком. Жалобным? Болезненным? Маленький человек впервые увидел свет, немножко испугался и его крик прорывается сквозь жуткую стену болезненной глухоты — мать не может не услышать дитя.

— Что случилось? — лепечет Аня.

Она плохо понимает происходящее, она еще чувствует боль, но все ее мысли там, рядом с окровавленным, орущим комочком живой плоти.

— Все хорошо.

— Что случилось?

— У тебя мальчик.

Крик.

Счастье. Мальчик плачет, а его истерзанную мать распирает от радости, потому что теперь Анна доподлинно знает, как звучит женское счастье — это первый крик ребенка.

— Слышишь? У тебя мальчик!

Она слаба, она устала, она оглушена, она с трудом ориентируется в происходящем, но эту фразу Анна слышит прекрасно. И просит:

— Дайте его мне.

— Сейчас нельзя. Он слишком слаб.

Как так?! Позвольте прикоснуться к ребенку! Позвольте обнять, поцеловать, почувствовать бие-ние маленького сердца... Сделайте счастье полным!

— Пожалуйста, — лепечет Анна, но ответа нет.

Крик становится тише, тише... прячется вдали... за закрывающейся дверью... Или это она теряет сознание, проваливаясь в вату усталого сна? Или во всем виноват укол, который она почувствовала секунду назад? Анна не знает. Она просто откидывается на подушки, улыбается и шепчет:

«Костя... Я назову тебя Костей...»

— Родитель «ноль»? — не понял Кирилл. — Что вы имеете в виду?

— Возможно, я использовал непонятный термин... — Судья помолчал, подбирая нужные слова, после чего осведомился: — Как вы называете изначального родителя? Мать?

— Кого?

— Мать. Маму. — Публика притихла, не совсем понимая причину задержки с ответом, и тогда послышалось дополнительное определение: — Как вы называете того, кто вас родил?

Несколько секунд изумленный Кирилл обдумывал вопрос, а затем, сообразив, наконец, чего от него хочет судья, уверенно произнес:

— В свободном мире подобный анахронизм не имеет смысла. Нельзя оскорблять второго воспитывающего партнера или других воспитывающих

партнеров тем, что они меня не выносили. Все мои партнеры равны между собой. Я одинаково любил каждого из них.

— Сколько их у вас было?

— Какое это имеет значение?

— Вы собираетесь задавать мне вопросы?

Кирилл посмотрел на Падду, адвокат едва заметно пожал плечами, показывая, что с судьей лучше не спорить, но выглядел при этом таким же растерянным, как и клиент.

— Я ни в коем случае не хотел оскорбить вас, — промямлил Кирилл, делая адвокату знак глазами. Падда кивнул, громко выдал: «Позвольте вопрос, ваша честь!» и резво бросился к судейскому возвышению, следом подтянулся обвинитель.

— Родитель «ноль»? — торопливо произнес адвокат. — Ваша честь, в чем смысл вопроса?

— Мне стало интересно.

— Лично вам?

Несколько секунд судья выразительно смотрел на адвоката, после чего предельно вежливо произнес:

— Не забывайте, советник, что дело не только громкое, но и весьма деликатное, и чем больше я и присяжные будем знать о личности вашего клиента, тем проще будет вынести справедливый вердикт.

— Обвинение не возражает против дополнительных вопросов, — вставил прокурор.

— Кто бы сомневался, — грубовато отозвался Падда, почесывая коротенькую бородку.

— Что не так?

— Вопрос в вашу пользу, — ляпнул адвокат и тем вызвал неподдельное изумление у собеседников.

— Ваш клиент стыдится своих родителей? — осведомился судья.

— Ни в коем случае, ваша честь, он гордится ими, — тут же поправился Падда. — Но с вашего позволения, мы будем называть их «воспитывающими партнерами», поскольку мой клиент привык использовать именно этот термин.

— Как вам угодно.

— Я как раз собирался поговорить о семье обвиняемого, — торопливо произнес прокурор. — Есть вопросы, которые я хотел бы прояснить.

— Вот и проясняйте.

— Спасибо, ваша честь.

Адвокат бросил на обвинителя кислый взгляд, вернулся за стол и почти минуту шептался с Кириллом, после чего подсудимый подвинул к себе микрофон:

— Я готов отвечать на вопросы, ваша честь.

Журналисты — а именно они составляли большую часть публики — обратились в слух и приготовились делать пометки в блокнотах.

— Вы помните вашего первого воспитывающего партнера? — осведомился прокурор. — Того, кто подарил вам жизнь?

— Нет, — ответил Кирилл, продолжая смотреть на судью. Обвинителя он подчеркнуто проигнорировал.

— Вы сирота?

— Нет, поскольку все воспитывающие партнеры были для меня родными людьми, близкими духовно и физически.

— Сколько их у вас было?

— С шести до четырнадцати лет я по очереди жил с двенадцатью партнерами, которых мне подбирала Служба ювенального распределения

или предыдущие партнеры через онлайн-систему «Счастливый дом». В четырнадцать лет я получил право регистрации в системе и самостоятельно выбирал воспитывающих партнеров до достижения совершеннолетия. — Кирилл выдержал паузу, выслушивая подсказку адвоката, кивнул и продолжил: — Если обвинению интересно, среди тех, кого я выбирал в партнеры, были и женщины. Все они хорошо обо мне заботились.

— А их мужья?

— Вы имеете в виду их временных равноправных партнеров противоположного пола?

— Полагаю, да, — не очень уверенно ответил прокурор.

— У одной из женщин был такой партнер, но я его не интересовал. Он предпочитал проводить время или с женщиной, или с младшими воспитываемыми партнерами. — Заминка осталась позади. Кирилл обрел уверенность и, явно рисуясь, поинтересовался: — Если хотите, ваша честь, я могу рассказать об этом подробнее.

Журналисты встретили предложение дружным, но негромким хихиканьем.

— В подробностях нет нужды, — медленно ответил судья, потирая подбородок. — По большому счету меня интересовало одно: помните ли вы свою маму?

— Как ты там оказалась, дура?

— Оскорблять обязательно?

— Учитывая обстоятельства...

— Палыч, рот прикрыл, — жестко бросил Дохлый. После чего повернулся к Анне и соорудил на лице извиняющуюся улыбку: — Мой друг превос-

ходный профессионал, но отсутствие у него воспитания — дополнительная плата, которую вам придется платить за сотрудничество. Или не придется: если Палыч вас достал, вы имеете право расторгнуть контракт прямо сейчас. В этом случае мы оставим за собой десять процентов от аванса за беспокойство, а остальную сумму я немедленно верну на ваш счет.

Дохлаый вел себя предельно вежливо, много улыбался, судя по косвенным признакам, был опытным ломщиком, рвущим любые сети на завтрак, однако Анне он почему-то нравился гораздо меньше напарника: хмурого, злого и грубого Палыча. Улыбчивый Дохлаый казался легким, слишком веселым, а в Палыче чувствовались сила и несокрушимая уверенность — именно то сочетание, в котором молодая женщина нуждалась сейчас больше всего. И плевать на манеры.

Поэтому Анна качнула головой, коротко отвечая на вопрос Дохлого, и вновь повернулась к его мрачному напарнику:

— Я делала пересадку и не собиралась покидать аэропорт. Мне говорили, что такая схема безопасна.

— Беременным здесь в принципе делать нечего.

— Теперь я это знаю.

Анна ожидала еще одной «дуры», но Палыч промолчал. То ли окрик Дохлого подействовал, то ли сжалился и не стал добивать попавшую в беду женщину.

— К тому же срок был еще маленький...

— Для них — очень удачный, — вздохнул Дохлаый. — Семь месяцев — вполне можно рожать. Что, собственно, вы и сделали.

— Я об этом не подумала.

— Расскажи, как все было, — велел Палыч, оставив без внимания глупое замечание молодой женщины.

Дохлый кивнул, показывая, что нужно подчиниться, и Анна приступила к рассказу, суть которого она излагала еще в самом первом письме наемникам.

— Схватки начались в самолете. Врача на борту не оказалось, помогали только стюарды и какая-то женщина из пассажиров, так что я едва не умерла от страха, пока мы садились. Из аэропорта поехали в больницу, кстати, весьма неплохую, ухоженную... Явно частную. Я потом еще думала, что мне повезло со страховой компанией: обеспечили идеальные условия... — Ближе к концу короткого рассказа Анна стала сбиваться, было видно, что воспоминания о тех событиях даются ей крайне тяжело. — В «Скорой» мне стало совсем плохо, так что дальнейшее почти не помню, наверное, чем-то накачали. Но я родила, мой Костя появился на свет... Я помню его крик. Я помню его голос. Я могу узнать его голос...

История прервалась коротким всхлипом, однако воды молодой женщине никто не предложил, тепло-го слова — тоже. Два человека, которых ей рекомендовал связанный с незаконным бизнесом одноклассник, молча ждали продолжения рассказа.

— Когда я проснулась, они сказали, что он умер. Что мой Костя умер... У меня не было визы на пребывание, поэтому страховая немедленно отправила меня домой. — Анна тяжело вздохнула. — Сначала я ни о чем таком не думала, потом удивилась, что мне не переслали тело. Написала письмо. В страховой компании ответили, что Костю кремировали, я возмутилась, решила приехать, разобраться, но в кон-

сульском центре мне сказали, что я внесена в «черный список».

— Причина?

— Махинации со страховкой.

— Ловко, — хмыкнул Дохлый.

Заявление женщину покорило, однако от комментариев она воздержалась.

— От бабушки мне осталась квартира в центре столицы, я ее продала, а вырученные деньги потратила на фальшивые документы и ваш контракт.

— Мы получили только аванс, — уточнил Дохлый.

— У меня есть вся сумма.

Одноклассник предупредил, что без денег наемники и пальцем не пошевелят. А они, эти самые ребята, назначившие встречу в маленькой квартирке на окраине города, стали для молодой женщины последней надеждой.

— Сама зачем приехала? — грубо осведомился Палыч. — Ты понимаешь, что можешь помешать?

— А вы понимаете, что мой сын может быть жив? — Анна вытряхнула из пачки длинную сигарету, щелкнула зажигалкой, глубоко затянулась, после чего продолжила: — И если он жив, я должна быть здесь. Я никому не верю, даже вам. Я хочу принимать участие в поисках. Я...

— Где твой муж? — перебил женщину Палыч. — Ну, в смысле, отец ребенка. Где он?

— Сбежал, когда узнал, что я забеременела.

В принципе, любви там и не было, просто секс. И неожиданное решение Анны оставить последствия этого самого секса. На Гришу она обиды не держала и поддержки от него не ждала.

— Родители?

— Они ждут... Надеются. Как и я, надеются, что Костя жив. А он...

— Мертвый, если судить по документам, — заметил ломщик.

— Я хочу, чтобы вы проверили.

— Как?

— Не издевайся над девочкой, Дохлый, — хмуро велел Палыч. — Ты знаешь как: надо искать деньги. Это самый верный след.

— То есть вы допускаете, что Костю могли похитить?

Анна надеялась. Сама понимала, что вероятность благоприятного исхода мизерная, но надеялась. Верила. И потому она с такой радостью ухватилась за слова Палыча.

— Тебя срисовали в самолете и подсыпали лошадиную дозу метилэргометрина или какой-нибудь другой дряни, чтобы вызвать преждевременные роды. Еда была со специями?

— Кажется...

— Туда и махнули.

— Кто?

— Кто-то из стюардов работает на «ангелов», — как маленькой, объяснил Палыч. — Они высматривают потенциальные цели и сообщают о них на землю.

— Но зачем?

— Вариантов много, — развел руками Дохлый. — Например, подсуетился коммерческий детский дом.

— Все равно не понимаю, — растерялась Анна. — Объясните, пожалуйста.

— Если коммерческий детский дом заявит, что ему на крыльцо подкинули младенца, то он автоматически получает дотацию из казны — четыреста тысяч в год.

— Ого! — не сдержался Палыч. — Четыреста штук? Я думал, меньше.

— Четыреста.

— Почему, в таком случае, мы занимаемся всякой ерундой?

Сначала Анна вздрогнула и лишь через секунду поняла, что хмурый наемник шутит. Однако Дохлый ответил напарнику предельно серьезно:

— Потому что мы не хотим воровать детей в роддомах, или подкупать судей, чтобы они отнимали детей у иностранцев, или подкупать полицейских, чтобы они забирали детей у нелегалов, или подкупать чиновников, чтобы они...

— Можешь не продолжать. Я лучше буду убивать взрослых, чем делать деньги на детях. — Палыч посмотрел на Анну и мрачно произнес: — Обычно на этих словах гражданские осведомляются насчет моей совести.

— У меня украли ребенка, — жестко напомнила женщина, сдавливая окурки в пепельнице. — И если тебе понадобится убить, чтобы его вернуть, я хочу, чтобы ты убил. Если в какой-то момент ты решишь, что нужно убить еще, а моего взноса недостаточно, я продам вторую квартиру, продам все, что у меня есть, продамся в рабство, но заплачу тебе, и ты убьешь столько людей, сколько нужно для освобождения моего сына. — Она помолчала, после чего негромко спросила: — Нет желания осведомиться насчет моей совести?

Ответом стала улыбка.

— Без дополнительной платы, — спокойно произнес Палыч, которому очень понравилось услышанное. — Я верну тебе сына без дополнительной платы и убью столько людей, сколько понадобится. — Помолчал и веско добавил: — Даю слово.

— Пожалуйста, объясните суду, что вы имели в виду.

Падда скривился, проклиная в душе длинный язык тупого клиента, но тут же вскочил на ноги и попытался сгладить ситуацию:

— Ваша честь, обращаю ваше внимание, что данное высказывание стало следствием тяжелейшего эмоционального состояния, в котором мой клиент пребывает несколько последних недель, и...

— Ваш клиент только что заявил, что его преследование вызвано ненавистью, которую к нему испытывают окружающие, — мягко напомнил судья. — Заявление весьма жесткое, я бы даже назвал его вызывающим и содержащим признаки неуважения к суду. Потому я хочу, чтобы господин Раков конкретизировал обвинения.

— Ваша честь, я уверен, что мой клиент случайно использовал столь сильное определение...

— Нас ненавидят, — громко произнес Кирилл. — Я чувствую это каждой своей клеточкой.

Сейчас он не собирался внимать доводам рассудка, точнее, адвоката. Раков решил высказаться.

— За что вас ненавидят? — уточнил судья.

Присяжные наострили уши. Прокурор, за которого говорливый обвиняемый делал половину дела, довольно усмехнулся.

— Нас ненавидят за то, что мы другие. Не такие как все. Не из стада. И нам не могут этого простить, — громко заявил Кирилл. — Нас ненавидят за то, что мы свободны, что отвергаем ваши глупые ограничения и тупое понятие ответственности. За то, что каждый из нас живет так, как ему нравится. Мы свободны, мы — личности, мы живем для себя и наслаждаемся жизнью!

— Кто вас ненавидит?

— Вы все. Я читаю ненависть в ваших глазах. Злобу. Превосходство. Вы трахаете ваших тупых телок, они выдавливают из себя уродов, которых вы мечтаете превратить в свое подобие, не позволяя им прикоснуться к настоящей жизни. Вы смотрите на нас как фашисты только из-за того, что мы другие. Мы гордые. Мы — личности. Каждый из нас — личность. Я до сих пор с умилением вспоминаю то невероятное ощущение любви и сопричастности, которое охватило меня на слете «Человек будущего». Мы стояли на Олимпийском стадионе и пели «I will survive», мы были такими разными, такими непохожими, но мы были вместе. Сто тысяч независимых личностей, стоящих плечом к плечу. Полное единение, которое никогда не испытать вам — оболваненным членам тупого стада.

— Кого именно вы имеете в виду? — кротко осведомился судья.

Отчаявшийся Падда ткнул подзащитного в бок, но попытка заставить Кирилла умолкнуть не увенчалась успехом.

— Я приехал из другой страны, из другого общества. Я приехал оттуда, где уважаются права личности и свобода самовыражения. И я требую соблюдать мои права в полной мере.

— Вы понимаете, что нарушили законы нашей страны? — негромко осведомился судья.

— Они несовершенны! Они не соответствуют моему взгляду на мир и потому абсурдны! Ваши законы должны быть такими же, как наши. Я требую справедливого суда в своей юрисдикции! Я хочу чтобы меня экстрадировали, или выслали, или как у вас, тупых дикарей, это называется...

★ Адвокат рванул разошедшегося Кирилла в кресло и почти закричал:

— Ваша честь, мы явно имеем дело с нервным срывом! Защита настаивает на перерыве!

— Я взломал базу Ювенальной жандармерии и проверил отчеты, — сообщил сидящий за рулем Дохлый. — К сожалению, в интересующий нас период времени ни один из коммерческих детдомов не сообщал о неожиданно появившемся младенце.

— Что это значит? — ахнула Анна. — То есть Костя... То есть он...

— Успокойся, — грубо велел Палыч. — Если ты меня доведешь своими воплями, я тебя выкину из машины и больше никуда не возьму.

Женщина испуганно ойкнула.

— Похищение для перепродажи в коммерческий детский дом было лишь одной из возможных версий, — поспешил с уточнениями Дохлый. — Костю могли похитить на замену, если, предположим, у какой-то пары умер младший воспитываемый партнер.

— То есть Костя мог оказаться в какой-то семье?

— Здесь не принято говорить «семья», — буркнул Палыч. — Временное условно-равноправное партнерство взаимной любви и счастья.

— Это как? — не поняла Анна.

— Лучше тебе не знать.

— Костя маленький, так что пока ему ничего не грозит, — вздохнул Дохлый. — Но с января они отменяют возраст осмысленного добровольного согласия, потому что считается, что на современном этапе партнерства по определению несут любовь и счастье.

Полностью осознать фразу ломщика молодая женщина не сумела, однако ключевую мысль поняла и уточнила:

— А каков сейчас возраст добровольного соглашения?

— Три года.

— Боже!

— Успокойся! — резанул Палыч. — До января Косте ничего не грозит, люди тут законопослушны.

«С такими-то законами...»

— Поскольку с детдомом не выгорело, мы пошли по следу денег, — продолжил Дохлый, плавно заводя автомобиль в довольно темный переулок. — Я изучил финансовые дела сотрудников клиники, в которой ты рожала, и выяснил, что через два дня после объявления о смерти Кости на счет главной медсестры, госпожи Кулечкиной, поступило двадцать тысяч. И точно такая же сумма поступила ей три недели назад, после того, как в клинике умер еще один малыш.

— Маму того парня тоже сняли с самолета, так что мы явно имеем дело с системой, — вставил свое слово Палыч. — Самым правильным было бы установить слежку и ненавязчиво выяснить круг знакомств этой Кулечкиной, но у нас банально нет времени.

— Вы боитесь, что Костю спрячут так, что мы его не найдем? — с тревогой спросила Анна.

И ошиблась.

— Со дня на день Миграционное бюро обновит коды, и твоя фальшивая виза полетит к чертям собачьим, — угрюмо поведал наемник. — Тебя накроет первый же уличный сканнер.

— Пусть высылают, — отмахнулась женщина. — Главное — найти Костю.

— Анна, поскольку ты в «черном списке», то, попавшись на подделке документов, получишь не меньше семи лет, — объяснил Дохлый. — А те красивые тюрьмы, которые показывают в документальных передачах, предназначены для граждан.

— Ты же иностранка, к тому же — молодая, здоровая баба, и скорее всего свой срок будешь мотать на ферме принудительного суррогатного материнства.

— Есть и такие? — изумилась Анна.

— Говорят, — равнодушно ответил Палыч. И открыл автомобильную дверцу: — Дохлый, ты на шухере.

— Удачи.

— Спасибо, — с чувством произнесла молодая женщина, выходя из машины вслед за наемником. — Спасибо...

Но уже через пять минут поняла, что удача сегодня требовалась не только им, но и полной, еще не старой женщине с грубым, словно сложенным из булыжников лицом.

Однако обстоятельства складывались так, что повезти должно было кому-то одному: или им, или ей.

Щелк!

Выламывать дверь Палыч не стал, давить на кнопку звонка — тоже, воспользовался хитрым приборчиком, который заставил электронный замок квартиры издать громкое — щелк! — вихрем ворвался внутрь, стащил ошарашенную женщину с дивана, придавил коленом к полу и грубо ударил в скулу.

Хрясь!

Приглушенный стон, еще один удар и негромкое:

— Дверь, дура!

Аня послушно вернулась в коридор, закрыла входную дверь, а когда снова оказалась в комнате, главная медсестра уже оказалась связанной и с кляпом во рту.

— Соседи?

— Все тихо.

— Очень хорошо. — Палыч повернулся к перепуганной медсестре и... И неожиданно улыбнулся ей. Широко, дружески и очень-очень обаятельно улыбнулся. Анна и представить не могла, что желчный и грубый наемник способен на такую улыбку. — Мы из налоговой инспекции, госпожа Кулечкина, мы навели справки и с удивлением узнали, что вы частенько получаете крупные суммы денег с анонимного счета. — Пауза, чтобы до связанной хозяйки лучше дошел вопрос. — Но не волнуйтесь: спрашивать за что приходят деньги, мы не станем, мы знаем, что вы — «ангел». Мы хотим выяснить, кто вам платит. Вы скажете?

На мгновение в глазах медсестры появилось сомнение — несмотря на страх и боль в разбитой скуле, она прекрасно понимала, о чем говорит Палыч, — но уже через секунду решение было принято и Кулечкина отрицательно качнула головой.

— Вы ставите меня в неловкое положение, — произнес наемник, демонстрируя медсестре весьма неприятную мимическую игру: широкая дружеская улыбка стала медленно превращаться в очень холодный, жесткий и обещающий сильную боль оскал. — Девушка, которую вы видите рядом со мной и которую, возможно, узнали, — одна из ваших жертв. Я обещал ей помочь в возвращении сына, а вы, госпожа Кулечкина, мешаете мне исполнить взятые обязательства. Я очень прошу вас еще раз взвесить все факты и назвать мне имя.

На этот раз не было даже секундной задержки: медсестра резко качнула головой, ясно давая понять, что неизвестного делового партнера она боится гораздо больше вломившегося в квартиру наемника.

— Жаль, — подвел итог Палыч и хмуро приказал: — Анна, выйди вон.

— В коридор?

— Нет, из квартиры. — Наемник поразмыслил и добавил: — Спустись к Дохлому и не возвращайся.

Она догадалась, чем вызвано требование, но попыталась его оспорить:

— Я хочу знать, что она скажет!

— Я передам в точности.

— Палыч!

— Пошла вон, дура!

Молодая женщина еще не слышала от наемника настолько злого окрика, а потому сочла за благо подчиниться и быстро покинула комнату. Еще через пару секунд хлопнула входная дверь.

— Знаете, госпожа Кулечкина, Анна — удивительный человек. — Добившись желаемого от клиентки, Палыч вернулся к мягкому, слегка вальяжному тону. — Одно ее присутствие заставляет меня чувствовать себя грязным, но меня это устраивает. Вы, наверное, удивились, госпожа Кулечкина, но меня это действительно устраивает, потому что, чувствуя себя грязным, я понимаю, что мне не все равно. Впервые за много лет мне не все равно. Я воспринимаю заключенный с Анной контракт, как глубоко личный и потому очень важный. Он меня задел, госпожа Кулечкина, напомнил, что я все еще человек. Это очень важно... не знаю, поймете ли вы, но когда я осознал, что снова могу чувствовать, я едва не расплакался... Хотя обычно плачут те, кто мешает мне исполнить принятые обязательства. —

Проникновенная речь закончилась так же неожиданно, как началась. Палыч извлек из внутреннего кармана куртки кожаный футляр с тонкими, блестящими и очень-очень острыми инструментами, подтянул рукава, взял в правую руку нечто напоминающее скальпель и деловито произнес: — Если крепко стискивать зубы, боль будет чувствоваться не так сильно. Когда же станет совсем плохо — кивните, я вытащу кляп, вы назовете имя и обретете долгожданный покой. — Пауза. — И не думайте, что сможете терпеть до смерти: я — профессионал, и вы не умрете, пока не скажете, кому отдали ребенка.

— Следствием установлено, что Кирилл Раков, вступив в предварительный сговор с гражданкой Шаровой, приобрел у нее ребенка мужского пола, ориентировочно десяти-двенадцати месяцев от роду, неизвестного происхождения. Генетическая экспертиза показала, что ребенок не является родственником гражданки Шаровой. Документы на вывоз ребенка за пределы страны были изготовлены заранее, что свидетельствует о преднамеренности действий господина Ракова...

— Протестую, ваша честь! — взвился Падда. — Обвинение оперирует выводами, а не фактами.

— Протест поддержан.

— Мой клиент сообщил суду, что документы на вывоз ребенка готовила Шарова, — развил успех адвокат.

— Бездоказательно, — отбрил прокурор.

— Как и ваше заявление.

— Все знают, что господин Раков — «ангел»!

— Кто? — не понял судья.

— Так называют торговцев детьми, ваша честь.

— Советник?

— Наглая ложь, — тут же отозвался Падда. — Наглая ложь, призванная опорочить моего клиента в глазах присяжных. Ваша честь, я настаиваю...

— Тихо! — Судья стукнул молотком, после чего осведомился: — У защиты есть доказательства подготовки документов госпожой Шаровой?

— Нет, ваша честь, — сообщил обвинитель.

— Не вас спрашивают, — осадил прокурора Падда, после чего повернулся к судье и с приятной улыбкой сообщил: — Нет, ваша честь.

— Вопрос о происхождении документов более не рассматривается, — постановил судья и кивнул прокурору: — Продолжайте.

— Спасибо, ваша честь. — Обвинитель бросил на Падду уничижительный взгляд и вновь обратился к документам. — Следствием достоверно установлено и доказано, что господин Раков передал госпоже Шаровой деньги в уплату за ребенка, которого он планировал вывезти за пределы страны под видом своего сына.

— Я хотел для него лучшей доли! — не сдержался Кирилл.

— К порядку, — машинально рявкнул пристав.

— Молчи! — Адвокат попытался усадить вскочившего клиента на место.

— Пусть продолжает, — негромко распорядился судья, удобнее устраиваясь в кресле.

— Но ваша честь...

— Свободный человек имеет право жить в свободной стране!

Журналисты торопливо зачирикали в блокнотах. Они поняли, что пришло время очередного громкого выступления, и не хотели пропустить ни слова.

— Вы растите рабов! Догматиков! Послушных исполнителей, не способных самостоятельно мыслить! Ваша система — дремучее средневековье! Ваша церковь — сборище беспощадных фанатиков! Ваша вера — насилие! Вы не знаете, что такое свобода и любовь, и не позволяете этому несчастному ребенку оказаться в счастливом мире! Вы не жалуете меня, так пожалейте ребенка! А я готов отправиться за свои убеждения в Сибирь!

Корреспонденты разразились сдержанными аплодисментами. Падда сокрушенно покачал головой, присяжные принялись шепотом обмениваться впечатлениями, а довольный прокурор что-то приказал помощнику.

— Вы закончили? — осведомился судья.

— Пока — да, — гордо ответил Раков.

Однако вернуться в кресло ему не позволили.

— В таком случае, ответьте, пожалуйста на вопрос: во сколько лет состоялся ваш первый сексуальный контакт?

Зал притих.

— Какое это имеет значение? — неуверенно осведомился Кирилл.

— Я позволил вам выступить, а теперь хочу, чтобы вы ответили на простой вопрос, который вряд ли является постыдным в вашей системе... гм... моральных ценностей. Отказ будет рассмотрен как неуважение к суду, и вы лишитесь слова до конца процесса. — Судья выдержал паузу. — Вам повторить вопрос?

Тишина.

— Сколько вам было лет во время первого сексуального контакта?

— Пять, — едва слышно произнес Кирилл.

И отвернулся.

— Впервые у нас?

— Новичков нетрудно вычислить, — смущенно улыбнулся Палыч.

Еще один открывшийся Анне талант наемника: он превосходно играл, блестяще изображая любые эмоции.

— Очень легко, — подтвердил метрдотель. И тут же продолжил: — Кто-то рекомендовал вам наш клуб?

— Нет, — качнул головой наемник. — Мы много слышали о подобных заведениях, но долго не могли решиться зайти.

— Слишком необычно? — Менеджер бросил быстрый взгляд на Анну, которая уверенно справлялась с ролью не очень продвинутой, но вполне современной женщины, жаждущей порвать с пошлостью устаревшей морали.

— Полагаю, нас сдерживали остатки глупых предрассудков, — негромко произнес Палыч. — Но с каждым днем мысль заглянуть к вам становилась все более и более...

— Интригующей.

— Скорее, навязчивой. В последнее время мы с Ритой практически не говорили ни о чем другом. Нам очень хотелось...

— Попробовать.

— А тут как раз подошла годовщина нашего знакомства. — Палыч бросил на молодую женщину влюбленный взгляд. — Мы еще не заключили даже временного партнерства, но не против добавить в отношения немного романтики. Такого, знаете, пиратства.

— Это очаровательно.

— У вас красивая улыбка.

Метрдотель ответил наемнику не очень долгим, но много чего обещающим взглядом, после чего вернулся к делам:

— Надеюсь вы понимаете, что у нас абсолютно легальный бизнес? Клуб «Капитан Кук» является одним из старейших заведений подобного рода в городе, мы зарегистрированы в муниципалитете и платим все полагающиеся налоги.

— Мы с Ритой не посещаем сомнительные места.

— Прекрасное правило. — Метрдотель ненавязчиво накрыл ладонью руку Палыча. В ответ мускулистый наемник выдал очередную дозу обаяния. — Мы гарантируем чистоту и здоровье своих временных сотрудников, гарантируем, что все они — добровольцы, у нас с этим строго. И гарантируем, что процедура отделения происходит совершенно безболезненно. — Не отпуская Палыча, метрдотель послал томный взгляд Анне. Женщина ответила игривой улыбкой. — На сколько персон планируется пиршество?

— Мы хотели посидеть вдвоем. При свечах.

— Как в кино, — добавила Анна.

— Тогда вам лучше ограничиться рукой, — посоветовал метрдотель. — А для первого раза я рекомендовал бы запечь ее с сыром и прованскими травами. Блюдо на двоих подается с молодым картофелем и спаржей.

— Вино?

— Некоторые знатоки уверяют, что к руке идеально красное сицилийское, но лично я посоветовал бы шардоне. Оно идеально для первого раза, поскольку превосходно оттеняет необычный вкус блюда.

— Вы нас уговорили.

— Я не прощаюсь.

Метрдотель пожал руку наемника, улыбнулся Анне и, чуть пританцовывая, отправился распорядиться.

- Меня сейчас стошнит, — прошептала женщина.
— Прекрасно тебя понимаю.

Они выглядели согласно легенде: парочка из среднего класса. Одежда не дорогая, но с претензией, не самая дешевая бижутерия у Анны, не самые дешевые часы у Палыча. Они казались заурядными посетителями, обменивающимися впечатлениями от необычного заведения, и в какой-то мере так оно и было.

— Я не верю, что все это происходит на самом деле. Не верю... не могу поверить, что подобное возможно. Они едят друг друга! И платят налоги!

— Официально к ним не придаться, — угрюмо произнес Палыч, стараясь говорить едва различимым шепотом. — Все местные «добровольцы» или мигранты или нищие, они подписывают контракт...

— Я не верю, что люди едят других людей. Приходят в ресторан, заказывают чью-то руку, или ногу... — А в следующее мгновение Анну перекосило: до нее дошло то, о чем Палыч запрещал себе думать с тех самых пор, как узнал, какой именно клуб принадлежит Иксуеву, на которого перед смертью указала старшая медсестра. — А не может получиться так, что Костю купили... — У молодой женщины перехватило дыхание. — Что Костю купили для...

Она представила блюдо, на котором покоится аккуратно поджаренный ребенок, обложенный молодым картофелем и спаржей, представила лощеного метрдотеля, с улыбочкой предлагающего дорогим гостям бутылку белого, представила, как умелый официант начинает разделку блюда...

Видение оказалось настолько ярким и ужасным, что Анна не сразу поняла, о чем говорит наемник.

— Здесь все помешаны на выгоде, а младенец стоит гораздо больше, чем самое дорогое блюдо, —

с уверенностью, которой у него в действительности не было, произнес мужчина. — К тому же Иксуев постоянно покупал у Кулечкиной младенцев, что косвенно свидетельствует о наличии канала сбыта.

«Надеюсь, не через кухню...»

Медсестра клялась, что Иксуев детей не ест, во всяком случае, не всех, а устраивает им фальшивые метрики от суррогатных матерей и перепродает «абсолютам» — безбашенным приверженцам полной свободы, которые пока не обзавелись серьезным лобби в парламенте, а потому не имели доступа к системе «Счастливый дом».

Из-за наличия метрики Дохлый и не смог вычислить Костю — не знал, кого искать, а потому выйти на след ребенка можно было только с помощью организатора преступления.

— Как ты собираешься добраться до Иксуева? — поинтересовалась женщина, отворачиваясь от соседнего столика, на который как раз выставили жареные уши с медом. — Это его заведение, и тут его охрана.

Ответить наемник не успел.

— А он сам до вас доберется, — весело произнес остановившийся у столика губастый мужчина.

— Что?

— Как?

— Дерьмо!

— Вот именно, Палыч, — дерьмо, — поддержал наемника мужчина. — Но самое дерьмо случится в том случае, если ты потянешься за оружием. Мы поняли друг друга?

За спиной Иксуева высились две скалы, два мордоворота с пистолетами в наплечных кобурах, а потому пришлось смириться:

— Да.

★ — Легенда провалилась, и Палыч вернулся к привычной мрачности.

— Не слышу.

— Да, мы друг друга поняли.

— В таком случае, прошу в отдельный кабинет, — гостеприимно предложил губастый владелец заведения. — Он у меня звуконепроницаемый, так что честные посетители не услышат ни гребаного слова из нашей прелюбопытной беседы. — И после паузы добавил: — Даже если в процессе диалога я включу бензопилу.

Анна побелела.

Один из охранников вытащил у Палыча пистолет, второй «помог» подняться женщине, и меньше чем через минуту «гости» и хозяева оказались в небольшой комнате, где за ненакрытым столиком сидел толстый, практически лысый мужчина в расстегнутой до пупа рубашке, льняных брюках и сандалиях на босу ногу. Явление Палыча и Анны толстого не обрадовало, было видно, что он воспринимает их как досадную случайность.

— Зачем сюда?

— А куда еще?

Губастый усадил «гостей», сам расположился напротив, широко улыбнулся, явно наслаждаясь каждой секундой происходящего, после чего негромко произнес:

— Палыч, я пробил тебя по своим каналам и сильно удивился: вы с Дохлым — мелкие, предельно осторожные бандиты, какого черта вас понесло в серьезные дела?

— А когда это дело успело стать серьезным? — Наемник превосходно изобразил искреннее удивление.

— В тот самый миг, когда девочка сказала тебе, что ищет ребенка, — объяснил Иксуев.

— Тогда и следовало послать ее, — нравоучительно добавил толстый.

— Права сирот защищает Комиссия по вопросам детского счастья, а это очень серьезно, — продолжил Иксуев. — Наше общество, как ты наверняка помнишь, делает все для радости младших партнеров и жестоко наказывает тех, кто пытается их этой самой радости лишить. Хочешь прокатиться в ювенальную жандармерию? В качестве клиента? Мой хороший друг Серж легко устроит тебе экскурсию.

— Без имен, — попросил толстый.

— Не волнуйся, дружище, — утешил приятеля Иксуев. — Перед тобой не люди, а суповые наборы, они никому ничего не скажут.

Тот, кого владелец заведения назвал Сержем, прищурился на задохнувшуюся от ужаса Анну и причмокнул губами.

— Мы раньше не встречались, — хрипло произнес Палыч, пронзительно глядя на Иксуева. — Как ты понял, что я пришел за тобой?

— Я осторожен и храню физиономии всех, кто был так или иначе причастен к моему бизнесу. Как только твоя корова переступила порог «Капитана Кука», сработала система предупреждения, и ваша операция закончилась не начавшись.

Наемник покосился на женщину:

— Я ведь говорил, что тебе тут нечего делать.

— Где мой сын? — не выдержала Анна. — Ты купил моего сына! Куда ты его дел?!

— Того сладенького? — с издевкой осведомился Иксуев. — Мяса мало, но оно очень нежное?

— Нет! — взвыла женщина. — Нет!!

— Видел, как она вздрогнула? — Губастый толкнул локтем толстого. — Смешно... Нормальные

бабы давно забили на все эти тупые чувства, а тут они во всей красе.

— Ты не съел его! Я знаю! Я чувствую, что Костя жив!

— Не волнуйся, корова, младенцев мы едим редко...

— Потому что живыми они стоят дороже, — вздохнул Серж.

— Мы подобрали твоему ублюдку прелестную пару: мой бывший любовник с двумя своими мужьями. У Фридриха сейчас такой возраст — хочется с кем-нибудь возиться, нянчиться, целовать без последствий, но месяцев через восемь-десять ему это надоест, и младенец окажется в «Счастливом доме» или у «абсолютов». — Вдоволь поизмывавшись над женщиной, Иксуев повернулся к наемнику: — Скажи, в жизни твой напарник такой же тощий, как на фотографиях? Если да, то предлагать его гостям — только позориться. Вот на тебе мяса много, и внутри...

— Потроха... — с вождением протянул толстый.

— Точно! — «вспомнил» губастый. — Если с Дохлого будет мало мяса, доберем другим продуктом. — И потрепал приятеля по плечу: — Кстати, ты не хочешь трахнуть корову? Не забыл, как это делается?

— Говорят, если их как следует вздуть перед свеживанием, то мясо получается особенно нежным. — Серж оценивающе оглядел сжавшуюся Анну, после чего икнул: — Давай трахнем.

— И Палыча тоже.

— Мужиков, вроде, надо избивать?

— Изобьем после, одно другому не мешает.

— Логично.

— Кто начнет?

Никто.

В смысле — не получилось.

Ни изнасиловать, ни избить — ничего не получилось, потому что Аня совершила подвиг. Маленький, но очень нужный подвиг. Совершила по наитию, потому что ни о чем они с Палычем не договаривались, просто женщина поняла, что должна сделать. Или же потому что не выдержала, потому что внезапно решила покончить с издевательствами Иксуева и толстого жандарма, не доводя дело до обещанных пыток.

Не имеет значения, почему Аня это сделала, потому что значение имеют исключительно дела.

Поступки.

А поступок был таким: молодая женщина бросилась на охранников. В какой-то момент мордовороты расслабились, оказались рядом, даже пистолеты опустили, перестав удерживать пленников на мушке, и Аня поняла, что способна подарить Палычу несколько бесценных секунд. И бросилась, перекрывая своим телом линию огня.

Бросилась, сделав самую высокую в жизни ставку: все на «зеро», на мрачного наемника, который постоянно называл ее дурой. Ставка абсолютно на все. Больше не будет.

Раз!

Первая секунда. Крик. Движение. Оторопь у мордоворотов. Все понявший Палыч движется в противоположном направлении, к стулу Сержа, на спинку которого толстяк повесил кобуру с «береттой». И прежде, чем жандарм осознаёт происходящее, правая рука наемника ложится на рукоять.

Два!

Вторая секунда. Выстрел. Но только один, потому что не каждый охранник достоин высокой зар-

платы. Выстрел, но только один, и поэтому Аня продолжает движение. Палыч выхватывает оружие.

Три!

Третья секунда, и четыре выстрела сливаются в один протяжный грохот. Две пули Анне, обе в грудь, обе рвут плоть и ломают кости. Останавливают. Швыряют на пол. Убивают. Две пули, но именно за ними Анна и бросалась. Их ловила, на них соглашалась, потому что знала... Две следующие пули вылетают из «беретты». Одна, а вторая следует за ней так быстро, что кажется — грохот случился лишь раз. Две пули Палыча попадают точно в цель, разносят мордоротам головы, но наемник не следит за результатом. Он уже повернулся, и следующая пуля летит в живот толстого Сержа, туда, где жандарм любил переваривать людей. Еще через мгновение рукоять опускается на голову перепуганного Иксуева, вышибая из губастого сознание, а затем Палыч бросается к лежащей на полу женщине, кричит, хватается за плечи, переворачивает, снова кричит, смотрит в затухающие глаза и слышит едва различимый шепот:

— Ты обещал...

И все ушли.

Услышали от присяжных: «Виновен!», услышали от судьи: «Двадцать лет каторжных работ», и ушли. Кто-то делился впечатлениями в социальной сети, кто-то куда-то звонил, а кто-то, в основном — журналисты, пытался прорваться к выкрикивающему грязные ругательства Кириллу. Зал опустел, коридор, напротив, наполнился, и лишь два человека не спешили на публику.

Расстроенный Падда бездумно крутил в руке телефон. Довольный прокурор делал вид что разбирается в бумагах. Победитель и проигравший.

— Двадцать лет, конечно, перебор, — кашлянув, произнес обвинитель. — Но это Павлов, он за торговлю детьми меньше не дает.

— На апелляции скостим до десятки, — почти равнодушно отозвался адвокат. — Через семь лет выйдет по УДО за хорошее поведение.

— Тебя это устраивает?

— Я знаю, что так будет.

И снова — пауза. И снова никто никуда не идет. Дверь закрыта, приставы знают обоих и доверяют им, так что разговору никто не мешает.

— Ты почему Павлову отвод не дал? — поинтересовался прокурор.

— А зачем?

Зачем портить репутацию, рассказывая широкой публике и журналистам, что в детстве судью похитили, почти включили в систему «Счастливый дом» и лишь благодаря самопожертвованию матери мальчика удалось вернуть домой. Зачем ворошить прошлое? Эта история никого не касается. Это — личное дело и личная боль Константина Павлова, и никто не имел права поминать имя его матери.

— Я эту историю не хуже тебя знаю, — проворчал Падда, засовывая телефон в карман. — Но будь я проклят, если использую ее для спасения «ангела». — Помолчал и уверенно повторил: — Будь я проклят.

«За день до своего рождения ребенок спросил у Бога:

— Говорят, завтра я отправлюсь на Землю. Как же я буду жить там, ведь я так мал и беззащитен?

Бог ответил:

— Рядом всегда будет ангел, который позаботится о тебе.

Ребенок задумался, затем спросил снова:

— Здесь на Небесах я лишь пою и смеюсь, этого мне достаточно для счастья. Но как будет на Земле?

Бог ответил:

— Твой ангел будет петь и улыбаться, ты почувствуешь его любовь и будешь счастлив.

— Но как я пойму его, ведь я не знаю его языка? — спросил ребенок, пристально глядя на Бога. — А что мне делать, если я захочу обратиться к Тебе?

Бог мягко прикоснулся к детской головке и сказал:

— Твой ангел обучит тебя говорить и молиться. И я обязательно услышу тебя.

— Я боюсь, ведь на Земле есть зло.

— Твой ангел будет защищать тебя и если понадобится — отдаст за тебя жизнь.

— Но как я узнаю своего ангела? Как его зовут?

Бог мягко улыбнулся и вновь прикоснулся к голове ребенка:

— Имя не имеет значения. Ты будешь называть его Мама».

ШУША

Шуша откинула одеяло, поставила босые ступни на нагретый за день ламинат, вытащила сандалии из-под кровати и на цыпочках перебежала спальню. Лунный свет нарисовал дорожку меж кроватями крепко спящих, как она надеялась, девочек. Юное сердце билось о грудную клетку, Шуша боялась, что от ее стука кто-то проснется и увидит ее, в трусах и майке. Осторожно, будто это задремавшая гадюка, девочка повернула ручку и открыла дверь на ширину двух взрослых ладоней, проскользнула и так же тихо закрыла. Если сюда сейчас заглянет кто-то из воспитателей — беда. Ком подступил к горлу, но Шуша слотнула, тряхнула темно-каштановыми волосами и пошла быстрым шагом по залитому светом длинному коридору. Ей нужна была кухня.

Вадик не подвел: в пустой и мрачной столовой, между стеной и одной из пяти кадок с фикусами, высоченными, в полтора ее роста, нашлись джинсы и футболка. Шуша быстро оделась, обулась и только тогда разжала мокрый от пота левый кулак. Ключ от кухни для нее был богатством гораздо более ценным, чем какое-то золото и бриллианты в пиратских сундуках.

Трясущимися холодными руками, не с первого раза, она вставила его в скважину и дважды повер-

нула. Кухня чуть поблескивала своими хромированными кастрюлями, стальными кранами и алюминиевыми поверхностями. Шуша знала, что дверца где-то здесь, но в темноте, на ощупь, найти не получалось, а луна, как назло, спряталась. Беглянка хотела было заплакать, но тут же себя одернула: «Вот еще! Маленькая девочка! Выбрала время!» — и с удвоенной внимательностью принялась ощупывать стены.

Дверца чуть слышно скрипнула, и пахнуло гнилью. Теперь самое страшное. Вадик клялся, что Шуша пролезет, но что, если он ошибался? Что, если она застрянет в мусоропроводе?

Стараясь не дышать, девочка взялась за края и залезла наполовину: бедра касались стен. Мусоропровод шел под углом, но если лаз книзу хоть немного сузится, то... она решила не думать об этом. Глотнув чистого воздуха, прижав локти к груди и зажав пальцами нос, Шуша заскользила. Казалось, что падение в черноту, в неизвестность, куда-то в ад, никогда не кончится, хотя прошло всего несколько секунд, и она вывалилась в большой синий пустой контейнер для сбора мусора.

«Боженька, спасибо тебе!»

От радости хотелось вопить, и лишь попытки выбраться из контейнера остудили пыл. Бортики были высокие, выше нее, и Шуша, закусив губу, чтобы не стонать от боли, раз за разом пыталась подтянуться, держась кончиками пальцами за тонкий неровный железный край. Устав, садилась, обхватив коленки. Потом кидалась на стенку с разбега и снова отдыхала. Мышцы тряслись от напряжения, ладони саднили и, кажется, кровавили, но Шуша подтягивалась выше и выше.

Край мусорного бака больно впился под коленку, когда удалось перекинуть ногу, но девочка лишь

сжала покрепче зубы и вцепилась руками в бортик. Перевадилась и рухнула на землю с высоты почти в два метра, успев, как кошка, в последний момент сжаться в комок. Уставшие ноги подогнулись от удара, и Шуша покатилась по земле.

Луна нарисовала дорожку через мусорный пустырь, указывая на дырку в сетке забора, куда пролезет лишь собака да первоклашка, и вот уже беглянка торопится навстречу городу, оставляя интернат позади.

Первые лучи солнца высветили бока окраинных многоэтажек. Редкие автомобили фыркали выхлопными газами, уносились по делам, не обращая внимания на девочку в джинсах и футболке, с содранными ладонями, но Шуша знала, что так будет не всегда. Нужно было убраться подальше от стремительно оживающего шоссе, и она свернула во дворы.

Вдруг на левом запястье пискнуло. Девочка вздрогнула и лишь через секунду посмотрела на эмоциональ. На тонкой пластинке чуть шире часов мигал смайлик от Вадика. Промучавшись с хитрой застежкой, Шуша сорвала ненавистное устройство и швырнула его об стену дома из красного кирпича. В интернате такие попытки заканчивались разговором с психологом, обещанием быть пай-девочкой и соблюдать приличия, но теперь никто не мешал ей избавиться от этой гадости!

Этот двор почти не отличался от других, но идти дальше никаких сил не осталось. Шуша осмотрела окрестности в попытках найти заросли акации, овраг, поросший кустами, заброшенную детскую площадку с домиками — что угодно, где можно спрятаться. Уставший взгляд зацепился за амбарный замок на двери в подвал: он не был закрыт, лишь вставлен в дужки. Девочка рванула туда, торопливо

сдернула его, толкнула дверь. Внутри оказалось темно и сыро, пахло плесенью и мочой, но еще ни одно помещение Шуре Авдеевой не казалось таким прекрасным.

Закрыв поплотнее дверь, она легла на земляной пол и тут же уснула.

Алина после каждой встречи с матерью ругала себя, но через месяц-другой сама набирала ее номер. Вот и сейчас она сидела за крохотным столиком в тесном прокуренном кафе, смотрела на ненавистный кофе, потому что чай тут не подавали, и корила себя. Со стороны казалось, что сидят коллеги по работе, одна, чуть постарше, подтянута лифтингом, накачана силиконом и ботоксом. Ее гораздо больше интересовали котировки акций в Интернете, чем дочь.

— Мам, я все еще тут, если ты не заметила. И вроде как за поддержкой пришла, — Алина чувствовала себя пятилетним ребенком, что ее раздражало. Эмоциональ пискнул: от матери пришел ободряющий смайлик, хотя сама она так и не подняла головы.

— Ладно, я пойду...

— Ну что ты от меня хочешь? — раздраженно взмахнула она черными кудрями, водрузила локти на стол и уставилась на дочь.

— Совета! Ты же рожала! Можешь что-то сказать!

— Я уже сказала, что ты дура, что я еще могу сказать? Можно подумать, что если бы в мое время можно было делать детей в пробирке или вообще их не делать, я бы рожала!

— Я не хочу в пробирке — мне не нужны деньги! — Алина уже сорок минут пыталась объяснить матери и про свой возраст, и про материнский ин-

стинкт, и про то, что хочет почувствовать себя женщиной, а не агентом по продаже рекламы, но та, кажется, ничего этого не слышала. — Я ребенка хочу, своего. Выносить и родить.

Дама театрально всплеснула руками, как бы спрашивая бога, за что ей такое наказание.

— Зачем? Вот объясни мне, зачем тебе это? Прав твой Денис, что отказывается от этой идиотской затеи. Ты не только себе карьеру и здоровье порушишь, но и ему!

— Денис — безалаберный раздолбай, его ничего, кроме тусовок и баб, не интересуется, — Алина отправила матери хмурый смайл.

— Ну я не знаю... надень на него вериги, заставь ходить на охоту за мамонтом, а копьё стругать из березки, переберитесь жить в шалаш и рожайте выводок. Алин, я прям не знаю, ты чего хочешь-то? Отказаться от благ цивилизации? Вперед, к натур-хозяйству. Только вначале откажись от стиральной машины хотя бы, постирай ручками, да желательнее мылом и в речке. Ну а когда у тебя начнется токсикоз — ко мне не приходи за советом. Лежи пластом и блюй. Ты же не хочешь через пробирку!

— Ма, ну ты прям вечно все до идиотизма доведешь! Мне вообще кажется, что Денис не хочет никаких детей, ни через пробирку, ни как-то еще.

— Слава богу, хоть кто-то в вашей семье здраво-мыслящий! Вам чего, денег не хватает?

— Опять ты про деньги! Да не хочу я это пособие! — Алина кинула матери на эмоциональ раздраженный смайл.

— А что хочешь? Зачем тебе вообще ребенок?

— Любить его...

— Дениса вон люби, мало? Кошку свою люби. Собачку заведи. В чем смысл ребенка-то? Ну, пред-

положим, родишь ты его. Что дальше? Отдашь в интернет, будешь приезжать раз в месяц по субботам навещать, раз в полгода на каникулы забирать. Он будет плакать, какать, капризничать, мусорить, не давать тебе работать и спать. В чем великая любовь?

Алина уже минут пять мешала ложечкой в чашке, только сейчас сообразив, что не положила сахар. Наплевать. Ох, встать бы сейчас, заорать во весь голос: «Маааааа! Мне и так плохо, а ты меня доби- ваешь, ну неужели ты не понимаешь? Денис гуляет направо и налево, ты считаешь меня тупицей, подруг у меня нет, одна сплошная работа, а ты даже обнять меня не можешь!», но она понимала, что не делает этого. Хорошее воспитание, черт его бери.

Она лишь ткнула свой эмоциональ, отправляя матери взбешенный смайл, и, буркнув что-то на прощание, выскочила из кафе. Уже на улице ей пришел в ответ грозящий пальцем человечек.

Новые туфли жали, узкая юбка не давала свободы, но немолодая, хотя элегантная и симпатичная женщина на это не обращала внимания. Она куда-то неслась, не разбирая дороги, и лишь телефонный звонок остановил ее.

— Рыбешка моя ненаглядная, я сегодня ночевать не приду, мы на сейшен к Лорику, ну помнишь Лорика, продюсер с первого канала! Вооот! Я такое никак не могу пропустить, сама понимаешь. Целую мою конфетку, утром я разверну твою обертку... Чмоке!

Денис положил трубку, даже не дав ей ответить. Тут же пискнул эмоциональ, прислав от него сердечко.

Алина сорвала с руки пластик и швырнула об стену — тот разлетелся во все стороны, посыпав асфальт ровным слоем обломков. Разревелась. Впрочем, быстро взяла себя в руки, промокнула салфет-

кой глаза, удостоверилась, что тушь не растеклась, и увидела Шушу.

Худенькая девочка лет восьми со спутанными длинными волосами стояла и смотрела на нее большими темными глазами. Алине стало неловко, что та все видела, и, чтобы как-то замять ситуацию, она спросила:

— Ты кто?

— Я — Шуша, а ты?

— Меня зовут Алина, — почему-то еще больше смутилась она.

— Это ты из-за мужика так? Бросай его. Ни один мужчина не достоин женских слез, а если достоин, то никогда не допустит, чтобы она плакала, — авторитетно заявила Шуша. И добавила: — Это мне папа сказал.

— На самом деле он хороший, — Алина зачем-то бросилась защищать Дениса. — Просто я слишком многого от него хочу.

— А чего ты хочешь?

Эта маленькая девочка разговаривала с ней как взрослая, и Алина чувствовала себя странно: с одной стороны, дети так себя не ведут, ну, так ей казалось, но с другой — стало интересно.

— Я хочу неправильных вещей. Например, чтобы у него была я одна, и больше никого.

— Что же тут неправильного?

— Как что? Это же ущемление свободы! Вот представь, что у тебя есть подруга, но она запрещает тебе общаться со всеми другими подругами — тебе бы это понравилось?

Шуша замотала головой, а потом уточнила:

— Но ты же не запрещаешь ему общаться, ты же просто не хочешь, чтобы он общался с ними как мужчина с женщиной?

Алина вздрогнула. Откуда вообще эта странная Шуша знает в свои годы о сексе? Неужели их такому учат?

— Ладно, давай не будем об этом. Скажи, где твои родители?

— Умерли, — вздохнула девочка.

— Вот как... ты живешь в интернате?

Шуша кивнула и добавила:

— Только я его ненавижу.

— Почему?

Шуша вспомнила о прозвище «хамка», которое получила в интернате год назад. Тогда она с удивлением обнаружила, что плакать, смеяться, обниматься, кричать на кого-то и, боже упаси, драться — это ужасно неприлично, даже если тебе на голову надели тарелку с горячим супом. Вежливые люди для выражения эмоций используют эмоциональ, а если внутри все клоочет, то идут к психологу. Еще Шуша узнала, что у нее ужасное воспитание, и ей начали экстренно вдавливать общечеловеческие нормы морали и поведения. Девочка долго не могла понять, почему при живых родителях дети живут в интернате. Оказалось, это не потому, что родители хотят от них избавиться, а просто детям так лучше, ведь там с ними занимаются специалисты: воспитатели, психологи, педагоги, врачи, аниматоры. Самовоспитание же приводит лишь к психологическим травмам ребенка, он может вырасти агрессивным, с извращенной этикой и моралью, как Шуша, например.

Она вспомнила, какой переполох устроила, хоча и тыкая пальцем в двух отцов: те пришли забрать сына на выходные. Мария Николаевна чуть в обморок не упала, обнаружив, что Шура к восьми годам ничего не знает об однополых браках. Воспитанницу срочно отправили на уроки обществозна-

ния к малышам, где рассказывали, откуда берутся дети: любой может прийти в государственный центр планирования ребенка и, заплатив пошлину, получить себе мальчика или девочку с нужным цветом глаз и волос. Бедные могут сдать донорами, получив за это господские, а влюбленные — создать ребенка с собственными генами. Шушин вопрос, рождает ли кто-то детей самостоятельно, от мужчины, поверг учительницу в панику.

Еще Авдеева вспомнила, как мама готовила ей на завтрак любимые оладьи с клубничным джемом, как папа читал на ночь сказки, как весной втроем ходили в поход, а летом она носилась по лугу наперегонки с одноухим бестолковым псом Пиратом, что жил во дворе, пугая кур и задирая петуха.

— Просто я хочу к родителям, — вздохнула она.

— Я понимаю, тебе жаль их, но ты же знаешь, что ребенку невозможно каждый день жить с родителями...

— Почему? — Большие недоуменные глаза Шуши смотрели на Алину, и та снова растерялась.

— Ну как почему... Ребенка надо всему учить: ходить, говорить, читать, писать; у него очень нежная психика, а родители не специалисты, могут таких дров наломать...

— Меня мама с папой учили ходить, говорить и читать. А еще папа научил насаживать червяка на крючок, стоять на воротах и делать табуретку! А мама помогала печь шоколадный кекс! Я сама делала, она мне только советовала!

Алину передернуло. Червяка на крючок? Ребенку — шоколадный кекс? Господи, теперь понятно, почему девочка такая странная. Бедный, бедный ребенок! У таких родителей-эгоистов нужно отбирать родительские права!

— Ну тебе же сейчас тяжело живется в мире? — осторожно поинтересовалась Алина. Шуша печально вздохнула.

— Вот, а в интернате тебе помогут, научат, легче станет!

— Не, я бы лучше как-нить без мира жила, на ферме, с курами и Пиратом. Надеюсь, он сбежал... — опять вздохнула Шуша.

У Алины появились подозрения, но чтобы не спугнуть странную девочку, она просто спросила, голодная ли та. Большие глаза смотрели без капли страха, оценивающе. Видимо, решив, что этому взрослому можно доверять, Шуша кивнула и взяла новую знакомую за руку. Маленькая ладошка была липкой, от девочки пахло чем-то тухлым, но Алина сделала вид, будто ничего не замечает.

В квартире же она не выдержала: приказав раздеться, отправила ее одежду в стиральную машину, а ее саму — в ванную, выдав шампунь, мыло и полотенце. Больше эту вонь выносить было невозможно! Шуша плескалась, а Алина металась от холодильника к кухонному шкафу и обратно, ломая голову, чем кормить ребенка. Можно ли жареное? А жирное? Кажется, детям нельзя сладкое и цитрусовое — от этого у них аллергия... Сварить кашу? Или ее едят только совсем маленькие? Этой ведь уже восемь лет, может, если она разок поест взрослую пищу, ничего страшного не случится? В итоге остановилась на рыбе и овощах. Маленькая гостья все слопала и попросила добавки. Алина выдохнула. Все же ребенок в доме — это и правда тяжело!

— Спасибо! — неожиданно Шуша обняла ее и ткнулась в щеку, изображая поцелуй. — Ты такая добрая!

Алина вздрогнула. Ее давно никто вот так не обнимал, не мужчина в постели, а просто, подруга, мама; она уже и забыла как это. Зачем напрягать эмоциями? Есть эмоциональ, куда можно кинуть смайлик-обнимашку. Но как же ей самой иногда хочется вот так обнять маму, уткнуться ей в плечо, и чтобы та гладила по голове...

Обидевшись, что на него не обращают внимания, в кухню вошел черный пушистый малолетний Жулик с белыми лапками и воротником.

— Какая киисаа! — бросилась Шуша на колени и обхватила кота. Не привыкший к такому, он попытался отпрыгнуть, но не тут-то было! Мало какому коту удастся выскользнуть из рук ребенка, желающего поиграть с пушистиком.

Алина облегченно вздохнула: пока девочка занята Жуликом, она может сделать то, что обязана: позвонить в городское отделение совета по вопросам здравоохранения и социальной защиты и узнать, не пропал ли из какого интерната ребенок. Опасения подтвердились: два дня назад восьмилетняя Александра Авдеева сбежала из интерната номер двенадцать. Приметы сходились.

— Нет-нет, я сейчас не с ней, но я ее видела, — соврала Алина оператору. — Да, в районе Нагатинской. Думаю, она там прячется. Да, если увижу, то обязательно сообщу вам или ее родителям. Что? Нет родителей? А что с ними?

Так она узнала, что родителей не только лишили прав на девочку, но и арестовали за сопротивление соцработникам, попытку спрятать ребенка, отказ отдавать его в интернат.

Алина еле успела положить трубку, как в комнату, мяукая и на четвереньках, ворвались Шуша и Жулик. Девочка где-то нашла кусок шуршащего па-

кета и дразнила котейку; тот прыгал в попытках достать непонятную штуку, которую надо обязательно попробовать на зуб, но лапы в последнюю секунду хватали лишь воздух. Он недовольно мяукал, а Шуша его передразнивала, имитируя недоуменную мордочку, хохотала во весь голос и вновь шуршала пакетом.

— Какой он у тебя смешной!

Алина увидела в больших горящих глазах восторг. В эту секунду Жулик цапнул-таки кусок пакета, и теперь они поменялись ролями: Шуша пыталась отнять, а кот нагло мяукал на нее, мол, вот тебе! С хохотом и грохотом оба так же, на четырех конечностях, выбежали из комнаты.

Алина улыбнулась: да, ребенок — это не просто, но сколько радости он приносит! — и решительно закрыла вкладку с новыми моделями эмоционалей.

Шуша решила, что эта тетя хорошая, да и снова спать на холодной земле в подвале не хотелось, поэтому сразу согласилась остаться на ночь. Ее длинные спутавшиеся волосы аккуратно расчесали перед сном, от чего девочке хотелось замурчать наподобие Жулика, свернувшегося на ее коленях. Алина была закрытая, холодная, но все же она не дергалась от объятий, как воспитатели в интернате, и не требовала прекратить себя вести по-хамски. Может быть, она даже отвезет ее на ферму?

Авдеева все продумала: после смерти родителей ферма доставалась ей. Да, пока найти работу не получится, но часть земли можно продать, и на это жить, пока она не вырастет. Если экономить, самой выращивать картошку, огурцы, помидоры — она умеет, она справится, — то должно хватить. Вот

только нужен взрослый, чтобы «представлять ее интересы при совершении сделки» — так было написано в законе, она об этом узнала в интернатской библиотеке.

В дверь позвонили.

— Кто бы это мог быть? — удивилась Алина и вышла в коридор.

Послышались шаги, а затем:

— Городское отделение совета по вопросам здравоохранения и социальной защиты. У вас находится Александра Авдеева?

Сон с Шуши слетел мгновенно, адреналин впрыснулся в кровь, будто топливо через инжектор, она подскочила, заметалась по комнате. В окно не вылезти — слишком высоко, шестой этаж, балкона нет. Нужно искать другие варианты, срочно!

— Я вас не вызывала, на каком основании вы вламываетесь ко мне посреди ночи?

— У нас есть информация, будто вы скрываете ребенка. Мы обязаны проверить, — раздался густой бас. Ему вторил баритон:

— Просто отдайте нам ребенка, и мы уйдем.

— А если у меня нет никакого ребенка?

— То у нас есть ордер на обыск.

Сердце колошматило по ребрам, как очумевшая птица в клетке. Под кровать, в шкаф, за занавеску... все не то! Ее тут же найдут и вернут в интернат! Взгляд упал на сложенные джинсы и футболку, и тут Шушу осенило.

Схватив свои вещи, она проскользнула в ванную. В темноте на ощупь открыла дверцу стиральной машины, закинула одежду и обувь, поставила ногу, перенесла на нее вес — барабан чуть качался, но дер-

жал — согнулась пополам, грудью к коленкам, и втиснулась внутрь. Увы, дверца полностью не закрылась — девочка занимала все пространство, так что оставалось только молиться, чтобы никому не пришлось в голову заглянуть в стиральную машину. Ноги мгновенно затекли, дышать можно было с трудом.

— Почему вы хотите забрать ребенка в интернат? А если ему там плохо? — раздался из комнаты голос Алины, видимо, соцработники начали обыск.

— Если ему плохо, то никто лучше психологов ему не поможет, — вкрадчиво, как душевнобольной объяснял баритон.

— Даже родители? Может быть, ребенок со своими особенностями, к нему нельзя применять общий подход.

— Во всех интернатах есть специальные группы для детей с особенностями психики, есть комнаты релаксации и специалисты. Если вы действительно хотите помочь девочке — отдайте ее нам, мы знаем, что делать, мы профессионалы.

Затем Шуша услышала уже из другой комнаты:

— А если я хочу ее удочерить?

— Пожалуйста! Только мы же сейчас не решим с вами этот вопрос, правда? Это займет какое-то время, оформление документов, комиссия... ну, обычная бюрократия. Ребенок не может это время жить у вас, вы же понимаете? Он побудет в интернате, а когда все формальности уладятся — вы сможете на выходные забирать его домой, — снова пояснил баритон.

— Только на выходные? А на будни нельзя, что ли?

Тут вступил бас:

— А вы безработная? Боюсь, это осложнит процесс удочерения.

— Нет-нет, — поторопилась разуверить его Алина. — Я работаю.

— Как же тогда вы сможете забирать ребенка в будни? С кем он останется, когда вы уйдете на работу? Вы в курсе, что детей до шестнадцати нельзя оставлять дома одних — это небезопасно?

— Да, конечно, извините... — пробормотала Алина и замолчала.

В ванную зашли двое — трое в ней просто не поместились бы. Шуша увидела высокие черные ботинки с заправленными в них брюками, вспомнила, как люди в такой же форме забирали ее у родителей, она орала и брыкалась, отец пытался защитить, но получил резиновой дубинкой по голове и животу и скорчился на газоне. Мама, стоя на коленях, замывала руки, умоляя не забирать дочку, но те тоже сказали, что у них ордер. Больше девочка родителей не видела. Шуша знала точно: если бы они были живы — они бы ее нашли и забрали.

Мышцы сводило от неестественного положения, но Авдеева не шевелилась: только бы не выдать себя! Потоптавшись, соцработники пошли на кухню, и Шуша судорожно глотнула воздуха: даже не заметила, что перестала дышать. Под звон кастрюлей и недозвольный мяв потревоженного кота обыск закончился.

— Приносим извинения, но вы понимаете же, что это наш долг, — нисколько не ощущая себя виноватым, произнес бас положенную фразу. — Надеемся, что не очень вас потревожили. Если вы еще увидите потерявшуюся девочку, пожалуйста, сразу же звоните в нашу службу! Напоминаем, что сокрытие несовершеннолетнего от социальной службы карается уголовным наказанием.

— Конечно, — пробормотала Алина и повернула ключ в замке. — Шуша! Ты где? Они ушли!

К тому времени беглянка поняла, что самостоятельно выбраться из стиральной машины не в состоянии. Затекшие мышцы одеревенели и отказывались сгибаться, слезы текли по щекам к ушам, легким не хватало воздуха.

— Я тут, — прохрипела она, — помоги мне!

Алина открыла дверцу и охнула. Прошло еще несколько ужасно долгих и мучительных минут, прежде чем она смогла вызволить девочку из барабана. Та вывалилась на пол, зарыдала, судорожно задышала. Ее била истерика, руки и ноги не повиновались, слова застревали в горле, вырываясь страшным животным хрипом.

— Ну-ну, не плачь, все будет хорошо...

Алину охватила паника. Зачем это, почему, что ей делать?! Девочку надо как-то успокоить, да, но она ведь не психолог и не знает как! Ощущая себя истуканом, взяла Шушу на руки, донесла до кровати и укутала одеялом. Вроде еще неплохо бы обнять и поцеловать, но сделать это показалось невыносимо страшным.

— А... ты... правда меня... удочеришь?

Алина замерла, затем погладила девочку по голове, прошептала на ухо:

— Все будет хорошо, я тебя не дам в обиду!

Ее саму трясло. И от страха за этого маленького человечка, и от страха за себя. Чертов ребенок! То хохочет, то бьется в истерике, из-за него ночью врываются соцработники и обыскивают квартиру. Алина покрылась липким потом: что, если они обвинят ее в сокрытии и тоже, как родителей этой чудачки, арестуют?!

Надо забирать Шушу из лап службы опеки! Решив посмотреть в интернете, что нужно для удочерения, Алина ушла в другую комнату, к компьютеру.

Набрала в поисковике «удочерение», ткнула первую же ссылку, на форум. Взгляд заскользил по темам: «муж хочет удочерение, а я против», «усыновленный оказался инвалидом», «ребенок ломает карьеру», «можно ли вернуть девочку в интернат». Попадались и другие, где родители писали, как они теперь счастливы, но в комментариях к ним висело презрительное «заказуха» и «джинса». Зато из самой обсуждаемой темы, можно ли отказаться от удочерения, она узнала, что это сильно осложнит возможность завести собственного ребенка. Органы опеки считают, что если родители однажды уже не справились, то второй раз доверять им ребенка не стоит.

Алина задумалась, сможет ли полюбить эту странную девочку, станет ли она ей настоящей дочерью, но тут же одернула себя. Ей уже не тринадцать, чтобы оценивать жизнь через очки с сердечками. Не все проблемы решаются любовью, и такие важные решения надо принимать головой, а не сердцем!

«Была бы девочка нормальная, можно было бы попробовать, — говорил разум, — но ведь у нее явно проблемы с психикой. Тут действительно нужны специалисты, время, деньги, в конце концов! Да и Денис будет в бешенстве. Он и так ребенка не очень хочет, а уж психованного...» Еще разум нарисовал неприглядную картинку: Денис от Алины уйдет, мать сочтет полной дурой, знакомые распусят сплетни, денег начнет не хватать, свободного времени не останется совсем.

Сердце екнуло: «...но ведь Шуше там плохо, а ты можешь сделать ее счастливой...»

«Сломал собственную жизнь?» — удивился разум.

Мигнуло сообщение. Денис прислал сердечко и написал, что переживает, поскольку эмоциональ

Алины недоступен. Та улыбнулась. Все же он милый, и зря она на него наговаривает и достает своей идиотской ревностью. Конечно, он раздолбай, но любит ее! Ну, а ссорятся все пары.

«В конце концов, такое решение нельзя принимать в одну секунду. Надо еще подумать. Посоветоваться с Денисом и мамой, с соцработниками. Нельзя жить эмоциями, это глупо», — решила Алина.

Прошло больше часа, прежде чем она заглянула в спальню. Шуша спала, темные волосы разметались по белой подушке, рука выскользнула из-под одеяла и свисала с кровати. Алина вернулась обратно, набрала знакомый номер.

— Алло, да, это снова я. Девочка у меня, спит. Приезжайте, только не звоните в дверь, вы ее разбудите, напугаете. Я сама открою. Да, жду.

Нажала отбой и открыла вкладку с последними моделями эмоционалей.

ВИКТОРИЯ БАЛАШОВА

МАМА, Я ПЛАЧУ

*Посвящается моей дочери,
Балашовой Марии Ивановне,
и маме, Богдановой Галине Васильевне.
Храни вас Бог!*

ГЛАВА 1

*Оглашение первого приговора. Заседание суда
от 14 мая 2025 года*

— Тишина в зале, — скомандовала по привычке помощник судьи Елена Коровина.

Шуметь было некому: огромный зал, рассчитанный на сто мест, пустовал. Елена подумала, что и в Сети вряд ли кто-то проявлял интерес к заурядному заседанию суда. Приговор касался мальчишки, которого знать не знают. Он — не сын знаменитости или известного политика, не убивал никого с особой жестокостью, не насиловал извращенно. Парень даже не объявлял голодовки. Чего же в нем интересного для обывателя?

На самом деле, в помещении, кроме Елены, находилось еще двое: судья Милютин и представитель органов опеки и надзора Ермолина. Ермолина могла посмотреть окончание «спектакля» из дома.

Но ей-то, конечно, веселее было поприсутствовать лично, позлорадствовать, так сказать, оф-лайн, в реальности. С Владом Ермолина намучилась! Сколько он от нее сбегал, прятался по подвалам и чердакам этих ужасных, непотребных районов на окраинах, в которых селились сплошь отбросы общества! Ей приходилось отыскивать его, перебарывая отвращение и брезгливость, зажимая нос, дабы не вдыхать отвратительные «ароматы», в ужасе отпрыгивая от мышей и крыс, кидавшихся под ноги. Мрак!

А ведь Влад — наикруглейшая сирота. Но туда же: на свободу. Не хочет в тепле и уюте приемника, коллектора, а повезет, в приемной семье. Хочет в грязи и вони. Бррр!!!

— Ювенальный Суд постановил, — бубнил в это время Милютин, — признать Владислава Георгиевича Синицина, две тысячи десятого года рождения, виновным в нарушении предписания о регистрации и нарушении правил пребывания на территории коллектора номер восемь по городу Москве, а также в оскорблении полномочных лиц, исполнявших свои обязанности в отношении...

Милютин честно перечислял все правонарушения Влада, ввергая себя и дам в сон. Единственный, кто слушал приговор внимательно, был сам обвиняемый. Не то что Влада сильно интересовало, куда его засунут в очередной раз. Просто он всегда получал удовольствие от пересказа совершенных им подвигов, пусть даже и таким заунывным голосом.

— Учитывая раскаяние подсудимого, — промямлил Милютин.

«Я, блин, не раскаивался, — подумал Влад с удивлением, — что-то новенькое».

— А также ходатайство отдела по размещению детей-сирот при Ювенальном департаменте Министерства Юстиции...

Тут уж проснулись все. Помощница судьи проснулась из любопытства: накануне вечером ничего такого в постановлении суда не наблюдалось. Ермолина проснулась, потому что почуяла: ее обходят на повороте свои же. Впрочем, не впервой, но от того не легче. Влад был на стреме изначально, поэтому лишь наострил сильнее уши.

— Передать Владислава Георгиевича Синицина в элитный коллектор имени Фурсенко, — судья что есть мочи шарахнул молотком и вышел из зала.

Коровина последовала вслед за ним.

«Как ловить поганца, так мне, — подумала со злостью Ермолина, — а как денежки грести, так элитщикам».

«Шикарно! — подумал Влад, следуя за охранниками. — Не повезло, так не повезло!»

*Оглашение второго приговора. Заседание суда
от 16 мая 2025 года*

Орала Елена в микрофон:

— Повторяю, нарушителей будут выводить из зала!

Охранники шныряли между рядами и электрошокерами указывали особо буйным на дверь. В зале сидело человек пятьдесят. Но Василиса постаралась на славу: она попросила прийти самых смелых, самых независимых-ни-от-чего своих защитников. Кричали они как следует. Не учи ученых.

— Тишина в зале!!! — взревела Коровина.

За загородкой, вжав голову в плечи, сидела дочь Василисы. Она шума не слышала. Она вообще уже ничего не слышала, не видела и не чувствовала. Врачи поставили диагноз: «нарушение эмоционально-чувственного восприятия вследствие непроведения обязательного прививания матерью подростка, определенного законом РФ», ну и так далее и тому подобное. Из заинтересовавшего лично профессора Селедкина: «атрофирована слезная железа, вследствие чего не может плакать». Профессор провел ряд экспериментов над Кристой и убедился, как ни изгаляйся, а жидкости из железы не дождешься...

— Ювенальный Суд постановил, — наконец тараторил Милютин, вполне способный зачитывать постановления быстро, если того требовала сложившаяся ситуация, — исходя из того, что мать Кристы Станиславовны Пирс, год рождения две тысячи одиннадцатый, Василиса Анатольевна Пирс, воспитывающая дочь в неполной семье, не проводила должной вакцинации ребенка, скрывала дочь от органов опеки и надзора, — перечислял судья без запинки.

В зале опять начали шуметь. Коровина опять заорала в микрофон. Охрана опять пошла по рядам.

— Все факты, изложенные органами опеки и надзора, изъевшими ребенка из семьи, подтвердились, — тараторил Милютин, — определить Кристу Станиславовну Пирс в элитный коллектор имени Фурсенко.

Васька побледнела. Хоть какая-то надежда до настоящего момента у нее оставалась. Сейчас отняли даже это.

— Не отчаивайся, — подруга заметила состояние Василисы, — Вась, мы прорвемся. Мы ее там не

оставим. — Она и сама глотала набежавшие слезы, но не позволяла им пролиться на глазах у отчаявшейся Васьки, — мы ее вернем.

— Из элитных коллекторов дети не возвращаются, — Василиса не отрываясь смотрела на дочь, которую выводили из зала, — ты же знаешь, Марина, надежды больше нет.

— Сволочи, сволочи, — подруга сжала кулаки, — нельзя опускать руки, Вась!

Ермолина, ухитрившаяся поймать мамашу Пирс на обмане, заскрежетала зубами. Доказать, что справки о вакцинации были липовыми, найти ребенка, которого тщательно прятали, — а взамен? Мизерная премия и грамота «Лучший работник органов опеки и надзора за 2024 год»? Второй элитник подряд!

Сегодня Ермолину ожидало третье заседание. После обеда. Родственники и друзья ее очередного подопечного уже толпились в коридоре.

*Оглашение третьего приговора. Заседание суда
от 16 мая 2025 года*

Отобедав, Милютин вынул салфетку из-за воротника, поправил мантию и прокашлялся. Сколько раз себе говорил, не есть перед оглашением приговора, но перед свиной отбивной, жирной, щедро поперченной и посоленной, устоять не мог.

До начала оставалось минут десять. Коровина пудрилась. Когда помощница судьбы нервничала, она пудрилась немерено, потому как от нервов на лице выступали капельки пота. А сегодня денек был огого! Второе заседание при полном зале. Нет, человек сорок-пятьдесят — это не полный зал. Но принимая

во внимание тот факт, что народ на подобные мероприятия глазел, коли интересно, в Сети, считалось, ползала — полный зал.

Главное, оба раза зал заполняли типичные отморозки, которым что электрошокеры, что дубинкой по башке, до лампочки. Теперь вот сидели байкеры и рокеры. Причем старой закалки. Современные байкеры и рокеры вреда особого не наносили. Их держали для «уравновешивания» общества, чтоб все идиоты были представлены, — якобы демократия. Старые муштре не поддавались и вытворяли невообразимые вещи. Коровина надеялась на одно: старые на то и старые — скоро вымрут.

— Постановил, — вещал Милютин, понимая, после обеда тоже следует с оглашением приговора поторопиться. Из зала на него взирали небритые мужики, в цепях и кожаных куртках, которые они наотрез отказались снимать при входе, — Владимира Владимировича Левина лишить родительских прав, — гул в зале стал превышать все допустимые нормы, — в связи с нарушением трудовой дисциплины, — судья повысил голос, — и постоянным пьянством, — укоризненно помотал он головой.

Охранники не справлялись. Защитники Вована Левина плевали на электрошокеры в прямом и переносном смысле. Мужики были крепкие. Они знали, током охрана бьет слабым. Он им был, как укус комара. Пущай бьют! Байкеры и рокеры затопали ногами, обутыми в высокие, грубые ботинки.

Коровина в микрофон не орала, а бешено вращала глазами, таращась на Милютина: «Закругляйся!!!»

Милютин намек понял и, скомкав конец выступления, провозгласил:

— Определить Александра Владимировича Левина в элитный коллектор имени Фурсенко! — он

выдохнул и скрылся за дверью. Коровина пронеслась вихрем за ним.

«Так я и думала! — в груди у Ермолиной хлопотало. — Все трое — мимо!»

Она не обращала внимания на топот байкеров и рокеров, отказывавшихся уходить из зала. Они скандировали:

— Свободу! Свободу! — и стучали что есть мочи ботинками по полу.

Алекс повернулся к отцу. Его толкали в спину, пытаясь быстрее вывести из зала. Глаза в глаза. «Я с тобой», — говорил папин взгляд. «Я знаю, батя!» — говорил взгляд сына...

ГЛАВА 2

— Вот попали-то, вот попали, — бубнил Влад, чертыхаясь.

Разговаривать в машине особенно было не с кем. Впереди справа на одноместном сиденье располагалась девица с темными волосами, забранными в хвост. Волосы отливали фиолетовыми полосками по всей длине хвоста. Лицо Влад рассмотрел плохо, но вроде симпатичная шмара. Девочка смотрела в окно не отрываясь и совершенно не обращая внимания на его бормотание.

Парень, сидевший прямо за девицей, периодически кидал на Влада косые взгляды. У чела на башке волосы были светлые, с ярко-красной длинной челкой, закрывавшей один глаз.

Сам Влад восседал один на двухместном сиденье, положив ноги на спинку переднего кресла. На всех троих напялили темно-синие бесформенные джинсы и футболки с надписями «Россия» на спине и «ЭК имени Фурсенко» на груди.

— Вот попали-то, — повторил Влад и сплюнул на пол.

— А куда мы попали? — встрял парень с красной челкой. — Нас везут в коллектор, так понимаю.

— Везут, — процедил Влад. Захотелось поговорить. Да вроде и собеседник был адекватный, — знаешь, что за коллектор?

— Имени Фурсенко, — кивнул чел, — меня зовут Алекс, — представился он уж заодно.

— Влад, — состоялось крепкое мужское рукопожатие. «Не хлюпик», — уважительно подумал Влад и продолжил со знанием дела: — Коллекторов в Москве много. Элитных — три. Первые два — для блатных. То есть, забрали у мамки детей, но она не проста и продолжает с папашей за них судиться. По закону детей все это время надо держать в коллекторе или приемнике. А дети-то блатные! Их помещают в элитник. Там поят и кормят до отвала блатным продуктом. Комнаты одноместные со всеми удобствами!

— А ты откуда знаешь? — удивился Алекс.

Влад гордо усмехнулся:

— Меня и туда как-то засадили. Мест не хватало. М-да, — он почесал в кудрявых, иссиня-черных волосах, — мы едем в элитник без номера. Просто, блин, имени какого-то непонятого мужика. Кранты! — заключил он громко.

Шмара с фиолетовыми волосами оглянулась.

— Почему «кранты»? — спокойным голосом спросила девчонка.

На ее лице не отразилось ни единой эмоции, ни страха, ни удивления. Лишь черные ресницы захлопали часто-часто, закрывая голубые глазищи.

— Потому что, — Влад вздохнул и принялся объяснять дальше, — оттуда не выйдешь! Раз нас туда

определили, вас ладно, меня за какие подвиги? Значит, нас уже выбрали семьи. Причем не российские, а зарубежные. Нас посадят в самолет и отправят в далекую-предалекую срань. Кормить будут, естественно, — прошипел он последнее слово, будто в нем остались одни «с», — похуже, чем в первых двух элитниках. Но напичкают колесами, мама не горюй!

— Чем напичкают? — переспросила шмара.

— Ты откель сюда свалилась? — покачав головой, спросил Влад с сочувствием в голосе. — Как зовут, а?

— Криста. У мамы меня забрали, — она продолжала говорить ровно и спокойно.

— Колеса — это витамины, — встрял Алекс, выглядывая из-за спинки Кристиного сиденья, чтоб лучше разглядеть собеседницу.

— Не только, — махнул рукой Влад, — иммуномодуляторы и прочая хрень.

— Меня потому у мамы и забрали, что она мне их не давала. И прививок не делала, — перебила Криста.

— Респект! — Влад кивнул. — А вот там нас будут заставлять их жрать кучами. Обучать будут иностранным языкам. Оденут прилично перед поездкой. Плюс, подкромсают патлы, ногти почистят и вперед!

В машине установилась тишина. Народ переваривал полученную информацию. Криста и Алекс смотрели в окна. Влад грыз пока никем не приведенные в порядок ногти.

— А бежать если? — чуть слышно прошептал отвернувшийся от окна Алекс. — Ты, видно, опытный. Что скажешь?

Криста услышала шепот и тоже повернулась к парням.

— Я с вами, — голосом, не терпящим возражений, произнесла она.

Влад окинул взглядом новых друзей. Обычно он сбегал в одиночку. Но Влад неожиданно почувствовал незнакомые доселе эмоции: ребята ему нравились. Особенно Криста. Ради нее он готов был бежать и втроем...

Их развели по разным этажам. Кристу куда-то наверх повели. Мальчишек оставили на втором.

— Вот это я не подумал! — зашептал Влад Алексу на ухо, пока перед ними складывали туалетные принадлежности и нехитрую одежонку. — Девчонки всегда отдельно от парней селят! Этажи заперты. Не походишь в гости!

Речь пришлось прервать: вещи выдали и отправили расселяться. «Хоть тут повезло», — отметил Влад, когда они с Алексом оказались в одной комнате.

Кроме Влада и Алекса в комнате наблюдался еще один человек.

— Эй, дрищ, как звать? — окликнул Влад парня.

— Не обзывайтесь. Попросил бы! Тут вам не приют, не тюрьма и не приемник, — хияк гордо задрал прыщавый подбородок, — меня зовут Антон. Очень приятно.

— Блин, шибздик, ты довырубашься, — осклабился Влад.

— Не лезь к нему, — остановил друга Алекс, — батя говорит, такие сами откинутся. Им могилки рыть не надо.

— Батя прав! Умный мужик, — согласился Влад. — Так, вырубонистый, рассказывай, что тут за порядки. Пожалуйста, — добавил он, плюхаясь

на кровать и зашвыривая пакет с выданными вещами в угол.

Антон проследил глазами за направлением полета, тяжело вздохнул, но говорить начал:

— Все дети отсюда едут за границу. В основном в Америку. Учим усиленно английский, хорошо питаемся, принимаем витамины, регулярно ходим на осмотр к врачу. Мы должны быть здоровы и должны понимать, что нам говорят приемные американские родители, а также должны уметь выразить собственную мысль. Остальные предметы не так важны, но им тоже уделяют внимание: в Америке нас протестируют для поступления в местный колледж.

— Что с развлечениями? С девчонками?

— Из развлечений Сеть, — ответил Антон, — вредные сайты заблокированы. С девчонками общаемся постоянно. Их от нас отделяют только на ночь, чтоб случайно не залетели до отъезда. И не имели половых контактов, — парень покраснел, — их там на это тоже будут проверять.

В стенной панели зажглись зеленые лампочки и заиграла музыка.

— Ужин, — заключил Влад, — в большинстве приемников одни и те же сигналы, — пояснил он Алексу, — пошли. Тут строем ходить не надо? — на всякий случай уточнил он у Антона.

— Нет. Кругом камеры. Ходи, как хочешь. Все равно за тобой следят, даже в туалете, — Антон встал со стула и первым вышел из комнаты.

В столовке толпился народ. Влад отыскал взглядом Крису и пхнул Алекса в бок:

— Вон она, смотри.

— Уже увидел. Сядем вместе?

— Конечно. Дружбу здесь не запрещают, надеюсь, — Влад глянул на номер Кристиного стола и набил его в автомате, — пожрать тут неплохо дают, — промычал он, просматривая выпавшее меню.

Через пару минут они шли с подносами к Кристе.

— Ты чего-то мало взяла, — прокомментировал Влад, глянув на ее поднос.

— Невкусно, — вяло ответила Криста, — у мамы все по-другому. Она хорошо готовит.

Мимо стола прошла женщина в белом комбинезоне.

— Новенькие? — она сверилась со списком, — Пирс, Синицин, Левин, — перечислила женщина, — ваши витамины. Каждый запить стаканом воды.

— Обоссешься! — буркнул Влад.

— Не ругайтесь! Это полезно для вашего организма. Вы, видимо, Синицин. У вас тут есть специальные успокаивающие нервную систему добавки.

— Спасибо, — поклонился Влад, — обрадовали. Женщина не ответила и пошла дальше.

— Говорить будем на улице во время прогулки, — скомандовал Влад.

Витамины и «добавки от нервов» он профессионально, как фокусник, вынул изо рта. Одна за другой они скрылись под горой спагетти. Оставшуюся еду со спрятанными колесами и пустую одноразовую посуду Влад отнес в утилизатор. Никто, вроде, ничего не заметил.

«Надо бы и этих научить, — подумал Влад, — хорошо им от нервов не дают. Только общеукрепляющие. От нервов больно тормознутый становишься. Не до побегов».

Алекс съел все до последней крошки. Они с ба-тей не особенно шикавали. Он вздохнул: лучше впроголодь, да с отцом. Напротив в своей тарелке ковыряла Криста.

Ермолину вызвали в элитник буквально через два дня после суда.

«Про детей выпрашивать будут. Я их лови, я потом про них все рассказывай. Жизнь несправедлива», — рассуждала по дороге Ермолина, трясясь в переполненном вагоне.

Ермолина прибыла в элитник.

— Здравствуйте, Генриетта Эдуардовна, — по-приветствовал ее директор у себя в кабинете, — садитесь. У нас трое новеньких от вас. Вы славно работаете! — похвалил он. — Слышал, за тот год у вас грамота!

— Да, — кратко ответила Генриетта, — наградили.

Директор встал с кресла и прошелся по комнате.

— Двое — ничего особенного, — откашлялся он, — девочка, правда, с проблемкой. А с другой стороны, может, и хорошо, что она не плачет и не смеется. Как считаете? Поспокойнее с ней будет господам американцам.

Ермолина засопела. Ладно, придется начинать рассказ, коли без нее не обойдутся.

— Кристу мать растила одна. Отец у них из Голландии. Умер, когда Кристе было десять лет. Мать ненавидит существующий строй, правящую партию.

Директор замахал руками:

— Давайте без политики, Генриетта Эдуардовна. Выборы скоро. Не знаешь, куда податься.

— Мамаша Пирс строй ненавидит и считает, что обязательная вакцинация и чипование населения — процедура антидемократическая и вредная для здоровья. Дочь скрывала от врачей и органов надзора. Потом, когда та в школу пошла, липовые справки доставала. Когда мы это обнаружили, опять начала ребенка прятать. Я нашла! — гордо отчиталась Еромина. — Вернула ребенка обществу!

— Славно работаете, Генриетта Эдуардовна! — повторил директор. — Девочку, конечно, провакцинируем. И чипуем. Куда ж без того. Надо обществу знать, где в данный момент находится каждый его член. Так, эмоции у нее атрофировались, — он сверился с бумагами, — уже после помещения в приемник. Ммм! Профессор Селедкин обследовал! Да! Хорошо. Что с Алексом Левиным? Вроде вообще без проблем малец.

— Да, проблемный там папаша. Как жена от него ушла, так он запил. За ребенком никакого ухода, — проворчала Еромина. — Владимир Левин — рокер и байкер. Такое вот сочетаньице. Машины чинит. Получает копейки, — продолжала обиженно ворчать Еромина, словно Вован оскорблял своим поведением ее лично.

Директор покивал:

— Машины нынче чинить невыгодно. В утиль сдал — купил новую.

— Самый ужасный — это Влад Синицин. Как он сюда попал? Беспризорник, сирота, хулиганье!

— Интересная история, — директор сел за стол и открыл файл, — вы правы, сначала и я удивился. Взять Кристу и Алекса. Увидели в каталоге симпатичных детей, более или менее здоровых, успеваемость в норме. А раз у нас в норме, у них отличниками станут! Влад же попал в каталог случайно.

Ему пятнадцать. По указу президента всех достигших пятнадцати лет велено включать в элитные каталоги. Здесь их никто не берет. Сидеть им на шее у государства три года. Как стали выдавать паспорта с восемнадцати, так сами себе яму и вырыли. Американцы берут. Даже с большей радостью: меньше хлопот впереди. Характер практически сформировался, внешность тем более. Болезни какие могли повылезали, какие могли подлечили. Скоро опять же на работу — помогать приемной семье.

— Но берут-то приличных, — опять встряла Ермолина, — как бы вам с ним не вляпаться!

— Семью предупредили. У них сын погиб несколько лет тому назад. Служил в армии и погиб где-то там в Африке или Азии. Не упомню. Так вот, Влад — точная копия погибшего сына. Я видел фото. Одно лицо! Короче, парню повезло.

— А вам нет! — съехидничала Ермолина. — Он от вас сбежит. Он отовсюду сбегает.

— Поэтому вывозить его будем с ближайшей группой. Не успеет глазом моргнуть, как очутится в Америке. — Директор встал. — Спасибо за помощь и сотрудничество, Генриетта Эдуардовна.

— Итак, — директор оглядел собравшихся, — группу собираем в срочном порядке. Мало того, что тут у нас образовался опасный элемент... Владислав Синицин — прошу любить и жаловать. Подросток опытный, с богатой историей. Отовсюду бежит. За него дают очень неплохие деньги. Семья его выбрала, другого не возьмет. Он на их сына похож.

Воспитатель, грузный мужчина пятидесяти лет, не выдержал и встрял:

— Согласен. От него необходимо побыстрее избавиться. Задирается к остальным питомцам.

— С ним сидят за столом Александр Левин и Криста Пирс, — доложила психолог, — они вместе приехали из тюремного приемника. Включите их в группу, потому что неизвестно, как на них успел повлиять Синицин. А отец у Левина — тунеядец и пьяница. Плохая наследственность в плане выпивки может проявиться.

— Конечно, их в первую группу, — закивал директор, — наследственность, черт с ней. Посадим на витаминчики, уйдет наследственность. Главное, всех, кого уже выбрали, увозим! Я получил информацию, кандидат в президенты, — он помолчал, — тот, который скорее всего им и станет, против вывоза детей за границу. Деньги мы получаем за это бешеные. Он не понимает, что здесь они никому не нужны, а там за них платят! В общем, хочет приостановить вывоз, каталоги с детьми прекратить рассылать, — директор сделал эффектную паузу, подняв указательный палец, — а главное, закрыть элитные коллекторы! Он считает, дела следует пересмотреть. Детей, мол, должны воспитывать родные родители. С сиротами, не знаю, как поступят. Так они особенно и не котируются. Дети из семей здоровее и приятнее на вид.

Психолог вспомнила про бонусы, которые получала от передачи каждого ребенка в надежные руки иностранных семей. Деньги терять страшно не хотелось. Работу тоже:

— Нас закрыть! Надо ж подобное придумать!

— Вы раньше времени в панику не впадайте, — строго сказал директор, — группу собирайте. Вам их сопровождать. Вон, с Семен Семенычем поедите. Простите, без меня. Я тут буду следить за обстанов-

кой. Постараюсь хоть коллектор отстоять. На вас ответственность! Пристроить необходимо всех.

— У нас отличные показатели, — надула губы психолог, — из группы в пятнадцать человек обратно привозим всего одного-двух.

— А вот ни одного не привозите, — повторил директор, — может, последняя возможность заработать. Вопросы ко мне есть?

— Новенькие не протестированы полностью, — воспитатель покачал головой, — Влад английский знает плохо. Да и Алекс тоже. У девочки папа язык знал отлично. Она владеет. Парни с трудом.

— Их выбрали! Как вы не поймете, Семен Семеныч! Выбрали! Кого волнует их язык! Предоплата в банке лежит замороженная. Детей сдадим, деньги получим, — директор постарался успокоиться. — Кто выбран, всех на оформление!

— Справимся, — подбодрила психолог воспитателя, не любившего суеты, — неизвестно, действительно, когда еще удастся заработать. Хорошо Милютин успел нам данные на этих новеньких вовремя передать. Трое дополнительно пристроенных!

Утром их вывели на прогулку. По просторному двору дети разбрелись кто куда. Камеры продолжали фиксировать происходившее вокруг. Впрочем, чипы позволяли отследить местонахождение человека в считанные минуты. Поэтому охранник сидел, скучая, в углу двора, щелкая семечки.

Алекс, Криста и Влад сели на скамейку, не принимая участия в общих играх.

— Как тебе удавалось сбежать раньше? — спросил Алекс Влада.

— У меня пластина есть, — поделился Влад, — купил на рынке. Сбежал в очередной раз и понял, с чипом меня будут постоянно отслеживать. Когда маленький был, ведь не соображал ни черта. Потом доперло. Во-первых, доперло, что в некоторых местах фонит и сигнал идет нечеткий. Во-вторых, добрые люди рассказали про пластину. Она сигнал сильно гасит.

— Здорово! — восхитился Алекс.

Криста, как всегда, лишь спокойно мотнула головой.

— А ты чего такая странная? — не выдержал Влад, — тебе все по барабану?

— У меня атрофировались эмоции и слезная железа, — бесстрастно сообщила Криста, — надо мной даже ставили эксперименты.

— Ну ни фига себе! — Влад переглянулся с Алексом. — А если сильно больно? Тоже не заплачешь?

— Нет. Я боль не чувствую. Врачи говорят, это плохо. В какой-то момент могу покалечиться и сама не заметить. Отсутствует болевой порог, — Криста пожала плечами.

— М-м-м, — промычали парни, уважительно посмотрев на подругу.

— Ты можешь быть кибер-убийцей, — прошептал Алекс, — с такими возможностями!

— Наверное. Не пробовала, — Криста говорила совершенно серьезно.

— Слушай, а у тебя и чувство юмора отсутствует. Ты ж не смеешься! — Влад рассматривал Кристу, как чудо света.

— Я тебе и говорю, все атрофировалось, — девочка похлопала ресницами, — единственное, что чувствую, бежать хочу с вами. Очень.

— И то ладно, — кивнул Влад, — перейдем к делу. Пластин у вас нет. Обнаружат сразу. Значит, надо ждать возможности сбежать по дороге.

— По дороге куда? — хором спросили Алекс и Криста.

— Да не орите вы! — прошипел Влад. — По дороге куда-нибудь. Нас обязательно куда-нибудь повежут. Это я уж изучил. На экскурсию, мозг развивать. Тестировать. Да мало ли чего! — тут он выпучил глаза и скомандовал: — Молчать!

Решительным шагом к ним направлялась «психологиня».

— У вас, Синицин и Левин, дополнительные уроки английского, — сообщила она, приблизившись к скамейке, — вы уезжаете в конце недели в Америку. Готовьтесь. Вот расписание уроков. Тебе, Пирс, другое расписание, — она протянула второй листок.

— Ей, что, на английский не надо? — спросил Влад. — Почему это нам надо, ей нет? Особенная, что ли? — говорил он нагло, но внутри все похолодело: раз Кристе не велели ходить на дополнительный язык, значит, она с ними не едет.

Психолог посмотрела на Влада с нескрываемым презрением, но снизила до ответа:

— Пирс тоже едет. Просто английский, Синицин, она умудрилась выучить, несмотря на прочие недочеты в воспитании. Она будет ходить на этику. Научится вести себя в нормальном обществе. У вас один урок этики в день. У нее три. С вас и одного хватит. Главное, язык. Там плохо реагируют, когда дети не понимают их речь. Короче, встали и пошли. Занятия через десять минут.

Ребята поднялись со скамейки.

— Бежать будем по дороге в Америку, — процедил Влад, — сейчас им, речь понимать. Обойдутся.

Комната была забита людьми. Электронная очередь не спасала положения. Народу приходило так много, что стульев катастрофически не хватало. Боясь пропустить свой номер, люди выстраивались по старинке: один за другим, дыша в затылок друг другу.

Здесь на апелляцию подавали все: и ювенальщики, и уголовники, и гражданка. Сетью мало кто пользовался. Подашь заявление через Сеть, опишешь причины, а потом окажется, то не дописал, другое. Выяснится это не сразу. Время будет упущено. В приемной отстоишь очередь, но по крайней мере сразу заполнишь заявление правильно: злые тетки, хоть и злые, а подскажут, как правильно писать.

«Очередь, — думала Васька, — вечная очередь. Идут годы, меняется все, что угодно, а очереди остаются. Униженных людей унижают еще больше, заставляя выстаивать много часов подряд в душных комнатах, глядя в спину того, кто встал впереди. Кошмар!»

Собственная боль растворялась в страданиях других людей, исчезала, тонула в чужих слезах, отделялась от сердца и плыла, плыла куда-то вдаль, воссоединяясь с такими же сгустками печали и грусти.

Столы, за которыми сотрудницы принимали заявления, стояли вплотную друг к другу. Люди старались говорить потише, но тетки постоянно их переспрашивали и требовали объясняться громче. Гул из-за этого стоял невыносимый.

Васькина очередь приближалась. Она повторяла про себя слова, которые скажет тетке. Адвокат

ей посоветовал напираться на свое отличное финансовое положение. Мол, и квартира хорошая, и доход. А прививки клянется впредь делать и не отлынивать. К сожалению, адвокатам подавать на апелляцию вместо своих клиентов было запрещено. Василиса нервничала и боялась ляпнуть что-нибудь не то.

Наконец, она села перед теткой. Та клацала по клавиатуре, не обращая на Ваську ни малейшего внимания. За соседним столом уже во всю текла беседа. На повышенных, правда, тонах. Васька обернулась. Рядом сидел мужик в ботинках и кожаной куртке. Куртка была вся в заклепках, на голове красовалась бандана в черепках. Васька мужчину сразу узнала: он пришел на заседание суда в тот же день, что и она. С ним еще компания набилась таких же рокеров. Или байкеров. Васька в них не разбиралась.

— Женщина! Вы чо сюда пришли? На мужиков пялиться? — Окрик тетки заставил Ваську вздрогнуть, а байкера-рокера оглянуться. — Давайте бумажки ваши.

Василиса протянула заявление.

— Чего, мамаша, раньше не прививала? — спросила тетка. — Как ребенка забирают, так все сразу умные становятся. На учет встали в поликлинике?

— Встала, — пробормотала Василиса.

— Дописывайте: «на учет в поликлинике встала, справка прилагается», — продиктовала тетка.

Василиса открыла планшет и быстро допечатала нужные слова.

— Ага, — смотрела бумажки сотрудница, — элитный коллектор Фурсенко. Так, пишите: «расходы по пребыванию в ЭК обязуюсь возместить». Дописали? Сохраняйте. Флешку мне.

Бумажки Ваське вернули, флешку зарегистрировали и вставили в ячейку.

— Ждите. Придет сообщение о повторном слушании. Сроки не установлены, — тетка нажала на кнопку, и на табло высветился номер следующего заявителя. Ваське оставалось отойти от стола, освобождая место.

На улице курил байкер-рокер.

— Привет, — обратился он к Василисе, — я тебя узнал. Ты в суде шестнадцатого была. Точняк?

— Точняк, — кивнула Васька, — у вас тоже ребенка забрали?

Мужик кинул окурок в помойку.

— Забрали, гады. Сына. У тебя?

— Дочь.

— Ты приличная, вроде, на вид. За что забрали? — он окинул Ваську с ног до головы оценивающим взглядом.

— Долгая история, — Васька задумчиво посмотрела на мужика, — пойдете, кофе, что ли, выпьем. Расскажу.

— Пошли. Меня Вованом зовут.

— Васька, — она не стала говорить полное имя. Пожалуй, тому, кто представляется Вованом, лучше сразу сказать, как ее называют близкие друзья. Василиса тут не катит.

— Вон мой байк, — ткнул пальцем в сторону забора Вован, — куда поедем?

— Лучше на машине, — предложила Васька, не представляя себя на мотоцикле даже в страшном сне, — возле моего дома есть тихое место.

— Адрес давай. Я тут байк не оставляю, — Вован достал навигатор, — вбивай.

Василиса набрала адрес и отправилась к машине. Зачем ей сдался Вован, она толком не понимала. По-

сле смерти мужа она в сторону других мужчин не смотрела. Тем более байкеры и рокеры были не в ее вкусе в принципе.

Васька рулила и непроизвольно улыбалась: вслед за ней ехал Вован. Так они и подъехали к дому, кортежем. Вован не дал ни одной машине их разделить, прилипнув к Васькиной намертво.

Кафе располагалось неподалеку. Вован плюхнулся на стул и взъерошил примятые шлемом волосы.

— Есть хочется, мрак, — сказал он, вставляя банковскую карточку в мини-терминал, — ага, на сосиску с картошкой хватит, — прокомментировал Вован высветившиеся цифры.

— Берите что захотите. Я заплачу, — предложила Васька.

— Нет уж! У бабцов денег не беру, — Вован запнулся, — извините, у женщин. И вообще, давай на «ты». Хочешь, возьмем пива? Выпьем за знакомство.

— Лучше вина. А, кстати, ты ж за рулем. Я-то уже у дома. Мне ехать никуда не надо. Тебе сейчас штрафы ни к чему.

— Хуже, Васька, не будет. Тем более, у меня есть спецсредство. Новейшее изобретение от запаха алкоголя. Проверено! — он вытащил из кармана упаковку с таблетками металлического цвета. — Одну пьешь до, вторую после. — Вован засунул в рот «отбиватель запаха». — Но за вино, ладно, плати ты, — вздохнув, разрешил он Ваське, — мне только на пиво хватило бы.

Они сделали заказ. Васька ограничилась салатом, Вован получил огромную тарелку с длиннющей сосиской и грудой жареного картофеля. В высоких бокалах заискрилось белое вино.

— Кислятина! — Вован сделал глоток и поморщился. — Прости. Отвык я от вина. Водку пью и пиво. Вот мое меню по выпивке.

— Ты бы предупредил, — Васька надулась. Кадр ей попался тот еще! Она платит, а он нос воротит.

— Да не. Не обижайся, нормально. Знаешь, давно не пил вина, правда. Жена тоже любила. Красное. — Вован поднял бокал: — За знакомство!

— Угу, — кивнула Васька. — Куда жена делась, если не секрет?

— А чего там секрет! — Вован поморщился. — Ушла от меня к депутату. Вот и вся история. Сына оставила мне. Сказала, там нового родит. Так мы с ним лет пять и живем по-холостяцки, — он горько усмехнулся, — как говорят: «без женского тепла». И без вина.

— Надо же, — Васька вздохнула, — у меня пять лет назад муж умер. Тоже живем, — она замолчала, — жили, то есть, по-холостяцки. С вином, но без мужчины, который бы защитить смог.

За столом повисла тишина. Вован расстегнул клепаную куртку, снял ее и повесил на соседний стул. Под курткой оказалась черная майка с черепом и надписью «Fuck it».

— Нам, наоборот, бабы, эээ, женщины не хватало, — процедил он, — они говорят, у вас нет условий для воспитания ребенка. Грязь на кухне, посуда не мыта, вы — алкоголик и тунеядствующий элемент!

— У тебя на самом деле чисто, ты не пьешь и пахнешь с утра до вечера, — не удержалась от ехидства Васька.

— Ага, посмейся! У самой-то хоть и чисто, и бабла полно, а дочку-то отняли, — Вован увидел ужас на лице Васьки и быстро понял, что сморозил глупость. — Прости! Идиот! Прости, — он положил

свою затапуированную руку поверх ее тонких пальчиков, — прости!

— Нормально, — руку она не выдернула, а про себя опять удивилась тому, как реагирует на Вована. Другому бы подобного не позволила: ни слов таких, ни поведения... — Ты прав. У меня чисто. Я неплохо зарабатываю. Но, понимаешь, я работаю в фармацевтической компании. Знаю слишком много о современной медицине. Я не могла калечить собственного ребенка. Прививок ей не делала и лечила болезни без таблеток. Пока муж был жив, как-то мне сходило это с рук. Сейчас я уверена, они и тогда уже знали. Но муж работал в секретной службе Голландии. Он — голландец, — пояснила Васька, — нас не разрешали трогать. Умер, сразу пошли неприятности. Пять лет я боролась. Но есть там жуткая женщина в органах опеки. Мой адвокат как узнал, что она под меня копает, сразу руки опустил: Ермолина из-под земли сведения добывает. И людей тоже.

— Слушай, у меня тоже Ермолина! — хлопнул по столу Вован так, что бокалы аж подпрыгнули. — Гадина! — Вован засунул в рот кусок сосиски и яростно заработал челюстями, словно Ермолину пережевывал. — Я ж не алкоголик! Бутылки, понимаешь, редко в утилизатор бросаю. Они копят. Она, жирная тварь, пришла и давай фоткать мои бутылки. Я работаю. Мало получаю, но работаю. Она, опять же, не хочу работать нормально. Занимаюсь фигней: машины чиню. А нынче кто ж их чинит — все обменивают. Короче, я дебил! На самом деле, чинят винтажники. Но ей разве докажешь?! А посуду и правда моем мы с Алексом редко. Хотим машину купить, чтоб мыла, а все денег нет.

Опять повисла пауза. Каждый, доедая, думал о сказанном. Почему-то оба почувствовали облегче-

ние: будто каменюку с души сняли, открыли клапан или замок, что ли. Первое удивление от установившегося взаимопонимания прошло. Мужик в черепахах и татуировках, в грубых ботинках и цепи на шее сидел напротив фигуристой брюнетки с длинными вьющимися волосами, одетой в дорожное стильное платье, обутой в черные лодочки на шпильках. Он ездил на винтажном байке, собранном им по винтику, она — на крутейшей тачке последней модели, которая только что кофе по дороге не варила...

Он ей позвонил на следующий же день после знакомства.

— Привет, разговор есть. Придется тебе прокатиться на байке. Во сколько за тобой заехать? — Вован произносил отрывистые фразы, не давая Ваське опомниться.

— В шесть. Возле вчерашнего кафе.

— Жди, — и он повесил трубку.

Ровно в шесть он подъехал к месту встречи.

— Держи, — Вован протянул Ваське второй шлем, — волосы в хвост убери.

Васька послушно стянула волосы резинкой и начала неуклюже напяливать шлем.

— Ууу, девушка, — улыбнулся Вован, — вот так, — он нахлобучил ей на голову шлем и затянул его под подбородком. — Готова! Садись за мной и держись за меня так крепко, будто я твоя последняя надежда и опора.

«Ты и есть моя последняя надежда и опора», — мелькнуло у Васьки в голове. Она послушно прижалась к Вовкиной спине, даже не спросив, куда они едут.

Вскоре они оказались где-то на окраине, возле гаража.

— Здесь я работаю. Говорить можно без опаски, тебя не подслушают. Мы глушим все, что можем. К нам разные личности приезжают. Нельзя давать им, — он показал пальцем куда-то наверх, — возможности услышать лишнее.

— О чем мы будем говорить? — прошептала Васька.

— О спасении наших детей! Ты надеешься, тебе после повторного заседания отдадут дочь?

— Почему нет? Адвокат настроен решительно. Надеюсь! — Ваське стало как-то паршиво на душе, но она постаралась унять дрожь в коленках. — А ты?

— Где наши дети, в курсах? Они в элитнике Фурсенко, — Вован посмотрел ей прямо в глаза. — Элитник Фурсенко, что это?

— Да, да, в курсе, — закивала Васька, — адвокат успокоил: быстро оттуда, вряд ли, увезут за границу. Там сначала некоторое время учат. Языку, этикету, — голос у нее от волнения сел.

— Ага! А в стране что творится? Выборы! — Вован разговаривал с ней, как с полнейшей тупицей, — если выберут нового президента, а все к тому ведет, то он заморозит программы по вывозу детей. Мне сегодня ночью друг сказал, из элитника вывозят всех детей в Америку. В срочном порядке, чтоб до выборов успеть бабла сколотить.

— Откуда друг узнал? Почему мне адвокат ничего не говорит? — Васька чуть не плакала от полной беспомощности.

— Друг работает в кое-каких органах. К ним стекается вся информация о выезжающих за границу. На группу детей и двоих сопровождающих взрослых из элитника уже пришли документы, — терпеливо

объяснял Вован, — у них, точняк, в Штатовском консульстве свои люди. Разрешение на въезд получено. Осталось лишь получить разрешение на выезд.

— Твой друг не может им помешать? Пусть не дает разрешения на выезд, — у Васьки предательски затряслись руки, — пусть хоть наших двоих задержит!

— Друг просто сидит на обработке данных. Он не имеет возможности влиять на дела. Капнуть — капнул. Говорит, давайте, ребята, действуйте. Короче, надо сделать две вещи: получить разрешения на нас, на всякий случай. Ну и попытаться их выкрасть до отъезда, — прошептал Ваське в ухо весь свой план Вован.

— Как будем красть? — пролепетала Васька.

Вован почесал в затылке:

— Из элитника детей вытащить практически невозможно. Кругом камеры. Да и нас по чипам засекут. Если не сразу, то как перемахнем через забор, так засекут. Красть надо из аэропорта. Там проще.

— Как мы узнаем, когда они летят? — Васькин мозг словно ватой обмотали. Она соображала медленно и с большим трудом.

— У них дата стоит на документах. Штрихкод от авиакомпании. Выезд — через неделю.

— Так быстро! — ахнула Васька.

Кивнув, Вован продолжил:

— За неделю ты сможешь как-нибудь нам сделать разрешение? Поедем в аэропорт в любом случае. Не перехватим детей, полетим с ними!

Васька задумалась. Вата потихоньку отваливалась от извилин, которые начали мало-помалу шевелиться.

— Вов, не думаю, что твоя идея прокатит. Смотри, нас на выезд пробьют по базам. Тут же увидят,

мы вместе с детьми хотим улететь. Люди там работают профессионально. Я с ними сталкивалась, когда выезжала раньше. Пробивают все. У них наверняка есть информация в базе про суд и детей.

Повисла пауза. Они стояли возле обшарпанного гаража, не понимая, что делать дальше. Здесь, на окраине Москвы жизнь замерла: ни машин, ни людей. Даже птицы не чирикали.

Из Васькиных глаз потекли слезы. Она обессиленно присела на мотоцикл и заревела. Недолго думая, Вован прижал ее к себе и начал гладить по волосам. Васька вдыхала запах кожи и еще чего-то, определенно мужского, давно ею забытого, похороненного в закоулках памяти...

Постепенно она успокоилась.

— Знаешь, я не плакала после суда ни разу. Не разрешала себе, — Васька шмыгнула носом, — а тут прошибло, прорвало.

— Нормально, — Вован достал из кармана не очень чистую салфетку и промокнул ею Васькины глаза, — поехали, поедим. Лично я хочу есть. На нервной почве, наверное, пожрать постоянно тянет.

— Согласна. Жрать тянет, — Васька улыбнулась. — Потом продумаем план наших действий. Выезд нам не дадут. Придется придумать что-нибудь другое...

Ужинать решили у Вована в гараже. Разложив на столе гамбургеры и готовые салаты, они сразу перешли к делу. Было не до этикета: с набитыми ртами парочка обсуждала варианты похищения своих детей. Варианты отменялись один за другим. Одно дело в кино смотреть, как легко и без усилий герои

справляются со сложными ситуациями, совсем другое иметь с ними дело в реальной жизни.

— Понимаешь, если бы чуть попозже! — Васька вздохнула. — Выборы через три недели. Если придет к власти Тихонов, то действие нынешнего закона о ювенальной юстиции приостановят.

— Слушай, идея! — Вован хлопнул себя по колену. — Мы должны протянуть время. Точнее, дети. Итак, их увозят через неделю. Еще через две после этого — выборы. Вдруг ты права? Выберут Тихонова, а он, как сейчас талдычит по всем каналам, заморозит дела по ювеналке и апелляции по детям обяжет рассмотреть в первую очередь. Если детей не оформят американцы, то они вернуться обратно. Главное, не дать официально оформить бумаги.

— Надо им передать, пусть ведут себя ужасно, — Васькина щека, как у хомяка, была набита едой: прожевать она не успела, торопясь высказать свою мысль. — Американцы не захотят брать невоспитанных, грубых, грязных детей!

— Отлично! — Вован представил себе отрывающегося по полной программе сына, которому впервые официально разрешили быть грязным и невоспитанным. — Осталось их как-то предупредить...

ГЛАВА 4

Бежать решили из аэропорта. План был нехитрым: в аэропорту народу много, смыться проще. Например, из туалета. Пластина, глушащая чипы, имелась лишь у Влада. Но он предлагал сразу после бегства ехать на рынок за пластинами для Алекса и Кристи.

— Если передвигаться быстро, держаться лесов, всяких незастроенных мест, то там сигнал нечеткий. Главное — добраться до рынка. Дальше вас тоже пластина глушанет, — объяснял многоопытный Влад. — Перед проходом через границу расходимся по туалетам. Ты, — ткнул он в Кристу, — идешь в бабский. Оттуда выходим ровно через минуту. Так быстро нас не хватятся. И мечемся к выходу. Садимся в автобус, что идет в город. В любой. Пока все.

Некая непроработанность плана никого не смущала: выхода другого не предвиделось. Каждый день они ходили на занятия, решив назло училкам ни черта не учить и вести себя максимально плохо. Владу вести себя плохо удавалось лучше всех. Учиться он не любил всеми фибрами своей души, что с удовольствием демонстрировал окружающим.

Раньше в школе Алекс делал над собой усилия и пытался ради отца, которого вечно дергали в школу, хоть что-то заучивать. Теперь он, следуя примеру старшего товарища, послал учебу в полный игнор.

Криста не могла себя вести плохо, потому что она и хорошо не могла себя вести. Зато отсутствие эмоций помогало вечной отличнице учиться из рук вон плохо. Криста рисовала геометрические фигуры черного цвета на экране учебного планшетника, послав этикет подальше.

— Новенькие ведут себя отвратительно! — от-рапортовала психолог Ника Витальевна. — Они принципиально ничего не делают на уроках. Влад Синицин вообще нарушает все нормы поведения, принятые в нормальном обществе! Их нельзя брать в Штаты! — заключила она грозно.

— Придется, — вздохнул директор, — повторяю, тех, кого семьи отобрали, берем, не глядя на английский и уж подавно на этикет.

— От них там тут же откажутся! — Ника не желала брать треклятую троицу не оттого, что американцам они не понравятся, а потому что понимала, какой геморрой ей грозит в поездке.

— Шансов мало. Не откажутся. Вспомните, дорогая, как редко отказываются от заранее выбранных детишек, — директор скривился, словно съел кислоты. — Влад — самый проблемный. Но там такое сходство с погибшим оригиналом! Он может на голове стоять и говорить по-китайски, его все равно возьмут. Девчонка, та спокойная, как сфинкс. Из нее ни слезинки не выдавишь, ни улыбки. И что с ее незнания этикета? Язык она знает. Этикет подтянет на месте. Алекс? Он, пожалуй, единственный, не имеющий железных гарантий на взятие в семью. Но знаете, Ника, — директор смерил психолога жестким взглядом, — Витальевна, постарайтесь уж и Левина втюхать семейке, которая его заказала.

Выхода не оставалось. «Психологиня» вздохнула. Тащить двадцать детей им вдвоем с воспитателем — работа каторжная. Несмотря на все эти новомодные чипы, электронные «поводки», тыркающие током на расстоянии, мобильные осведомители, нервы в поездках истончались, превращаясь в тонюсенькие ниточки. А тут еще и три болвана, не понимающих своего счастья...

— Патриоты! — произнесла она, не удержавшись вслух. — У них только и разговоров про то, что из России уезжать не хотят. Остальные нормально едут. Не в Сибирь же их, как в старые времена. Некоторые к океану попадут. Патриоты! — Ника покачала головой.

— Побеседуйте с ними. Проведите работу. Вы ведь психолог. Объясните прелести проживания там. — Директор громко рассмеялся.

— Хорошо, — серьезно ответила психолог, — пошла убеждать в неотвратимости светлого будущего.

Несмотря на отвратительное поведение, поездка не срывалась. Влад в глубине души надеялся, что их оставят на перевоспитание. Раньше его лишали экскурсий, поездок за город, увеселительных мероприятий в детских клубах. Да чего только не лишали! Единственное, кормили регулярно: по закону лишать детей питания права не имели. Даже в тех коллекторах и приемниках, в которых воровали напропалую — хоть корку заплесневелого хлеба, — пищу выдавали четыре раза в день строго в соответствии с постановлениями о здоровом питании детей РФ.

Упертость персонала в плане отправки троицы в Штаты вскоре нашла свое объяснение. «Психологиня» собрала вечером ребят в одном из классов. До отъезда оставалось два дня. Ника Витальевна собралась с духом и начала краткую, но, как ей виделось, доходчивую лекцию.

— Дети! — высокопарно обратилась она к скромной аудитории, взиравшей на нее с нескрываемым сарказмом. — Вас отобрали в группу, являющуюся выдающейся в своем роде. Дети, выезжающие в США в составе данной группы, — она подняла указательный палец и потрясла им перед носами зевающих слушателей, — уже отобраны семьями. Согласно законодательству по вывозу детей, семьи проверены полностью. Это обеспеченные люди, добрые и сердечные, — Нике даже самой в этот мо-

мент захотелось быть удочеренной, — готовые на любые жертвы ради вашего благополучия. Люди, стремившиеся иметь деток всю жизнь! Постарайтесь проникнуться и обрести душевное равновесие перед поездкой. Постарайтесь войти в новую жизнь с открытыми сердцами и душами!

Первым не выдержал Алекс:

— У меня и у Кристи есть родители. Зачем нам новые?

Вопрос звучал логично, но психолог с подобным сталкивалась и ранее:

— Ваши родители за вами плохо присматривали! — припечатала она. — У тебя, Левин, отец пьющий, тунеядствующий элемент. В доме грязь! У Пирс мать антисоциальный элемент, не следивший за здоровьем дочери, — Ника переключилась на Влада. Вот где была благодатная почва для беседы. — А твоя судьба, Синицин, поворачивается в светлую сторону, меняет ракурс. Ты — сирота. Куда тебе тут податься? Опять бежать? С бандами свяжешься. Дальше — воровство, пьянство, криминал, наркотики! Семья в Америке тебя ждет не дождется! Их сын погиб. Ты на него похож как две капли воды. Вот повезло тебе, а ты не понимаешь. В отличие от твоих друзей, — скривилась психолог при слове «друзья», подчеркивая несуразность данного определения по отношению к Алексу и Кристе, — тебя возьмут, хоть ты тут на голове стой.

Она замолчала, и зря. Тут же Алекс снова вступил в беседу:

— Мы против. А если мы против, то нас не имеете права увозить. На решение суда родители подадут апелляцию. И Влад, если он — патриот и хочет жить на родине, тоже имеет право...

Договорить он не успел. В комнату вошел директор.

— Итак, — он хлопнул ладонью по столу. «Психологиня» вздрогнула, дети продолжали спокойно сидеть. — Вас никто не спрашивает. Ваши интересы максимально соблюдены. Органы опеки и надзора одобрили и подписали все бумаги. Разрешения на въезд и выезд получены. Апелляции на вас не поданы, а значит, нарушений нет. — Про неподанные апелляции директор приврал: их придерживали до того момента, когда дети пересекут границу. — Про сироту, — он кивнул в сторону Влада, — речь вообще не идет. Короче, послезавтра собрались и друженько поехали. Нику Витальевну слушаемся. Семен Семеныча слушаемся. Рот лишний раз не открываем. Ясно? — рывкнул он напоследок и вышел, хлопнув дверью.

«Психологиня» снова вздрогнула. Ребята сжали плотнее губы, уставившись в пол. Криста, как сидела, рисуя черные ромбы в планшетнике, так и продолжала сидеть.

— Я закончила, — проямлила Ника, — расходитесь по комнатам, — она тоже покинула помещение, посчитав свою миссию на сегодня оконченной.

— Поняли? — спросил Влад. — В туалет пошел я, — он подмигнул друзьям.

— Я тоже, — откликнулся Алекс, подтверждая, что понял намек.

Криста захлопнула планшет и встала:

— И мне приспичило.

Ранним утром в день отъезда зевающую группу собрали в малом актовом зале. Документы и вещи положено было выдавать прямо перед выезд-

дом. Выдавали следующее: пять смен одежды, две пары обуви, предметы личной гигиены, телефон — куда ж без связи, карточку с некоторой суммой денег — иначе через границу американцы не пропустят, карточку с биометрикой. На биометричке уже были прописаны разрешения на выезд из России и на въезд в США.

Так у каждого члена группы оказался увесистый рюкзак за плечами, маленькое портмоне с карточками на шее и крохотный мобильник, браслет, подсоединенный к электронному «поводку» сопровождающих. Одежда была на всех тоже одинаковая: синие кроссовки, черные бесформенные джинсы, синие футболки — на сей раз с надписью «Russia, orphans, adoption agreed»¹, а также синие кепки, светящиеся в темноте. А главное, одежда имела встроенные чипы, оповещающие о местонахождении владельца. Директор считал, что чипов мало не бывает: сопровождающие воспитатели должны были знать о каждом шаге подопечных.

Автобус отъехал от элитного коллектора. Яркое июньское солнце всюду сияло на небосклоне. Они быстро доехали до аэропорта. Возле стеклянных дверей их просканировали на предмет отсутствия оружия и колюще-режущих предметов и пропустили внутрь прохладного помещения.

— Слушаем внимательно, — собрав вокруг себя группу, начала вещать Ника Витальевна, — перед переходом через пограничные сканеры можно сходить в туалет, не более. Кому надо?

Три руки взметнулись вверх. К сожалению, больше в туалет идти никто не захотел.

---

¹ «Россия, сироты, существует договоренность об усыновлении».

— Отлично! Идемте, — «психологиня» подошла к Кристе, — девочка со мной. Мальчики — с Семен Семенычем.

— Вы что, группу оставите без присмотра? — На глазах Влада рушился заранее выстроенный план побега.

— Не беспокойся! — покачала головой Ника. — Одновременно мы с воспитателем не уйдем. Сначала я схожу с Кристой, потом вы.

Через пять минут психологиня вернулась с Кристой. В туалет отправились Влад с Алексом в сопровождении Семена Семеновича. Когда Алекс зашел в кабинку, у него на груди задребезжал телефон. Он с удивлением вынул приборчик: на дисплее высветилось сообщение: «Ведите себя хуже некуда. Дотянуть до выборов. Две недели. Чтоб не оформили документы и отправили обратно. Батя». Сообщение тут же исчезло с экрана, будто его там и не было...

Границу прошли быстро, без проволочек. В зоне вылета детей посадили в отгороженный отсек, а вскоре повели в самолет. Влад плелся еле-еле. Криста, как обычно, сохраняла невозмутимое выражение лица. Алекс ждал возможности доложить о папином сообщении друзьям.

В самолете прослушка отключалась. Никакие новейшие технологии пока так и не сумели обеспечить безопасность перелета с включенными приборами. Впрочем, никто за группу не беспокоился: бежать с борта самолета было некуда. Зато Алекс сумел пересказать полученные инструкции.

— Не проблема! — обрадовался Влад. — Я бы все равно себя вел отвратительно. А с благословения взрослых и подавно! — в глубине души он понимал, советы касаются Алекса, может, еще Кресты.

★ Он — сирота, лишенный родительского внимания с пяти лет, не может претендовать на какие-то бонусы. Но сейчас Влад не думал об этом. Совет Алексова бати имел смысл.

— Наша задача — вести себя ужасающе, — комментировал Алекс, — нас там посчитают полными гоблинами. И не возьмут* в семьи. Ты справишься? — спросил он Кристу. — Ты способна вести себя гадко? Хамить, безобразничать? Ну, понимаешь, поддать эмоций?

Криста задумалась. Она представила себе маму, чужих теток и дядек в виде судьи из ювеналки и служащей из органов опеки.

— Поддам! — решительно ответила она. — Не сомневайтесь. — Как она будет «подавать эмоций», Криста не представляла, но настроена была воинственно.

В аэропорту Нью-Йорка они спокойно прошли через считыватели. Ника Витальевна всегда боялась этого момента. Чуть что не так, даже поговорить не с кем. Нет, и все — до свидания, езжайте обратно. В былые времена хоть человек сидел на контроле. Но обошлось.

На выходе стоял американец с табличкой, которая светилась буквами «ЕС Fursenko». «Психологиня» уверенно подошла к встречающему и бодро выпалила:

— Хэлло! — основная часть задачи считалась выполненной.

Дальше дело техники. Впарить детишек страждущим полноценного семейного счастья. В Штатах за полные семьи полагались льготы и немалые. Собственные дети рождались с трудом. Российские на рынке котировались выше всего: наиболее здоровые, воспитанные и образованные...

На следующий же день после прилета группу повели на «смотрины» в большой зал общежития местного университета.

Американцы уже ждали возможных будущих отпрысков. Потенциальные родители стеснительно толпились у противоположной от входа стены, пытаясь натянуто улыбаться.

— Сами-то не в своей тарелке, — шепнул Влад Алексу.

— Ага. Не забудь, ведем себя плохо, — напомнил Алекс.

— Мне и помнить не надо. Я всегда веду себя плохо.

«Психологиня» на них шикнула, но слушаться ее они не собирались. Влад без приглашения плюхнулся в кресло и привычно расположил ноги на спинке впереди стоящего сиденья. Ника Витальевна стукнула его по ногам:

— Сядь как следует, — прошипела она.

Влад и не думал подчиняться. Посмотрев на чистые ногти, приведенные в порядок накануне в Москве, он безжалостно принялся их грызть. Алекс уселся рядом, потянув за собой Крису.

В это время среди американцев тоже началось брожение. Они рассаживались по креслам, а вперед выдвинулся пожилой пузатый мужчина. Он вышел в центр зала и откашлялся.

— Речь, что ли, толкать будет? — довольно громко спросил Влад.

«Слава богу, они по-русски не понимают!» — подумала Ника. У нее было огромное желание закатить Владу подзатыльник, но международные конвенции по защите прав детей бить недорослей категорически запрещали.

★ — Одна из женщин от принимающей стороны раздала детям и взрослым наушники — те, кто хотел, могли слушать перевод.

— Дорогие дети! — начал американец. — Вы не можете себе представить, как мы рады вас здесь видеть. В каждой семье подготовлены комнаты со всем необходимым. Но если вы захотите получить от нас еще что-нибудь, не стесняйтесь, говорите, мы все купим. Сейчас мы разобьемся на группы. Те, кого заранее отобрали, пойдут общаться со своими семьями. Остальные останутся здесь для знакомства и возможного отбора.

— Отбора! — Влад закатил глаза. — Мы тут у них как племенное животное!

Некоторые американцы тоже надели наушники и поняли, что он сказал.

— Неудачное слово. Согласен, — покаялся выступавший. — Просто будут знакомиться, — поправился он, — итак, сейчас я прочту список. Пожалуйста, дети, чьи имена я называю, вставайте с кресел. К вам будут подходить будущие родители. Каждой семье выделена небольшая комната. У родителей есть номера помещений — они вас отведут.

— Хрена меня тут с места сдвинешь, — Влад расслабленно откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди.

Алекс повторил движения друга. Криста продолжала смотреть на противоположную стену. Создавалось впечатление, что из выступления она не слышала ни слова.

Первой назвали фамилию Алекса. Он не сдвинулся с места. Фамилию повторили. «Психологиня» стала тянуть его с кресла.

— Вставай! Я тебе сказала, вставай! — шипела она грозно, пытаясь сохранять улыбку на лице.

— Не встану! — громко ответил Алекс. — Меня сюда привезли силой. В России у меня есть родной отец!

— Молоток! — Влад поднял большой палец. — Гуд!

В рядах американцев почувствовалось смятение. Нику Витальевну позвали в стан врага на переговоры. Она что-то объясняла, мотая головой в сторону великолепной тройки.

— Говорит, мы законченные дебилы, — хмыкнул Влад, — наши шансы вернуться домой увеличиваются.

Через минут пять продолжили зачитывать список, но ни Влада, ни Кристу не назвали. Они почувствовали облегчение: план быстро претворялся в жизнь. Но когда вызванные дети покинули вместе с потенциальными родителями зал, к ребятам направилась небольшая группа американцев. Ребята вжались в кресла. Влад прищурился и смачно плюнул на пол. Алекс дунул на красную челку. Взлетев, она вновь опустилась на лицо, прикрыв оба глаза. Криста просто посмотрела на парней и припечатала:

— Ну, значит, никуда не идем.

— Найн! — уверенно рявкнул Влад и нагло устался на приближавшихся взрослых.

От группы отделился мужчина. На вид ему было лет пятьдесят. Выправка выдавала в нем бывшего военного. Несмотря на седые волосы, он выглядел довольно моложаво. Высокая стройная фигура была облачена в дорогой костюм. В темных глазах читались ум, глубокая, затаенная печаль и мудрость. Мужчина присел на кресло, стоявшее перед Владом. Его не смутило то, что на спинке покоились Владовы ножищи.

— Влад, добро пожаловать в Америку, — начал мужчина спокойным голосом, четко произнося каждое слово, — меня зовут Эдвард. Вот моя жена, — он показал на миниатюрную блондинку, — ее зовут Лина.

Влад молчал. Ника Витальевна зашептала ему в ухо:

— Скажи «очень приятно». Тебя ж учили!

— Учили, да недоучили, — буркнул Влад, не убирая ног с кресла.

— Видишь ли, — мужчина продолжил говорить как ни в чем не бывало, обращаясь исключительно к Владу, словно вокруг никого не было, — наш сын погиб во время азиатского военного конфликта. Ты похож на Майка. Очень похож. Лина, дай альбом, — повернулся он к жене.

Она протянула планшет. Эдвард ткнул на кнопку, и на экране появились фотографии. Влад вздрогнул: он смотрел на свою копию. Да, Майк был пошире в плечах, иначе подстрижен. Но в целом сходство поражало.

— Мы тебе предлагаем попробовать, — опять заговорил Эдвард, — лишь попробовать.

— Не навсегда, — встряла Лина, — если не понравится у нас, мы обещаем тебя отправить в Россию за наш счет. Организаторам поездки не придется ничего платить, — она выразительно посмотрела на Нику Витальевну.

— Не врете? — спросил Влад, снимая ноги со стула.

— Не врем, — открыто улыбнулся парню Эдвард.

— У меня одно условие, — Влад, делая невероятное количество ошибок, заговорил по-английски, — со мной пойдут мои друзья: Алекс и Криста. У них

родители в России. Родные, живые родители. Они не хотят усыновляться. Обрато отправите нас троих, — он посмотрел прямо в глаза Эдварду и добавил, — плиз.

— Ты что творишь, Синицин, — «психологиня» еле сдерживалась, — какие Криста и Алекс? Их родители — вон они, стоят, ждут деток. Прекрати сейчас же! — она забыла, что американцам идет в наушники перевод, и говорила громко.

Из группы вперед вышел еще один мужчина.

— Мы выбрали Алекса. Ты правда не хочешь жить с нами? — обратился он к парню. — Мы могли бы тоже попробовать пожить вместе, как и они, — он показал на Эдварда и Лину, — вдруг тебе понравится? Билет обратно оплатим.

— У меня батя в Москве, — еле слышно пробормотал Алекс. Неожиданно он почувствовал, как слезы подкатили к глазам, а в горле встал ком. «Батя, я тебя не предам!» — сказал Алекс про себя и шмыгнул носом.

Его приемные родители переглянулись.

— Мы возьмем парня к себе. Вы не будете возражать? — спросил их Эдвард.

— Нет, — американцы вздохнули и пошли к выходу.

В стороне осталась одна пара. Они внимательно смотрели на девочку. Кресту держал за руку Алекс, не собираясь ее никуда от себя отпустить. Фиолетовые волосы аккуратно лежали на плечах, голубые глаза смотрели безучастно, будто покрытые прозрачной корочкой льда.

— Ты тоже не хочешь ехать с нами? — американка подошла к Кристе. — Почему? Мы тебе подготовили красивую комнату, — она протянула девочке планшет с фотографиями, — смотри, розовые сте-

ны, кровать. На ней мишки. — Женщина растерянно топталась на месте. — Мы живем возле океана. Из твоей комнаты прекрасный вид. Ты понимаешь, что я говорю? — она заметила отсутствие наушника в ухе у Кристи.

— Да, понимаю. Я свободно говорю по-английски, — Криста выдавала фразы, как хорошо обученный робот, — мой папа из Голландии. Он умер пять лет назад. Мама жива. Она в России. Ждет меня.

— Позвольте, — встрял муж американки, — почему вас забрали из семей, если вы так любите своих родителей?

Ника Витальевна почуяла, что пора вмешаться:

— В России просто так отнимать детей у положительных родителей не станут! Но существует известный психологический эффект: дети тянутся обратно к плохому. Наша задача — перестроить их психику, поместить их в нормальную среду, перевоспитать!

Американец кивал, выражая полное согласие.

— Мы девочку возьмем. Зря те люди ушли: мальчика тоже надо было забирать. Пойдем, дорогая, — обратился он к Кристе, — мы создадим для тебя прекрасные условия. Школа в нашем районе — лучшая в Майами. Моя жена не работает и будет уделять тебе все свое время. Вставай!

Криста вцепилась в руку Алекса. Она не ощущала ни страха, ни отчаяния, ни злости. Но девочка знала одно: от Влада и Алекса она никуда не уйдет. Они — ее путь домой. К маме. Влад заметил побелевшую от напряжения руку Кристи. Он увидел взгляд ее голубых, бездонных глаз, направленный прямо на него. Влад встал и загородил ее своим телом. Алекс встал рядом, не выпуская руки Кристи из своей.

— Давайте не будем усугублять конфликт, — Эдвард положил руку на плечо Влада, — предлагаю детям поехать к нам. Они адаптируются к новым условиям. Приживутся. После примут окончательное решение. Не давите на них сейчас.

— Хорошо. Вы правы, — второй американец не стал спорить, — привезите ее как-нибудь к нам. Пусть все же посмотрит на наш дом...

Им выделили две комнаты. Влад и Алекс устроились в бывшей комнате Майка. Криста — в гостевой. Первую встречу назначили на после ужина. Поев, ребята хором сказали «Thank you» и встали из-за стола.

— Удачно пока поворачивается, — войдя в комнату и плюхнувшись на высокую кровать, отметил Влад, — как считаете? Нормалек! Батяня твой молодец. Интересно, откуда он про нас узнал?

— В каком смысле? — не понял Алекс, усаживаясь на свою кровать.

— Он тебе написал: «Ведите себя плохо», а не «веди себя плохо». Значит, знал, ты не один тут борешься за свободу.

— Я не обратил внимания, — признался Алекс, — мало ли. Всякое бывает. Он выяснил, нас увозят в Штаты. Мог выяснить и про нашу дружбу. Не важно. Важно, что план работает. Помыкаемся тут и домой. Твои — чуваки нормальные. Самое не повезло — у Кресты. Но мы ее не отдадим.

— Понятное дело, не отдадим, — кивнул Влад, — обратно поедем либо втроем, либо никто не поедет!

— Интересно, сколько времени они нас приручать будут? — Криста пристроилась на стуле у окна. — Кормят отвратительно!

— Трудно сказать. Недельки две потерпеть придется, — высказал свое мнение Влад. — Уезжать бум мотивированно, — он с трудом выговорил последнее слово, — то есть надо сказать им: добрые челы, спасибо, все океисто, но плиз, хочется домой. В грязь, срань и полную задницу.

— Итак, две недели, — резюмировал Алекс, — максимум!

Культурная программа включала в себя посещение парка с сумасшедшими аттракционами, кино, кафе и поездки к океану. Семья Влада жила от океана недалеко, всего полчаса езды. Дети набивались на заднее сиденье здорового джипа, хрустели чипсами и упорно разговаривали друг с другом по-русски, не пытаясь привлечь к беседе взрослых.

Периодически их навещала «психологиня». В целом выполненной работой она была довольна, но ее сильно беспокоили эти трое. Единственные не пристроенные на сто процентов. Директор слал гневные сообщения. Деньги уплывали из-под носа.

Два раза Криту отвозили к «ее» американцам. Парни девочку одну не отпускали, упрямо сопровождая Криту в поездках. Розовая комната всех взбесила. Сама потенциальная хозяйка эмоций не проявила, но носик поморщила.

— Хреновая комната, — справедливо заметил Влад, — в такую только кукол селить.

Однажды вечером они все дружно сидели на Кристиной кровати перед телевизором. Ждали начала рок-концерта. По телику показывали новости.

— Слушайте, пора линять, — начал Влад, — надо как-то культурненько сообщить американским челам, что пора бы нас отправлять обратно.

— Отбыли срок и ладно, — кивнул Алекс, — продумаем, чтоб повежливее. Так, в общем, они неплохие чуваки.

Криста уставилась в экран. Она схватила пульт и сделала громче.

— Замолчите! — Криста замахала на них руками.

От неожиданности парни послушно замолчали: Криста обычно говорила спокойным, ровным голосом. Ее окрик подействовал на них, как выстрел пистолета.

— Выборы! В России прошли выборы! — осенило мало чего понимающего по-английски Влада. — Да? — он вопросительно посмотрел на Кристу.

— Ага, — выдохнула девочка, — выбрали Тихонова.

— Того, который за отмену ювеналки? За пересмотр дел об усыновлении? — уточнил Алекс.

В комнате повисло молчание. Они протянули время и теперь могли спокойно ехать домой. В произошедшее верилось с трудом. Внутри что-то отпустило и дало возможность дышать глубже.

— Пошли вниз, — нарушил молчание Влад, — поговорим с американцами. Криста, сосредоточься. Тебе придется объяснить им все популярно. На переводчик я не надеюсь. Вечно привирает, коверкает фразы. Тут про выборы надо рассказать, про то, что нам срочно уезжать приспичило...

— Влад, — перебил друга Алекс, — а ты что будешь делать в Москве? Мы с Кристой будем бороться за возвращение к родителям. Точнее, они подадут или уже подали апелляцию, и по новому закону решение суда должны пересмотреть и нас вернуть. Ты куда? Тебя ж опять в приемник засунут!

Влад вздохнул. Он над этим вопросом не задумывался. Ему всегда хотелось одного — свободы! Прочь из клетки, из-за забора, от вечного контроля, слежки и прослушки. Долой уроки, опостылевших с раннего детства воспитателей. Долой казенную одежду — уж лучше рвань, но свою. Долой приготовленную на всех полезную похлебку. Долой отбой по часам и подъем по часам. Долой расписание. Лучше есть впроголодь, зато когда хочешь..

— Посмотрим, — проворчал он, — пошли!

В аэропорт они приехали заранее. Уселись в кафе за круглым столом. Эдвард заказал всем гамбургеров, картошки и коктейлей. Себе и Лине взял по бокалу вина.

— Дети, — он поднял свой бокал, — нам жаль расставаться с вами, — каждое слово давалось ему с трудом. Лина постоянно прикладывала к глазам салфетку, — мы готовы взять вас всех. Всех троих. Но мы понимаем, каково вам пришлось. — Эдвард потрепал по курчавой голове Влада, — мы с Линой приготовили вам сувениры на память. Надеюсь, вы будете вспоминать ваше пребывание у нас, как просто удачно проведенные каникулы. Ведь так?

Ребята закивали.

— Вот, Криста, тебе — сердечко. Лина выбирала. — Эдвард достал коробочку.

Криста вынула маленькое золотое сердечко на изящной цепочке. Она прицепила кулончик себе на шею.

— Спасибо. Очень красиво! — Криста подошла к Лине и быстро чмокнула ее в щеку. Лина покраснела и начала прикладывать салфетку к глазам еще чаще.

— Алéкс, тебе — билет на рок-концерт. Будет трансляция по всему миру через месяц. Твоя любимая группа, по-моему. «Пистолы».

— Спасибо, — глаза Алекса вспыхнули. Он и мечтать не смел о таком! Билеты на супергруппу стоили немерено. Алекс полез в рюкзак и выудил оттуда бандану с черепами, — это вам на память. Отцовская! — сказал он с гордостью, словно вручал не дешевую выгоревшую тряпку, а эксклюзивную шляпу от известного дизайнера.

Но Алекса поняли как надо. Эдвард замотал на голове бандану и грустно засмеялся.

— Great! — он повернулся к Владу. — Тебе мы дарим старый ноутбук нашего сына. Он в прекрасном состоянии. Там много интересного: игры, фотки, его дневник. Мы хотим, чтобы ты им пользовался. Это продлит ноуту жизнь.

— В него впаляли «здоровье»? — выпалил Алекс. — Такую штуку, которая делает старые гаджеты почти неубиваемыми, если ими пользуется один хозяин много лет? Это же новейшая разработка!

— Да, и неизвестно, как она будет работать, — ответил Эдвард, — надеюсь, действительно, ноут протянет долго.

— Но я не его хозяин, — заметил смущенно Влад.

— Мы задали твои параметры. Держи!

Влад осторожно взял тяжеленький ноутбук. Он прижал его к груди, и ему тоже отчего-то захотелось взять салфетку и промокнуть глаза.

Объявили рейс. Пора было идти сканировать карточки и переходить границу. У самой стойки они притормозили и обернулись. Им вслед смотрел высокий, по-военному подтянутый, седой мужчина с

глубокой складкой на лбу. Рядом стояла миниатюрная женщина с красиво уложенными платиновыми локонами, обрамлявшими заплаканное лицо.

— Я остаюсь, — Влад шагнул к ним навстречу. — I stay! — крикнул он им по-английски. — Mom! Dad! I stay with you!¹

Эдвард и Лина побежали к Владу. Они ждали его в объятиях, не смея верить в то, что он сейчас им сказал. Криста с Алексом держались за руки и в недоумении смотрели на своего друга. Влад высвободился из объятий.

— Ты прав, Алекс. Меня там никто не ждет. Лишь воспиталки в приемнике. Пишите мне, как только у вас там что-то решится! Пишите обязательно! Приезжайте в гости! Я вас буду ждать, — он повернулся к Эдварду и Лине: — Я пригласил их в гости. Вы ведь не против?

Они помотали головами...

ГЛАВА 5

Они сидели у Вована в квартире. Проведенная вместе ночь уходила в прошлое. На ее место приходили нелюбимые будни.

— Надеюсь, там все в порядке, — Вован ходил из угла в угол. Нервы начали сдавать. От ребят не было ни слуху ни духу.

— Уверена, — сказала Васька совершенно неуверенным голосом, — твой друг ведь обещал сообщить, если придут документы об их усыновлении, — внутри от собственных слов она содрогнулась.

— Обещал! Прошло больше двух недель! Выборы состоялись. Тебе, кстати, не приходило уведом-

¹ Мам! Пап! Я остаюсь с вами!

ление из суда? — Он порылся на захламленном столе. — Во, смотри. Осталось несколько дней!

Васька полезла в сумку.

— Вот черт! Почту не проверяла давно. Ведь правда могли прислать уведомление. Раз тебе прислали, — она продолжала вытряхивать вещи из сумки, — значит, и мне прислали! О, вот он! — она выудила телефон. — Та-ак, — Васька пролистывала сообщения с почты, — есть! Точно, пишут на третье июля. Что у тебя?

— И у меня третье, — кивнул Вован. — Только дети где? Где наши дети? Нет их! А без них и суд не состоится!

Васька призадумалась. Она трепала волосы и пыталась ухватить мысль, которая вилась вокруг да около. Наконец ее осенило:

— Вов, тут до меня дошло. Поздновато, правда. Ты сообщение сумел передать Алексу через своего друга. Ну, про плохое поведение.

— Сумел, — непонимающе кивнул Вован, — я ж тебе докладывал. Детям перед отъездом выдают телефоны. Звонить и отправлять сообщения может ограниченный круг людей. Но мой друг работает в такой организации, которая может все! Он отправил. Сказал, что Алекс получил: у них там видно, если получил и прочитал.

— Да, но Криста не получила! Ты просил отправить только сыну! Как я сразу не подумала.

— Вась, ты чего? Мы написали: ведите себя плохо. То есть во множественном числе. Ведите — оба ведите, — объяснял Вован, не замечая отсутствия логики в своих словах.

— Ага, и я сначала не поняла, — Васька вздохнула. — Вов, это мы с тобой дружим. А с чего ты взял, что наши дети вообще знакомы?

Вован призадумался. Простая мысль ему в голову не приходила.

— Их вместе повезли из суда в один коллектор. Там не так много народу. И в Штаты их вместе в одной группе повезли, — бормотал он, понимая, что бормочет чушь.

Некоторое время Васька молчала. Переважив информацию, она снова заговорила:

— Это моя вина. Моя вина. Вов, ты тут ни при чем. Я увлеклась, влюбилась. У нас тут с тобой роман. А про ребенка я и забыла. Какая из меня мать? Плохая. Забрали ребенка правильно, — она автоматически кидала вещи обратно в сумку, — вместе повезли туда, вместе повезли сюда. И что? Почему Алекс, получив сообщение от папы, должен был чудом догадаться, что его надо передать и Кристе тоже?

В комнате повисла напряженная пауза. Оба вдруг поняли, за две недели, проведенные вместе, они слегка отвлеклись и прошляпили Кристу. Васька заплакала.

— Вась, не плачь, а, — Вован присел рядом с ней на продавленный диван. — Я позвоню другу прямо сейчас. Бывают чудеса на свете. Понимаешь, о них нет данных. Об обоих нет! Смотри, друг говорит, на всех пришли документы. На всю выехавшую группу. Кроме! — он поднял указательный палец, — кроме троих! Какой-то Владислав Синицин, мой шкет и твоя Криста. Звоню!

Он взял телефон и набрал номер:

— Димон! — заорал Вован в трубку. — Что там у нас в магазине? Тот же товар? — он подмигнул Ваське. — Что новое пришло? Ага, спасибо!

— Ну как? — спросила Васька без особой надежды.

— Новости есть! — Вован подкинул телефон вверх.

— Говори! Говори сейчас же, — Васька видела, новости явно хорошие, но нервы были на пределе.

Вован улыбался во весь рот:

— Как бы мы тут ни напортачили с сообщением, но наши дети летят в Москву! Сегодня отметка прошла о прохождении границы в Штатах! Оба! То есть из всей группы летят только они двое. Ошибки быть не может! Неважно, случайность это или нет! Васька, дети летят домой! — он схватил ее за руки и поднял с дивана...

Давно Васька так ни с кем не целовалась, страстно и нежно, целиком отдаваясь поцелую, который, казалось, мог длиться вечно. Но сейчас ей было не до Вовкиных нежностей. Она забарабанила кулачками по его груди:

— Вов, не до того! Смотреть надо рейс! Поедем в аэропорт, хоть глазком на них глянем, а?

— Ты права, женщина! В кои-то веки. Согласен! — Вован помчался включать компьютер. — Так, рейсы из Америки. Смотри, сегодня только один! Осталось пять часов до прибытия. Успеваем!

Сидеть дома они больше не могли. Несмотря на имевшийся у них запас времени, они сели в Васькину машину и помчались в аэропорт.

С другой стороны Москвы в том же направлении выехала машина элитного коллектора Фурсенко. До повторного заседания и принятия нового решения детей велено было вести туда, куда их поместил суд.

Они вышли из самолета вместе. Тут же к ним подошел командир корабля:

— Вас просили провести отдельно, чтобы не потерялись в толпе. За вами приехали из коллектора.

— Как из коллектора? — Алекс искренне считал, что свобода начнется сразу после приземления.

— А куда ж вас вести? — искренне удивился летчик. — Решение суда никто пока не отменял.

У выхода ждали директор элитника и воспитатель Семен Семенович, вернувшийся из Америки неделю назад.

— Не чаяли уж нас увидеть? — осклабился директор. — Мы тоже, по правде говоря, не чаяли. Подвели вы нас, детки. Ну да ладно. За вас там хлопотут. А пока, добро пожаловать в дом родной. Пошли в машину.

В общем зале их оглушил шум. Прилетевших встречали родные, друзья и вездесущие таксисты. Алекс держал за руку Кристу и шел, не глядя по сторонам. Вдруг он почувствовал на себе чей-то взгляд. Не понимая толком, что происходит, Алекс покрутил головой и притормозил. Сзади в спину его подталкивал воспитатель.

Глаза в глаза. «Я с тобой», — говорил папин взгляд. «Я знаю, батя!» — говорил взгляд сына. Возле отца стояла симпатичная женщина. Кого-то она Алексу сильно напоминала.

— Мать! Криста! Там твоя мать!

Девочка повернулась. В нескольких метрах от них стояла пара: мужчина и женщина, державшиеся за руки. Сильно смахивающие на них самих.

— Давайте, вперед. Что встали? — директор потащил их к парковке...

В элитнике почти ничего не изменилось. И все же, приглядевшись, можно было заметить две вещи: детей стало меньше, а сотрудники коллектора ходили понурые и сердитые. В комнате Алекс оказался в одиночестве. Антон и Влад остались в Штатах. Элитник затих. После выборов директор считал

разумным уйти на дно и почем зря глаза новым властям не мозолить. Поэтому новых детей он не брал.

Комната Кристи тоже пустовала. Девчонок вообще расхватывали быстрее, чем мальчиков. Пустовала не только комната, пустовал весь этаж.

Этажи теперь не запирали: следить за оставшимися детьми охоты не было. Воспитатели прекрасно понимали, те немногие, что оставались в элитнике, вскоре пойдут на повторные суды. Судьи будут стараться угодить свежеизбранной власти и станут возвращать родителям всех подряд. Какая разница, в каком виде придет к ним ребенок? Американцам, да, надо было отдавать непорченный товар. Родным родителям дети сойдут в любом виде.

Алекс просек первым, наведаться на девчачий этаж можно без проблем.

— Привет! — Он ввалился в комнату и протянул Кристе шоколадку. — Вот, заначил в Америке.

— Спасибо, — Криста начала распечатывать угощение.

— Наши-то в аэропорт приехали. Узнали как-то про наш приезд. Молотки! И, видишь, сдружились. Прямо как мы с тобой, — Алекс покраснел.

— Мама, — произнесла Криста, — как давно я ее не видела. Ты думаешь, нас вернут им обратно? — В глазах у девочки впервые мелькнуло что-то похожее на чувства, что-то похожее на страх и надежду одновременно.

— Вернут! Не сомневайся, пожалуйста, — Алекс боялся спугнуть зарождавшиеся в ее глазах эмоции. — Как бы выяснить про суд. Когда пересмотр дела. Жаль у нас заблокированы все исходящие звонки и сообщения. Батя точно уже знает!

Они помолчали. Напряжение последних недель спадало, но оба боялись надеяться. Впереди их ждал

второй суд. Чем он закончится? Ведь перед первым они были так уверены в том, что отнять их у родителей не смогут. Они так были уверены во всемогуществе тех, кто подарил им жизнь. Им в голову не приходило, что кто-то надумает их у родителей отнять...

— Вернут! — повторил Алекс. — А не вернут, мы бежим. Влад оставил мне адрес рынка, где глушилки продают.

— Ты мне обещаешь? — Криста посмотрела на него внимательно. — Обещаешь меня не бросить? Не оставить тут, даже если тебя бате вернут, а меня маме нет?

— Ну ты что! Я к бате без тебя не вернусь. Останусь в коллекторе, пока нас не выпустят вместе, — Алекс тряхнул красной челкой.

На следующий день их порознь вызвал к себе директор.

— Суд по рассмотрению апелляции третьего июля в девять утра, — оповестил он Кристу, — у тебя в этот день уроков не будет. Сразу после завтрака — на выход.

— Суд по рассмотрению апелляции третьего июля в двенадцать, — сказал он Алексу, — отсиживаешь два первых урока и на выход. Обед — в зависимости от исхода дела. Вернут папаше, останешься без еды. Не вернут, накормим.

*Оглашение первого приговора. Заседание суда
от 3 июля 2025 года*

Милютин прочистил горло и приготовился идти в зал.

«Какие безобразия творятся в стране, — подумал он, — то забирай детей, то отдавай детей».

Он пролистал страницы дела. Девчонку велено вернуть. Мамаша раскаялась, прививать будет, обновлять информацию на чипе обязуется, в поликлинику прикрепилась.

— Ну и славно, — Милютин подобрал полы мантии и пошел «в народ».

Ермолина сидела в первом ряду. С работы ее не поперли. На заседание она пришла по поручению органов опеки и надзора. Новая власть, старая, а справочки изволь к делу прикрепить. Вернули ребеночка — следи, чтоб снова чего не напортачили бесовестные родители.

Коровина окидывала взглядом зал. Идиотов опять понаперло чертова куча.

— Вот ведь нечего делать людям, — пробурчала она себе под нос, — сидели б дома. Так интересно — смотри по Сети. Чего ходить, мешать работать только.

Через весь зал к ней направлялся грузный мужчина.

— Я из элитника, воспитатель, — обратился он к Коровиной, — вы тут за секретаря?

— Ну я, — Коровина громко вздохнула, вложив во вздох все обуревавшие ее чувства. «Напортачили небось, — подумала она, — документики придется переделывать. Как все осточертело!»

— Перепутали маленько. Первым мальчика привезли, что в двенадцать идет. Девочку тогда, наоборот, подвезем в обед.

— А, ну ладно, — Коровина успокоилась, — наоборот, не страшно.

Она рванула к Милютину:

— Дайте, я вам тут пролистаю, — она забрала у него планшетник, — детей наоборот привезли. Вот, этот пойдет первым. Левин Александр Владимирович.

★ Судья тоже вздохнул, но принял перемены смиренно.

— Зал освободить! — гаркнула Коровина, вернувшись на рабочее место, — заседание переносится на двенадцать ноль-ноль!

Охранники пошли по рядам, выгоняя людей из зала.

— Вов, сейчас тебя будут рассматривать, — Васька выскочила на улицу, — поменяли нас местами! Иди быстрее!

— Мои-то не подъехали еще! — Вован заметался. — Друзья-то мои к двенадцати приедут!

— Мы сойдем за твоих! Идем! — она махнула рукой и потащила его в зал...

Коровина не верила глазам своим — дежавю! В помещение заходили те же, кого десять минут назад выперли!

— Ювенальный суд постановил, — уже начал вещать Милютин, — в связи с чистосердечным раскаянием, признанием своей вины и обещанием устроиться на работу. Справка прилагается. А также обещанием не злоупотреблять спиртным, — бубнил судья, не делая пауз и не меняя интонации, — отдать Александра Владимировича Левина на воспитание отцу Владимиру Владимировичу Левину. Постановление вступает в силу в зале суда. — Милютин захлопнул планшетник и вышел из зала.

До двенадцати оставалось два с половиной часа.

— Батя, мне надо дождаться Кресту, — Алек прижимался к отцу, но твердо намеревался из суда не уходить, — я ей обещал, если что, вернуться в коллектор. Я ее не брошу!

— Конечно, конечно, — Вован и сам не собирался никуда уходить.

*Оглашение второго приговора. Заседание суда
от 3 июля 2025 года*

К двенадцати зал был забит битком: приехали друзья Вована, никуда и не уезжали друзья Васьки. Мест не хватало. Коровина была в шоке.

«Голос точно сегодня сорву. Никакой микрофон не поможет», — сетовала она про себя, проклиная судьбу, ниспославшую ей такую адскую работу.

Милютин пил кофе.

Ермолина качала головой. Она все происходившее называла цирком.

«Детей калечат! — рассуждала она. — Никакого порядка!»

Милютин посмотрел на часы: пора. Он вышел в зал. Ой-ей! На него смотрело минимум две сотни глаз! Коровина посылала сигналы: закругляйся быстрее, обстановка напряженная. Он, впрочем, об этом и сам догадался.

— Ювенальный суд постановил, — промямлил Милютин, у которого на нервной почве чуток подсел голос, — в связи с раскаянием Василисы Анатольевны Пирс, ее искренним желанием не причинять больше вреда здоровью ребенка, — Милютин щурился, тщаьсь разобрать буквы, слова и предложения, — обязана делать вовремя прививки, вовремя чиповать, обновлять и передавать, — он понимал, что несет полный бред, но не мог остановиться, страстно желая добраться до конца постановления, — передать Криту Станиславовну Пирс на воспитание матери...

По рядам прокатился вздох облегчения.

— Порядок! — Вован обнял Алекса и Ваську. — Дочку тоже забираем домой!

— Очистить помещение! — скомандовала Коровина. — Ожидаем снаружи!

Друзья поздравили и разъехались. Вован, Васька и Алекс остались стоять возле здания суда в ожидании Кристи.

— Что ж так долго-то! — У Васьки громко стучало сердце. Она прижимала руку к груди, будто боялась, что сердце не выдержит и выскочит наружу.

— Не волнуйтесь, — Алекс коснулся ее руки, — там долго вещи отдают. Все, что забрали тогда, давно, — он замолчал на секунду, — отдают по описи.

В Васькиной сумке зазвонил телефон. Трясуцимся руками она полезла его доставать.

— Вот кому приспичило так не вовремя, а? — Васька включила экран.

С экрана на нее смотрела улыбающаяся Криста. По счастливому лицу девочки текли слезы:

— Мама! Я плачу!

БЕСПОЩАДНО

отите славяночку двух лет, хорошенькую, блонд? Здоровенькую, полностью здоровенькую, справочки все имеются. Уверяю, уверяю, у нас неограниченный доступ к медицинской информации. Пожалуйста, пожалуйста, вот фотография. Номер 87 по каталогу. Нет, фоточкой ню мы не располагаем. Как почему? Изъятие еще не производилось, изъятие не производилось пока, нет условий для фотосессии. Да-да. Но у вас будет месяц на возвратик, пожалуйста, мы честным бизнесом занимаемся, только честным бизнесом. Сможете подключить независимых медиков, осмотрите всю, конечно же, общупаете, и если надо — что ж, оформим возвратик. До сих пор никто недовольным от нас не уходил, да-да. Тем более, вы претендуете на экземпляр класса «люкс», класса «люкс» экземплярчик, верно? По классу «люкс» — ни малейших изъянов. Понимаете? Гарантию даем, да-да, ни малейшего не будет изъянчика. У нас честный, солидный бизнес. Вам ведь солидные люди нас рекомендовали, верно? А? Тариф какой на славяночку? Девочка просто класс, посмотрите, какие волосики у нее, а щечки какие, а губки! А? Набиваю цену? Я? Нет, что вы, как можно. Но еще и здоро-

вьице отменное. В общем, класс «люкс» у нас идет от двадцати пяти тысяч. Скидочки, к сожалению, только постоянным клиентам, а вы у нас впервые, да-да. Нет, скидочку, к сожалению, дать не могу... Ну так что, делаем заказик?

— Ну, мамаша, собирай вещички своей козюле. Да, имеешь право. Подай. Хоть три заявления. Юра, ты слышал? Ну как дети. Каждый раз одно и то же. Разберется она с нами. В суд она... Мамаша, давай, поторапливайся. Ну какие основания? Какие хочешь, такие и придумай себе основания. Мы — ювенальные инспектора, тебе полномочия наши разъяснить? Лучше миром, мамаша, попросту и прямо сейчас, а если окажешь сопротивление, мы тебя посадим. Ну что за дребедень! Как же я с вами устал... Загибай пальцы: мать-одиночка — р-раз, зарплата маленькая — два, квартира давно не отремонтирована — тр-ри. Достаточно. Хочешь, чтобы мы сюда санэпидемстанцию подогнали? Подгоним враз. Хочешь, чтобы тебя в регулярных избиениях ребенка обвинили? Да не вопрос. Тут у меня с собой восемь подписанных заявлений с разной степенью тяжести. Только фамилию твою вот здесь, в пустое место вставить, и аллес гут. Смертным боем, говорят, бьешь, прохожих не стесняешься. Сильна, мамаша! Ты не знаешь этих людей? Дочку пальцем не тронула? Да какая разница, они тебя опознают, а для суда этого достаточно. Ну не трясись, мамаша, такая жизнь. Оба-на, слезы пошли. Мать, ты это, не думай, мы не звери, просто служба такая. Нам приказывают, мы делаем, мы люди маленькие. Отдавать все равно придется, система против тебя, мамаша, а кто ты против системы? Юра, скажи ей, как бывает,

когда башкой о бетонную стенку бьешься. Ну разъясни ты ей, что именно первым треснет — череп или стенка. Ты пойми, мамаша, дети — ресурс государства. Ну доктрина сейчас такая. Хочет государство, чтобы бедные рожали, кормили-поили, а потом богатые к себе забирали, воспитывать, ну так оно и будет. Ори — не ори, плачь — не плачь, а сила со лому ломит. Давай, не задерживай, у нас еще сегодня два изъятия... Чо? Да ты... Сучка! Больно! Тресни ее, Юра! Чисто бешеная тварь! Гнида, форму кровяной забрызгала. Лежи, паскуда, не рыпайся! Хорошо ты ее, Юра, успокоил, мастер. Пойдем мелкую пеленать.

— Алекс, девчонка — грязнуля, дура и совершенно не слушается! В школе ей поставили диагноз: аутизм тяжелых степеней, социопатия. Третья жалоба! Наша малявка, видите ли, позволяет себе агрессивную реакцию на попытки откорректировать психологический контур. Дурная кровь! Что тут скажешь, просто дурная кровь! Жалкая провинциалка, дочь, внучка и правнучка жалких провинциалок, это ничем не выбьешь. В нашем доме девчонка первый раз нормальной еды попробовала. Кто бы ей объяснил, что она на нас молиться должна! Она мне нужна на час, может быть, на полчаса в день — показаться с малышкой перед соседями, перед солидными какими-нибудь людьми... Остальное время я хочу оставаться свободной женщиной. В конце концов, всегда есть прислуга... Будем говорить честно: я бы никогда не согласилась приобрести этот аксессуар, если бы не патриотическая мода на малышей. Статусно, видите ли... А ей все время надо вцепляться мне в юбку, какие-то назойливые вопросы, какие-то

хныканья... Ты понимаешь, Алекс, она мне просто мешает! Вчера эта козявка испортила мне блейзер. Цапнула за карман и надорвала! Совершенно не понимает, когда мате... когда родителю номер один надо торопиться и не стоит лезть к нему со своей дурью! Что? Да. Слегка. По затылку. Ну, может быть, три или четыре раза... ничего, не хрустальная, не треснет. Даже не пробуй, Алекс! Ты должен быть на моей стороне. Помнишь, из какого навёза тебя вытащил мой отец? Я этого слышать не хочу! Ерунда. Мы заплатили за нее столько, что можем распоряжаться своей собственностью как угодно. В конце концов, есть такое понятие: амортизация...

— Кошечка, не сердись, заячка. Так уж получается. У нас просто нет времени заниматься твоим воспитанием. Мы деловые люди, а жизнь сейчас задает такой темп! Ты не должна обижаться. Не плачь, пожалуйста, а то мне как-то неудобно. Люди кругом... Кроме того, кошечка, ты вела себя нехорошо. Кто тебя научил тем словам, которые ты сказала Элеоноре, когда она капельку шлепнула тебя по животу? Молчишь? Ты очень упряма, кошечка. Но, заячка, мы всегда желали тебе только добра. Впрочем, когда вырастешь, ты непременно поймешь нас, я уверен. Ведь мы — цивилизованные солидные люди, в сущности, мы не переходим границ нормы... Очень надеюсь, что в кадетском корпусе спецназначения о тебе позаботятся как надо. Я смотрел их сайт. Там говорится, что они учат интересным и полезным специальностям, дают прекрасную физическую подготовку... Вот ты уже и не плачешь, котенок мой, синичка моя. Глаза высохли. Превосходно! Они там, эти армейские наставники, обязаны как следует о вас за-

ботиться, проявлять такт и уважение. Крупные политики постоянно заявляют, что дети — главный ресурс государства. «Дети подлежат заботе и всемерному сбережению». Ну а раз дети, значит, и ты, зверюшка. Да, чуть не забыл, к тебе недавно пыталась прорваться биологическая мать. Она только что вышла из тюрьмы и пыталась судиться, чтобы тебя вернули. На твое счастье, суд отказал, она ведь, кажется, регулярно избивала тебя прямо на улице... Кошечка. Как же я тебя жалею! Всем сердцем жалею. Очень мне неприятно, что не могу уделить тебе достаточно тепла и внимания. Элеонора говорила: «Алекс, не надо», — но я взял для тебя фотографию биологической матери. Она очень просила передать. Вот, возьми, пожалуйста, милая моя дочурка. Это, наверное, непедагогично, но Элеонора запретила делать на прощание дорогие подарки, и я решил вручить тебе хотя бы эту малость. Ты рада? Почему ты опять плачешь?! На, возьми, возьми платок, можешь даже оставить его себе. Нам, к сожалению, не удалось отучить тебя проявлять эмоции на людях... Я ничего не забыл? Нет, кажется. Прости, все, что мог, я для тебя сделал. Кошечка, ответь мне, пожалуйста, на один вопрос... ну не плачь, не плачь, ничего, как-нибудь все сладится. Только ответь на один вопрос: почему ты ни разу не назвала нас родителями? «Мамой» и «папой» сейчас взрослых называть не принято, но ты и «радой» ни меня, ни мамочку... то есть, родителя номер один, никогда не назвала. Все воспитатели да воспитатели... Или вовсе как-то безлично... Мне немного обидно. Ты не хочешь перед расставанием извиниться за свою холодность? Как ты сказала, кошечка? Ка-ак? Правильно от тебя Элеонора решила избавиться. А я-то, глупец, еще сомневался! Ты маленькое злобное чудовище.

— Группа «Рысь», мля, строиться на плацу! Алле, кошки, я кому сказал строиться? Оборзели вконец, мля, задницу поднять не могут... Знаете, сколько каждая, мля, должна государству за воспитание? Не будете резче шевелить мослами, до конца жизни не расплатитесь. Та-ак... Медленно строимся. Если вы, кошки, только что с боевого выхода, это не значит, мля, что можете распускаться тут, как сраные розочки. Кто, мля, сказал, двое суток отдыха положено? Ряхина, ты сказала? Два шага вперед. Запомни, мля, принцесса, на твое положено моим буюм наложено. За разговорчики в строю — наряд вне очереди по кухне. По форме отвечай. Два наряда! И хрена вместо увольнительной. У нас тут спецрежим, а вы кому вообще свое это самое? Вот так-то лучше. Сержант Ряхина, встать в строй! Всем, за общую борзоту, двадцать кругов отсюда и до караулки. Бего-о-ом... марш! А то, мля, устраивают тут мне, сироты, мля, казанские, цирк по заявкам! Ресурс государства, мать твою... Вконец оборзели.

«Привет, мама! Я так хочу опять увидеть тебя, мама! Хоть на часок. Хоть на минутку. Я все вытерплю, я все сделаю, я самая лучшая буду, только бы выйти отсюда и устроиться с тобой жить, мама. У нас тут... нет, знаешь, я тебе не стану жаловаться, мама. Я выживу, и мы с тобой еще заживем как следует. И еще, я попробую договориться с командованием, может, они отпустят меня к тебе, и мы поведемся. Почему ты больше не приезжаешь, мама? Ответь, пожалуйста. Я тебе уже два раза отправляла письмо по мэйлу, звонила раз пять, теперь пишу на бумаге. Ну почему же ты не отвечаешь, мама?»

— Вольно, старший сержант Ряхина. Можете сесть. Я вас вызвал, чтобы проинформировать о двух обстоятельствах. Значит, первое. Командование планировало наградить вас значком отличника боевой подготовки. Вы, понятно, ждали, что завтра, перед строем, я торжественно объявлю. Принято другое решение. Значок от вас не уйдет, потом получите, а пока с вас снято ранее наложенное взыскание. Когда, значит, вы инструктору по рукопашному бою старшине Селиверстову руку сломали. Прошу не проявлять лишнего удивления. Решалось наверху. Теперь, значит, второе. Н-да. К нам пришло... Нет, отставить. Значит, сначала такое дело... Мы — ваша семья, мы всегда о вас позаботимся. И сейчас я... Даже не пойму, как бы вам это получше сообщить...

— Кто посмел пропустить сюда солдатню? Охрана! Охрана! А! А! За что? Чем я заслужил? Как вы... Здесь всюду камеры, ваше самоуправство будет... То есть как — отключили? Что значит профессионаально? Мои ребяточки сейчас из вас... Не понимаю, не понимаю. Отдыхают и не запомнят? А вы... девушки, такие милые девушки в форме, хм... Садиться? Да-да. Конечно же. Непременненько. Зачем же бить? Какая-то спецоперация? Но я мирный солидный человек, меня, понимаете ли, знают в сферах, я непричастен. Да-да. К чему непричастен? Да совершенно ни к чему не причастен. Сколько лет назад? Я... я не краснею. Все это ошибка. Да-да. Какая-то досадная ошибочка вышла, ошибочка — определенненько. Ерунда какая-то. Но... Допустим. Но это ведь было так давно! То есть... мне надо немедленно сообщить адво-

кату. Я не намерен давать показания... Какая наглость! Вы серьезно? Вы на полном серьезе говорите мне, что вот, мол, знает кошка, чье мясо съела? Эту глупую фразу про «давно» вы из меня выбили! Я не подпишу... Не нужны показания? Простите, я, по всей вероятности, ослышался. Спокойно посидеть, пока зачитывается приговор? Но я же...

— Вот и все, мама. Я отомстила этому гаду. Ты ведь одобряешь меня, мама? Нас ведь как учили: мы — ресурс государства. А если государству надо помочь, если надо избавить его от ядовитых гадов, так мы с девочками всегда готовы. Думаешь, мама, не по закону мы действовали? Ну а он по закону меня продавал? И что, закон его хоть раз за его подлое гадство ущучил? Нет, мама, никто его не ущучил. Если бы ущучил, нам бы с девочками руки марасть не пришлось бы. Тоже еще, развлечение... А он, пухлый этот, аж целый благотворительный фонд возглавляет. На современное искусство деньжата дает. Живет во дворце, кушает на фарфоре, авиетка у него собственная. Еще домик в Англии, хороший такой, старинный, солидный, я в сети фотки видела. Жена лет на сорок моложе, седьмая, кстати, по счету. Только вот детей нет. Сколько девок перепортил, а ребяенок ни у одной не завелся. Словно смерть у него в сперме живет. И что ты мне после этого всего скажешь, мама, про закон? Этот твой закон — тьфу и растереть. Пухлый — детьми торговал, и ничего ему не было. Я — убила его, и ничего мне не будет. Начальство сделает так, что никто ничего не узнает. Больше нет, мама, никакого закона. Пропал закон. У кого сила — тот и закон. Вот у меня — сила. У нас каждый третий парень в спецбригаде такой же, как

я, «изъятый», и каждая вторая девочка. Если кто-то из них попросит... помочь... так я помогу, мама. Потому что закон теперь я. И я уродов таких буду... беспощадно! Ладно, мама, что я с тобой все о тварях этих? Давай о чем-нибудь другом, мама. Знаешь, с тех пор, как я узнала, что ты... что тебя больше нет... мне стало трудно вспоминать тебя, мама. Вот я говорю с тобой, цветы тебе на могилку кладу, но лицо твое описать уже не могу. Раньше помнила, а теперь картинка из головы пропала. Стерлась. Я очень долго твой запах помнила. Потом и запах стерся. Фотография у меня твоя была, так потеряла я куда-то фотографию. Совсем недавно потеряла, прости меня, мама. У меня от тебя больше ничего не осталось. Я только одно помню: когда-то ты у меня была, мама...

ВОШКИ

арс-26> Ошибка управления: скорость снижения выше допустимой.

Людмила Чижова, лидер экипажа-Б, навигатор, на вспомогательном мониторе нашла начальные данные, отклонения по осям и ошибки. Глянув на таймер, решилась.

— Внимание, экипаж! Второй заход!

По второму разу получилось. Тряхнуло, но в допустимых пределах.

Марс-26> Посадка завершена. Экипажу-Б приступить к обработке этапа «Грунт». Обеспечить охрану периметра зоны посадки.

— Внимание, экипаж! Грунт! Десантной группе приготовиться к выходу! Охранный пост! Манохина!

— А?

В наушниках фыркнули. Кто-то из десантников.

— Люся, ты чего-то хотела? — спросила Манохина.

Людмила Чижова, выцедила сквозь зубы:

— Охранный пост, приказываю: задействовать систему слежения, проверить системы активной и

пассивной безопасности, обеспечить мониторинг периметра зоны посадки, систему сопровождения целей привести в полную боевую готовность. О выполнении доложить.

— Сейчас, — ответила Анна Манохина.

Навигатор откинула блокировочную скобу и щелкнула тумблером кессонной двери.

— Внимание, десантная группа! На выход! Отсчет пошел!

— Но я же не успе... — тоненько пискнула Аня.

— Поторопись, — сухо ответила навигатор, мельком глянув на кессонный датчик давления и термометр. Холодина. На Марсе как на Марсе.

— Я не осьминог, — буркнула Манохина.

На посту охраны два рабочих места, но экипаж неполон, а на поверхность по инструкции нельзя выходить одному.

Десантники дышали тяжело, общались междометиями. Грунт мерзлый, отбор керна — непростое дело. Чинова отвлеклась — представила: из десантного люка валит пар, на трубе керноприемника иней. Шипастые подошвы скользят по наледи. Над холмистой сизой равниной фиолетовое небо; солнце — низко над горизонтом, не греет. Позади, на востоке, плоскогорье, похожее на слоеный торт. Слишком близко. Граница периметра безопасности...

— Навигатор, докладываю: системы слежения, активной и пассивной безопасности задействованы, мониторинг периметра ведется, система сопровождения целей в полной боевой готовности, но...

— Что «но»?

«Няха-тюха, что не так опять?»

— Сопровождение низколетящих целей в восточном секторе... Люся, не видишь, что ли? Мерт-

вая зона. Сели слишком близко к этим дурацким скалам. Какое тут может быть сопровождение?

Пискнула зуммер. Навигатор глянула на главный монитор, а там...

— Отставить болтовню, — бросила она, думая: «Ну вот, теперь еще и это. Засыпались мы по полной программе».

Марс-26> yF CNFWBJYFHUJQ JH,BNT J,YFHE;TY
LTCFYNYSQ RJHF,KM @CBYB [@/ JHF,KM @CBYB
[@ C,HJCBK LTCFYNYSQ,JN/

Покосившись на контрольную панель, навигатор поняла — сбой дешифровщика. Разбери-пойми теперь, что было в команде. Дешифровать вручную?

— Границу периметра в восточном секторе пересек неизвестный объект, — нервно доложила Манохина.

— Свой-чужой? — машинально, спросила Чижова. Разглядывала белиберду на экране, пытаюсь припомнить, где видела уже вот это: «@CBYB [@»

— По СЧ не отвечает.

— Зенитную систему — к перехвату.

— Восточный сектор. С грунта не достать, мертвая зона.

«Может, не амеры? Что такое «СВУВ [»? Оба раза между двумя «собаками». Няха говорит, с грунта ракетами не достать. Взлет? А Юра с Толиком как же?

— Десантная группа, вы скоро?

— Три... минуты... — задыхаясь, ответил кто-то из двоих, не разобрав кто.

— Копаются! — раздраженно выкрикнула Людмила.

«@CBYB [@ — это «синих» в другой раскладке, капсом. Если так, то...»

Навигатор прочла начало исковерканного сообщения, скомандовала:

— Десантная группа! Через минуту взлет! Охранный пост, повторяю, зенитную систему — к перехвату. Амеры.

— Но как же... — мямлила Манохина.

— Выполнять! — приказала Чицова, следя за таймером. Палец держала на фиксаторе пусковой кнопки, думала: «Взлет? Люк можно закрыть после».

Снежинки посверкивают в воздухе, на прочищенной с утра тропе вырос пуховый слой. Сухо, морозно. Потянешь носом — слипаются ноздри. Минус двадцать для конца февраля обычное дело.

Антон Сергеевич поежился и ускорил шаг. За три года не смог привыкнуть к зауральской зиме и поверить не мог, что такое можно любить. Виды, конечно... Он глянул вверх сугроба. Да, фантастика. Холмы эти на западе. Небо фиолетовое на востоке. Солнце маленькое, не греет. Не будь над обрывом сосен — ни дать ни взять Марс.

«Марс будет наш!» — прочел Антон Сергеевич на фасаде корпуса. Поморщился. Лозунг за три года навяз в зубах, но надо терпеть, детям нравится.

В окне третьего этажа стриженные головы. Приготовишки? Как они носами к стеклу! Не иначе, на полигоне у кого-то тренинг. Антон Сергеевич, всходя по широкой лестнице на парадное крыльцо главного корпуса, против воли оглянулся через плечо. Возле «сигары» копошились серебристые фигурки.

«Берут грунт? Не опоздать бы. Марс жесток, но это Марс», — подумал Антон Сергеевич и через силу отвернулся.

«Проект «Марс-26», — прочел он справа от двести, золотом по красному полю, и ниже, крупно: «ВОШК-И № 1616».

Антону Сергеевичу снова захотелось поморщиться, но вместо этого он сделал каменное лицо и показал его камере. Куратора первого уровня уволили без указания причин неделю назад. Тоже вечно корчил кислую мину. «Марс-26» жесток, представления о справедливости у него весьма оригинальные, но... «Возможно, он прав. Идешь к детям — кислотину оставь за порогом», — думал Антон Сергеевич Марченко, в прошлом учитель физики, куратор экипажа-Б шестого уровня филиала номер тысяча шестьсот шестнадцать всероссийской общеобразовательной школы-интерната.

Щелкнул замок, «Марс-26» признал Антона Сергеевича своим и пустил внутрь. «Не мои ли бешки на полигоне?» — подумал Марченко, поднимаясь по служебной лестнице в кураторскую. Перед пластиковой дверью остановился и подарил видеокамере усталую полуулыбку. «Открывай, свои». Кремовая плита откатилась в сторону.

— ...вообрази, Жора, половина третьего ночи! — услышал Марченко голосок Маши. Вошел, огляделся, таща с головы шапку.

Горбунова — рыжая, встрепанная — косясь на монитор, что-то рассказывала Вишнякову.

— Доброе утро, Машенька, — поздоровался Марченко, глянув мельком на монументального куратора экипажа-А. Облаченный в комбинезон космодесантника, Жора торчал у окна, Машу слушал вполуха, считал ворон. «Машка тоже успела переодеться, надо бы и мне, построение скоро», — подумал Антон Сергеевич.

— Добрутр Тонсергеич, — чирикнула Горбунова, не повернув головы. — Ага, она срезалась на первой попытке. Я так и знала.

— Это не мои бешки у тебя там? — спросил Марченко. — Здравствуйте, Георгий Михайлович.

— Ваши-ваши. Чижова на первом заходе страшила.

— Что у нее?

— Ветер не учла. А еще сокращенное умножение. Не любит она его, видите? — Горбунова потянулась к экрану, чтобы показать строку, но Марченко уже и сам увидел. Марс жесток: почуял слабинку и подсунил девчонке задачку. Срезалась. Опять бешки продуют ашкам.

— Георгий Михайлович, доброе утро! — повторил Марченко, соображая, как подъехать к Вишнякову, чтобы на построении не добивал проигравших дубовыми шуточками.

— А? — Вишняков снизошел, услышал. — Мое почтение.

«Каков, а?! Мое почтение. Вот в этом он весь. Молод, удачлив, буйноволос, а я...» Марченко погладил залысины и направился к шкафу — за комбинезоном.

— Жора, ты слушаешь? — спросила Горбунова, отстукивая что-то на клавиатуре, и продолжила прерванную историю из личной жизни, изредка вкрапляя реплики: «Что, Марсик? А, понятно. Дам девчонке дешифровку в цейтноте», «Что еще, Марсик? Ага. Тонсергеич, Чижова гробанула десант, подняла корабль».

Марченко байку не слушал, на монитор не смотрел. Чтобы скрыть лицо, прятался за ширмой, все равно надо было переодеться. И без монитора ясно: Люся выкрутилась, спасла корабль, подняла эки-

пажу процент выполнения. Зря. Сколько ни бейся с детьми, против системы не попрешь. Родства не помнящие ради процента выполнения пойдут по головам. Вырастут, пройдут отбор, полетят на этот свой Марс... Это если полетят. А если нет? Гробануть десант можно и на Земле. Не к добру вся эта затея, зря. И напрасно Маша треплется под камерами о домашних делах. Марс на всех один, как бы не вышло неприятностей.

— Маша, зря вы! — сказал Антон Сергеевич, высунув из-за ширмы голову. Ну как ей намекнуть, что Марс видит и слышит? Девчонка не понимает. Сразу видно, домашний ребенок, в интернате работает без году неделя, не насмотрелась.

Горбунова предостережение пропустила мимо ушей. Развлекалась, была весела. Посмеиваясь, сообщила между делом: «Тонсергеич, ваши прошли. Рейтинг — семь с хвостом. Ашкам продули, конечно».

Марченко, приглаживая редкие волосы, выбрался из-за ширмы.

Вишняков повернулся на каблуках и глянул на куратора поверженных бешек победно.

Маше, как и «Марсу-26», безразлично было, кто победил. Дотравила анекдот и наслаждалась реакцией Вишнякова. Тот громогласно расхохотался.

Марченко не до смеха было; ждал, пока Георгий Михайлович отхохочется и соизволит высказаться по делу.

— Ну что, Антон Сергеевич, займемся кнутами и пряниками? — спросил, наконец, Вишняков. — Через десять минут построение.

Марченко садиться за терминал не спешил; тщательно подбирая слова, проговорил:

— Кстати, о наказаниях. Георгий, считаете ли вы правильным, что весь экипаж будет наказан за ошибку лидера?

— Зачем мне считать? Система посчитает лучше меня. Опять вы затеваете... Сорок раз говорено, я не в состоянии учесть все микрособытия, ведь не слежу же я за детьми круглые сутки. «Марс» видит все, ему лучше знать, кто виноват. Вы директивы смотрели?

— Успею, — проворчал Марченко и побрел к своему столу. Нехотя разбудил терминал, уселся и, не глядя на экран:

— Я спросил вас, а не систему. Как думаете вы?

«Бесполезно. Не понимает. Адепт автоматической системы кнута и пряника, марсофанатик. Социализация — все, личность — ничто. Не воспитатель он, куратор. Эффектор системы».

— Как я думаю? А вот как. Если я не накажу сейчас, жизнь накажет. Всех за одного.

— Она уже наказана, — с тоской проговорил Марченко. — Зачем добавлять? Зачем эта порка перед строем?

— О ком вы? — с большим удивлением спросил Вишняков.

«Дальше своего носа не видит. Они для него не люди, а переменные системы «Марс-26».

— Я о Чижовой. Очень вас прошу, Георгий Михайлович, давайте на построении обойдемся без сравнительного оценивания. Хотя бы справедливости ради. Бешки мои в неполном составе, и...

— Посмотрите директивы, — перебил Вишняков.

«А то я не знаю, что там будет, — подумал Марченко. — Ну вот: провести сравнительное оценивание действий экипажей, указать лидеру экипажа-Б...»

— Прочли? — сухо осведомился Вишняков.

— Прочел. И все-таки я считаю...

— Антон Сергеевич! — рокотнул молодой начальственный баритончик.

Марченко вздрогнул, обернулся. Когда он успел войти? Явился, как черт к пьянице. Как всегда вовремя. Вездесущий директор.

— Да, Ваня.

Росников стоял у двери, поглядывая поочередно на обоих кураторов.

— Напоминаю вам, — сказал он. — Куратор экипажа, подписавший трудовое соглашение с проектом «Марс-2б», взял на себя некоторые обязательства. Обсуждение директив считаю бесполезным и...

Росников повернулся к Антону Сергеевичу и добавил, не глядя в глаза: «И даже вредным».

— Но ведь это же игра, — несмело подала голос Машенька. — Жора, они еще дети.

— Да, игротехник, — сказал Георгий Вишняков. — Они пока еще дети, игротехник. Это игра, правила устанавливает «Марс». Нельзя нарушать правила.

«Вопрос исчерпан, — подумал Марченко. — Но он не прав. Нет в системе детей. Дети остаются детьми, когда рядом есть взрослые. Если заменить взрослых правилами, дети становятся...»

Он не позволил себе сделать вывод.

Директор покинул комнату, следом за ним вышли кураторы, Горбунова осталась писать сценарий на завтра.

«Марс жесток, — думал Марченко, спускаясь по лестнице в холл за Вишняковым. — Он устанавливает правила, мы не будем их нарушать. Мы незаметно внесем коррективы». Карандашик видеокамеры шевельнулся под потолком, провожая Антона Сергеевича взглядом рыбьего глаза.

— Марс будет наш!

Хоровой выкрик ашек — мощностью в пять подростковых сил — раскатился под потолком холла.

— Экипаж-А, воль-но, — растягивая слоги, командовал Вишняков. — Свободное время тридцать минут. Лидер, проследите, чтобы не было опозданий на лекцию. Р-разойдись.

Куратор ашек смотрел в потолок, будто его не заботило, как экипаж исполняет приказы.

Ашки были в восторге.

Марченко отметил мимоходом: «Не все. Мила — да. Смирницкого не поймешь, флегматик. Тася — да. У Чена глаза как щелки, рад. Дети. Но Макс...»

Лидер ашек победу не праздновал, из холла уходить не спешил. Не хотелось при нем, но выбора у Антона Сергеевича не было, долго держать детей в строю нельзя. Разбор полетов окончен, директива выполнена.

«Теперь коррективы, — подумал Марченко, пройдясь вдоль строя. — Вишняков ушел, пора. Макс еще здесь, кого-то ждет. Ничего, пусть послушает».

— Разбор действий экипажа при выполнении зачетного задания окончен, но я хотел сделать кое-какие замечания и задать вопрос, — негромко сказал Антон Сергеевич.

«Чернов напрягся, Толик тоже. Думают, я им персонально сейчас устрою разнос. Люся, кажется, тоже так думает. Манохина... Ну, эта спит, как всегда. Начнем».

— К Чернову и Колосу нет замечаний, сделали что могли. Манохина...

«Аня проснулась, выставила иголки».

— Манохина поработала за двоих, я ею доволен. Кое-какие ошибки были...

— Кое-какие? — возмутилась Чижова. — Синус перепутать с косинусом!

— Лидер экипажа Чижова, — не повышая голоса, сказал Марченко. — Люди не автоматы, им свойственно ошибаться и учиться на ошибках. Надеюсь, вы тоже разберетесь с формулами сокращенного умножения и с прочими мелочами. Скажите, правильно ли вы поступили, оставив на грунте десантную группу?

— Но ведь амеры... — Вопрос застал Чижову врасплох. — То есть, десантный бот «синих»... И потом, рейтинг экипажа...

— Вы хотите сказать, что если бы не ваши действия, процент выполнения мог быть ниже. Людмила, я не критикую, просто спрашиваю. Что думают остальные члены экипажа?

— Нужно было выйти из мертвой зоны и расширить сектор, — вступилась Манохина. — Иначе они накрыли бы нас ракетами.

— Все равно продули, — буркнул Чернов.

— Продули своим, а не чужим, — Чижова взяла себя в руки, выглядела прекрасно. — Бот «синих» подбили.

«Красивая девочка, но формалистка. Будут у кого-то проблемы, — подумал Марченко. — Впрочем, это не относится к делу. Почва готова, теперь вопрос».

— Да-да, лидер, все в порядке, конечно. Чужие побеждены, наши победили, хоть и не обошлось без жертв. Но что дальше?

— Извините, Антон Сергеевич, я не понимаю вопроса.

«Это неудивительно», — подумал Марченко, с удовольствием глядя на возмущенную космодесантницу. Румянец во всю щеку, глаза серо-стальные. Определенно, у кого-то будут проблемы. «Не будут, а уже есть», — отметил Антон Сергеевич, краем гла-

за следя за лидером ашек. Макс подпирал дверной косяк, руки держал в карманах.

— Не понимаете? Представьте: вы закончили интернат, прошли отбор, курсы подготовки и в две тысячи двадцать шестом году всем экипажем приняты в экспедиционную группу. Перелет позади, экипаж-Б сброшен в десантном боте, имея задание взять пробы грунта и выбрать место для высадки основной группы. И тут на корабль и десантный бот нападают какие-нибудь «синие».

— Мы победим, — уверенно заявил космоде-сантник Колос по прозвищу Тол. — Марс будет наш.

— Конечно, — Марченко старался видеть всех од-новременно, но получалось плохо. — Допустим, мы уже победили, но вы, Анатолий, и вы, Юрий, не дожи-ли до победы, остались на грунте. Бот цел, связи ни с кораблем, ни с Землей нет. Лидер экипажа Людмила Чижова и бортиженер Манохина живы и здоровы, Анна, правда, слегка не выспалась, но это дело попра-вимое. Зброшенных на поверхность запасов хватит лет на двести, в зоне посадки имеются подповерхност-ные залежи водяного льда, почва богата оксидом желе-за, неподалеку — капсулы со сборными жилыми купо-лами. Что вы будете делать дальше, лидер?

— Как это — что?

— Подумайте над этим, Чижова. Я не тороплю с ответом. До две тысячи двадцать шестого года вре-мени много. Экипаж-Б, вольно! Свободное время двадцать минут. Разойдись.

«Ни до чего она не додумается, зря я это зате-ял, — решил Марченко, наблюдая, как расходится экипаж. — У Чижовой вид надутый. Пусть. Думать не вредно. Здорово Марсик им прочистил мозги».

— Люся, — позвал Максим. Отлепился от кося-ка так, словно это стоило ему немалых усилий, подо-

шел ближе. Руки по-прежнему держал в карманах, вид имел мрачный и независимый, на Антона Сергеевича поглядывал с неприязнью.

«Не мое дело», — подумал Марченко, собираясь улизнуть, но не успел. Лидер ашек решил. Громко, чтобы слышал куратор, сказал:

— Люся. Я это... Сделал бы то же самое. Тоже поднял бы корабль. И это... Я хотел бы...

— Мне все равно, чего бы ты хотел, ашка, — отрезала Чижова. — В подачках не нуждаюсь. Дай пройти.

Лидер экипажа А посторонился, вслед ей смотрел с такой тоской, что Антону Сергеевичу захотелось хоть как-то помочь парню — потрепать по плечу, сказать что-нибудь утешительное, — но он вовремя остановился. Говорят, в Чебаркульском филиале ВОШКИ куратора экипажа девятого уровня уволили за склонность к педофилии только потому, что имел обыкновение по-отечески класть детям руки на плечи. «Свят-свят. Мне это ни к чему», — и Марченко решил ограничиться словами.

— Молодец, — сказал он Максиму.

Мальчик посмотрел на него волком.

«Я на твоей стороне», — подумал Антон Сергеевич, но вслух добавил только:

— Куратор просил тебя проследить, чтобы не было опозданий.

— Не просил, а приказал, — огрызнулся Макс и зашагал через холл наискосок, прочь.

«Двенадцать лет, ужасно прекрасный возраст, — размышлял Антон Сергеевич. — И помочь бы ему, но как? Бог знает, чем все это кончится, неизвестно еще, чем Марс оплатит за неуместный вопрос. Не хочу, чтоб выгнали. Уволят — плакала тогда Валеркина ипотека».

В проекте неплохо платили, Антон Сергеевич мог себе позволить половину отдавать сыну. Тот ввязался в постройку дома, переселился, но не рассчитал, и с полгода уже едва сводил концы с концами, воюя с исполнительной службой. Если бы не деньги отца — давно вышвырнули бы Валерку с женой и двумя детьми в муниципальное общежитие. Что это значило, Антон Сергеевич знал не понаслышке — интернаты повсюду, что ни день отовсюду везут космодесантников, чьи родители не могут обеспечить или не справляются. Со взрослыми «Марс-26» не играет и шансов на второй заход не дает. Приоритетный проект. Не справляешься с родительскими обязанностями — отдай детей стране. В интернате им будет лучше.

«Лучше? Ну нет. Внуков не отдам. Пусть тогда...»

Антон Сергеевич приостановился на лестнице. Тряхнул головой и двинулся дальше. «Что за мысли, в самом деле? Можно подумать, это обмен. Они мне внуков, я им — Макса, Чижову и остальных. Бог знает до чего так можно додуматься. Морду не криви, когда смотришь в камеру».

Дверь кураторской отъехала в сторону. Марченко вошел.

Георгий Михайлович опять со значительным видом торчал у окна и считал ворон.

— Тонсергеич? — весело чирикнула, крутнувшись на стуле, Маша. — Вас к директору.

«Что еще за новости?» — подумал, потирая лоб, Марченко.

У входа в директорский кабинет Антон Сергеевич нагнал медсестру. Алина, более чем всегда похожая на печальную рыбу, не спешила. Одна рука

в кармане халата, в другой — пакет с комбинезоном космодесантника. «Вот в чем дело, прибыло пополнение», — сообразил Марченко и распахнул перед медицинской работницей дверь. Она так и не вынула из кармана руку, вошла. С нею всегда так — ждет, что люди и вещи станут повиноваться без слов, и устало удивляется, когда этого не происходит.

В директорских апартаментах пахло озоном. В смежной каморке гудел и пощелкивал медисканер, похожий на саркофаг. Полицейский — двухметровая дылда — с видом кота, стерегущего мышиную нору, нависал над директорским шикарным столом. Росников листал протокол и вырисовывал подписи.

— На вокзале? — спросил он.

— Лез в «Пустельгу» зайцем, — прогудел полицейский, мотнув головой в сторону сканера. — И пролез бы, если...

Он осекся, заметил Алину. О подписании документов на какое-то время забыл. Медсестра его не почтила вниманием, нырнула в каморку.

— Если бы что? — спросил Антон Сергеевич.

— А? — Полицейский забыл, о чем речь. — Здравствуйте.

«Он был уже тут пару раз, — подумал Марченко, здороваясь с полицейским за руку. — Плевать ему на то, как и где поймали мальчишку. Подписи на бумажках важнее. Но этот не совсем безнадежен. Как он — на Алину!.. Кот».

— Принимайте, Антон Сергеевич, — сухо распорядился Росников, отдав конвоиру бумаги. Тот перелистал; кивнул; вздохнул, зыркнув на дверь медотсека, где возилась возле саркофага Алина, и отбыл.

Саркофаг пискнул; занял, поднимая крышку. Данные о новобранце попали в систему.

— Одевайся, — уныло распорядилась Алина. Тут же вышла, походя щелкнув клавишей на силовом щите. Спросила директора: «Я больше не нужна?» — и, не получив ответа, улизнула.

«Рыбка. Для нее мальчишка — новая порция данных в кандидатскую. Для полиция — подконвойный. Сбыть с рук поскорее. А для Вани...» Марченко не додумал — на пороге медотсека увидел космодесантника. Тот никак не мог справиться с рукавами.

— Помочь?

Мальчик глянул исподлобья, не ответил.

— Ну сам так сам, — сказал Антон Сергеевич. — Как тебя величать?

— Не говорит, — ответил за космодесантника Росников.

— Совсем? — с улыбкой спросил Марченко, думая: «Немых к нам не возят. Кричал, небось, когда ловили, дрался. На лбу ссадина и на губе. Теперь молчит. Что это у него?»

Мальчишка, когда застегивал куртку, что-то сунул за ворот, держа в горсти.

«Шнурок на шее. Что-то на нем блестящее. Хорошо, что в директорском кабинете нет камер. Или есть?»

— Не совсем, — ответил директор, листая бумаги. — Просто не отвечает. Как мне его регистрировать?

«Тебе бы только регистрировать», — подумал Марченко и сказал мальчишке:

— Меня зовут Антон Сергеевич Марченко. Добро пожаловать в экипаж-Б, дорогой... Э-э... Видишь, не получается. У космодесантника должно быть имя или хотя бы прозвище. Ты же не хочешь быть у нас Молчуном? Космодесантник Молчун — это несолидно, так ведь? Как же нам тебя...

— Мне все равно, — буркнул космодесантник, застегивая верхнюю пуговицу.

— Но мне не все равно и экипажу.

— Миклуха, — выпалил мальчик.

«Врет, конечно. Он не интернатский, домашний. Не мое дело, что у него на шее».

— Николай Николаевич? — Марченко серьезно кивнул. — И через черточку Маклей. Хочешь быть путешественником, к тому же великим?

— Николай Николаевич? Маклей через черточку? — Директор поднял одну бровь. — Откуда вы... Так и записывать?

— Ваня, ты меня огорчаешь, — проговорил Антон Сергеевич. — Пиши пока просто Миклуха, вторую часть фамилии неплохо бы сначала заработать. Так ведь, космодесантник Миклуха? Пойдем, представлю тебя экипажу.

— Антон Сергеевич, задержитесь на минуту, — сказал, оторвавшись от монитора, директор.

— Подожди меня в коридоре, Миклуха, я сейчас, — сказал мальчику Марченко.

«Мальчишка кивнул. Есть контакт. Что еще от меня нужно Ване? Вроде, все с формальностями».

— Антон Сергеевич, — с видимым нежеланием начал директор, глядя в стол. — Хотел вас предупредить, могут быть неприятности. Я получил от системы предупреждение.

«Все-таки нет здесь камер, иначе бы он не решился».

— Ты же меня хорошо знаешь, Ваня.

— Поэтому и говорю: прекратите саботаж. Вы же не хуже меня теорию помните и должны понимать, к чему приводит неточное исполнение директив.

— Теория — ладно. С практикой беда.

— Что вас опять не устраивает?

— Методы. Куда-то нас Марсик не туда ведет. Но это длинный разговор, а меня за дверью ждет практика.

— Я вас предупредил, — буркнул Росников.

— Зачем? — спросил Марченко, взявшись за ручку двери.

— Я рекомендовал вас в проект.

«Понятно, — подумал, поджав губы, бывший учитель физики и вышел, аккуратно прикрыв за собою дверь. — Непонятно только, от себя ты предупредил или выполнил директиву. У мальчишки глаза красные. Плакал или не выпался? Ничего, Марсик его сегодня уложит. Прочистит мозги, выжмет из подсознания всякую дрянь. Не нравится мне все это...» Куратор отогнал кислые мысли и сказал:

— Здесь направо, Миклуха. Я тебе покажу твою ячейку, а после — в экипаж, знакомиться.

— Макс, дай сдать комбин, — попросил Смирницкий, поймав лидера за рукав.

— Иди, — отругнулся Макс, дернув рукой, но Смирницкий держал крепко.

Дело было перед обеденным построением, сразу после алгебры. Дима Смирницкий, для друзей — Дым, на алгебре занимался кое-чем получше комбинаторики и прохлопал новую тему.

— Зажал? — флегматично спросил он, не отпуская рукав.

Макс смотрел куда-то мимо, было ему не до конспекта.

— Дым, расseyся, — вежливо попросил он и, толкнув Смирницкого, все-таки выдрал рукав. Сделав это, отошел на пару шагов, чтобы лучше видеть.

— Что это с ним? — спросил Дым, проследив, кого там высматривает лидер.

— Не что, а кто. Люська, — равнодушно ответила Аня Манохина.

На общих лекциях ашки и бешки сидели вперемешку, Смирницкий, к примеру, всегда оказывался рядом с Няшкой, потому что та не задалбывала болтовней.

— Она не с ним, а с этим новеньким. Как его?

— Вот именно.

— Не понял.

— Тебе и не нужно, — сказала Ня и отвернулась к окну. Там заснеженная равнина. Ходят слухи, раньше, когда в Елани стояла военная часть, низменность эту называли Долиной Смерти. Подходяще.

Чижова действительно была с новеньким — на лекциях усадила этого лопухого рядом, таскалась за ним на перерывах, и теперь, загнав в угол, пыталась разговорить. Максим сам не мог понять, почему это его бесит. На то и лидер в экипаже, чтобы раскручивать всяких миклух. Но слишком уж рьяно она за него взялась, как будто ей нравится, когда посылают. Максим незаметно для себя оказался так близко, что услышал обрывки фраз:

— Я тоже не сразу попала... Сначала меня удочерили одни... Они и сейчас пытаются... Так что могу понять, почему ты...

— Ничего ты не можешь понять, — неожиданно зло огрызнулся Миклуха. — Слушай, отстань, а?!

Он выбрался из угла, куда его загнала настырная Люся, и нос к носу столкнулся с лидером ашек.

Вид у Чижовой был жалкий. Макс расвирипел.

— Нельзя ли повежливей с лидером? — спросил он, заступая Миклухе дорогу.

— Чихал я на лидеров, — хладнокровно ответил тот.

Тут, как на грех, Люся вмешалась.

— Макс, не лезь! — крикнула она. — Ашками своими займись!

— Ашки... Бешки... — ворчал Миклуха, пытаясь сбросить с воротника руку Макса. Потом добавил едва слышно: «Вошки».

Это было последней каплей.

— Что ты сказал, хомячок?

Лидер экипажа-А окончательно потерял голову. Схватил сопливого хомячка за грудки, тряхнул, потащил к стенке, прижал. Треснула, отлетев, пуговица, потом еще одна. «Наряд так наряд», — подумал Макс, примерившись дать в ухо. Хомячок брыкался, но слабо; хрипел, цеплялся за руку. «Что это у него за шнурок?»

— Макс! Не надо! — визжал позади кто-то и тащил за куртку.

В руке у Макса оказался шнурок, на нем железка. Увидев, что это такое, лидер ашек разжал кулаки. Тут же получил еще один толчок в грудь. Не глядя, отпихнул того, кто повис на плечах.

Миклуха глядел зверем, одной рукой шарил по стене, другою пытался спрятать под майку висевший на шнурке ключ. Ждал нападения, но Макс, присунувшись снова, пальцем не тронул. Прошептал внятно:

— Шатун? Прячь быстрее, zenки по углам.

— Экипаж-Б, строиться! — отчаянно выкрикнула Люся.

Максим, повернувшись к ней, сказал с досадой:

— Спокойно, лидер, не трону я твоего бешку.

Затем, мельком глянув на часы — и правда ведь, пора! — скомандовал:

— Строиться, ашки!

Миклуха искал вторую пуговицу. Максим подобрал, подал и шепнул, придерживая новичка за руку: «После обеда в коридоре столовой. Два слова». Сказал и метнулся к правому флангу. Увидел в дальнем конце коридора обоих кураторов.

— Экипаж-А, смирно! — крикнул он. Подумал при этом: «У Шатуна порвана куртка. Дед Марчелло засечет».

— Дал бы ему в рыло, — углом рта сказал стоявший смирно Дым. — Наряд на камбуз, делов-то.

— Это Шатун, — ответил Макс.

— Что?!

— Заткнись. После поговорим.

Рапорты лидеров кураторами были приняты благосклонно. Как ни странно, дед Марчелло не заметил явных повреждений, нанесенных лидером ашек новому члену экипажа-Б.

— Передай Манго для Джея, — шепнул Макс по дороге в столовую Дыму. — Пусть готовит ящик.

Антон Сергеевич знал, что дети называют его дедом Марчелло. И, конечно, он заметил, что у одного космодезанта не хватает двух пуговиц, а два других шепчутся в строю. Понял он и то, что Чиждва солгала, докладывая. Разумеется, было происшествие, нетрудно догадаться какое. «Дети доросли до триангуляции, — думал он. — Ужасно прекрасный возраст. Не мое дело, но Марс запросто может сунуть нос. Или нет? Ладно, что толку гадать: сунет — не сунет, плюнет — поцелует. Посмотрим, что будет завтра в директивах. Ваня прав, неприятности мне сейчас ни к чему».

За обедом он специально сел так, чтобы не видеть детей. Ел через силу, слушал Горбунову — та устроилась напротив, энергично разделявала от-

бивную, рассказывала что-то о сетевом семинаре по волновой психотехнике. Новые какие-то низкоамплитудные излучатели, точечное вмешательство, плато Гаудино-Ашбаха, купирование инкапсулятов... «Инструментарий — дело хорошее, — рассеянно думал Марченко, — но... Размахиваете этими излучателями вслепую, авось что-то выйдет. Там обрежете, здесь купируете, потом каетесь — ах, извините, вышло плато Гаудино-Ашбаха. Удивляетесь потом: где ребенок? Был же где-то тут, в воде. Выплеснули».

— ...нарушаются вторичные связи... — беззаботно болтала игротехник Машенька.

— Вот именно, — перебил Марченко. Тарелку отодвинул, взялся за стакан. — Понимаете, Маша, резать связи — дело нехитрое. Гораздо сложнее понять, какие первичные, какие вторичные. Мы с вами, положим, как-то их обозначим, расставим приоритеты, обрежем, вытряхнем сор. А вдруг из этого сора... Темная штука — память. Есть ли в ней вообще что-то вторичное?

— Первичное, вторичное! — вмешался Вишняков. — Чепуха. Есть безусловно вредное, вот что важно.

«Когда он успел подсесть?» — подумал Марченко и занялся компотом в надежде, что разговор увянет сам собой.

Но куратор ашек, основательно подкрепившись, был настроен поговорить.

— С раннего детства видят вокруг всякую мерзость, просто барахтаются в ней. Семьи! Вы видели, что творится в этих семьях? Вот скажите мне, Антон Сергеевич, почему, перед тем как посадить за руль, учат водить, заставляют сдать на права, окулиста пройти, психиатра и нарколога, а перед тем как...

* — Детей иметь, кому ума не доставало? — пискнула Маша, глянув искоса на пока еще бездетного Вишнякова.

— Вот именно, — надувшись, буркнул тот. — Если кто-нибудь спьяну или под дозой лезет за руль, мы возмущаемся: убийца! Отобрать права! А бухого в подкладку производителя готовы чуть ли не на руках носить. Демографический благодетель! Всю бытовую пакость надо резать под корень. Сор говорите? Отрезать и выкинуть, а затем с чистого листа...

— Пробовали уже, — перебил Марченко, оставив компот. Стал выбираться из-за стола в надежде, что разговору конец, но не тут-то было.

— Это не причина, чтобы не попробовать еще раз. Вечно вы брюзжите, Антон Сергеевич, все вокруг у вас получаются виноватыми, а сами вы?

— Что — я?

— У вас в экипаже новенький, кажется? Судя по тому, что я видел, в памяти у него куча сорных связей. И что же? Вы приняли его под опеку, указали спальную ячейку, сегодня он ляжет спать...

— Я не желаю публично обсуждать чужие связи и вам не советую, — зло отрезал Марченко и направился к выходу.

— Нельзя жить в обществе и быть свободным от связей, — сказал в спину ему куратор экипажа-А.

«Что со мной сегодня? — потерянно думал Антон Сергеевич. — Склочничаю, брюзжу. Прав он, между прочим. Мальчишку я принял и сам указал ему место, где с его памяти снимут сегодня стружку. И что? Не я, так другой кто-нибудь. Какая разница? Система. Нельзя жить в системе и быть свободным от... Полез в проект за Валеркиным домом, теперь нечего кочевряжиться, сам виноват. Взятся резать чужие связи, чтобы спасти свои, режь. Мера

за меру. Как бодро Марсик с нами управляется! И это ведь не только здесь. По всей стране. Если так пойдет дело, скоро он все горизонтальные связи вырежет подчистую, оставит одни вертикальные. Когда в обществе не остается горизонтальных связей, оно превращается в... Куда я бегу?»

Антон Сергеевич сдержал шаг и в кураторскую вошел степенно. Уселся за терминал, стал просматривать последние директивы воспитательной системы «Марс-26».

В двадцать один пятьдесят по местному времени в гигантском спальном отсеке гам, шум и муравьиное копошение. Спальные ячейки в четыре яруса, рядами, как почтовые ящики многоквартирного дома.

Кто-то стегнул Миклуху полотенцем между лопаток, он оглянулся... Толкучка у входа в душевые, мелюзга, второй или третий уровень. Что с них взять, с малявок?

— Четыре-двенадцать, — сказал кто-то позади.

Миклуха крутнулся на месте. Йорик? Да нет, не похоже.

Юра Чернов о чем-то болтал с Манохиной, та смеялась. Но не показалось же, кто-то назвал номер! Четыре-двенадцать.

Миклуха отыскал в четвертом ярусе ячейку — люк нараспашку. Не розыгрыш ли? С вошек станется устроить хомячку посвящение в космодесантники. Плюнуть, залезть в свою? Но Макс говорил...

Максим Кравченко, лидер ашек, как и обещал, после обеда в столовском переходе оказался рядом. Двумя словами не ограничился, бросил: «Спать ляжешь в чужую ячейку. Номер скажут без десяти де-

сять». Миклуха, конечно, спросил: «Зачем?» Ответа не получил. Лидер ашек отстал вдруг и напустился на Тасю Углову, чего та опять завалила истот. История Отечества — та еще нудота, слушать Миклуха не стал, видно было, что ашка нарочно это устроил, чтобы хомячок не приставал с дурацкими вопросами. А вопрос-то не дурацкий. Вдруг это подстава? Но Макс тогда в коридоре, когда увидел на шее ключ, назвал кличку. Откуда узнал?

Позади кто-то запел дурным голосом: «Спят задолбанные в дупель хомячки!» — Миклуху схватили под локоть, потащили к ячейкам. Смирницкий? «Спят в ячейках раздолбаи и сачки! Траля-ля-ляля!» — орал Дым, толкая к лестнице. Миклуха не сопротивлялся — куда там, вырвешься от такого кабака. «Даже Няшка спать ложится, чтобы ночью нам присниться! В ящик залезай!»

Миклуха у лесенки уперся, но Дым прошипел в ухо: «Лезь, дурак, пофиксят», — а когда хомячок-новичок, неловко цепляясь, полез на четвертый ярус, Смирницкий отскочил в сторону и заорал на повернувшуюся белобрысую малявку: «Ба-а-аю! Бай!»

«Если что, скажу: ошибся номером», — решил Миклуха и, взобравшись на узкую площадку перед распахнутой дверцей ячейки, на четвереньках заполз внутрь. В изголовье зажегся плафон, осветив кремовые стеганки на стенах, туго натянутую на мат одноразовую простыню, решетки воздухопроводов, сдвижную дверь шкафчика для одежды. Прежде всего, нужно было закрыть дверь. Чмокнул магнитный замок, из зарешеченных зевов дохнуло теплом. Раздеваться неудобно, но можно привыкнуть. Ко всему можно привыкнуть, кроме... Миклуха вытащил ключ, подержал на ладони, потом сунул обратно — снимать, разумеется, не стал. Смя-

тую комом одежду и кроссовки сунул в шкаф. Если дед Марчелло не соврал, утром в ящике будет выглаженный комбинезон и чистые кроссовки. Ничего своего. Муравейник. Еще Марчелло сказал: «Утром может с непривычки мутить, но зато выспишься».

Выспишься в таком гробу, как же.

— Я здесь не засну! — заявил Миклуха.

Возразить было некому. Мертвая тишина. От соседей справа, слева и снизу — ни звука. Снаружи — ни звука. Вот это изоляция!

— Или они все спят? Сколько я здесь уже торчу?

Часов нет, книг нет, компа нет. Непонятно, как выключить свет. Если не получится уснуть, можно спятить.

— Потому вошки такие идиоты, что каждую ночь...

Свет погас, легче от этого не стало, даже наоборот. Миклуха протянул руку — пощупать, на месте ли потолок. Пальцы дрожали. Само собой, потолок был на месте. Миклуха сглотнул слюну, подышал, чтобы успокоиться и сказал:

— Устал как бобик.

Оно и понятно — ночь без сна в подвале вокзала, потом беготня, «Пустельга», полицаи, два часа тряски в «корзинке для фруктов», интернат.

— Должен бы валяться в отключке, — буркнул Миклуха. — Сна ни в одном глазу.

Какой-то шорох слева. Кажется? Нет.

— Здесь что, мыши?

Живности Миклуха боялся. В приюте, откуда сбежал неделю назад, в подвале шарились здоровенные пацюки.

— Кш-ш! — зашипел он, прижимаясь к левой стенке, и захлопал по матрасу ладонью.

— Не пыли, Шатун, — пробубнил кто-то справа, так, будто у него на голове картонная коробка.

Шатун выдохнул: «Фу-уф. Человек», — и спросил:

— Ты кто?

— Называй меня Мэд.

— Как?

— По буквам: Михаил, Эдуард, Дмитрий. Мы хотели с тобой поговорить.

— Кто это — мы?

— Вошки. Имен не спрашивай. Говорить можешь спокойно.

Миклуха собрался с мыслями. А если подстава? Но зачем? Если он знает только кличку...

— Что вы обо мне знаете? — спросил он.

— Проверяешь? Ты Шатун. Это раз. Месяц назад ты был на пересылке в Ебурге. Сбежал. Это два. Неделю назад тебя видели в Чусовском лишайнике. Это три.

— Хватит, — перебил Миклуха. — Откуда вы знаете? Сеть?

— Нет. Через Сеть нельзя, ее смотрит Марсик. Вошкопочта. Больше пока не скажу.

— Зачем вам этот финт с ячейкой? Только чтобы поговорить?

— Карусель? Нам ни к чему, для тебя сделали. Ну и поговорить без лишних ушей. Вошки хотят знать, чего тебя носит с места на место. Нужна ли помощь? Чем можешь помочь нам?

— Для начала убеди меня, что мне нужна была карусель, — сказал Шатун, удобно растянувшись на мате и подложив руки под голову. — Потом посмотрим.

Мэд фыркнул: «Убеди! Делать мне больше нечего», — потом все-таки рассказал. Оказывается, в

стенах каждой ячейки — излучатели. Обычно они используются только для того, чтобы детки лучше спали, но всех новичков «Марс-26» подвергает оздоровительной процедуре, которую Мэд назвал вошебойкой. После нее новичок просыпается утром беспмятным. Не то чтобы совсем, частично. Как и что вычищает вошебойка, Мэд не знал. Сказал:

— Но папу с мамой забудешь, как я, к примеру.

«Дед Марчелло говорил, утром может подташнивать с непривычки. Из-за вошебойки? Слишком Мэд спокойно об этом. Пофигист?»

— И тебе теперь папа и мама пофиг? — спросил Шатун.

— Да. Вот это меня и бесит.

Шатун нашарил на груди ключ, сжал в кулаке, думая: «Жуть. Папа... Нет, не сходится у него. Откуда же?..»

— Откуда же ты тогда знаешь о вошебойке, если всех вас — того. Чистят.

— Не всех. Но это потом. Теперь твоя очередь.

Шатун лег на бок, подложив под голову локоть. Очень хотелось рассказать хотя бы кому-нибудь, и он не смог удержаться.

Родителей лишили прав. Они подали протест, написали заявление в прокуратуру, но Шатун не стал дожидаться решения, сбежал. Он числился теперь пропавшим без вести, применить постановление суда поэтому стало невозможно.

— Глупо, — картонно пробубнил Мэд. — Опознают при поимке, и готово дело. Применяют где поймают. Или ты думаешь, что... Слушай, тебя ведь ловили уже.

— И не один раз. Пока они не знают, кто я, пусть ловят. А время идет. Папа говорил, все сделает. Вер-

нет квартиру. Отберет у той сволочи, которая... Ладно, проехали.

«Болтаю», — подумал Шатун.

— Сбежал из дому, чтобы не выгнали из дому, — задумчиво проговорил Мэд. — Толково. А как ты узнаешь, что можно вернуться?

«Не знаю», — подумал Шатун. В ответ смолчал.

— Ключ на шее зачем? — спросил Мэд. — А, это от квартиры, которую отобрали.. Технично. Но тоже глупо. Новый хозяин сменит замок, и все. Не могу понять...

«И не поймешь, — подумал Шатун, держа на ладони ключ. — Вошка. Сам говорил, что папу с мамой не помнишь».

— Слушай, я знаю, чем мы можем тебе помочь, — сказал Мэд. — Ты же и отсюда сбежишь? Мы пробьем по сети, лишили твоих предков прав или нет, и если все в порядке, разошлем по вошкочпчте для Шатуна сообщение: «Домой». Тебя, когда опять заловят, сунут в интернат. Они сейчас всех подряд гребут в проект. Надо только знать, как тебя...

— Нет, — перебил Шатун. — Этого не скажу.

— Как знаешь. А можно было бы.

— Проехали. Откуда вы узнали о вошебойке? Если вам первым делом чистят мозги.

Оказалось, чистят всех, но не всем помогает.

— Нашлись такие, на кого промывка мозгов не действует. Жаль, не повезло мне, а то бы... Да, так вот, один из них допер, что не зря новички после первой ночи тупеют. Он рассказал мне. Мы сломали ячейку, провернули первую карусель и убедились. Нас теперь много.

— Здесь, в Елани?

— Тормозишь. Как бы тогда работала вошкочпчта?

— А как она работает?

Мэд хихикнул. «С чего я решил, что Мэд он, а не она? — подумал Шатун. — Через дурацкий воздуховод не разберешь. Бубнит».

— Много знать вредно, — ответил Мэд.

«Вредно? А карусели проворачиваешь, чтобы много знать, это как?.. Э! Они же кого-то вместо меня подставили!»

— Вошебойка штука гнусная, — с расстановкой проговорил Шатун. — Но подставлять под нее кого-то вместо меня...

— Какие мы великодушные! — противным голосом прогундосил Мэд. — Благородные, но глупые. Сказано тебе, есть такие, на кого она не действует. Пожалел вошку? Молодец, возьми с полки пирожок. Тот, кто сегодня отдыхает в твоём ящике, мечтает забыть своих предков. Не получается у него. Наш Смог слегка сдвинутый.

— Ты тоже.

— Тонкое наблюдение. Как ты думаешь, почему я Мэд?

— А, понятно.

— Ничего тебе не понятно, о благоразумный Шатун. — Мэд вздохнул. — Ты о вошебойке узнал сегодня, а меня она бесит три с лишним года. Ладно, давай спать. Завтра вечером договорим.

«Завтра вечером меня здесь не будет, — подумал Шатун, переворачиваясь на другой бок. — Валить надо, но куда? Везде эти интернаты. Государственный проект! Мэд сказал, всех сюда гребут. Этот по счету тысяча шестьсот шестнадцатый, значит, есть где-то еще тысяча шестьсот пятнадцать таких же вошкоферм. А может, и больше». Он представил себе все эти интернаты, подумал — экая толпа космодесантников! — попытался понять, зачем кому-то по-

надобилась вошкоармия, но так ничего и не придумал — заснул. Проснулся от стука.

— Ша! Тун! — кричал кто-то и барабанил в стену.

Шатун подскочил, ударился головой об мягкое. Потолок? Стены — кремовая стеганка. Плафон. Шатун зажмурился. Протирая кулаками глаза, вспомнил. Ячейка. Вошебойка. Интернат. Утро? Из воздуховода стук. Ага, понятно, пора вставать.

— Ша! Тун!

— Слышу, встаю, — сказал Шатун, придвинувшись ближе к решетке.

Там завозились, что-то щелкнуло.

«Он в соседней ячейке. Надо посмотреть, кто», — подумал Шатун.

Не вышло. Провозился с одеждой, потом с замком. Когда понял, как открыть, и выкарабкался наружу, в соседней ячейке было пусто. В спальном отсеке — муравьиное копошение, головы, головы...

— Миклуха! — крикнула снизу Люся. — Слезай быстрее, до построения десять минут!

Шатун спросонок оступился, чуть не сверзился с лестницы.

— Вид у тебя, — сказала Чицова. — Голова кружится? Тошнит?

«Вот пристала», — обозлился Шатун и буркнул:

— Тошнит.

— На вот, Марчелло дал, чтоб ты утром выпил, если будет тошнить.

Он взял таблетку.

— Бегом в умывальник. По корпусу не шатайся, через пять минут в холле построение на зарядку.

«Не шатайся?»

— Ну, чего смотришь? — спросила лидер экипажа-Б. — Бегом, говорю!

Шату́н по дороге в туалет думал: «Она сказала: не шатайся. Может, она и есть Мэд? Пофиг. Все равно не останусь. Вошкаться с ними... Надо рвать отсюда, пока не пробили по базе».

Таблетку он спустил в унитаз, нашел в своем шкафчике пасту и новую зубную щетку, наскоро умылся и без двух минут восемь стоял в строю между Йориком и по-утреннему встопорщенной Няшкой, вечной левофланговой.

Марченко утром не успел принять директивы и заглянуть в план. С Машей двух слов не сказал — пришел на терминал вызов. Опять к директору. Вишняков на Антона Сергеевича посмотрел странно, с этакой соболезнающей усмешечкой. Он-то директивы прочел.

«Что опять?» — пытался угадать Антон Сергеевич, стучась в директорскую дверь.

Услышав обычное для Вани раздраженное «да!», вошел, поздоровался.

— А, это вы! — Росников изобразил оживление, даже улыбнуться попробовал. Видно было — ищет слова.

— Что-то случилось, Ваня?

— Антон Сергеевич, у нас с вами ЧП. Не знаю даже, как... Вы директивы читали?

— Не успел.

— Может, это и к лучшему. На первой паре замена, Марс требует, чтобы в экипажах шестого уровня провели... Э-э...

Директор мялся.

— Совместное занятие? — подсказал Марченко. — Опять что-нибудь патриотическое? Дайте Вишнякову, у него лучше получается.

Говоря это, Марченко, пытаюсь понять, какое отношение ЧП имеет к учебному плану.

— Нет, — лицо Росникова ожесточилось. — Система сообщает, что в нашем филиале действует подпольная организация.

— Что?! Чушь. Ты лучше меня знаешь, как принимали на работу кураторов. Среди них...

— Не среди них. Детская подпольная организация.

— Это шутка? Подпольная организация... Ниспровергатели основ тригонометрии? Борцы со сном?

— Что-то вроде. Вы не ерничайте, а послушайте, я изложу факты. Помните, две недели назад мы вызывали наладчика из «Ивотэкса»?

— Помню, как же. Что-то со спальными ячейками. Я видел, как он приехал, но не видел, как уехал. Был на занятиях. Тогда еще решил, раз парень так быстро смылся, значит, ничего серьезного. И ты как-то замял дело.

— Потому что получил от системы закрытое распоряжение. Были повреждены две спальные ячейки. Умышленно сломаны.

— Да? Кто-то разобрался с излучателями и захотел по ночам без помех почитать с фонариком?

— Не смешно. Некто вывел из строя ячейки. Некто, используя схему под названием «карусель», избавлял некоторых новобранцев от очистки памяти и привлекал их к работе в организации.

«Аплодирую этому некому, — подумал Марченко. — Понятно, почему так расколыхался Ваня. Но чего он хочет от меня?»

— А я здесь при чем? Почините ячейки и отправьте саботажников на неделю в наряд.

— Вы, Антон Сергеевич, вот при чем: сегодня ночью некто, назвавший себя Мэдом, имел беседу с вашим новобранцем. Марс прислал мне записку...

— А вот это уже незаконно, Ваня. Видеонаблюдение за жилыми ячейками и санитарными помещениями запрещено, почитай устав проекта. Марсик зарвался.

— Это не видеозапись, а всего лишь стенограмма разговора. Техник «Ивотэкса» по распоряжению системы «Марс-26» установил в поврежденных ячейках микрофоны. Марс расшифровал запись и составил стенограмму. Все в рамках закона. Возьмите, я распечатал, чтобы удобнее было работать.

«Пропади они пропадом, эти резиновые рамки закона, — подумал Антон Сергеевич, принимая от директора распечатку. — Стенограмма разговора. Мерзость. Над чем здесь работать? Мэд... Шатун... Вошки... Шатун — это Миклуха? Конспираторы. Что дальше? Ебург... Чусовской лишайник... Ха! Остроумцы. Приют обозвать лишайником! Да, Шатун — это Миклуха. А Мэд? Ага, вот чего от меня хочет Ваня! У них только стенограмма, они не могут определить, кто есть кто, и хотят, чтобы я... Пакость».

— Если я правильно понял, Ваня, ты хочешь попросить меня сыграть неблагоприятную роль. Мне казалось, ты знаешь меня лучше. Помнится мне, один десятиклассник...

— Это не я прошу, а Марс приказывает, — перебил Росников, в первый раз за утро глянув старому своему учителю в глаза. — А я со своей стороны настоятельно рекомендую выполнить приказ. Вот, можете ознакомиться с директивой, если не верите: «Куратору экипажа шестого уровня Марченко надлежит...» Это опустим... А, вот: «...и установить име-

на фигурантов. Особое внимание нужно обратить на того, кто оказался иммунным к процедуре очистки памяти. Рекомендовано...»

— Избавьте от подробностей, — поморщившись, попросил Марченко, потом спохватился и добавил:

— Я сам прочту. У себя.

— Прочтите внимательно и разберитесь со стенограммой, пока экипажи на практических занятиях. У вас есть почти два часа.

Марченко вздохнул и спросил, потирая лоб:

— Ну почему я, а не Вишняков?

— Не знаю, — сказал по слогам директор. — Думаю, Марс доверил вам, потому что вы человек опытный и сможете выполнить это... м-м... поручение — как бы так выразиться? — тактично и деликатно.

«Не уверен», — подумал Антон Сергеевич, покидая директорские апартаменты.

Антон Сергеевич шел по коридору к аудитории. Экипажи шестого уровня наверняка уже были там, можно было представить, что делает каждый. Милена Григорянц рисует в конспекте зверей, каких не бывает в природе, Юра Чернов режется с Толлом в «марсианские шашки», Танечка Углова у окна нашептывает Чижовой на ухо сплетни, та делает вид, что слушает, сама же разглядывает длинные тела «сигар» и оранжевые бока марсианских жилых куполов на полигоне. Чен грызет комбинаторную задачу — он не любит терять время даром. Смирницкий спит, уложив голову на руки, рядом за партией Аня Манохина, она украдкой смотрит на...

Марченко замедлил шаг, ссутулился и сцепил руки за спиной. Стенограмму он оставил на столе.

Не нужно допросов, расследование было окончено, он знал все. Знал, кто из них Мэд, знал два других прозвища: Джей и Манго — их однажды подслушал случайно. Догадался, как работает эта их вошкопочта. Во всяком случае, если бы самому Антону Сергеевичу пришлось бороться с Марсиком, именно этим свойством системы он и воспользовался бы. Под самым ее электронным носом. Но самое страшное — он знал, кто из них Смог, мальчишка, на котором дала сбой вошебойка. Все знал или почти все, но не знал, что делать.

«Я могу не ходить в аудиторию. Пойти и сдать их Росникову. Тогда Мэда, Джея и Манго вышибут из проекта, отправят на перевоспитание в специнтернат, а Смога... Об этом даже думать не хочется. Марсик надеется, что так я и поступлю, чтобы не уволили. Но как после этого смотреть в глаза детям?»

Антон Сергеевич остановился, с ненавистью глядя на карандашик видеокамеры.

«Можно, не заходя в аудиторию, вернуться к директору и послать его вместе с Марсиком ко всем чертям. Тогда за дело возьмется сам Росников. Он туповат, Джея и Манго вычислить не сможет, но Мэд... Мальчишка засветился, наверняка Марсик видел, кто именно провел прошлую ночь в соседней ячейке. За Мэда возьмутся всерьез, попробуют вытрясти имена остальных. Насколько я знаю, ничего из этого не выйдет. Его научили ненавидеть. В итоге он опять-таки окажется в специнтернате. А это нечто среднее между тюрьмой и штрафбатом. Пионерлагерь строгого режима».

— И больше вариантов нет, — сквозь зубы выцедил Марченко. — Зачем же Марс устроил балаган с дознанием?

«Для того чтобы заодно проверить лояльность куратора? Не подстроено ли явление Шатуна? Система дает ему сбежать, потом ловит и помещает сюда. Провокатор? Нет, в это я не верю. Мальчишка ничего не знает. Слепое орудие. Они называют себя вошками. А как следует назвать куратора шестого уровня Марченко?»

Шагов десять до входа в аудиторию. Идти туда бессмысленно.

— Нет! — сказал вдруг Антон Сергеевич. — Не бессмысленно.

Он распрямил спину, преодолел под прицелами видеокамер последние метры и открыл дверь.

Милена захлопнула конспект, Танечка метнулась от окна к первой парте. Лидер экипажа-Б крикнула, перемещаясь по сложной траектории к своему месту: «Тол!» — и Юру Чернова толкнула в плечо. Увлеклись игрой, не заметили. Чен аккуратно закрыл тетрадку, положил ручку и встал. Манохина будила Диму Смирницкого, заметив, что дед Марчелло смотрит именно на него. Максим Кравченко уже стоял навтыяжку, как истукан. Миклуха...

Антон Сергеевич поздоровался, выслушал приветствие и разрешил экипажам садиться. Мельком глянул на Макса, подумал: «Почуял, насторожился. Надо спокойнее».

Он прошелся по маленькой аудитории и сказал:

— Согласно учебному плану экипажи шестого уровня должны были изучать иностранный язык. Из неких высших педагогических соображений система «Марс-26» дала мне указание вместо этого провести в экипажах совместное занятие. Соображения Марса непроглядны, как смог над городом, который кое-кто из вас в частных беседах почему-то называет Ебургом. Кому-нибудь может

показаться, что изобретатели системы электронного правосудия всех инстанций не в своем уме, однако плоды их совместных усилий сладки, как дивный овощ манго. Невзирая на обстоятельства, мы сделаем то, что опытный доктор прописал небезызвестному Джею: не станем забивать себе голову вещами, которых не понимаем. Мы с вами сейчас напишем сочинение на весьма неожиданную, но от этого не менее интересную тему.

«Сколько у меня еще времени? — думал, похаживая у доски, Марченко. — Надеюсь, Марсик не сразу поймет. Прекрасно: все, кому надо, услышали. Теперь тему».

— Тема сочинения «Что я буду делать после победы?» Да-да, Людмила, я уже задавал тебе почти такой же вопрос, теперь хочу, чтобы об этом подумали все. Представьте себе: Марс уже наш. Вы — взрослые космодесантники и космодесантницы, — победили. Напишите, что станете делать после победы. Объем сочинения я не устанавливаю, если можете ответить одной фразой — пожалуйста. Но подумайте над этим вопросом как следует. Времени у вас...

В аудиторию без стука вошел Вишняков. Чижова глянула на Марченко: «Подать команду?»

— Не надо, Люся, — остановил ее старый учитель.

— Антон Сергеевич, вас вызывает директор.

— Ваня? Ничего, он подождет, — ответил Марченко, сделав над собою усилие, чтобы не дрогнул голос.

— Повторяю, Антон Сергеевич, вас немедленно вызывает директор. Это приказ системы «Марс-26».

«Спокойно. Не надо, чтобы дети слышали», — подумал Антон Сергеевич и, не прибавив больше ни слова, покинул класс.

— Внимание, экипажи! — сказал Вишняков, глядя в потолок.

Выждав, пока уляжется ропот, продолжил:

— Приказом по интернату куратор шестого уровня Марченко уволен за систематическое неисполнение директив проекта «Марс-26». Куратором Экипажа-Б временно буду я. *

Вишняков опустил голову и скользнул взглядом по лицам. «Ага, — подумал он, глянув на Максима Кравченко. — Кажется, разговорить его будет несложно».

— Распоряжения Марченко я отменяю, — продолжил он. — Согласно директиве системы «Марс-26», у экипажей стрелковая практика, два часа.

Полный восторг. Стрелковая практика! Два часа на виртуальном Марсе с оружием в руках! Вешайтесь, амеры!

А у Максима Кравченко вид был хмурый. «Почуял, чем пахнет, готовится врать, — подумал Вишняков. — Ничего, Мэд, я не Антон Сергеевич. Так. Остальных на занятия, этого оставить».

— Смирницкий! Временно назначаетесь лидером экипажа-А. Лидеры, ведите экипажи на стрелковую практику. Кравченко, вы останетесь со мной.

Аня Манохина, выходя, замешкалась в дверях. Растерянно глянула на Макса, хотела что-то сказать.

— Пойдем, Няха, — зашипел на нее Смирницкий и вытолкал прочь.

— Но...

— Я сказал, пойдем.

Дым потащил ее за локоть, шепча: «В переходе».

По дороге туда они молчали, Дым смотрел Милухе в спину, думая: «Дранный провокатор».

— Ну? — спросила Няшка, когда вошли в разливанный солнечными полосами переход.

— Мэда замели, — негромко проговорил на ходу Смирницкий. — Ему светит крысятник.

Аня остановилась, Диме пришлось снова взять ее под локоть. Он шепнул:

— Реветь не вздумай.

Аня замотала головой, вырвалась, отстала.

— Ты чего, Няха? — спросила Людмила Чижова. Ответа не дождалась, пожала плечами, и, выйдя в холл перед игровым залом, подумала:

«Ашки в неполном составе. Теперь мы посмотрим. Чего это с ними со всеми? Смирницкий тоже... А! Ясно, почему он...»

— Дым, ты понял? — спросила она. — Вы теперь вчетвером. Строиться, экипаж-Б!

— Понял, — флегматично ответил Смирницкий. Лидера бешек слушать перестал, с ней все было ясно.

«Вошка она, ничего не понимает. А дед Марчелло мужик. Предупредил. Надо прямо сейчас разослать по вошкопочте. У Люськи радости полные штаны. Уделать ашек — большое счастье. Вошка. Универсальный солдат».

...ИБО НЕ ВЕДАЮТ, ЧТО ТВОРЯТ

1

таренький поп не помнил, сколько ему лет. Он даже не задавался целью вспомнить, потому что имелось множество куда более насущных дел. Вот и сегодня, помолясь с утра, проверил выставленные на ночь в заводи экраны; вытащил из перелатанных-перечиненных ячеек трех окуньков и большую красноперку, бросил в пластиковое ведерко — вот и уха на обед.

Потом занялся огородом — собрал колорадских жуков и их жирных оранжевых личинок с картофельных листьев, осмотрел помидоры — некоторые уже почти красные, пару можно съесть на ужин. Подправил наконец крыльцо, которое совсем съехало на сторону; тут хорошо бы стало вообще поменять погнившие доски, но где же их взять нынче... «Надо будет вместо досок всё набрать из тонких бревнышек», — подумал поп, садясь на лавочку возле дома и раскрывая книгу.

Книг у попа имелось несколько, и весьма странная коллекция. Помимо Библии и Молитвослова на полке стояли «История Второй мировой войны» Тип-

пельскирха и сборник рассказов Джека Лондона, «Анжелика в Новом Свете» и «Страна Багровых туч» Стругацких, «Легенда об Уленшпигеле» и целая стопка полуразвалившихся детективов в мягких обложках... В целом под две сотни томов, томиков и брошюрок. Все книги попали в дом разными неисповедимыми путями, кроме Молитвослова, Библии и сборника стихов Заблоцкого, которые поп принес с собой.

В принципе поп мог уточнить свой возраст в паспорте, который, завернутый в тряпицу вместе с другими документами и несколькими фотографиями, лежал на растрескавшемся платяном шкафу. Но зачем? Тем более поп знал, как его зовут — отец Палладий.

Этого было вполне достаточно.

С лавочки, на которой сидел сейчас поп, видно было чернеющее внизу зеркало большого озера, в котором по ночам устраивали свои концерты лягушки, а с трех сторон подступал лес.

В лесу обитало всякое. Не только звери и птицы.

Отец Палладий справедливо полагал, что это леший. Ибо еще у пророка Исаии сказано: «...И лешие будут перекликаться один с другим». Этим словом переводчики Библии передали еврейское «сэ-ирим» — «косматые», но «леший» был попу как-то ближе и роднее. Отец Палладий видел его несколько раз, собирая ягоды и грибы. Мохнатый, громко сопящий, поблескивающий из гущи зеленовато-серой шерсти внимательными красными глазками, леший прятался за кустами и деревьями. Плохого ничего попу не делал, лишь иногда ночами скакал по крыше домика, топтал так, что сквозь щели сыпалась сенная труха, и противно гугукал. Впрочем, это вполне могла быть сова. Совы тут тоже водились в изобилии.

★ Домик отца Палладия стоял над самым обрывом. Глинистый обрыв с дождями подползал все ближе и ближе; рано или поздно он, несомненно, должен одержать победу, но поп полагал, что вряд ли он до того доживет. А если и доживет, так что же — уподобится библейскому безрассудному человеку, который построил дом свой на пёске; «и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое». Тем более домика этого поп не строил, только ремонтировал.

Когда-то здесь, видимо, размещался егерь или лесник, но ко времени пришествия отца Палладия он давно исчез, куда и почему — неизвестно. Впрочем, чего только не исчезло за последние годы — о многом сам Палладий уж забыл, а об ином помнил, но вспоминать не любил.

Жилище стояло заброшенным, и поп поселился в нем, немного починив и с тех пор занимаясь этой починкой постоянно — то одно отвалится, то другое перекосятся... Хорошо, что в сарайчике нашлись инструменты: молотки, два топора, пассатижи и клещи, пила, целый ящик кривых и гнутых гвоздей и шурупов. Из огородных снастей имелись лопаты, грабли, коса, истончившаяся от точки почти до бумажности, огромная жестяная лейка и новенький японский мотоблок в смазке, который поп задвинул в самый угол и завалил дровами за ненужностью.

Еще одной никчемной вещью стал телевизор. Зачем он тут вообще был, отец Палладий не мог даже предположить — электричества в домике не водилось, ближняя линия проходила километрах в двадцати. В принципе телевизор попу не мешал, но его черная выпуклая линза смотрела, словно огромный бесовской глаз; потому однажды, плю-

нув и перекрестясь, отец Палладий унес «Хитачи» в лес и оставил там под кустом. Что интересно, спустя пару дней телевизор оттуда пропал — не иначе, леший утащил к себе в логово диковинную штуку. Поп даже посмеялся, представив, как нечистик сидит в ожидании перед аппаратом в плетеном креслице, укрыв ноги пледом и нажимая на кнопки бесполезного пульта.

Питался отец Палладий просто, как и жил.

Ловил рыбку, собирал с огородика нехитрый урожай, сушил на зиму грибы и ягоды, полезные травяные чаи. Первое время непривычно оказалось без хлеба, и он ходил за тридевять земель в сельпо, брал едва не мешок буханок и потом делал сухари. Но потом деревня зачахла буквально в год-полтора, а в очередной свой визит отец Палладий обнаружил вместо нее пепелище, по которому бегала одинокая полосатая кошка. Кошку поп забрал с собой и назвал для чего-то Анжеликой, как героиню в срамной, но увлекательной книге.

Еще он пилил и колол дрова и, конечно же, молился. Надеясь, что там наверху его кто-нибудь пока еще слышит. А если и не слышит, то поп все равно этого знать не мог.

Раньше к отцу Палладию изредка заезжал участковый полицейский.

Старшего лейтенанта звали Петром, и старенького попа он, как и леший, не обижал. Полистал паспорт — с тех пор поп его и не доставал со шкафа, — подивился, поинтересовался, не отшельничествует ли отец Палладий.

— Какой же я отшельник, — грустно улыбнулся поп. — Отшельник — есть живущий в уединении, сам по себе, ради спасения души; пустынножитель, удалившийся от суетного мира в пустыню... А я —

не Антоний Великий и не Нил Столобенский... Разве по своей воле удалился?

— А что же, не по своей? — с интересом спросил участковый Петр, прихлебывая земляничный чай.

— Как места мне не стало, так и ушел. Долгая история. Может, как-нибудь и расскажу подробно, — сказал поп, но рассказать так и не довелось.

Участковый наезжал еще раз шесть, сказал, что жить отец Палладий может в домике невозбранно, потому что домик со всех балансов снят и никому не принадлежит, да и вообще такое творится, что не до домиков с отшельниками. Расспрашивать поп не стал, ибо не слишком интересовался, что происходит вокруг. Привезенную однажды перцовку лишь пригубил из уважения, остальное выпил сам старший лейтенант.

В последний приезд Петр привез в подарок камуфляжные куртку и штаны. Теплые, удобные. Отказываться было негоже, тем более обе рясы попа совершенно износились, порты тоже пришли в негодность, а камуфляжу, как пообещал участковый, сносу не будет. Не обманул — уж сколько раз отец Палладий за сучки цеплялся, стирал в озере с песком и золою, а лишь выцвела малость одежина. Стало быть, такое вот у него рубище.

С тех пор участковый не приезжал никогда. Что с ним случилось — поп не ведал, но на всякий случай молился за здравие.

Сейчас поп сидел на лавочке в этом самом рубище и читал «Благослови зверей и детей» Свортаута. Он еще ребенком смотрел экранизацию Стенли Крамера, которая с большим успехом шла в семьдесят первом году в советских кинотеатрах. Тот редкий случай, когда фильм не хуже книги...

Отец Палладий добрался до второй главы.

«Увертываясь от хлещущих веток, они бросились в лес, заметались меж деревьев и, наконец вырвавшись из тьмы на поляну, застыли как вкопанные. Лалли-2, с обгоревшей вонючей поролоновой подушкой под мышкой и с включенным транзистором в кармане, сидел перед ними на валуне и держал во рту палец. Они, может, и отлупили бы его за милую душу, но Коттон запретил им подходить — он сам поговорит с Лалли-2. С этими словами Коттон приблизился к валуну.

— Привет! — кивнул Коттон».

— Привет, — сказал детский голос за спиной у отца Палладия.

От неожиданности поп выронил книжку из рук.

2

Стриженный конопатый мальчишка, одетый в оливковую униформу с нашивкой в виде сложной многолучевой звезды на рукаве, держал в руках оружие. В нем отец Палладий слабо разбирался, едва-едва помнил школьные уроки начальной военной подготовки, но на тогдашний автомат Калашникова это было слабо похоже. Короткое, угловатое, с виду из пластика... Кто и зачем дает детям такое?! Или он игрушечный?

— Ты кто? — спросил мальчишка, настороженно глядя на попа.

Поднимая шевелящую страницами на ветру книгу, отец Палладий прикинул, как выглядит со стороны. Старичок в камуфляжной одежде, с длинной седой бородой и редкими волосами, забранными в хвостик, с тяжелым наперсным крестом на толстой цепочке...

— Священник.

— Кто?

«В самом деле, откуда ему теперь знать про священников», — подумал отец Палладий.

— Старик. Живу здесь один... А ты откуда взялся?

— Из леса, — сказал мальчишка и повесил автомат на плечо.

— Из леса?! Вы что, в поход пошли? Или с родителями отдыхаете? Потерялся?

Поп понимал, что говорит много и часто, вот что значит — давно без собеседника, с кошкой Анжеликой особо не подискутируешь...

— С родителями? — недоуменно переспросил мальчишка.

— Извини, я не знал, — смутился поп.

Детдомовский, наверное. Вывезли в «Зарницу» поиграть, или какие у них теперь могут быть игры военные...

— Я из лагеря, — продолжал мальчишка. — Вон там он, лагерь...

Махнул рукой куда-то в сторону озера.

— Я два дня шел, в лесу ночевал.

— Ты что же, убежал? — осторожно спросил отец Палладий.

— Ну. Я на посту стоял и свалил.

— А почему?

— Надоело. Ш-шит... У меня там враги были, короче... И еще воспитателя обозвал...

— И куда идешь?

Мальчишка длинно, прерывисто вздохнул и пожал плечами.

— Не знаю...

— Да что это я?! — всполошился поп. — Ты ж небось голодный! Сейчас уху поставлю варить-

ся. А ты вон, пойди на огород да сорви помидоров, которые поспелее, да зелени всякой хороший пучок...

Мальчишка недоверчиво посмотрел на попа, повернулся и пошел к огороду.

...Добыв кресалом огонь, отец Палладий поставил на него закопченную кастрюлю с обломанными ушками, вместо которых приспособил проволочные петли. Пока вода закипала, почистил рыбешек, побросал туда, посолил. Соли оставалось совсем мало, едва полпачки, и где взять еще — отец Палладий не ведал, потому давно уже тратил ее бережливо и часто ел несоленое, привыкая. Но сейчас экономить он не хотел, и потому сыпанул в кастрюлю несколько горошин черного перца — тоже неприкосновенный запас.

В дом вошел мальчишка, положил на стол четыре помидора и букетик укропа пополам с петрушкой. Постоял, глядя на булькающее варево, повесил свой автомат на гвоздик рядом с выцветшим старым календарем за 2018 год с эмблемой чемпионата мира по футболу.

— Настоящий? — спросил поп, помешивая уху длинной деревянной ложкой, самолично вырезанной из липы.

— Травматический. Настоящие в таком лагере нельзя, это только у старших потом...

— А тебе-то сколько лет?

— Двенадцать.

— А звать тебя как?

— Роланд.

— Странное имя, — покачал головой поп. — А я — отец Палладий.

— Странное имя, — парировал мальчишка. — А почему отец?!

— Я же говорил, я — священник... Хотя это никакого значения уже не имеет, так что ты прав. Можешь меня звать просто дядя Палладий. Или дед.

— Дед... А я один раз видел отца, — сообщил Роланд, принюхиваясь к рыбному аромату.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, отца. В смысле, когда семья. Отец, мать... или мать?.. У нас в поселке была. Раньше больше было, но потом ювеналы приехали, ликвидировали, а эти как-то остались. К ним даже журналисты из Евросоюза приезжали, сюжеты снимать. Может, для того и оставили — ну типа круто, когда такое, ни у кого же почти нету...

Под ногами завертелась невесть откуда взявшаяся кошка Анжелика, дергая попа когтями за штанину. Отмахнувшись от кошки ложкой, отец Палладий уточнил:

— На весь поселок — всего одна семья?!

— Ну да. Отменили же.

— Кого отменили?

— Семьи. Общественное воспитание. У нас даже предмет такой есть... скучный, шит... Ты тут что, без ньюс-линии живешь?

— Я даже не знаю, что это, — признался поп. — Да мне и не нужно. Войны же нет?

— Вроде нету. У нас точно нету, только в этой... в Израиле...

— А почему вы с оружием?

— У нас лагерь военизированный. Программа «Звезда», вместе с НАТО. Но таких совсем мало, меня взяли по тестам, я третий был, — с гордостью поведал мальчишка. — Из нашего поселка все остальные по «Радуге» поехали заниматься, ну, по программе мегатолерантности...

Отец Палладий покрошил в уху прошлогоднюю бугристую картошку. Мальчишка с интересом наблюдал за ним.

— А это что ты кладешь?

— Картошка же.

— Грязная какая-то, — сморщился Роланд. — У нас кругленькая.

— Генномодифицированная? — припомнил из прошлой жизни поп.

— Ну. Я, кстати, еще в сельхозлагерь поехать мог, но там всякие гидропонные установки, удобрения, неинтересно... Хотя теперь все равно туда переведут, наверное, после того, что я натворил. Туда самых тупых берут. Не хочу с тупыми... не буду возвращаться! — мрачно заявил мальчишка.

— А что ты натворил-то?

— Да я это... подрался с одним...

— А что, это теперь нельзя? У вас же лагерь военный, оружие вон...

— Оружие — это для врагов. А я со своим подрался, с евротаджичкой, — непонятно пояснил Роланд.

Поп озадаченно помешал ложкой варево и уточнил:

— С девочкой?

— Дед, так нельзя говорить. Мы все едины. Евротаджичка — он мой брат.

— Так это он или она?

Мальчишка пожал плечами, зыркнул сердито, так, что старик решил пока не углубляться в этот вопрос.

— И что, сильно ты его побил?

— Не. Он меня. Так навалял, что башка до сих пор гудит, ш-шит...

— Гудит как щит?

— Шит! Дед, а скоро сварится у тебя? — вытянул шею мальчишка.

— Скоро-скоро. Помидорку пока съешь, — откликнулся поп. Роланд быстро съел помидорку, макая прямо в пачку с солью, потом — другую.

— Вкусные! — заявил он. — У нас пластмассовые какие-то... Зато без болезней. А эти вон жук погрыз.

Тем не менее он с молчаливого благословения попа доел остальные, а там уж и уха поспела.

Наливая ее в жестяную миску, отец Палладий надеялся, что на сытый желудок парнишка, возможно, станет изъясняться понятнее. Но тут он не угадал. Выхлебав вмиг свою порцию, гость осоловело похлопал глазками и уснул прямо за столом. Отец Палладий едва успел подхватить сползающее со стула тело, которое оказалось неожиданно легким. Он перенес мальчика на кровать, укрыл потрепанным одеялом и тихонько вышел во двор. Кошка Анжелика последовала за ним, требовательно мявкнув. Отец Палладий приложил палец к губам, шепотом сообщил кошке, что она потрапезничает позже, а сейчас нужно гостю угощения раздобыть.

О том, что сам он так и не пообедал, поп совершенно забыл.

Когда спустя некоторое время старик вернулся, набрав в лесу ранней, но спелой малины, то обнаружил, что в его одинокой обители гостей еще прибавилось. Давешний мальчишка на крыльце звонко спорил с таким же худеньким подростком в форме. Только у этого на голове был стриженный черный ежик. Подойдя поближе, поп с удивлением понял, что это девочка.

— Я тебя выследил! — злобно кричала девочка, почему-то говоря о себе в мужском роде. — Поедешь в сельхозлагерь, навозник!

— Сам ты навозник! Я не вернусь! Не хочу к тупым!

— Ты забыл, что говорил директор?! Общественная роль каждого...

— Да пошла ты со своей общественной ролью! — перебил Роланд и оттолкнул девочку. Она шлепнулась в траву у заборчика, спугнув наблюдавшую за перепалкой кошку Анжелику. Только сейчас отец Палладий увидел у девочки такой же автомат-травмат, как у Роланда; сидя, она перетаскивала его на ремне со спины, и поэтому поп быстро шагнул вперед и сказал, протягивая берестяной туесок:

— Малинки хотите?

3

Малину съели быстро, после чего девочка, которую звали Нашми, сердито попросила чего-нибудь еще. Отец Палладий угостил ее остатками ухи, бросив кошке Анжелике рыбки косточки.

Роланд ворчал:

— Никуда я не пойду! Я, может, тут остаться хочу! С дедом!

— Я уже вызвал директора, — сказала девочка. — Они скоро приедут. Или прилетят.

— У них не на чем летать, только вездеходы, — буркнул Роланд и потянулся за своим автоматом, который так и висел на гвоздике рядом с календарем. — Убирайся. Наелась — и вали! Ш-шит... Дед, я тебе соврал.

— В чем? — ласково спросил поп, сидевший на табурете.

— Ну, не соврал, просто не так сказал... Про семью... Короче, у нас в поселке было несколько се-

★ — мей, осталась одна. Ну, которую журналисты смотрят. А нашу ликвидировали. Я тебе не сказал.

— За что? В смысле, за что ликвидировали?

— За то, что это пережиток! — неожиданно закричала девочка, оттолкнув миску. — Все виды психических заболеваний возникают в семье! Все виды психозов и неврозов возникают в семье! Она создаст большое человеческое существо!

— А мне нравилось! Когда мы с папой ходили на рыбалку! И когда Новый год и елка! И когда он меня учил кормушку делать для синичек! И... И...

На глазах у Роланда выступили слезы, и он замолчал, баюкая на руках автомат. Отец Палладий с ужасом смотрел то на него, то на насупившуюся Нашми, которая тут же заявила:

— Дети становятся имитаторами своих отцов, они увековечивают пороки родителей. Они становятся точными копиями. Это очень разрушительно. А дети не могут делать ничего другого, потому что у них нет другого источника информации.

Роланд молчал, ковыряя ногтем невидимое пятнышко на спусковом крючке.

— Ты, наверное, отличница, — осторожно сказал поп.

— Я отличник, — сухо поправила Нашми.

— Так ты мальчик или девочка?

— Я еще не определила для себя этот статус.

— Дура потому что, — тихо пробормотал Роланд.

Нашми взвилась, миска полетела на пол, кошка Анжелика в панике кинулась прочь из дома, оставив недоеденный скелет красноперки.

— Не будет у тебя никакой семьи! — заорала она. — Приедет директор, и тебя отправят к навозникам, и ты будешь там выращивать сою, потому что ты больше ни на что не годишься! А потом...

— Я никуда не поеду с директором, — твердо произнес Роланд. — Я... Я останусь тут.

— С этим сумасшедшим стариком?! — Нашими ткнула пальцем в сторону попа. — Его место в интернате, и ты это знаешь! Там же, где держат твою так называемую маму! Семья... — презрительно фыркнула она. — Вся идея семьи — это идея обладания! Обладания собственностью, обладания женщиной, обладания мужчиной, обладания детьми, а обладание — это яд!

— Нечестие твое настроило так уста твои, и ты избрал язык лукавых. Тебя обвиняют уста твои, а не я, и твой язык говорит против тебя, — сказал отец Палладий, поднимаясь. — Ты в самом деле отличница. Дай-ка сюда...

Поп взял лежавшее на столе оружие девочки, поразившись его легкости. Пластик...

— Отдай! — завопила Нашими, бросившись к попу, но тут же остановилась под его взглядом из-под насупленных бровей.

— А разве у тебя не было семьи? — спросил он. — Или теперь дети появляются в инкубаторах, как цыплята?

— Я не знаю... не помню... — Нашими отступила на шаг назад, опустила голову.

— Ничего у нее не было, — быстро сказал Роланд. — Потому она мне и завидует. Мне все завидовали, только никто не говорил, чтобы воспитатели не услышали... За это наказывают. Им в головы вбивают всё, как роботам... Тренинги специальные устраивают, это... программирование...

— Иди к черту! К черту иди! — крикнула девочка и выбежала за дверь, как пару минут назад кошка. Автомат остался у попа, и сейчас он рассматривал его с крайним изумлением.

— Мне надо идти, — Роланд поднялся. — Спасибо, де... отец Палладий.

— Куда ты пойдешь? Кругом лес. Я даже не знаю, где ближайший городок или деревня... Все вымерло.

— Оптимизация поселений, — по-взрослому деловито кивнул мальчишка. — Плохо тут тебе без ньюс-линии.

— А по-моему, наоборот, — улыбнулся поп, но улыбка быстро исчезла с его лица. — Что с тобой сделают, если поймают?

— Как он... как она сказала — отправят к навозникам. Буду растить сою. Сейчас много что из сои...

— А кем хочешь быть ты, Роланд? Кем был твой отец?

Мальчик моргнул.

— Отец? Папа? Он... Он был учителем. Преподавал историю. Ну, пока еще разрешали ее преподавать, я это уже не застал, но дома очень много книжек всяких осталось, учебников... Бумажных. Вон, как у вас, — он кивнул на полку с книгами.

— По истории там очень мало, но есть интересные... А вот уходить тебе нельзя. Все равно ведь поймают.

— И что делать?

— Вернись. А это, — отец Палладий потряс автоматом, — это, возможно, хуже, чем соха.

— Чем что?!

— Я хотел сказать, что сеять и выращивать лучше, чем уничтожать. Даже если ты сеешь и растишь сою. Ты два дня прожил в лесу, вышел сюда. Наверное, ты чему-то уже научился в этой своей «Звезде»?

— Я седьмой по показателям в нашем отряде, — с гордостью сказал Роланд.

— Вот видишь. А дальше они уже будут не столько учить тебя, сколько ломать.

— И что мне делать?! — снова спросил мальчишка.

— Ждать. Я уже очень стар, я не знаю, что происходит за пределами этого моего маленького мира... Я ушел сюда, когда понял, что то, чем я занимаюсь, мало кому нужно, да и остальным вряд ли приносит что-то кроме утешения. А вы в силах сделать многое.

— Да что мы можем сделать?! И кто это — мы?!

— Ты. Эта девочка. Я видел сомнение в ее глазах, Роланд. Сомнение — это хорошо. Это очень хорошо, хотя моя вера учила меня, что сомневаться не следует — хотя бы на примере усомнившегося Петра, едва не утопшего в Геннисаретском море... Кстати, что ей будет за потерю оружия?

— То же, что и мне, — мальчишка расплылся в мстительной улыбке.

— Значит, вас отправят вместе. Это хорошо...

— Ничего хорошего. Она даже не знает, кто она — или он.

— А ты ей помоги, — поп заговорщически подмигнул. — За косичку дерни.

— У нее косичек нету.

— Ничего, что-нибудь придумаешь... А сейчас давай прощаться. Кажется, за тобой приехали.

Снаружи, в самом деле, урчали моторы. Отец Палладий выглянул в оконце — два вездехода на огромных зубастых протекторах подкатили по лесной полузаросшей дороге, и с них спрыгнуло еще трое подростков в оливковой форме и пухлый мужчина в такой же одежде, но с яркими шевронами и какими-то нашивками на груди.

— Директор, — потерянно произнес Роланд. — Отец Палладий, они вас заберут в интернат. Вон, евротаджичка уже пожаловалась...

В самом деле, Нашии вертелась возле пухлого и что-то объясняла, размахивая руками и показывая на домик попа.

— Так. Иди к ним и не расстраивайся особо. Я разберусь. Главное — помни, что я сказал. Помни про папу, про маму... Про елку и Новый год, про кормушки и рыбалку...

— Я понял... — глотая слезы, пробормотал Роланд. Поп подтолкнул его к двери. Мальчишка пошел было, но тут же остановился.

— А если... Если с вами что-то случится, тогда как кошка будет?

— Ничего со мной не случится. Я за себя сумею постоять. А кошка, если что, не пропадет. Она все равно сама себя кормит — мышей ловит, зверушек всяких... Не волнуйся. Иди к своему директору.

Роланд выскользнул за дверь. Отец Палладий снова повертел в руках автомат, но так и не понял, что тут где. Наверное, вот эта кнопка — предохранитель... Ну, допустим.

— Эй, послушайте! — окликнули с улицы. Поп осторожно выглянул в оконце — директор стоял у вездехода, дружески положив руку на плечо Роланда. — У нас произошло недоразумение...

— Я заметил! — крикнул в ответ поп.

— Мы выражаем благодарность за то, что приютили наших воспитанников. Но так не годится. Вы — старый человек, вам следует поехать с нами. Вам обеспечат отличный уход и заботу в учреждении, специально...

— Спасибо, не нужно! — перебил отец Палладий. — Я прекрасно чувствую себя здесь.

— Но это не соответствует правилам. Мы должны...

— Я сказал: спасибо, не нужно!

И в подтверждение своих слов поп выставил стволом автомата и без того треснувшее стеколышко. Осколки полетели в траву под окном; подростки тут же укрылись за вездеходами, а директор переменялся в лице.

— Вы же не станете стрелять, — укоризненно сказал он.

— Может, стану. А может, и нет.

— Со мной же дети.

— Директор, мы можем обойти его с тыла! Он ведь один! — крикнул кто-то из-за вездехода. — Убьем его!

Директор негодуяще оглянулся, а поп засмелся.

— Говорите, дети? Вот и увозите своих оловянных солдатиков в свой лагерь. Кстати, господин директор, у вас-то были отец и мать?

— Что?! — опешил директор. Роланд вывернулся из-под его ладони и отошел в сторону.

— Я спрашиваю, были у вас отец и мать?

— Э-э... Да, конечно, но... Вы, верно, слишком давно интересовались происходящим в стране и потому не совсем верно представляете...

— Достаточно. Уезжайте, — велел поп.

Директор пожал плечами и сделал знак грузиться. Подростки с недовольными лицами полезли на вездеходы, один презрительно толкнул в спину Роланда. Тот огрызнулся.

— Предупреждаю, что вы незаконно завладели учебным имуществом лагеря! — прокричал напоследок директор. — Лучше бы вам его сразу вернуть.

— Уезжайте, — повторил отец Палладий.

Когда шум вездеходов затих за стеной деревьев, поп, тяжело ступая, вышел из дома и сел прямо на землю, привалившись к бревенчатой стене. Автомат он оставил на столе, среди грязной посуды; в груди, слева, пекло и колело, а последнюю таблетку нитроглицерина он израсходовал едва ли не с полгода тому...

Кошка Анжелика куда-то подевалась, напуганная неожиданным и непривычным многолюдьем, и отец Палладий умирал в одиночестве. Он прекрасно понимал, что осталось ему недолго. В голове мелькнула подленькая мысль — а зря ведь не поехал с директором... У них тоже есть свой гуманизм, свое человеколюбие, отвезли бы его в интернат, положили бы там на чистые белые простыни... Добрые врачи, уколы и таблетки, диетическое питание...

Отец Палладий улыбнулся.

Нет, ТАМ умирать он точно не хотел.

— Прости им, ибо не ведают они, что творят... — прошептал поп и поудобнее оперся о стену.

...С севера напоздали угрюмые дождевые тучи, колорадские жуки грызли листья картофельных кустов, воробьиная стайка щебетала на крыше сарайчика. А рядом с неподвижным телом отца Палладия сидел, пригорюнившись, кто-то мохнатый, громко сопел и утирал лапкой катившиеся по зеленоватосерой шерсти крупные слезы.

Р. П. Г.

Мы победили! — объявил директор, но никто этому не обрадовался. По правде говоря, в зале на эти слова попросту не обратили внимания. Всем было не до того: одни отчаянно боролись с зевотой, другие шушукались с соседями, большинство же слушателей витало в облаках, уставившись в экраны электронных читалок.

Но директора подобная реакция на свое громкое заявление несколько не смутила.

— Мы победили! — повторил он, лишь слегка повысив голос. — То, к чему так долго шло наше общество, наконец свершилось! С сегодняшнего дня институт брака и семьи не просто прекратил свое существование, он официально признан ущемляющим гражданские права! Проведение любых традиционных ритуалов бракосочетания отныне является административным правонарушением. Мы не потерпим мракобесия! Мы не позволим упертым ханжам навязывать нам свои замшелые принципы! Мы — свободны! Пережиткам прошлого не место в современном мире, нам не нужны оковы ущербной морали, ибо есть лишь одна наивысшая ценность — это свобода. Наша и ваша свобода!

Тут я не удержался и зевнул.

— Семья — это клетка! — провозгласил тогда директор. — Раковая клетка, которая поражала социум и уродовала его, заставляя поедать самого себя! Семья — это квинтэссенция несвободы! Люди оказывались на всю жизнь прикованными друг к другу, и речь не только о супругах, но и о детях, которые тяжким грузом повисали на своих родителях. Да и сами они полностью зависели от случайных, в общем-то, людей. Тех, кто зачастую не мог дать им элементарного образования и даже просто прокормить. Нашим миром правила случайность, а это ли не величайшая несправедливость? Более того! Так называемая «родня» сплывалась в противоестественную общину, закрытую от остального мира, что служило причиной нетерпимости и ксенофобии!

Минуты на экране читалки сменяли друг друга, время близилось к обеду, а директор никак не затыкался.

— Кластер — вот идеальная ячейка современного общества! Свободный союз свободных людей! Полностью избавленный от несвойственных простым людям функций воспитания подрастающего поколения. Теперь вы, все вы, все дети свободного мира — абсолютно равны и находитесь в одинаковых условиях. Кем бы ни являлись ваши биологические родители — теперь это не имеет никакого значения! Груз чужих жизней больше не давит на вас, вы сами вольны определять собственную судьбу. Вы и только вы решаете, кем станете! Вы свободны в выборе! Вы абсолютно и одинаково свободны!

При этих словах я с трудом сдержал ухмылку.

Свобода — хорошо; это любому альтернативно-одаренному ясно. Только не стоит путать свободу

иметь собственные убеждения со свободой от любых убеждений вовсе.

У тебя есть принципы? Малыш, да с тобой что-то не так!

Назовешь себя русским, — и тебе сразу укажут, что все мы жители Земли и национальностям больше не место в современном мире. Потом заявят, что никто не может быть «чисто» русским, ибо это совокупность многих народов, припомнят зависимость русских земель от ордынских ханов и спросят: а зачем тебе это? Зачем самому себе навешивать ярлык? Будь проще, будь как все; ведь русский — это почти наверняка ксенофоб и фашист.

Заявишь о том, что тебе нравятся девочки, — и узнаешь, что слишком мал для сексуальной самоидентификации; что в жизни надо попробовать все; что эти аспекты развития твоей личности будут корректироваться попечителями и психологами.

Религия? О религии стоит помалкивать, если не хочешь заполучить в личное дело запись о тяжелом расстройстве критического мышления.

Впрочем, если полагаешь, будто принципы и убеждения — это не клетка, а каркас, внутренние ребра жесткости, которые не дают окружающим раздавить тебя и превратить в бесхребетного слизняка, можешь открыто объявить себя русским православным гетеросексуалистом.

Но сделай так, и немедленно загремишь в центр коррекционного образования.

По-нашему — отстойник.

— Всем вам, вне зависимости от социального статуса и происхождения, были даны равные стартовые возможности, не зависящие от доходов так называемой семьи, и это явилось величайшим достижением нашего общества, — продолжил рас-

пинаться директор как заведенный. — С самого рождения вы получали должное медицинское обслуживание и образование, но сейчас настало время перейти на следующую ступень социализации! В четырнадцать лет проходит распределение по кластерам, в которых вы будете пребывать вплоть до совершеннолетия. И не волнуйтесь — назначение не станет случайным; специалистами разработан сложный и всеобъемлющий алгоритм анализа вашего характера, наклонностей и результатов обучения. Никто не выбирает родителей и семью, но подбор кластера происходит на строго научной основе, и это гарантировано позволит вам полностью раскрыть свой потенциал!

«Бла-бла-бла...» — усмехнулся я, едва удержавшись, чтобы не произнести это вслух.

Месяц назад мне исполнилось пятнадцать, но кластер подбирают до сих пор.

Компьютер завис, что ли? Плевать, так даже лучше...

Тут все повалили на выход, я выключил читалку и отправился в столовую.

На обед давали непонятное пюре, соевую котлету и витаминный коктейль.

Питательно и безвкусно. После такой кухни в любом кластере размороженные полуфабрикаты только так уплетать станешь.

Уже на выходе я наткнулся на парочку арийцев, и один из них немедленно расплылся в гаденькой улыбочке:

— Какие люди! Роман-четырнадцать-ноль-восемь! До сих пор с нами? Никто не хочет русака в кластер брать?

Я молча прошел мимо.

— А Роман разве не семитское имя? — крикнул в спину второй бритоголовый.

Оборачиваться не стал, просто выставил средний палец и зашагал дальше.

Что имя? Имя у меня уже третье. А после распределения в кластер попечители опять новое дадут. Вот стану совершеннолетним и верну настоящее. Я ведь помню свое настоящее имя. Что бы мозгоправы про самовнушение ни твердили — помню.

Но тут сзади послышалось:

— Генетический мусор!

Я обреченно вздохнул, развернулся и подступил к арийцу, возвышавшемуся надо мной едва ли не на голову.

— Господь наш в безграничной мудрости своей сделал людей разными. Большими и маленькими, высокими и низкими, черными и белыми. Жаль только, не всем мозгов в полной мере отвесил...

— Чего?.. — подался ко мне бритоголовый.

Я подпрыгнул и со всего маху шибанул ему лбом по носу.

Из лазарета выписали уже после отбоя.

Когда зашел в нашу комнату, Андрей спешно выключил ручной фонарик и быстро спрятал что-то под одеяло.

— Фу, Иван! Напугал... — с облегчением перевел он дух, разглядев меня, и достал книгу. Настоящую — бумажную, не адаптированную для нашего возраста. — Я тут читаю...

— Увидит воспитатель, больше читать не будешь.

— Да ладно, успел спрятать, — обиделся Андрей.

— Как в прошлый раз, да? — усмехнулся Степан и спросил: — Вань, ты как?

Я уселся на кровать и осторожно прикоснулся к синяку, заклеенному лечебным нанопластырем.

— В изолятор не закрыли и ладно.

— На футболе арийцев прессанем?

— После, мне вместо физкультуры дополнительно психолога назначили, — сообщил я; забрался под одеяло и скомандовал: — Андрей, вырубай свет.

Тот без пререканий включил фонарик, сунул книжку под подушку и задумчиво произнес:

— Слушай, Иван, как такое может быть? Здесь пишут, что Сталин был кровавым тираном и проспал начало войны, а в прошлой он был гениальным полководцем. Ничего понять не могу! Просто мозги пухнут!

— Сталин? — встрепенулся Степан. — Это который в опломбированной фуре с золотом арийцев прикатил?

— Не, — качнул я головой, — тот другой.

— А со Сталиным что? — продолжил допытываться Андрей. — Кому верить?

— Своя голова на плечах должна быть. Прочитай одну книгу, прочитай другую, дальше сам решай.

— Отличный совет, — фыркнул парень.

— Другого нет.

Читать бумажные издания с непривычки и в самом деле непросто. Тексты в читалках давно адаптированы, там все просто: это белое, это черное. И так везде. Какую книгу ни открой, именно это черное, а именно это белое. Без вариантов.

Это про бумагу говорят, будто напечатанное станком не вырубить топором, а электронные тек-

сты на сервере поправить легче легкого. Правда, старик Оруэлл здорово дал маху, замутив в антиутопии «2042» тему с сожжением книг. Мы ведь в свободном мире живем, у нас так нельзя. Каждый сам решает, что лучше для него; и разве можно упрекнуть кого-то в том, что общество предпочло удобство и универсальность электронной книги бумажному изданию?

Дешевизна, доступность, безграничный выбор и, ко всему прочему, — пропала нужда вырубать деревья. Сплошные преимущества, только вот книги в сети уже совсем не те, что были раньше. Адаптированные тексты, ага.

— Расскажи про Библиотеку, — попросил вдруг Андрей.

— Не надоело еще?

— Не-а.

Библиотека была легендой. Слухи о ней ходили во всех интернатах, где мне доводилось побывать, и каждый нормальный пацан мечтал отыскать это хранилище записей об изъятых из семей детях.

— Когда ребенка забирают в систему, — начал я рассказ, — у него и родителей берется генетический материал и присваивается уникальный номер. В сеть эти данные точно не заносятся — сколько раз правительственные базы данных ломали, но ничего так и не нашли.

— А кто ломал? — любопытно спросил Андрей.

— Да кто только не ломал! — усмехнулся Степан. — У них в защите дыра на дыре. Последний раз, говорят, протокол запуска баллистических ракет чуть не хакнули.

— Скажешь тоже....

— Да, блин, арийцы об этом неделю трындели!

— Ну если арийцы...

— Пошел ты!

— Хорош! — оборвал я спорщиков. — Вы слушать будете, нет?

— Будем, будем!

— В общем, базы данных в сети нет. Получается, документы не оцифровываются и хранятся в бумажном виде.

— А зачем? — перебил меня Андрей, явно держа в голове некий каверзный вопрос. И точно: — Вроде, при зачислении в кластер всех по новой на генетическую совместимость проверяют? — спросил он.

— Кластер — это кластер, — важно объявил тогда Степан, — а если донор понадобится? Наименьшее отторжение тканей у близких родственников, вот заболевает кто — и где искать? Искусственные органы, знаешь, сколько стоят? Они медицинской страховкой не покрываются.

— И что с того? — скривился Андрей. — Если ты нищеврод и у тебя детей в систему забрали, никто тебе донора искать не станет.

— У всех забирают, — возразил я. — Не только у нищевродов.

— Можно откупиться, — уперся тот. — А за Уралом, говорят, вообще интернаты частные, оттуда детей на выходные домой отпускают.

— Говорят, собак едят, — немедленно отозвался Степан.

— Брехня, — согласился я с ним. — Правила везде одни.

— Но не для всех.

— Хорош, а? Ты задрал уже со своим нытьем! Андрей перевернулся на бок и попросил:

— Ладно, Вань, продолжай. Молчу.

Я уставился в темный потолок и произнес:

— Филиалы Библиотеки есть во всех городах. Если получить доступ, можно узнать, у кого тебя забрали, и отыскать родителей.

— А родители тебе, прям, обрадуются, — фыркнул Степан. — Сами, поди, рады были от обузы избавиться.

— Будешь директора слушать, — предупредил я его, — на курсы сексуальной самоидентификации к физруку запишешься.

— Тьфу-тьфу-тьфу, — сплюнул парень. — Но, Вань, сам посуди...

— Меня не хотели отдавать, — просто сказал я, хотя обычно этими воспоминаниями ни с кем не делился. — Мне точно будут рады.

— Ты помнишь? — уселся на кровати Андрей. — Серьёзно?

— Ага. Тогда только начинали закручивать гайки, меня в три года из семьи забрали.

— А! — сообразил Степа. — Точно, тебе ж пятнадцать!

— Ну да.

— Слушай, — с жадным любопытством накинулся с расспросами Андрей, — а как это вообще в нормальной семье жить?

Я вздохнул и сознался:

— Да почти ничего не помню. Совсем маленький был.

Воспоминаний и в самом деле сохранилось немного, и все какие-то рваные.

Женский смех. Комната с высоченным шкафом и прямоугольником залитого солнечным светом окна. Игрушечный луноход.

Или луноход был уже в интернате? Насчет этого не уверен, а вот комната снилась постоянно. Комната оттуда — из моей настоящей жизни.

★ Был еще один обрывок, но его вспоминать не любил. Крики, грохот, непонятный кислый запах и плач. Мой собственный плач. День, когда меня забрали в систему.

Его я помнил четче всего.

— А точно у нас в городе Библиотека есть? — задумчиво прошептал Андрей.

— Точно. Сам ее видел.

— Это когда в прошлый раз сбежал? — уточнил Степан.

— Не, в прошлый раз мне уже чип вшили, поэтому минут через сорок свинтили, — поправил я его. — Два года назад дело было. Дурак, на метро решил прокатиться, меня на выходе со станции и приняли. До Библиотеки метров пятьдесят оставалось! Я ее как вас видел!

— Может, это и не она вовсе была, — засомневался Андрей.

— Она, — убежденно заявил я. — Описание один в один сошлось. Мне точно про нее рассказывали.

— Допуска к архиву в любом случае нет, — разумно отметил Степан и зевнул. — Ладно, пацаны, давайте спать. Завтра футбол.

— Спать так спать, — вздохнул я, продолжая бездумно смотреть в потолок.

Допуска и в самом деле не было.

Да и чип...

Первую половину дня пришлось провести в кабинете психологической реабилитации. Вышел оттуда выжатый как апельсин, но только добрал до комнаты, по плечу пробежал неприятный зуд. Щелчок, — и в голове зазвучал транслируемый напрямую через височную кость голос:

— Роман-четырнадцать-ноль-восемь! Пройдите в приемную директора. Роман...

Пес бы побрал этот чип! Никуда от него не скрыться!

И я отправился к директору. По дороге повстречал пару пацанов, на бритых головах которых намеренно был оставлен длинный клочок волос, и оживился.

— Здоров, хохлы! Чё за кипиш?

— Смотрины, — сообщили те.

— Уже?

— Через час начнутся.

Я поблагодарил их и в некоторой оторопи поспешил дальше.

Это что получается, — кластер подобрали? Но почему вызывают заранее? Что за дела?

В приемной меня долго мариновать не стали и сразу велели проходить в кабинет. Заглянул туда, а там помимо директора обнаружился высоченный мужик со смуглой кожей и вьющимися черными волосами.

— Что это? — недоуменно нахмурился он при моем появлении.

— Ваш новый подопечный, — невозмутимо объявил директор.

Курчавый раздраженно вытащил из кармана пиджака свернутый в трубочку планшет, развернул гибкий экран и сунул его в лицо главе образовательного центра.

— Вы вообще читали нашу заявку?! — возмутился он. — Мы...

Директор спокойно отодвинул руку в сторону и безапелляционно заявил:

— Окончательное согласование заявок оставлено на мое усмотрение.

— Но...

— Двух девочек я вам выделю, третьим возьмете его.

— Это возмутительно! — нахмурился курчавый, встретил спокойный взгляд собеседника и резко сбавил обороты. — Могу я хотя бы ознакомиться с его личным делом?

— Ну разумеется!

Директор уселся за компьютер; потенциальный попечитель прошелся вокруг меня, внимательно разглядывая, и вдруг ахнул, заметив тусклую наколку на левой кисти.

— Татуировка?! — У курчавого от изумления глаза на лоб полезли. — И что прикажете с ней делать? Косметические операции не входят в стандартную медицинскую страховку! — Задрав мой подбородок, он заставил посмотреть себе в лицо и потребовал объяснений: — Что это за мерзость? Что это значит?

— Русский православный гетеросексуалист! — с нескрываемым злорадством, выдал я расшифровку трех кириллических букв.

Попечителя чуть удар не хватил. Пару мгновений он ошарашенно разевал рот, потом развернулся к столу и выдохнул:

— Вы слышали это? Вы это слышали?!

Но директора так просто было не пронять.

— Что именно? — невозмутимо уточнил он.

— Религиозный фанатик и националист! Взять такого в кластер? Никогда! — объявил мой несостоявшийся попечитель, ослабил узел галстука и всплеснул руками: — Гетеросексуал? Кто вообще дал вам право согласовывать его сексуальную идентификацию?

— Пустое, — отмахнулся глава центра. — Просто мальчишеская дурь.

— Наш кластер придерживается свободных взглядов, для нас это неприемлемо!

— Согласуйте с психологом курс сексуального просвещения и поступайте в рамках него, как сочтете нужным.

— Это возмутительно! Я буду жаловаться!

Директор досадливо поморщился.

— Разве вас не предупреждали о специфике нашего центра?

— Да, но...

— И поскольку ваш кластер зарегистрирован только два месяца назад, стандартные учебные заведения вряд ли согласуют вашу заявку, так?

Тут планшет курчавого мелодично звякнул, он глянул на экран, и смуглое лицо налилось дурной кровью.

— Ему уже пятнадцать!

— А на вид больше двенадцати не дашь.

— Вздор! Я беру двух девочек, а с этим мучайтесь сами. Вы не имеете права нам его навязывать!

— Не имею, — признал директор. — Но кластеры, где на пятерых взрослых приходится менее трех несовершеннолетних, не участвуют в программе социальной поддержки. И значит, никаких налоговых вычетов и пособий вам не полагается.

Курчавый немедленно полез в сеть, отыскал нужный закон и скис.

— Никак иначе этот вопрос не решить?

— Нет, — отрезал директор. — И настоятельно советую согласовать программу его сексуального воспитания у психолога. Прямо сейчас!

Попечитель выскочил из кабинета; я глянул ему вслед и возмутился:

— Вы не можете отдать меня в этот кластер!

— Почему нет? — вроде как даже удивился директор.

— А как же анализ совместимости? Компьютерные тесты? Наклонности?

— Наш центр предназначен для обучения детей не старше четырнадцати лет, тебе здесь не место. И раз для нормального развития и стабилизации психологического состояния необходимо срочно сменить обстановку, некоторыми формальностями можно пренебречь. Пойми, это для твоего же блага...

— Что за бред? — стиснув кулаки, шагнул я к столу, и директор немедленно положил ладонь на селектор.

— Вызвать воспитателя? — спросил он и предупредил: — Сбежишь из кластера, вернешься уже не сюда, а в колонию для несовершеннолетних. И я лично обещаю подобрать такое исправительное заведение, где нет никого из вашей братии.

— Да пошел ты! — выругался я, покинул кабинет и с грохотом захлопнул за собой дверь.

Мускулистый воспитатель, карауливший меня в приемной, поднялся на ноги и пробасил:

— У тебя есть час, чтобы собрать вещи.

Час — это немного, но мне на сборы хватило пятнадцати минут. А потом мы просто сидели на кроватях и молчали.

— Вань! Может, все не так плохо? — произнес наконец Андрей. — В кластере у тебя всяко больше свободы будет.

— Ты не видел попечителя, — поморщился я.

— Тогда сбежишь, — утешил меня Степа.

— С чипом?

— Засада... — Пацан помялся, потом вдруг забрался на стол и снял решетку вентиляционного отверстия, где мы прятали бумажные книги. Он привстал на цыпочки, засунул руку чуть ли не по плечо и вытащил оттуда металлический пруток в мизинец толщиной. Один конец того был расплющен и кое-как заточен, другой загнут в петлю, образуя некое подобие кастета.

— Вот это да! — присвистнул Андрей.

— Окопный нож! — с гордостью объявил Степан. — Наши такие на войне с арийцами клепали. — Он вздохнул и протянул его мне. — Для себя хранил, но тебе нужнее.

— Обалдеть! — восхищенно протянул я и с трудом просунул пальцы в узкую металлическую петлю. — Тебе мал стал, что ли?

— Типа того, — смутился Степа и потер ладонь со все теми же кириллическими буквами «Р. П. Г.».

— Спасибо! — Я спрятал нож в свои немудреные пожитки и, обняв приятеля, похлопал его по спине. — Не пропадите тут...

— Да уж справимся как-нибудь, — успокоил меня парень, и тут распахнулась дверь.

— Роман-четырнадцать-ноль-восемь, — объявил воспитатель, — на выход.

Я подхватил рюкзак и молча вышел в коридор.

Центр покинули на новеньком пассажирском фургоне. Курчавый попечитель сидел за рулем, две смуглых, восточного вида девчонки прижались друг к другу на заднем сиденье. В систему они попали не так давно, поэтому от зажатости их не смогло изба-

вить даже обучение в коррекционном центре. На общих прогулках они себя всегда ровно так же вели. Вечно слова не вытянешь.

Ох, чую, в кластере весело будет...

Я беззвучно выругался и с интересом уставился в окно.

Пока жил в обычных интернатах, нас нередко вывозили в город на экскурсии и спортивные мероприятия, но в центре коррекционного обучения правила были куда как строже. За последние годы территорию комплекса довелось покидать лишь трижды, а поскольку всякий раз при этом срывался в бега, возможности поглазеть по сторонам считай что и не было. И теперь я смотрел, смотрел, смотрел на проносившиеся мимо дома, памятники, мосты.

А заодно запоминал дорогу. Так, на всякий случай.

Ехали недолго. Минут через пять вывернули из пробок к виадуку, с него на широченное шоссе и вскоре очутились в застроенном коттеджами пригороде. Там курчавый немного поплутал по чистеньким улочкам, подъехал к двухэтажному особняку и с дистанционного пульта открыл раздвижные ворота. Загнал фургон во двор и ушел в дом, оставив двери салона заблокированными.

Я обернулся к девчонкам, но те на меня даже не взглянули. Разговорить их не успел, — вернулся курчавый. Вместе с ним во двор вышли двое молодых мужчин, по виду братьев, и две женщины. Некрасивая тетка с коротко стриженными обесцвеченными волосами и худым лицом сушеной рыбы и высокая фигуристая дамочка с пышной грудью и кадыком.

Попечитель разблокировал дверь и велел проходить в дом. Остальные не произнесли ни слова, только пялились, будто на зверей в зоопарке.

— За ужином познакомимся, — объявил курчавый, вслед за нами поднявшись на второй этаж. После он указал мне на крайнюю дверь и объявил: — Тебе сюда. Ужинать будешь в комнате; пока не сведем татуировку, за стол я тебя не пущу. — И потребовал: — Планшет.

Я молча передал ему читалку, а только шагнул через порог, за спиной щелкнул замок.

Вот сволочь!

Усевшись на кровать, я пригляделся к обстановке, но та от интернатовской особо ничем не отличалась. Все тот же минимализм: стол, стул, этажерки, шкафчик для одежды. Кровать, вот, еще. И окно.

Вот окно — это интересно.

Я подступил к нему и попытался поднять раму, но та оказалась заблокирована. Достал из рюкзака окопный нож, примерился, но так и не решился ничего предпринять.

С чипом и часа не пробегаю, а потом? В исправительных учреждениях жизнь не сахар. Так, может, лучше здесь до совершеннолетия перекантоваться? Может, обойдется?

И я спрятал заточку под подушку.

На душе было беспокойно. Странно было и тревожно. Как ни крути, впервые за двенадцать лет в нормальном доме очутился! Так, может, действительно обойдется? Пусть не родная семья, пусть кластер. Вроде как эрзац нормальной жизни, но лучше чем ничего.

По крайней мере лучше, чем всё, что было до того...

* — А татуировка? Плюнуть на нее? Свести и забыть?

Чтобы потом забыть все остальное и стать стандартным обще-человеком?

Ради сытой и спокойной жизни?

Так я и промучился до самого вечера. А когда за окном стемнело, щелкнул замок двери, и в комнату вошла высокая тетка.

— Ужин, — объявила она, выставив на стол поднос с тарелками.

— Спасибо, — поблагодарил я попечительницу, старательно не смотря на ее футболку, ткань которой вызывающе топорщилась двумя бугорками крупных сосков.

Но тетку провести не получилось.

— Взгляни на меня, — попросила она и вдруг стянула футболку через голову.

Я упрямо уставился себе под ноги и глухо выдавил:

— Вы не имеете права!

Кадык, это все клятый кадык!

— Поверь, малыш, — хрипло рассмеялась та, — мы полностью учли рекомендации психолога. И я не сделаю тебе ничего плохого, мы просто поговорим. Это лишь один из этапов сексуального воспитания. Ну, в самом деле, нельзя же быть таким ханжой! Ты уже взрослый мальчик...

Раздался шорох стягиваемых джинсов, и тетка вновь потребовала:

— Посмотри на меня!

— Не надо, — попросил я; сердце колотилось как сумасшедшее, ладони взмокли. — У меня свои принципы...

— Посмотри. Просто посмотри, ты ведь ничего такого в жизни не видел.

Я поднял взгляд, и тогда вслед за джинсами тетка стянула плавки, бесстыже выставляя напоказ двойной комплект причиндалов.

— Подойди, — требовательно произнесла она. Или же — оно?

И я подошел. Подошел и со всего маху врезал в челюсть рукоятью окопного ножа.

Удар импровизированного кастета острой болью отозвался в пальцах, голова попечительницы мотнулась, а в следующий миг сильная мускулистая рука отшвырнула меня прочь. Поднос полетел на пол, я шибанулся спиной о стену и рухнул в углу. И тут уж тетка сама шагнула ко мне.

К счастью, спущенные джинсы сковали ее движения, а когда она избавилась от них, я уже поборол головокружение, двумя руками перехватил окопный нож и ткнул им перед собой. Заостренный штырь распорол бедро, и завопившая дурным голосом попечительница опрومتью выскочила из комнаты.

Больше я не колебался ни мгновенья. Схватил валявшиеся на полу джинсы, подскочил к окну и, просунув в щель сплюснутый конец прутка, одним резким движением взломал раму. Выбрался на крышу, с нее перелез на гараж, там повис и спрыгнул во двор. Дохромал до невысокой ограды, перевалился на другую сторону и поспешил прочь. Свернул раз, второй и забился перевести дух в узенький закуток между двумя живыми изгородями.

Бежать — бесполезно. Вживленный чип с модулем единой системы спутниковой навигации GPS-GLONASS не оставлял мне ни единого шанса. В последний раз социальная служба отыскала меньше

чем за час, полиция должна сработать и того оперативней.

Единственный выход — избавиться от чипа, но не заточкой же его из себя выковыривать!

И я начал лихорадочно обшаривать трофейные джинсы.

Первой под руку попалась фляжка в заднем кармане; скрутил с нее крышку и поморщился от резкого запаха алкоголя. Потом выудил пластиковую карточку удостоверения, упаковку презервативов, ключи, визитницу с банковскими картами и с раздражением отбросил весь этот хлам в сторону.

Не то! Все не то!

«То» обнаружилось в маленьком карманчике под поясом. Обычный перочинный ножик, стандартный «Викторинокс» нового выпуска с ромбом вместо креста на эмблеме-щите.

Но на эмблему плевать, главное, заточен на совесть!

Свернув джинсы, я закусил зубами штанину и, выбрав подходящий клинок, приставил его к бугорку на ключице.

Руки враз обмякли, накатил страх.

Пугала боль.

Но когда тебе ломают нос — это тоже больно, а ломали мне его не раз и не два. И я надавил.

«Русские не сдаются!» — билась в голове единственная мысль, пока я расширял разрез и подцеплял острием горошину чипа. В том, что ты щуплый и худой, все же есть свои преимущества...

Окровавленный комочек упал на землю, и немедленно опустился рядом и я. Ноги обмякли, в голове звенело, и сознание медленно-медленно ускользало, сменяясь серой хмарью забытья.

Свернув непослушными пальцами колпачок фляжки, я щедро полил рану спиртным, и новый взрыв боли враз разметал беспамятство.

Скрутило — мама не горюй!

Ах-ха! Слезы из глаз так и хлынули!

Кое-как очухавшись, я отрезал от джинсов длинную полосу, смочил ее остатками алкоголя и, кое-как перебинтовав рану, натянул сверху рубашку. Подождал, пока утихнет головокружение, поднялся на ноги и зашагал по улице.

Порез горел огнем, шатало из стороны в сторону, но я не сдавался и заставлял себя переставлять ноги.

Шаг, шаг и еще один — меня будто что-то в спину подталкивало.

И не страх, вовсе нет. Свобода.

К центру коррекционного обучения я вернулся уже ночью. Без особого труда миновав камеры наружного наблюдения, прокрался на служебную парковку, благо на территорию въезд машинам сотрудников был категорически запрещен, и проткнул заднее правое колесо спортивного электромобиля. Оценил дело рук своих и поспешил обратиться восво-яси.

Но отошел недалеко, — затаился в тени деревьев на соседнем перекрестке.

Всякий раз, когда мимо проезжали автомобили, душа уходила в пятки, жутко саднило рану, при малейшем движении в порезанное плечо огненным сверлом вворачивалась боль, во рту так и стоял привкус крови, а минуты ожидания тянулись мучительно медленно, но я не двигался с места и терпеливо ждал.

И дождался.

Спортивный электромобиль вывернул с парковки, начал плавно набирать скорость, потом вильнул к обочине и остановился, не доехав до перекрестка какой-то полусотни метров.

Вернется?

Но нет, возвращаться на спущенном колесе к парковке директор не стал; вызывать эвакуатор — тоже. Он спокойно осмотрел спущенное колесо, открыл багажник и принялся возиться с запаской.

Я какое-то время следил за ним со стороны, затем спокойно подошел, распахнул пассажирскую дверцу и, открыв бардачок, нашарил там обрезиненную рукоять компактного револьвера — курного короткоствольного уродца с зализанными формами.

Моего билета в будущее. Моего пропуска в прошлое.

— Что такое? — обошел электромобиль встревоженный директор, наткнулся взглядом на уставившееся ему в лицо дуло и быстро выставил перед собой руки. — Не стреляй!

— В машину, быстро! — скомандовал я.

— Постой!

— Считаю до трех!

— Но...

— Раз!

— Не надо!

— Два!

— Я не закрепил колесо! — выпалил директор.

Не приближаясь к нему, я по широкой дуге обошел электромобиль и приказал:

— Продолжай!

— Убери пистолет!

— Мне сказать «три»? — Нетяжелый револьвер все сильнее оттягивал руку, она начинала мелко

подрагивать, но выказывать собственную слабость я не собирался. — Быстро!

— Просто направь его в сторону!

Я перехватил револьвер двумя руками и с усилием взвел большим пальцем курок. Сухой щелчок подействовал куда лучше слов, и директор принялся затягивать болты запасного колеса.

— Брось! — скомандовал я, когда он распрямился с баллонным ключом в руке.

Железяка лязгнула об асфальт, директор без напоминания спустил домкрат, но потом вновь замешкался.

— Еще не поздно сдаться, — уверил он меня. — Просто отдай пистолет, и я сделаю все, чтобы тебя не судили как взрослого. Ты даже в колонию не попадешь! Больше, что тебе грозит, — это реабилитационный центр...

— Заткнись! — выдохнул я и медленно, удерживая его на прицеле, вернулся к распахнутой пассажирской двери. — Залазь!

Глава центра повиновался, но не преминул при этом заметить:

— Твой побег всего лишь административный поступок, а похищение человека — это уже серьезно.

Я уселся в соседнее кресло, положил руку с оружием на колени, так чтобы ствол смотрел водителю в живот, и распорядился:

— Поехали!

— Куда?

Тогда назвал станцию метро.

— И что там? — спросил директор, заводя двигатель.

Спортивный электромобиль плавно-плавно тронулся с места; я слегка расслабил указательный палец и ответил:

— Библиотека.

— Что?!

— Архив с личными делами воспитанников.

— Бред!

— Вовсе нет! — оскалился я. — Там архив, точно знаю! И у тебя должен быть в него доступ! Либо выяснишь, где искать моих родителей, либо пристрелю! Понял?

Но директор вдруг спросил:

— Ты ведь не думаешь, что они тебя ждут? Дети — это обуза для неподготовленного человека, их воспитанием должны заниматься профессионалы.

— Меня не хотели отдавать! — отрезал я. Крики, грохот, непонятная кислая вонь, плач. Мой собственный плач. — Так что заткнись!

Но заткнуть главу центра оказалось совсем не просто.

— Зачем тебе это? — задал он новый вопрос. — Вот ты называешь себя русским, а с чего ты это взял?

— Я помню! Меня забрали в систему в три года, поэтому лучше даже не начинай!

— Досадное упущение, — печально вздохнул директор. — Пойми, Роман...

— Не называй меня так! Меня зовут Иван!

— Хорошо, хорошо, только успокойся. Пойми, современному человеку незачем цепляться за пережиток прошлого, за свою национальность! Все мы представители единой цивилизации!

— Я — русский, а не какой-то там обще-человек!

— И чем тут гордиться? Да пойми ты! В Европе еще с античных времен сложилось стойкое представление о том, что интересы индивидуума являются высшей ценностью! Главенство гуманизма,

жизнь человека — высшая ценность, это оттуда. В России все было совсем иначе, там человек был человеку волком! Целью образовательной реформы изначально являлось ограждение ребенка от систематического влияния родителей, разрыв «цепи времен», остановка процесса бесконечного «повторения ошибок»! И ты сознательно отвергаешь путь, который проделало наше общество, ради чего? Мнимой гордости?

— Просто заткнись и веди машину, — потребовал я, морщась от боли.

Директор истолковал мою гримасу неправильно и продолжил свои увещевания:

— А твое увлечение религией? Разве может разумный человек всерьез рассуждать о том, что наш мир создал некий бог? Теория Дарвина тебя ни в чем не убеждает? Как можно быть таким ограниченным? Одумайся! Одумайся, пока не поздно!

— Нравится думать, будто сдохнешь и сгниешь в могиле, как кусок испорченного мяса? Думай. А я православный. Я верю в бессмертие души.

— Самообман! Надо брать от жизни все и не забивать себе голову всякой ерундой!

— Вот и бери. А мне не мешай жить, как хочу.

— Да что ты вообще знаешь о христианстве? Эти фанатики людей на кострах сжигали!

— Те, с кем я общался, были приличными людьми. В отличие от... — Тут впереди замаячил освещенный фонарями подсветки фасад Библиотеки, и я усмехнулся: — Про гетеросексуальность даже не начинай. Просто не люблю, когда меня всякие пидоры лапают. — И распорядился: — Поворачивай к служебному входу!

Директор как-то странно глянул на меня, обреченно вздохнул и съехал с дороги.

Ну наконец-то! Наконец-то я добрался до Библиотеки! И пусть даже придется подождать до утра...

Но тут электромобиль проехал во двор, и у меня вырвался невольный всхлип.

Библиотеки не было. Точнее, была, но от нее остался один лишь фасад.

Освещенный уличной подсветкой фасад. Фантик. Яркая обманка...

— Нет никакого архива, — мягко произнес директор, — и не было никогда. Данные воспитанников подлежат уничтожению, мы заботимся о неприкосновенности личности...

У меня слезы на глазах навернулись.

Нет никакого архива? Выходит, все зря? Все это зря?!

Был один лишь пустой треп? Самообман?

— Роман, послушай, никому ничего не известно о твоей семье, поэтому...

— Закрой рот! — крикнул я, сразу взял себя в руки и, сдержав рвавшие наружу рыдания, потребовал: — Переключи управление в режим обучения, быстро!

— Так нельзя!

— Ногу прострелю!

Директор повиновался, я качнул револьвером и приказал:

— Вылезай!

Сам выбрался следом, обошел электромобиль и указал стволом на багажник.

— Открой! — А когда глава центра выполнил распоряжение, велел: — Залезай!

Директор не сдвинулся с места, и пришлось нацелить револьвер ему в лицо.

— Быстро!

— Не надо, — попросил тот. — Если ты полагаешь себя христианином, то вспомни основу этого учения: «Возлюби ближнего, как самого себя!»

Я отступил на шаг назад и повторил команду:

— Залезай!

— Да нельзя же понимать все так буквально! — взорвался директор. — «Ближний» — это не расстояние...

— Просто, чтобы кровью не забрызгало...

Глава центра искушать судьбу не стал и, жутко скорчившись, кое-как уместился в багажнике; я захолопнул крышку, обошел электромобиль и уселся за руль. Бросил револьвер на соседнее сиденье и зажал лицо в ладонях.

И что теперь делать? Как быть дальше? И...

...и тут спинка сиденья неожиданно навалилась и придавила к рулю!

Директор изловчился просунуть из багажника в салон руку; сильные пальцы нашарили шею и стиснули горло, перед глазами все поплыло, и стало невозможно сделать вдох.

Я захрипел, попытался высвободиться — безрезультатно.

— Отпусти! — просипел из последних сил, но без толку.

Тогда дотянулся до револьвера, прижал курносое дуло к обшивке сиденья и выжал спуск.

Хлопнуло неожиданно глухо.

Хлопнуло, и сразу ослабла хватка стиснувших шею пальцев, а салон заполонила кислая вонь пороховых газов.

И тогда воспоминание о семье, о заветной комнате с высоченным шкафом и прямоугольником залитого солнечным светом окна, посерело и умерло.

Мне оказался уже знаком этот запах. Ровно так же пахло в тот далекий день, когда меня забрали в систему.

И тогда, и сейчас пахло порохом и смертью.

И я как-то сразу понял, что у меня нет прошлого.

И не было его никогда. Ни прошлого, ни семьи.

Я отбросил с себя безвольную руку директора, задавил рвавшийся наружу всхлип и потер набитую на тыльной стороне ладони татуировку.

Три заветных кириллических буквицы «Р. П. Г.».

«Русские не сдаются», — вновь всплыла в памяти услышанная от кого-то фраза.

«Русские не сдаются», — и я выжал газ.

За Уралом свои правила? Вот и проверю.

Хватило бы только на дорогу пяти патронов...

СОЦИОПАТ

 Антон проснулся под утро, рывком сел на постели и едва сдержался, чтобы не закричать. Он снова видел во сне эту девушку, третью ночь подряд. Нелли ее звали, Н-е-л-л-и. Только в эту ночь, в отличие от двух предыдущих, Нелли пришла к нему в сон обнаженной. А затем, затем они начали проделывать такое, что Антон, вспомнив, покрылся холодным потом от стыда и отвращения. То, чем он занимался с Нелли во сне, было даже не постыдным, это было противоестественным, низким, просто ужасным. Антона передернуло. Он резко вскочил с постели и едва не упал от неожиданной слабости в паху, мгновенно подкосившей ему ноги и сделавшей их ватными.

— Сволочь, — сказал Антон вслух, — выродок, дрянь.

Ему захотелось с размаху влепить себе по лицу. С трудом удержавшись, Антон доковылял до санузла, перевалился через низкий борт ванны, шлепнулся на дно и на полную включил воду. Пару минут обрушившиеся на него тяжелые струи смывали слабость и стыд. Наконец, почувствовав себя лучше, Антон вылез, наскоро растерся полотенцем и, прошлепав босиком по кафелю, вернулся в комнату.

Он включил свет и с минуту с отвращением разглядывал свое жилище. Комната была стандартная, точно такая же, как любая из десятка тысяч каморок, в которых ютились питомцы интерната вплоть до его окончания. Шесть шагов вдоль, пять — поперек. Стол, пара стульев, кровать, шифоньер и компьютерный центр. И все.

Впрочем, нет, не все, на стене над кроватью висели две фотографии в рамках. Отец и мать — люди, давшие ему жизнь. Антон приблизился к снимкам и в который раз пристально их рассмотрел. Стиснул зубы и опустил глаза. Он не испытывал к этим людям ничего, абсолютно ничего. Ни благоговейного трепета, с которым говорили о своих родителях прочие, ни даже элементарного уважения. Эти двое дали жизнь ему, Антону Валишевски, так что с того? Они, как и все остальные родители на Земле, даже не знали, как выглядят их сыновья или дочери.

Антон сел на кровать и, подперев кулаком подбородок, задумался. Почему именно Нелли Семенова, ничем, в общем-то, не примечательная девчонка из параллельного класса? Он и внимания на нее особо не обращал. Ну да, короткие русые волосы, тонкая шейка, ноги стройные, что еще? Ничего, разве что большие карие глаза. Какие-то особенные, только неясно чем. С минуту Антон думал, в чем особенность больших карих глаз. «Внимательные», — неожиданно пришло нужное слово. Точно: когда неделю назад они случайно разговорились, Нелли смотрела на Антона со вниманием. Так, как смотреть было не принято и даже неприлично. Отводить глаза при разговоре и тем самым не смущать собеседника входило в правила поведения. Их преподавали еще в начальных классах, на уроках этики.

Итак, девушка с внимательными карими глазами. И с ней Антон во сне вытворял непотребное. Он вспомнил ругательный архаизм, которым называли подобные занятия, — секс. Противное слово, свистящее какое-то, змеиное.

Оглушительный стук в дверь выбил из Антона задумчивость. Так колотить мог один только человек — его брат по отцу Жак Валишевски.

«Как всегда вовремя», — саркастически подумал Антон.

— Открыто, входи уж! — крикнул он.

Жака Антон не переваривал. Толстый, шумный и жизнерадостный о-брат был почти полным его антиподом, и буквально все, что бы тот ни делал, вызывало у Антона неприятие напополам с раздражением.

Жак стремительно ворвался в комнату, мгновенно заполнил собой все свободное пространство и, отчаянно жестикулируя и брызгая слюной, приступил к разглагольствованиям. В слушателе он не нуждался, и Антон, улегшись на кровать и положив руки под голову, принялся терпеть. Обычно Жака хватало минут на десять. Антон засек время и уставился в потолок.

— И тогда я отпасовал назад Барковскому, — азартно выплевывая слова, тараторил Жак, — а сам рванул по правому, так эта сволочь Барк вместо того, чтобы вернуть мяч мне, пнул его назад, этому идиоту, как его — Максу. Ну, такому длинному с двенадцатого «Ж», так тот, нескладеха, запутался в собственных ногах да как навернется, гы-гы-гы. Вот же урод, а! Это у него, считай, семейное. О-брат его дуралей дуралеем, а м-сестра — та вообще фифа, ходит вечно одна, нос задирает. Какая-то вся из себя задрипанная, как ее там, Нелли, вот.

— Слышишь, заткнешься ты наконец?! — Антон неожиданно для самого себя вскочил, метнулся к о-брату и схватил его за грудки. — Сам ты задрипанный. Достал уже своим футболом.

— Тоха, что с тобой? — оторопел Жак. — Нехорошо себя чувствуешь, что ли? Ты чего на брата-то бросаешься?

— Ладно, прости, — Анто́н сделал шаг назад и снова опустился на кровать. — Слушай, Жаконя, ты сны видишь?

— Просил же не называть меня так, — на мгновение обиделся Жак, но через секунду вновь обрел обычную жизнерадостность. — Вижу, — сообщил он. — Правда, редко.

— И что тебе снится?

— Да ерунда всякая, разве упомнишь. Недавно куча дерьма приснилась. Большая. Ты почему спрашиваешь?

— Да так. Ты, кстати, зачем ко мне ходишь-то?

— Как зачем?! — возмутился Жак. — К кому же мне приходиться, как не к тебе и к Лори? Больше у меня нет никого, только вы двое. Вот я и к тебе... А ты не рад, что ли? Лори-то дрыхнет еще.

Лори — так звали сестру Жака по матери. Антон внезапно подумал, что завидует бесхитростному и искреннему в своих привязанностях о-брату. У того двое родных людей на земле, вот он и любит обоих. Так, как всякому человеку положено — любить обоих живых кровных родственников и почитать обоих мертвых. И вовсе Жак не виноват, что его о-брат Антон такая сволочь.

«Зато м-сестра у Жака приличная девчонка, — подумал Антон о полной, добродушной и улыбчивой Лори. — Возможно, будь у меня сестра вместо одного из братьев, и я был бы другим».

— Ладно, Жак, — Антон вымученно улыбнулся брату. — Ты ступай пока, иди, разбуди Лори, в кафетерии встретимся.

Жак кивнул, потрепал Антона по плечу, гоготнул пару раз, отмочил на прощание несмешную шутку и, наконец, убрался. Выждав с минуту, Антон наскоро оделся и вышел из комнаты. Многокилометровый кольцевой коридор интернатского жилого корпуса был почти пуст. Завтрак еще не начался, и питомцы досыпали последние минуты. Быстрым шагом миновав полсотни стандартных нумерованных дверей, Антон добрался до лестничной развязки. Десятки эскалаторов, причудливо и хищно скалясь зубьями ступеней, разбегались отсюда по верхним и нижним этажам. Антон ловко вскочил на скоростной и тремя уровнями выше с не меньшей сноровкой прыгнул. Через минуту он уже стучался в комнату Рауля Козна, своего брата по матери. В отличие от здорового, бесцеремонного и болтливового Жака, Рауль был subtilen, сдержан и немногословен. Антон не любил м-брата, но и не презирал, как навязчивого недалекого Жаконю. В любом случае, Рауль был единственным человеком, который мог выслушать и, возможно, дать добрый совет.

— Слушай, Ра, — взял быка за рога Антон, едва обменявшись с братом приветствиями, — тут такое дело, ты сны видишь?

— Хороший вопрос, — Рауль задумчиво посмотрел на брата и сразу отвел глаза. — Особенно с утра. Ну, допустим, вижу. И что? Ты для этого пришел? Пошли-ка лучше завтракать.

— А что именно ты видишь? — не отставал Антон. — Или, точнее, кого? В общем, так: тебе когда-нибудь снились женщины?

— Вот что, — присвистнул Рауль. — Тебе снилась наша мама? Наконец-то.

— Ра, мама здесь ни при чем. Понимаешь, я вижу один и тот же сон. Вот уже третий раз подряд. Только сегодня он был, как бы тебе сказать... В общем, Ра, со мной случилось то, о чем нам вдалбливают вот уже который год. Патология. Я страшно испугался. Понимаешь, я... — Антон запнулся.

— Ну, говори, — подбодрил Рауль. — Продолжай уже, раз начал. И, пожалуйста, всю правду.

— Я всегда говорю правду.

Рауль кивнул. Врать Антон не умел. С детства. И неспособность к вранью не раз выходила ему боком.

— В общем, я пришел в ужас, — быстро проговорил Антон. — Я видел во сне девушку. Не просто девушку, а вполне конкретную. И я... Я занимался с ней этим самым. Сексом. Это было отвратительно, Ра. Как животные, словно какие-нибудь собаки, помнишь учебный фильм? Не знаю, что теперь делать. И я подумал...

— Ты подумал, что я тоже вижу подобные сны, — догадался Рауль, — только не признаюсь, так?

— Да, что-то в этом роде.

— А с Жаком ты разговаривал?

— Вкратце. Но Жак — особый случай.

— Понятно. Ты обязан доложить наставнику, Антон. Это действительно опасно. Для тебя опасно. Я не видел таких снов, но, случись мне, я немедленно поставил бы в известность наставника. И ты должен это сделать. Хочешь, пойдём к старому Отто вместе?

— Угу, — саркастически буркнул Антон. — И он решит, что я ненормальный. В лучшем случае — отправит в стационар лечиться. В худшем... Нет, Ра, к наставнику я не пойду. Подожду пару дней, надеюсь, само собой прекратится.

— А если не прекратится? Учителя говорили на этот счет вполне определенно. Если тебя начинают преследовать видения, связанные с... — Рауль запнулся, — с сексом,неважно, во сне или наяву — это явная патология. Угроза для психики, самая серьезная из возможных.

— Да знаю, — потупился Антон. — Ладно, я подумаю. Пара дней ничего не изменит.

— Ну, смотри сам, — Рауль поднялся. — Пара дней — действительно не изменит. Но спасибо, что ты доверился мне, Тош. Вместе мы как-нибудь сладим с твоей бедой. А сейчас погнажи завтракать. Ты как, сочинение уже отослал?

— Черт! — хлопнул себя по лбу Антон. — Хорошо, что ты напомнил. Я за него даже не сажился. Вот же дубина, ведь сегодня последний срок.

Отто Фролов намеренно оставил сочинение этого парня напоследок. За многие годы практики в качестве наставника выпускных классов Отто случалось повидать всяких учеников. Были среди них и такие, на которых Фролов, исчерпав все меры и скрепя сердце, писал докладную в директорат. До сих пор он ни разу не ошибся — фигуранты докладных все как один были признаны особыми комиссиями «вне социума» и из цивилизованных мест выдворены. Кто в Гренландию, кто на Таймыр, кто в Антарктиду. Такое случалось нечасто, но все же случалось, и всякий раз Фролов потом мучился угрызе-

ниями совести. Немало времени проходило, прежде чем ему удавалось вновь обрести душевное равновесие и убедить себя, что он не имел права выпустить в демократическое общество потенциального анархиста, убежденного бунтаря и ниспровергателя основ.

Фролов одно за другим бегло считывал с экрана сочинения выпускного двенадцатого «Ъ» класса и привычно выставлял оценки. Недюжинный опыт позволял автоматически регистрировать уровень владения речью, умение выражать свои мысли и, самое важное, отношение автора к изложенному. Отклонения от среднего уровня, как обычно, оказались не слишком значительными. За неполных полтора часа Отто справился с работой и позволил себе на минутку расслабиться. Оставалось последнее сочинение, и, прежде чем взяться за него, наставник хотел настроиться на максимальную объективность. Забыть о том, что ему крайне симпатичен этот парень, Антон Валишевски. Забыть, что наивысший на потоке уровень интеллекта и полная неспособность лгать сочетаются у Антона с доходящими до абсурда и фанатизма упрямством, своеволием и необъяснимым неприятием правил и прописных истин.

Выдержав паузу, Отто, наконец, собрался, вздохнул и загрузил в редактор последний нечитанный файл. С первого взгляда он понял, что дело плохо. Тема сочинения «Какими будут мои дети», обведенная жирной траурной рамкой, глумилась притороченными справа и слева рожицами. Фролов не очень хорошо разбирался в последних достижениях в области смайликов и запросил подсказку. «Меня только что вырвало», — пояснила

левая рожица. «Похоже, я вляпался в дерьмо», — сообщила правая.

подавив раздражение, Фролов заставил себя читать. Все сочинение занимало четверть страницы, и Отто пробежал текст глазами от начала до конца меньше, чем за полминуты. Закончив, он обнаружил, что сидит с открытым ртом. Такого за все годы практики ему еще читать не приходилось.

«Потратив немало времени на обдумывание, — значилось под украшенной глумливыми рожицами темой, — я пришел к выводу, что мне на этот вопрос наплевать. А именно, плевать я хотел на то, какие два ублюдка от меня произойдут, если ни одного из них я никогда не увижу. Мне также абсолютно безразлично, кто будущие матери обоеих выродков. Не понимаю, почему этому вопросу придадут такое значение, и думаю, что вряд ли когда пойму. Фотографии родителей «украшают» мою комнату с рождения, но я не испытываю ничего кроме неприязни к обоим покойникам. Так же, как не испытываю положенных родственных чувств к м-брату, а о-брата попросту презираю и считаю придурком».

Фролов вскочил и зашагал по помещению. Как наставнику, ему полагалась персональная жилая комната в интернате — роскошь, доступная только педагогам со стажем. Будни Фролов проводил здесь и лишь на выходные перебирался в собственное жилище — двадцатиметровую студию на тридцать шестом этаже пирамидальной свечки в центре жилого квартала мегаполиса. Работу свою Отто любил, гордился ее значимостью и с удовольствием дарил сэкономленное на дорогу время тем ученикам, которые нуждались в его помощи, со-

ветах или твердой наставнической руке. Сейчас Отто сознавал, что помощь необходима Антону Валишевски, парня надо было вытягивать и буквально спасать. Подростку пятнадцать, самый опасный возраст, до стерилизации почти целый год. Если не вмешаться, то достаточно очевидно, к чему это может привести. Наставник прекратил мерить шагами комнату и опустился в телёскопическое кресло, которое послушно приняло удобную для сидения форму. Он не был уверен, как ему поступить. Несколько раз он писал ходатайства в министерство образования и ратовал за принятие закона о досрочной, в исключительных случаях, стерилизации. Мнение Фролова разделяло множество коллег, однако все усилия разбивались о консерватизм и твердолобость министерских крючкотворов. Якобы опасность неполноценности семенников или яйцеклеток, извлеченных до достижения донором шестнадцатилетия, слишком велика. То, что в некоторых случаях опасность для самого донора значительно превалировала над всеми прочими, чинуши удачно пропускали мимо ушей.

Фролов выругался про себя и повернулся к монитору. Наставник принял решение — он займется парнем. Для начала поговорит с его родней. Фролов раскрыл папку с личными делами учеников. Главной файл был выполнен в виде диаграммы из кружков и соединяющих их стрелок. От кружка с надписью «Антон Валишевски» отходили две. Одна — к о-брату Жаку Валишевски, другая — к м-брату Раулю Коэну. Фролов споро просмотрел компиляции на обоих. Интеллектуальный уровень Жака «оставлял желать». Возможно, поэтому Антон и относится к нему неуважительно. Пожалуй, следует начать с м-брата. Поиграв электронным карандашиком над

папкой с файлами, Фролов быстро составил стандартный «вызов к наставнику» и отправил его Раюлю Коэну. Что ж, они вместе попытаются помочь Антону. И тот, с его умом, оценит и поймет, должен понять. А поняв, умерит свой юношеский запал и остепенится. Обязательно умерит, уж Отто постарается. Ну, а если нет... Фролов закрыл глаза. Значит, так тому и быть, но по крайней мере он сделает все, что от него зависит.

— Я чувствовала, что ты придешь, — сказала Нелли. — Не знаю почему. Может быть, из-за того, что ты так похож на моего брата.

— Ты имеешь в виду Макса? — спросил Антон. — Я знаю его, он играет в футбол в одной команде с моим братом Жаком. Но, слушай, я совершенно не похож на Макса.

Они не спеша двигались вдоль по аллее интернатского парка. До обеда Антон промаялся, все валялось из рук, он, не переставая, думал о давешнем сне, пока не обнаружил, что дело уже не в нем, а в той, кто ему приснилась. Залпом настрочив ненавистное сочинение, Антон отправил его наставнику и решительно поднялся. Через десять минут он уже постучал в Неллину комнату и предложил ей «задвинуть» ужин. Уговаривать девушку не пришлось, и вот теперь они медленно брели по крытой мелким щебнем тропинке.

— Нет, не на Макса, — задумчиво ответила Нелли. — Макс — мой брат по матери. Ты похож на моего о-брата, Антон. Нет, нет, не внешне. У него тоже был один из самых высоких на потоке уровней интеллекта. Он, как и ты, старался смотреть людям в глаза. И он всегда говорил то, что думает.

— Я не знаком с твоим о-братом, — признался Антон. — Извини, мне, конечно, следовало бы больше знать о тебе. Тем более что, я вижу — ты интересовалась моими данными. Как зовут твоего брата?

— Роман Семенов. Но ты и не мог его знать. Он был на год старше нас с Максом.

— Этого не может быть, — Антон резко остановился. — Как это — старше? И почему ты говоришь о нем в прошедшем времени?

— Антон, ты действительно хочешь об этом знать?

— Ну да, конечно. Иначе не стал бы спрашивать.

— Что ж... ладно. Наши родители, естественно, умерли в один год. Каждому, как и положено, сравнялось сто восемьдесят. Но вот первое наше с Максом рождение не удалось — у мамы было что-то не в порядке с базовыми яйцеклетками. И нам дали второй шанс, использовали пару из резерва.

— Теперь понимаю, — кивнул Антон. — Я читал о таких случаях. Но думал, что они крайне редки. Получается, что Роману уже больше шестнадцати, он закончил школу, прошел стерилизацию и, вероятно, поступил в университет, так?

— Нет, не так, — Нелли опустила голову. — Он не закончил школу, ему не дали.

— В каком смысле «не дали»?

— В прямом. Наставник написал на него докладную в директорат. Решением особой комиссии мой брат был признан «вне социума» и выдворен в Антарктиду. Без права на возвращение, разумеется. Я даже не уверена, что в Антарктиду — так мне сказали, но разве это проверишь? Ты все еще хочешь продолжать разговор?

— Я, я... — Антон остановился и неожиданно взял Нелли за руки. — Так твой брат, получает... — Он запнулся и вдруг неожиданно для себя самого выпалил: — Знаешь, я думаю, что хотел бы быть на его месте.

Они остановились, и Нелли мягко отняла руки.

— Ты сейчас сказал глупость, — медленно проговорила она. — Быть выдворенным в глушь — это несчастье. А если мы будем держаться за руки в общественном месте и нас увидят, то это несчастье может случиться и с нами.

— Я иногда думаю, что живу в сумасшедшем доме, — сказал Антон. — Только не знаю, кто сумасшедший — я или все остальные. Логика подсказывает, что псих — я, хотя бы по теории вероятностей. Но вот рассудок, понимаешь... Я считаю идиотством, что человека могут осудить, если он держал кого-то за руки. Или за то, что он думает не совсем так, как ему велят. Или за то, что он видит сны, которые якобы представляют угрозу для общества. Общество должно сплошь состоять из кретингов, если ему грозят чьи-то сны.

— А ты видишь плохие сны, Антон?

— Да, вижу, вот уже третью ночь подряд, — Антон отчаянно покраснел и выпалил: — Уже третий раз подряд я вижу во сне тебя.

— Меня? — теперь покраснела Нелли. — И я, что я делала в твоём сне?

Антон поднял глаза и посмотрел на девушку в упор.

— Мы оба делали, — коротко сказал он. — Мы лежали в одной постели и занимались ужасными вещами. Можешь ударить меня, вон валяется подходящая доска, буду благодарен, если залепишь ею мне по морде. В моем сне мы с тобой занимались сексом.

«Насколько же похожи братья», — подумал Отто Фролов, глядя на вошедшего в классную комнату Рауля. Их даже можно спутать, если не приглядываться внимательно. Оба худощавые, даже поджарые, тот же разрез глаз и одинаковый цвет волос — иссиня-черный. Оба высоколобые, скуластые, смуглые. И все же Рауль Коэн чем-то разительно отличался от брата, только чем именно, наставник понять не мог.

— Садись, — сделал он приглашающий жест. — Ты знаешь, зачем я позвал тебя?

— Откуда мне знать, наставник? — улыбнулся Рауль, — но я думаю, что догадываюсь. Видимо, речь пойдет о моем м-брате.

— Да, о нем. Скажи мне, какие у вас отношения?

— Ну, мы же братья, наставник, — ответил Рауль после короткой паузы. — Братьям положено питать друг к другу родственные чувства.

— Да, конечно, Значит, ты относишься к Антону так, как и положено брату. Расскажи мне о нем. Все, что считаешь нужным. Не торопись, подумай, возможно, от того, что ты скажешь, для него будет зависеть многое.

— Хорошо, — Рауль поудобнее устроился в кресле. — Антон — звезда, об этом все знают, наставник. Исключительные способности к техническим предметам. Математика многомерных пространств, самообучающиеся системы, физика высоких энергий, квантовая астрономия... Победитель и призер евразийских олимпиад по всем этим дисциплинам. Уровень интеллекта...

— А своими словами? — прервал Фролов. — Все, что ты сказал, можно прочитать в личном деле Антона. Меня интересует то, что туда не вошло.

— Своими? Что ж, можно и своими. В Сети шарит как никто. Да и в компах вообще проблемы решает на раз. Поисковиками крутит — заглядишься.

— Понятно. Ну, а если отвлечься от технических деталей? Вот основной вопрос — как ты полагаешь, достойный ли член общества выйдет из твоего брата?

— Вы хотите правду, наставник?

— Да, разумеется. И чувствуй себя спокойно — твои слова останутся между нами, я не собираюсь ссылаться на них, что бы ты ни сказал.

— Ладно. Я думаю, что таким, как Антон, не место среди нас, наставник. Мне кажется, он ненавидит социум. Он и родителей своих ненавидит, на могилу мамы со мной не ходил ни разу. Говорит, что плевать хотел. Что мама ничего не сделала для него, и он ей ничем не обязан. То же насчет отца. И потом — занятия. Социологию, психологию, этику за науки не считает. Говорит, что не верит, называет болтологией, демагогией и мракобесием. Однажды сказал — вандализм. Это когда разбирали соглашение между мужчиной и женщиной о рождении совместного ребенка.

Отто Фролов, скрестив на груди руки, молчал. Ему случалось видеть, как братья и сестры из всех сил выгораживали своих. Единственных близких им на свете людей, тех, которых любят несмотря ни на что. Этот же парень, Рауль Коэн... Он завидует, понял Фролов, вот в чем причина. Завидует брату, оказавшемуся способнее и умнее. Надо же, какая дрянь.

— Еще что-нибудь хочешь сказать? — Отто встал с кресла, стараясь не смотреть на воспитанника. Фролову казалось, что его изрядно вымазали в грязи.

— Да, наставник. Хочу. Антон видит сны. Часто. Во сне он, мне стыдно об этом говорить... В общем, во сне... Во сне он занимается сексом.

Фролов подался вперед. «Этого только не хватало», — с горечью подумал он. На остальное можно было бы закрыть глаза, но это... Первый, он же основной признак неисправимого социопата — повышенное либидо. Пробившееся через подавляющее воздействие ингибиторов, обильно поглощаемых вместе с пищей подростками, которые еще не прошли стерилизацию.

— Как давно? — хрипло спросил Фролов.

— Что как давно, наставник?

— Как давно он видит такие сны? Почему не пришел с этим ко мне или к кому-нибудь из учителей?

— Давно, наставник. Я уговаривал его сообщить вам, но Антон отказался.

— С кем он занимается во сне сексом? Имя девушки?!

— Этого я не знаю, наставник. Но могу узнать. Антон совершенно не гибкий, он не умеет изворачиваться. И лгать не умеет.

— Хорошо. Спасибо, ты помог мне. Можешь идти.

Пару минут спустя после ухода Рауля Фролов понял, чем именно отличаются братья. Рауль Козн попросту походил на копию, слепленную с Антона Валишевски. Но копию небрежную, пошарпанную, второразрядную. И неудачную.

— Рома был совершенно неординарным парнем. Он на многое смотрел не так, как все, по-другому.

Антон не прерывал девушку. Они сидели на парковой скамейке. Вечерние сумерки затянули

мир вокруг них серо-коричневым мрачноватым покрывалом. Громоздкий, уродливый, слившийся до неба с горизонтом жилой комплекс интерната зловеще мигал пятнами света из врезанных в стены глазниц-окон. Фонари еще не включили, и парк, оцетинившись кронами лиственниц, настороженно замер.

— Рома считал, что нам постоянно врут, — тихо рассказывала Нелли. — Иногда он говорил совершенно ужасные вещи. Однажды сказал мне, что стерилизация, через которую проходит каждый цивилизованный человек, едва ему сравняется шестнадцать — не только, и даже не столько комплекс процедур, обеспечивающий иммунитет и долголетие. И, якобы, в основном стерилизация — это хирургическое вмешательство. Оно лишает человека способности к репродукции и отнимает у него заложенное природой желание воспроизвести себя. И, тем самым, лишает основного драйва, ради которого люди жили раньше. Подменяя этот драйв другими ценностями — долголетием, праздностью, самодостаточностью. Я запомнила Ромины слова, но какой драйв он имел в виду — не знаю.

— Подожди, — попросил Антон. — Дай мне пару минут, у меня застряла в голове какая-то мысль. Я чувствую, что она важная, но никак не могу сообразить.

Нелли замолчала, и Антон, откинувшись на скамейке, закрыл глаза.

Только не торопись, сказал он себе. Не дай тому, что промелькнуло пару мгновений назад, ускользнуть. Надо сосредоточиться, проанализировать известные вещи и понять, как они сочетаются с тем, что он только что услышал.

Итак, каждый человек на Земле проходит стерилизацию. До этого, начиная с четырех лет, его готовят к тому, как он будет жить после нее. И утверждают, что жить он будет прекрасно. Непосредственно перед стерилизацией детородные клетки человека извлекают и замораживают. Их иницируют сразу после его смерти. Которая наступает в возрасте ста восьмидесяти лет путем искусственного и безболезненного прерывания жизни. К ста восьмидесяти годам организм исчерпывает себя, и жить дальше становится нецелесообразным. За время жизни каждый мужчина заключает с двумя женщинами одного с ним возраста соглашение о рождении совместного ребенка. И, соответственно, каждая женщина — с двумя мужчинами.

Таким образом, население Земли остается неизменным — каждая пара единственный раз воспроизводит себя. Посмертно.

Считается, что принятие закона о всеобщей стерилизации — главное достижение цивилизации планеты за всю ее историю. Закон разом решил основные проблемы человечества, причем во всех областях. Прежде всего, демографические — численность населения начала медленно, но неуклонно сокращаться. Сокращаться за счет выдворенных в малопригодные для проживания области социопатов и небольшого количество умерших преждевременно. Довольно быстро обесценились деньги: люди прекратили стремиться к обогащению — их социальный статус перестал зависеть от материального положения, а стимул к накоплению капитала ради передачи его потомству исчез. Не стало необходимости во всеобщей занятости: желающие трудиться получали работу, желающие жить в свое

удовольствие могли беззаботно вести праздное существование. Автоматика успешно взяла на себя приличную часть неквалифицированных работ. Упала преступность, одну за другой искоренили болезни. А самое главное — справились с отвратительным вывертом природы. С тем самым, от которого человечество страдало с тех пор, как на Земле появились первые люди. С необходимостью спариваться — творить кошмарный, противоестественный акт. Доставлять детородные клетки друг к другу, совершая физическое проникновение в тело человека противоположного пола.

Антон передернуло от брезгливости, стоило ему подумать об этом. Секс — жуткое антигуманное извращение. Не говоря о том, что антигигиеническое.

Антон открыл глаза, и в этот момент та мысль, которая пряталась и упорно не давалась, вдруг прострелила его. Она оказалась подобна озарению и миг перевернула стройную и отлаженную систему с ног на голову. Нет, наоборот, с головы на ноги, отчетливо подумал Антон.

— Нелли, — выдохнул он, обернувшись к девушке. — Я, кажется, понял.

— Понял что? — Нелли зябко поежилась. — Нам пора идти, Антон. Если нас хватятся...

— Подожди, это не займет много времени. Так вот, я понял. Понял, в чем нас надувают, да и все остальное понял. Смотри: в нас с детства вбивают, что физические контакты — зло. Что человеческая личность физически неприкосновенна. Секс — меня корежит, стоит мне не только произнести это слово, но и подумать о нем. И сейчас корежит. Я видел, как отвращение плеснулось у тебя в глазах, когда я признался, чем занимался с тобой во сне. Так?

★ Девушка кивнула. В свете включившихся парковых фонарей Антон увидел, как она стремительно покраснела.

— А теперь представь. Только на минутку. Представь, что секс это не зло, не отвратная мерзость, а наоборот. Не наказание человечеству, наложенное на него природой, а ее щедрый дар. И если это предположить, то все, абсолютно все перевернется. Понимаешь, я в своем сне испытывал нечто особенное. Какое-то необыкновенное, неведомое удовольствие. Сладкое, доводящее до истомы. Которое сменилось отвращением, стоило мне проснуться. И я подумал тогда: а что, если?.. Но мысль была мимолетной, через мгновение она исчезла, а вот теперь пришла опять, уже явственно. И тогда получается, что...

— Я знаю, что получается, — тихо сказала, почти прошептала девушка. — Об этом говорил мой брат. Он пришел к тому же выводу. Только он не называл это сексом. Роман говорил — любовь. А секс — лишь одна сторона ее, физическая. Но я не верила. Я боялась и не могла поверить. Даже когда он, когда его...

Нелли замолчала, и Антон увидел в ее глазах слезы. Не сознавая, что делает, он придвинулся, взял девушку за плечи и повернул к себе. Та вскинула на него бархатистые, влажные от слез глаза, их взгляды встретились, а еще через секунду встретились губы.

Антон не знал, сколько длился поцелуй. Жаркая волна захлестнула его, прошла по всему телу и остановилась в низу живота, а потом принялась накатывать оттуда на сердце, даря совершенно удивительное, ни с чем не сравнимое чувство.

— А, вот ты где, — сквозь сладкий дурман услышал Антон.

Он оторвался от девушки, резко обернулся и в луче света от паркового фонаря увидел своего м-брата.

— Я заскочил к тебе, смотрю — тебя нет, — скороговоркой затараторил Рауль. — Заглянул к Жаку, тот сказал, что видел тебя в парке. Ну, я и решил... Ох, прости, ты тут не один. Здравствуйте. Извините, что помешал. Так я пойду.

Рауль повернулся и быстро зашагал по аллее прочь.

— Антон, если он доложит наставникам, нам конец, — прошептала Нелли. — Обоим.

— Рауль никогда этого не сделает, он же мой брат. Нелли, я хотел сказать тебе: я сейчас чувствовал такое... Мне не описать. Это было...

— Я знаю, — девушка потупилась. — Я думаю, что чувствовала то же самое.

— Вы знаете, зачем мы вас пригласили? — пожилой мужчина в строгом сером костюме, морщинистый, с суровым неулыбчивым лицом, скользнул по Жаку беглым взглядом.

— Я... — простите, как вас называть? — большой жизнерадостный Жак, казалось, осунулся и выглядел сейчас неказистым и потерянным. — Я думаю...

— Можете называть меня доктором. Так что вы думаете?

— Это насчет моего о-брата Антона, доктор? — Жак растерянно обвел глазами помещение. За столом кроме «доктора» сидели еще двое мужчин, одетые так же, как и тот. — Я знаю, у него непри-

ятности. Но Антон, он, понимаете, он справится. Он особенный, мой брат Антон, он сильный, он, он... совершенно необыкновенный человек.

— Вот как. Что ж, эти качества ему пригодятся. С завтрашнего дня Антон Валишевски теряет евразийское гражданство. Он отправляется в Антарктиду, а там его дальнейшую судьбу определяют местные власти. У вас будет возможность попрощаться, для этого мы вас и пригласили.

Жак ошеломленно застыл. В Антарктиду... Им рассказывали о ней на уроках обществоведения. Дикие, отдаленные от цивилизации места, где люди непрестанно борются за жизнь. И мрут как мухи, некоторые не доживают и до шестидесяти. Вечная зима, снега и льды, дефицит электричества, питания, витаминов. Тяжелый труд, каторжный, школ нет или почти нет, дети растут дикарями...

— Доктор, что вы сказали? — пролепетал Жак. — Что вы сейчас сказали, доктор? Вы... — огромный грузный Жак рухнул вдруг на колени. — Вы что, доктор, только не он, я прошу вас! Только не Антон! Вы не можете, не смеете, вы не сделаете этого!

Жак грянулся на четвереньки и пополз к столу. Он уже не говорил, он голосил, подвывая, капли пота летели со ставшего багровым и страшным лица.

— Кто угодно, пусть это будет кто угодно, — заходился в крике Жак. — Пусть это буду я. Меня, меня отправьте во льды вместо него. Отправьте меня вместе с Лори! Но прошу, умоляю, только не Антона. Только...

Мужчина, который просил называть его доктором, резко встал.

— Уберите этого истерика, — брезгливо бросил он двоим появившимся в дверях здоровякам. — Хм-м, мне даже показалось, коллеги, — «доктор» повернулся к остальным, едва упирающегося Жака вытащили за дверь, — что парень не валял дурака, а просил нас чуть ли не искренне. Н-да... Ладно, давайте брата девчонки, как его, Макса Броше.

— Доктор, это ошибка, — долговязый нескладный Макс едва выговаривал слова. — Нелли — она же еще ребенок. Вы ее не знаете, она умница, послушная. Она правильная, доктор. Она же не выживет во льдах или где там, она там погибнет! Послушайте, ее о-брат, вы ведь знаете, его признали «вне социума». Она всегда говорила, что Роман ошибался. Она отреклась от него, она...

— Вы можете поклясться в этом? — «доктор» посмотрел на Макса с интересом. — В том, что ваша сестра не разделяет взглядов выдворенного в Антарктиду Романа Семенова?

— Да, — Макс побагровел. — Могу поклясться. Клянусь.

— Нехорошо начинать сознательную жизнь с клятвопреступления, — мягко сказал «доктор». — Но мы прощаем вас. Вы хороший брат и любите свою сестру. Вернее, уже можно сказать «любители». Не волнуйтесь, на Южном полюсе тоже живут люди. И на Северном, и еще в разных довольно диких местах. Не так хорошо, как в цивилизованных, и далеко не так долго, но живут. У них там другие законы и другой уклад. И на здоровье, мы ничуть не против. Но мы здесь будем жить так, как считаем нужным. И тех, кто не хочет, не желает и не ценит, мы не удерживаем. Мы от них избавляемся, и пусть

скажут спасибо, что их просто выдворяют. В прежние времена с бунтовщиками не церемонились, их уничтожали. Вам все понятно? Идите. Вам предложат пятиминутное свидание с сестрой.

Наставник выпускных классов Третьего евразийского интерната Рауль Коэн живет в комнате, которую до него занимал ныне покойный Отто Фролов. Дети почему-то недолюбливают Коэна, хотя он и уделяет им немало свободного времени. Рауль еще не подписал соглашения о рождении совместного ребенка ни с одной женщиной, и это его беспокоит, ведь незанятых кандидатур становится все меньше. Однако он остерегается предлагать соглашения после первой попытки, неудачной. Лори Милорава, м-сестра Жака Валишевски, та единственная, которой Рауль оказал честь, сделав ей предложение о рождении совместного ребенка, ему отказала. Лори — известная общественная деятельница, председатель особой комиссии по делам несовершеннолетних, опубликовала причины отказа на личном сайте в Сети. Коэн написал в министерство жалобу. Он обвинил Лори в клевете, и ее заставили снять статью за отсутствием прямых доказательств в доносительстве, но Рауль все равно чувствует косые взгляды коллег и даже учеников. Впрочем, Рауль гонит от себя воспоминания, связанные с его м-братом Антоном Валишевски, а, значит, и о том, что было написано в статье Лори, не вспоминает.

Жак тоже остался работать в интернате — тренером футбольной команды. Он нередко встречается Рауля, но всякий раз проходит мимо, словно они не знакомы.

Макс Броше отказался от стерилизации. Он был признан «вне социума» и выдворен на Таймыр без права на возвращение. Многие, правда, говорят, что не на Таймыр, а на остров Врангеля.

Океанолог Нелли Валишевски трагически погибла на плавучей станции «Южная», полгода не дожив до шестидесяти. Ее муж, директор полярной гимназии Антон Валишевски, пережил Нелли ненадолго, он тихо скончался в директорском кабинете на третий месяц после похорон. Четверо их детей и дюжина внуков регулярно счищают снег со стелы на общей могиле. И меняют ленту на венке из искусственных цветов. Надпись на ленте, впрочем, не меняется никогда:

«Они могли жить долго, но не стали. Они могли жить беззаботно, но не захотели. Они просто не желали жить друг без друга».

СЕМЕЙНЫЙ ПЕРЕЖИТОК

Наталья Болдырева. ЧУЖИЕ	11
Леонид Каганов. ПРОДАВЕЦ СЛУЧАЙНЫХ ЧИСЕЛ	32
Олег Дивов. МЕДВЕЖЬЯ УСЛУГА	68
Алекс Громов, Ольга Шатохина. ИСТОРИЯ МОЕЙ ПАРЫ	117
Сергей Игнатъев. К.Г.А.М.	139
Андрей Николаев, Сергей Чекмаев. СТАНДАРТ	157
Михаил Кликин. ДИНОЗАВРЫ	184
Михаил Тырин. ОТПУСК ЗА ХРАБРОСТЬ	202
Дмитрий Емец. КОНЕЦ СВЕТА	219
Арон Шемайер. МАШО И МЕДВЕДИ	242

ДЕТИ БЕЗ ДЕТСТВА

Яков Будницкий. КОРОТКИЙ ПОВОДОК	319
Вадим Панов. АНГЕЛ	343
Юлия Рыженкова. ШУША	375
Виктория Балашова. МАМА, Я ПЛАЧУ	393
Дмитрий Володихин. БЕСПОЩАДНО	453
Борис Георгиев. ВОШКИ	462
Юрий и Татьяна Бурносовы. ...ИБО НЕ ВЕДАЮТ, ЧТО ТВОРЯТ	502
Павел Корнев. Р.П.Г.	521
Майк Гелприн. СОЦИОПАТ	549

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

СЕМЬИ.NET

Ответственный редактор *И. Минаков*
Редактор *С. Чекмаев*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *И. Кобзев*
Корректор *И. Гончарова*

ООО «Издательство «ЭКСМО»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «ЭКСМО»
Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 09.04.2014. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Балтика». Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24.
Тираж 3100 экз. Заказ № 5627.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-72494-9

9 785699 724949 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46.

Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховского Оборона, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

СЕМЬИ.net

В мире ближайшего будущего полностью отказались от традиционной семьи. Общество давно готовили к этому, информационные атаки на привычные ценности велись с разных сторон – здесь смещение приоритетов в сторону карьеры, успеха, звездного статуса и идеология гедонизма, ювенальная юстиция и чайлдфри, однополые семьи... И вот – случилось. Что же дальше? Как будет выглядеть бессемейное человечество?..

Олег Дивов, Вадим Панов, Дмитрий Емец, Леонид Каганов, Павел Корнев и другие в традиционном сборнике о будущем, которое всех нас ждет!

СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ
литературные проекты

ISBN 978-5-699-72494-9

9 785699 724949